ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1918 ~ 1921

ТОМ II

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КРАСНОЙ АРМИИ

В. И. Клабак

ИЗДАТЕЛЬСТВО • ВОЕННЫЙ • ВЕСТНИК

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1918—1921

В ТРЕХ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ:

А. С. БУБНОВА, С. С. КАМЕНЕВА и Р. П. ЭЙДЕМАНА

1928

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК»

МОСКВА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1918—1921

ТОМ ВТОРОЙ

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КРАСНОЙ АРМИИ

1928
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК»
МОСКВА

Главлит № А–15.988 Гиз № 26.869 Тираж 7.000

«Мосполиграф», 14-я тип. Варгунихина гора, 8. Зак № 957.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК
КОПИЙ С ПОДЛИННЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПОМЕЩЕННЫХ ВО ВТОРОМ ТОМЕ

(Копии предоставлены Институтом Ленина)

22/I 918.

№ 231

Протокол 47
пункт 7

УПРАВЛЕНІЕ ДѢЛАМИ
Совѣта Народныхъ Комиссаровъ
...
4/II 1918 г.
Вход. № 5112

ДЕКРЕТЪ

Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

" Января 1918 г.

г. Петроградъ.

Старая армія служила орудіемъ классоваго ~~гнета въ рукахъ~~ угнетенія трудящихся буржуазіей. Съ переходомъ власти къ ~~пролетаріату и бѣднѣйшему крестьянству~~ трудящимся и эксплуатируемымъ классамъ возникла необходимость созданія новой арміи, которая явится оплотомъ Совѣтской власти въ настоящемъ, и фундаментомъ для замѣны ~~регулярныхъ войскъ~~ постоянной арміи всенароднымъ вооруженіемъ въ ближайшемъ будущемъ и послужитъ поддержкой для грядущей Соціалистической революціи въ Европѣ.

I.

Въ виду этого Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ постановляетъ: организовать новую армію подъ названіемъ "Рабоче-Крестьянская Красная Армія", на слѣдующихъ основаніяхъ:

1/ Рабоче-Крестьянская Красная Армія создается ~~безъ принужденія и насилія: она состоитъ только изъ добровольцевъ~~ изъ наиболѣе сознательныхъ и организованныхъ элементовъ трудящихся массъ.

Доступъ въ ея ряды открытъ для всѣхъ гражданъ Россійской Республики не моложе 18 лѣтъ. Въ Красную Армію поступаетъ каждый, кто готовъ отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваній Октябрьской Революціи, власти Совѣтовъ и соціализма. Для вступленія въ ряды Красной Арміи необходимы рекомендаціи: Войсковыхъ Комитетовъ или Общественныхъ Демократическихъ организацій, стоящихъ на платформѣ Совѣтской власти, партійныхъ или профессіональныхъ организацій или по крайней мѣрѣ двухъ членовъ этихъ организацій. При вступленіи цѣлыми частями требуется круговая порука всѣхъ и поименное голосованіе.

II.

1/ Воины Рабоче-Крестьянской Красной Арміи состоятъ на полномъ Государственномъ довольствіи и сверхъ сего получаютъ ~~не менѣе~~ 50 руб. въ мѣсяцъ.

2/ ~~Малолѣтнія дѣти, жены и~~ Нетрудоспособные члены семей ~~добровольцевъ~~ солдатъ Красной Арміи, находившіеся ранѣе на ихъ иждивен-

обеспечиваются всеми необходимыми

ніи, получаютъ натурою квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, одежду, обувь, хлѣбъ, жиры и другіе продукты по мѣстнымъ потребительнымъ нормамъ, согласно постановлениям местных а гдѣ таковыхъ нѣтъ - по мѣстнымъ нормамъ довольствія арміи, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ населеніе нуждается въ пищевыхъ продуктахъ, взамѣнъ видовъ довольствія продуктами выдаются металлическія издѣлія, необходимыя для хозяйства, и мануфактура.

ПРИМѢЧАНІЕ: Семьи солдатъ Красной Арміи пользуются безплатной медицинской санитарной помощью. органов Советской власти

III.

Верховнымъ руководящимъ органомъ Рабоче-Крестьянской Красной Арміи является Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Непосредственное руководство и управленіе арміей сосредоточено въ Комиссаріатѣ по военнымъ дѣламъ въ созданной при немъ особой Всероссійской Коллегіи.

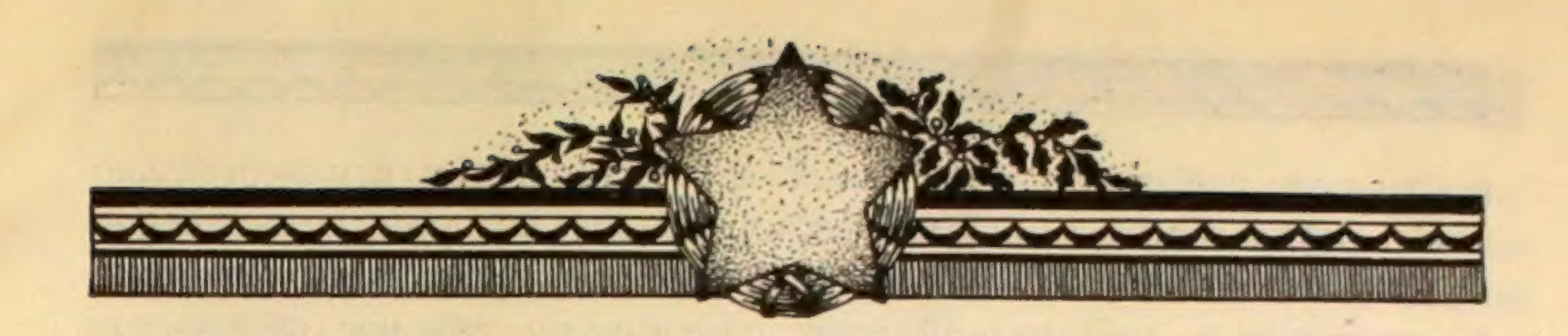
Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ В. Ульянов (Ленин)

Народный Комиссаріатъ по военнымъ дѣламъ Н. Крыленко Н. Подвойский

Управляющій дѣлами Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Влад. Бонч-Бруевич

Секретарь Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

[illegible signatures]

ПРЕДИСЛОВИЕ

ТОРОЙ том «Гражданской войны» представляет собой попытку охватить в виде отдельных тем круг вопросов организационного, тактического, оперативного, военно-политического и военно-экономического порядка, связанных с изучением ее опыта. Мы говорим *попытку*, ибо состояние изучения нашего прошлого, к сожалению, не дает нам возможности претендовать в настоящее время на нечто большее, и данная книга есть, по существу, первый наш опыт в деле изучения этого огромного по богатству тем и сложности комплекса вопросов. Поэтому было бы величайшей ошибкой подходить к данной работе, как к чему-то законченному и в отношении охвата самой темы в целом и в отношении исчерпывающего использования исторического материала, а также и в отношении окончательности и, так сказать, непогрешимости содержащихся в ней выводов.

Промахи и несовершенства настоящего тома, совершенно неизбежные при первой попытке, лишний раз подчеркивают, что мы находимся в начальном периоде работы по исследованию гражданской войны, когда вопросы ее методологии еще не разрешены, а лишь ставятся.

То же самое нужно сказать относительно разработки исторического материала, который лежит в основе всех работ. Здесь, несомненно, с большей или меньшей вариацией в отношении отдельных авторов,—мы имеем крупнейшие пробелы, зачастую даже, повидимому, провалы. Мы еще *не организовали* этой работы, а это база всего дальнейшего. То, что мы имеем, есть результат *единичных* усилий в этом направлении, а не систематической и согласованной коллективной работы. Мы переживаем здесь еще в значительной мере стадию кустарничества (отнюдь не в упрек нашим исследователям). В данной связи нам бы хотелось уже здесь отметить одну характерную черту, общую, на наш взгляд, всем нашим исследователям и являющуюся несомненным минусом

почти всех работ. Это, во-первых, стремление, при исключительно слабо разработанной документальной основе истории гражданской войны, базироваться исключительно на документальных данных, не учитывая в достаточной мере свежести для нас пережитых событий, когда живое свидетельство сохраняет огромную и притом особую ценность, во-вторых,—стремление к схеме, при чем за отсутствием единства подхода она получается почти у каждого исследователя иной.

Все эти наши замечания общего порядка, подчеркиваем, не должны послужить к умалению ценности предлагаемой книги, а должны лишь помочь установить правильный подход к данной книге, дабы читатель не предъявлял к ней запросов, которых она не может, да и не берется, удовлетворить.

Редакция ни в какой мере не придерживается взгляда, что никаких достижений в исследовании гражданской войны у нас нет. Они есть, и вовсе не столь незначительные, особенно учитывая то явно недостаточное внимание, которое мы этому вопросу до сих пор уделяли. И данная работа есть одно из немногих наших достижений.

В дальнейшем, при рассмотрении по существу содержания второго тома, мы в наших замечаниях и общего порядка и по отдельным работам будем исходить из задачи—отметить то важнейшее, что, на наш взгляд, либо не нашло себе отражения в книге, либо требует дополнений и корректировок, либо, наконец, нуждается в ином освещении.

В своем предисловии редакция, в силу неразработанности архивных материалов по истории гражданской войны, не считает возможным взять на себя задачу представить читателю единую систематически мотивированную точку зрения на все оперативно-тактические и военно-организационные вопросы, связанные с опытом гражданской войны. Но, одновременно с этим, редакция считает совершенно невозможным ограничиться одними критическими замечаниями в отношении содержания второго тома.

Редакция полагает необходимым внести свою долю в эту первую коллективную работу и с этой целью впрячься в ту трудную лямку, которую, в общем и целом, с честью вынесли на своих плечах авторы второго тома.

Путь, избранный редакцией в своем предисловии к этому тому, имеет свои большие неудобства, так как он вынуждает редакцию разбить свои редакционные замечания по отдельным статьям, но это является прямым последствием неразработанности архивных материалов, которая может быть устранена лишь дальнейшей кропотливой научно-исследовательской работой над материалами эпохи гражданской войны.

Мы уже отмечали выше, что читатель, ознакомившись с трудами второго тома, во многих случаях будет не удовлетворен. Он не почувствует той раскаленной атмосферы, в которой кипела работа Красной армии на фронтах.

Призма времени слишком сильно преломила понимание тех событий у самих же участников войны и, вероятно, притупила остроту былых переживаний. Грандиозный и успешный рост нашего строительства перенес нас на очень большое расстояние от той безгранично тяжелой экономической обстановки, которая тогда так властно владела нами.

Общий всем авторам статей второго тома недостаток состоит в том, что они подходили к событиям гражданской войны слишком отвлеченно, нередко давая широкие обобщения там, где для этого не имелось достаточного фактического материала.

Не спорим, что такой прием исторического исследования правилен, но только при условии, что сама предварительная работа тщательно и кропотливо проделана. Но в том-то и беда наша, что эта предварительная изыскательная работа не только не проделана, но мы к ней, по сути дела, еще и не приступали. В силу этого, нам приходится очень и очень осторожно подходить к таким заключительным вопросам, каковыми в данном случае являются выводы, обобщения, разбивка на периоды и т. д.

Этот том отразил ряд важнейших явлений гражданской войны так, как они нередко представляются сегодня, что, конечно, не могло не смазать своеобразия самой гражданской войны, а также и той обстановки, в которой она имела место.

★

Некоторые авторы II тома упускают из виду нередко важнейшие черты событий гражданской войны.

Так, автор статьи «К изучению опыта гражданской войны», давая общее определение гражданской войны, счел возможным ограничиться такой формулировкой, в которой как-то ускользнул мировой масштаб событий того времени.

«Что представляла собою, по существу, гражданская война 1917—1920 годов—задает вопрос автор этой статьи, и тут же дает ответ, — «это — вооруженная борьба внутри развалившейся царской феодальной России за утверждение мощи нового класса, и в этой борьбе, в конечном счете, должен стать победителем пролетариат, как сильнейший из боровшихся классов».

А красноармеец хорошо понимал, что дерется он «внутри развалившейся царской феодальной России», но что дерется он за торжество нового класса во всем мире. Имело ли это практическое значение? Конечно, имело. Громадное большинство красноармейцев,

пройдя через жестокое горнило классовой войны, каковой была война гражданская, поняли размах Октябрьской революции и стали интернациональными бойцами.

В этом процессе происходящего познания и усвоения своей роли в нем Красная армия становится одним из факторов революции, яснее говоря — Красная армия становится революционизирующей силой. И при таких условиях Красная армия сильна уже не только как вооруженная сила, но и как масса, способная революционизировать окружающую ее среду. С этой двойной силой красноармейца-бойца и красноармейца-революционера встречаются солдаты зарубежных армий капитализма и воспринимают идеи Октябрьской революции. Красноармейцы-революционеры тут выносят свои победы за пределы «царской феодальной России».

Еще нагляднее то же самое происходит в период борьбы с белополяками, когда мы уже вплотную сталкиваемся с Антантой и, не подчиняясь требованиям консервативного английского правительства остановиться на указанном им рубеже, докатываемся до Варшавы и создаем угрозу Версальскому миру.

Вот этот мировой масштаб — характерная черта нашей гражданской войны, мимо которой никак нельзя пройти и которую надо соответствующим образом подчеркивать в формулировках, рассчитанных на характеристику гражданской войны в целом.

Можно ли исключить Красную армию, как фактор, возбуждающий тяготение всех трудящихся к Республике Советов? Могло ли это явление произойти без участия Красной армии? Разумеется, нет. Красная армия сыграла здесь крупную роль. Революционизирующая сила Красной армии сказалась здесь самым решительным образом. На эту сторону гражданской войны, думается, следовало обратить особое внимание исследователя, тем более, что это легло в основу и дальнейшего воспитания наших красноармейцев, и именно эта черта ставит Красную армию в несравнимое с армиями капитализма положение.

Напряженность гражданской войны опять-таки обусловливалась задачами, выдвинутыми Октябрем. Гражданская война 1918—1921 гг. была лишь продолжением Октябрьской революции. Красная армия одерживала свои победы под лозунгом «Да здравствует мировая революция!», и под этим же лозунгом старые бойцы шли по домам, зная, что впереди стоит решение более трудной задачи.

★

Почти все авторы настоящего тома из осторожности стремятся каждый поднимаемый ими вопрос подкрепить документами и, получив документ, принимают его за непреложный факт. Как будто бы без документа не может быть факта. Такой подход был бы объясним

и понятен, если бы со времени гражданской войны прошло сто лет, когда в живых не осталось бы ни одного участника, — тогда поневоле исключительно по документам пришлось бы восстанавливать факты. Но в наше время можно спокойно базироваться на фактах, не подкрепленных документами. Если факт вымышлен, его немедленно же опровергнут участники борьбы, если факт правилен, он, наверное, не только получит подтверждение со стороны тех же участников, но еще будет развит и объяснен, — в этом громадное преимущество историка сегодняшнего дня, в этом должна заключаться особая ценность наших первых томов по истории гражданской войны, выпуск которых мы приурочили к 10-й годовщине Красной армии.

К разряду статей, написанных строго по документам, следует отнести прежде всего статью «Комплектование Красной армии в 1918 и 1919 гг.». Тут все—на основе документов, а поскольку это так, то и все комплектование Красной армии вышло таким, каким оно должно быть по документам, а не таким, каким оно было на самом деле, т.-е. автор дал лишь схему, в которой не нашло себе места все своеобразие и разнообразие процесса комплектования Красной армии в годы гражданской войны.

Прежде всего, автор освещает период Красной гвардии как-то так, что создается впечатление только о формированиях «Питера» и Москвы, а что было за «Питером» и Москвою, автор совершенно не освещает. Создается впечатление, что нигде ничего не было. Между тем, Октябрь был повсюду, не исключая самых глухих и крайних уголков нашего Союза.

У нас под рукой оказалась справка о формировании и деятельности отрядов, руководимых тт. Блюхером и Кашириным на Урале, а равно справка о формировании Белорецкого полка, который, кстати сказать, в день 10-летия Красной армии получил орден Красного Знамени. Появление этих частей объясняется также Октябрем, и это тоже были части Красной гвардии. Не подлежит сомнению, что аналогичные формирования были повсеместно в наших промышленных районах. Из таких частей Красной гвардии, вышедших из заводов северного Урала, собственно говоря, состояла вся 3-я армия Восточного фронта, и этот костяк следовало бы осветить несколько больше. Ведь на плечи этих формирований легла тяжелейшая задача борьбы с чешскими частями и дутовскими формированиями, и можно с уверенностью сказать, что именно об эти наши красные формирования разбились чешские полки, после чего они потеряли всякое желание драться на фронте.

Переходя к вопросу укомплектования Красной армии, автор сразу же выдвигает положение, с которым нельзя согласиться. Автор утверждает, что к этому вопросу подойти было трудно, так

как на местах не было военных аппаратов, так как аппараты, по его мнению, стали вчерне оформляться не ранее июля — августа 1918 г., начало же их организации относится к апрелю. По документам, находившимся в распоряжении автора, может-быть, это и так, но только мы твердо знаем, что в апреле были уже в целом ряде мест вполне сформированные военные комиссариаты; в апреле же при многих из них уже имелись сформированные войсковые части, — так было в Невеле, Витебске, Смоленске. Больше того, в апреле 1918 г. на Западном фронте уже была образована Западная завеса, и были созданы штабы военруков. В Калуге было главное руководство, а в Смоленске, Витебске, Великих Луках, Невеле, Рославле подчиненные Калуге военные руководства, в частности в Невельском руководстве имелись Полотский и Россонский отряды. Последний отряд состоял из пехоты, артиллерии и кавалерии; Полотский был несколько слабее и состоял из пехоты и пулеметной роты, Витебский и Смоленский были более крупные, примерно, — по пехотному и кавалерийскому полку с артиллерией. Позднее, примерно в мае, каждое из военных руководств получило задание формировать дивизии, при чем Смоленский и Витебский отряды должны были формировать по 2 дивизии. Таким образом, ссылка на отсутствие местных аппаратов не совсем основательна и не может быть распространена на всю территорию нашего Союза. Правильно тут одно, что в волостях таких аппаратов тогда, может-быть, и не было, но дело в то время было не в них.

Но самая-то суть вопроса в том, —как создавались фронты, как они питались живой силой? — Автор, рассматривая призывы, убеждается, что «они охватывают, в первую очередь, крупные рабочие центры и только постепенно распространяются от центра к окраинам, вследствие чего Красная армия сохраняет свой почти чисто рабочий облик и питается пополнениями, главным образом, за счет центрально-промышленной области». По документам автор, наверное, прав, но действительность внесла свои коррективы.

Прежде всего, надо отметить, что к планомерным и регулярным пополнениям Красной армии на фронтах перешли очень не скоро. Первой задачей было (это вполне понятно по ходу событий) организовать и укрепить фронты, и, чтобы этого добиться, на фронты посылались не пополнения, а готовые сформированные в центре части или отряды. В 1918 г. из той же Западной завесы были посланы на Восточный фронт Витебская и Рославльская дивизии, из Смоленска — кавалерийский полк, пехотный полк, отдельные батареи, затем — отряд моряков и ряд отдельных рот, сформированных военкоматами. Ведь каждый военкомат имел при себе полк или роту, эскадрон, даже батарею, и вот именно эти-то части и были посланы в первую очередь, но не как пополнения, а как готовые части.

Все эти части. как сформированные не в рабочих районах. состояли. главным образом. из крестьян и разночинского городского населения. Таким образом. наравне с отправкой рабочих из центров на фронт, отправлялось с мест и то, что формировалось там.

Затем. сюда же надо внести и корректив на счет того. что формировалось на самых фронтах. и там работа была не менее кипуча. чем в больших центрах. Эта сторона вопроса автором не освещена. Отсюда и вывод о том. что Красная армия в этот период питалась за счет центрально-промышленной области. не совсем точен. В абсолютных цифрах весьма вероятно. что центрально-промышленная область несла наибольшие тяготы. но в процентном отношении к количеству пролетариата картина может получиться несколько иная. Такая отправка уже готовых частей на фронт затянулась на довольно продолжительное время. что. между прочим. болезненно отразилось на фронте. который стал уже более настойчиво требовать присылки пополнений в виде маршевых рот. после чего было сделано распоряжение. чтобы места заботились о своевременной присылке пополнений высланным ими частям. Это распоряжение вызвало отправку пополнений с целевым. так сказать. назначением. и это опять-таки очень стесняло фронты, так как обезличивание пополнений было делом болезненным: пополнения настаивали на отправке именно в свои части. а эти свои части уже были влиты в другие части. — словом, все это создало путаницу и нежелательные трения. В этом вопросе требовался скорейший переход к системе запасных частей и пополнений маршевыми ротами через эти запасные части.

Обстоятельства к этому времени как будто бы стали позволять приступить к формированию таких частей. однако это не осуществилось.

Как только в центре наладилось положение с призывами. то первое, что было сделано, это,—формирование одиннадцати дивизий. Формирование этих дивизий, вместо образования запасных частей. было известным разочарованием для фронтов: фронты в это время уже нуждались больше в пополнениях. чем в дивизиях.

Изложенные обстоятельства привели к тому. что на фронтах стали создаваться запасные армии или Упраформы. Эти организации проделали огромную работу в целях разрешения задачи — создания маршевых рот. могущих своевременно подавать пополнения частям. Наиболее мощной организацией такого рода была запасная армия под командованием т. Гольдберга. затем — 2-я запасная армия т. Оськина (позднее — т. Базилевича). На юге было создано Упраформ. где комплектование шло под руководством т. Томашевича. а на Западном фронте роль запасной армии на себя взял Окружной военный комиссариат.

Уже одни эти факты формирования 11 дивизий и образования таких мощных аппаратов, какими являлись запасные армии и Упраформы, сами говорят, что дело с пополнениями из центра было неблагополучным и что армии жили в значительной мере за счет своих ресурсов. Общее количество принятых по мобилизации на фронтах в 1919 г. автор определяет в 500.000 человек. Вообще говоря, трудно верить статистике того времени, но в данном случае уже очевидно, что цифра эта чрезвычайно преуменьшена. Одна только запасная армия т. Гольдберга, о работе которой имеется полный отчет, отработала до 800.000 человек, а за время существования Упраформа при губвоенкомате в Перми таких пополнений было подготовлено около 400.000 человек. Некоторая часть этих пополнений прибыла из центра по нарядам Всероглавштаба, однако цифра эта, судя по отчетам, невелика. Наибольшая цифра показана, как результат борьбы с уклонениями и дезертирством.

Теперь о борьбе с дезертирством.

Вопрос о борьбе с дезертирством разработан более подробно и конкретно. Однако автор опять-таки обходит молчанием работу, проведенную на самих фронтах, где, собственно говоря, эта работа получила свое начало. Но основная беда была в том, что темп работы центра и фронта был различен: события развертывались на фронте много быстрее, чем поворачивалось колесо в центре. Образно выражаясь, в центре вертелась самая крупная по своему диаметру шестерня, на фронте — поменьше, в армии — еще меньше и самая маленькая — на поле брани. Очень быстрое, головокружительное вращение самой последней шестеренки на полях борьбы еле-еле поворачивало большую центральную шестерню, и, наоборот, небольшой поворот центральной машины уже давал ускоренное вращение маленькой шестеренке на периферии.

Автор, освещая вопрос борьбы с дезертирством, не затронул вопроса о дезертирстве через санитарную эвакуацию. Этот путь оказался довольно удобным для ухода легко раненых из района фронта и армии, почему пришлось и тут рядом поставленных рогаток исключить уход легко раненых в глубокий тыл.

В заключение темы об укомплектовании Красной армии должно сказать, что наладить систему укомплектования Красной армии в период гражданской войны нам не удалось до самого конца. По этому поводу было принято очень много мер, но они оказались бессильными упорядочить вопрос. Система запасных армий смягчила вопрос и позволила с грехом пополам выйти из положения, но, повторяем, полностью вопроса не разрешила. Красная армия пополняла свои ряды только тогда, когда настраивала, подготовляла свои операции, но в процессе операции нормально пополняться не удавалось. Вопрос был ясен--надо было приблизить запасные части

к потребителю—к дивизиям. А вот приблизить их было делом по тем временам трудным, — слишком велик был голод в пополнениях; все, что ни давалось дивизиям для держания в запасе, немедленно поглощалось частями. Это в свою очередь требовало ускорения подачи пополнения. Ускорение приводило к подаче неподготовленного сырого материала. Сырой материал вел к поражениям. Требовалось согласовать все перечисленные стороны дела, однако организованности для согласования этого сложного вопроса по тем временам не хватало.

Теперь два слова на тему о численности тыла и фронта. Цифры рисуют убийственную картину — «за каждым штыком на фронте стояло 10 едоков в тылу. Такая армия поглощала колоссальные ресурсы, полезный же эффект был самый ничтожный» — таков вывод историка по документам, подтверждающим эти цифры и свидетельствующим этот голый факт.

Но перенесем себя, хотя бы мысленно, в условия того времени и постараемся уяснить, были ли причины к содержанию такого расточительного тыла и если были, то можно ли признать работу этих 10 едоков «ничтожной». Эти цифры являлись, несомненно, цифрами издержек, вызванных неурегулированностью снабжения фронтов и, в первую очередь, разрухой нашего производства и хозяйства. Они же восполняли нехватку в подвижном составе нашего железнодорожного транспорта. Их же работа смягчала все кризисы, переживаемые фронтами. Если фронт переживал топливный кризис, то не подлежит сомнению, что сейчас же этот кризис отражался на разбухании наших тылов. Если фронт не получал продовольствия, обмундирования и многого другого, то все недостающее восполнялось работой тыла того же фронта. Цифра эта не была постоянной — она то повышалась, то понижалась. Цифра, о которой идет речь (10 тыловых на 1 бойца), вероятно, относится к какому-либо одному моменту состояния фронта. Определение цифры тыла должно быть особой темой для исследования, т. к. в процессе работы по ее определению с несомненностью вскроется вся динамика условий существования Красной армии на фронтах гражданской войны.

Не надо забывать, что первые боевые события застали Красную армию в условиях, когда 80% протяжения всей железнодорожной магистрали попало в район самых активных боевых действий. Разумеется, это привело к ужасающим разрушениям железных дорог, так как при всех столкновениях страдали, прежде всего, именно железнодорожные сооружения. Восстанавливать же дороги приходилось очень спешно, потому что без железных дорог вести какие-либо боевые операции не представлялось возможным. В восстановлении железнодорожных путей участвовали и организации Красной

армии. Уже одна эта восстановительная работа требовала чрезвычайного напряжения тыловой службы. Здесь все цеплялось одно за другое. Пока железнодорожные линии не были восстановлены, Красная армия продолжала свои операции, пользуясь конским транспортом, и вот добавочный и к тому же временный конский транспорт попадал в число тыловиков.

Надо помнить, что все те, кто вел работу на фронте, получали пайки, независимо от того, были они красноармейцами или не были, — а это, естественно, сейчас же отражалось на числе тыловиков.

Отсутствие своевременного подвоза из-за разрушения железнодорожного транспорта и недостаточно быстрого восстановления его вынуждало фронт организовать свои мастерские для производства текущего ремонта, хотя бы того же оружия. В том случае, когда такие мастерские уже имелись, приходилось увеличивать их штат. Это — характерное явление, мимо которого нельзя пройти, если хочешь понять цифру тыловиков. Малейший кризис в какой-либо отрасли, как в данном случае — в отрасли железнодорожного транспорта, сейчас же отзывался на противоположном конце, положим, на вопросах питания, на вопросах лечения, эвакуации и пр. и пр. А ведь таких кризисов было очень много.

Следующим кризисом после транспортного надо считать топливный, хотя, казалось бы, на фронте он меньше всего должен был отразиться. Однако он тяжелейшим образом отозвался на всех фронтах. Кризис был изжит переходом по всем линиям на дровяное топливо. Вопрос заготовки дров для железных дорог вылился, в конце концов, в организации фронтовых лесозаготовительных частей. Западный фронт, который особенно остро испытывал топливный кризис, вынужден был создать даже специальные лесозаготовительные отряды, которые, разумеется, содержались на военных пайках. Но если подобные организации и не были военными, то они также (и это было хуже всего) получали пайки, то-есть их приходилось брать на пайки, так как существовать иначе они не могли. Продовольствие каждой новой не военной организации на местах зачастую ложилось на счет армии, так как в работе таких организаций Красная армия была так или иначе заинтересована. Ведь тогда все, что ни создавалось на местах, делалось для помощи или содействия Красной армии, а существовать эти организации без поддержки Красной армии не могли. Так, например, обстояло дело на Западном фронте, где местных ресурсов не было. При таком положении вещей фронт вынужден был самым активным образом участвовать в той же лесозаготовительной кампании.

Несмотря на то, что фронт при общем голодном пайке всей страны питался удовлетворительно, все же и на фронтах переживались продовольственные кризисы, при чем выходить из них приходилось

опять-таки собственными силами и средствами, например, приходилось создавать рыболовные артели (таковые у нас были на Волге и в Ростове), которые ловили рыбу для красноармейских частей. И, конечно, такие артели сейчас же попадали на фронтовой паек, так как иначе не могли бы работать. В Туркестане, чтобы подвозить частям Красной армии, далеко выдвинутым вперед к границе, боеприпасы и продовольствие, пришлось взять на военный паек целую Аму-Дарьинскую флотилию. Надо также иметь в виду и то обстоятельство, что фронт, продвигаясь вперед, всегда имел задачей помочь центру выйти из продовольственного кризиса. Заготовительные органы Красной армии получали задание и на заготовку продовольствия для центра. Так было при продвижении Восточного фронта в Сибирь.

Разруха была столь велика, что не достаточно было достать зерно для центра,—его надо было перемолоть. И вот, те же военные продорганы заняты восстановлением мельниц, пуском их в действие и, конечно, обслуживанием. Все то, что пускало мельницы в ход, все то, что их обслуживало, — все это зачислялось на военный паек.

Восстанавливались не только мельницы, но и пивоваренные заводы, которые использовывались для пережигания кофе, сушки овощей, засолки капусты. Организовывалось галетное производство. Даже такие фабрики, как спичечная (в Сибири), также попадали под военное восстановление.

По подсчету Главснабпродарма к началу 1920 года в ведении продорганов состояло 130 таких предприятий. Конечно, эти предприятия работали не только на фронт. Позднее, в 1919 г. фронты вынуждены были обеспечить себя овощами и объемистым фуражом. И это обеспечение выразилось в весьма солидной цифре — было засеяно 33.492 десятины, а собрано 3.224.623 пуда овощей, 92.239 пудов хлеба и зернового фуража, 320.004 п. прочих культур и т. д. Позднее стало известным, что некоторыми войсковыми частями были пущены в ход сахарные заводы.

Были на фронтах и пошивочные мастерские и сапожные. Возьмите организацию 1-й запасной армии — чего там не было? Скажут, вот это и раздувало пайки. Правильно, но без этого такой организм, каким была запасная армия, жить не мог, так как центр не мог дать всего необходимого.

На фронтах были и свои школы краскомов, и это было не капризом, не недоверием к работе центра, а необходимостью приблизить ту же отработку комсостава к частям. И все это повышало число тыловиков.

Теперь все это при десятилетней давности представляется какой-то нелепостью, но исследователь, который действительно хотел бы проанализировать цифры тыла, обязан был бы обратить свое

внимание на эти факты, так как без них нельзя понять всю динамику фронтового быта гражданской войны.

★

Надо сказать, что подобное отношение к документам, по которым можно представить себе гражданскую войну, является далеко не единичным случаем. В ряде других статей приходится наталкиваться на такое же отношение к цифре или голому факту. Так, в статье «Как питались и снабжались Красная армия и флот продовольствием» отражено ведомственное благополучие, а вот как действительно питались красноармейцы, что они ели, как готовили пищу, какие были перебои в питании и как выходили из них части, не сказано ни слова. Между тем, эта сторона вопроса полна самых любопытных, самых волнующих моментов, которые, как в зеркале, могли бы отразить действительное продовольственное состояние фронта и по которым можно было бы представить себе картину продовольствия Красной армии за счет населения или, наоборот, населения за счет армии; было ведь и то и другое. Статья оказалась тут безмолвной.

Между тем, как будто бы вопрос—как питалась Красная армия—поставлен на первом месте в заголовке статьи. В статье по этому поводу имеется оговорка, что войска заготовляли сами себе продовольствие, и даже имеются указания о 50-верстной зоне, в пределах которой войска имели право заготовлять себе продовольствие, а за пределами этой зоны все попадало в распоряжение органов Продарма.

Откуда появилась эта 50-верстная зона? Насколько припоминается, она явилась известной уступкой на требование войск. Войскам приходилось производить очень много самозаготовок для собственного пропитания, и понятно, что с этим явлением приходилось бороться, чтобы несколько ограничить такое стремление. Боролись, надо сказать, органы Продарма очень ретиво, но сказать, чтобы эта борьба была успешна, нельзя.

Командование получало бесконечное число жалоб со стороны органов Продарма о том, что войска не считались с этой зоной, выходили за ее пределы, продолжая свои самозаготовки в том размере, в каком им это было нужно.

Можно предположить, что пятидесятиверстная зона была недостаточной и, вероятно, определена была совершенно случайно, явившись как бы подачкой для передовых частей. И так как эта зона не отвечала действительной потребности войск, то имелись случаи нарушения этой зоны, а отсюда постоянные жалобы Продарма, на разбирательство которых тратилось не мало энергии.

Самое же любопытное то, что границу этой злосчастной полосы никак нельзя было определить, так как части находились

в постоянном движении, и поскольку дело обстояло так, то полоса была делом формальным, сущность же вопроса сводилась к праву заготовок, в чем не совсем ясно отдавали себе отчет продармы, относясь чрезмерно формально именно к полосе, не учитывая, что питание боевых частей происходило, главным образом, в порядке самозаготовок. Исключение составляют Западный и Северный фронты, где питание шло подачей продовольствия с тыла вперед.

Как было выше сказано, статья обходит молчанием вопрос о красноармейских пайках. Однако можно с уверенностью сказать, что войска питались удовлетворительно и даже выше той нормы, которая официально давалась Продармом. Характерны случаи, когда войска помогали продовольствием учреждениям, скажем, тем же госпиталям, расположенным в тылу. Таким образом, очевидно, что у частей имелись даже известные запасы.

Особую нужду испытывали бойцы в таких товарах, как чай, сахар, мыло, табак, спички, курительная бумага, — да это и понятно: в порядке самозаготовок этих предметов на местах нельзя было достать.

Справился ли с этим делом Продарм, на обязанности которого лежал также и этот вид довольствия? Жалобы, которые поступали до последнего дня, свидетельствуют о том, что удовлетворить эту потребность нам не удалось. Недостаток в этих товарах был большой.

Из сказанного может сложиться впечатление, что роль продорганов в деле питания Красной армии оказалась незначительной. Спешим оговориться, что такой вывод был бы неправильным и, само собою разумеется, незаслуженным.

Продорганы не справились с питанием боевых частей, которые до конца дней гражданской войны сохранили свою самостоятельность в этом деле. Все же, что было более стационарно,—а таких частей в Красной армии было до 70% — тыловые части фронтов, армий, части внутренней охраны, запасные части, части губвоенкоматов, санитарные учреждения, Штаб РККА и проч. и проч.,— все это питалось через органы Продарма, и тут в деле подачи продовольствия была налажена система, учет и контроль.

Совершенно в иных условиях был Западный фронт и отчасти Северный (до его движения вперед). Продовольствие этих фронтов, не исключая и частей, находящихся в боевой линии, находилось в руках продорганов в полном смысле этого слова. Продовольствие тут шло от тыла к фронту, и надо отдать справедливость, что продорганы на этих участках оказались на высоте своего положения и с выпавшей задачей справились во всяком случае удовлетворительно, а по некоторым периодам и прямо-таки хорошо.

Чтобы сделать правильную оценку работы продорганов, необходимо ясно представлять те задачи, которые были возложены на

эту организацию. Их задача была не только доставлять продовольствие и питать Красную армию, но и навести порядок в продовольственном деле, при чем наведением порядка им пришлось заняться в первую очередь. Войска-то ведь и до появления продорганов питались, но вот то, как это делалось, и выдвинуло вопрос о создании особого продовольственного органа.

Вкратце остановимся на характерных чертах продовольственного дела до появления организации продармов. Прежде всего, следует отметить, что в этот период продовольственное дело отличалось хаотичностью и одновременно какой-то своеобразной виртуозностью. Военный продовольственный аппарат в этот период вел свои операции всякими способами и путями, среди которых был и путь обмена товара на продовольствие. В последнем случае интересно отметить, во-первых, каким порядком продовольственные органы доставали эти товары для обмена, что это были за товары, и, во-вторых, самый процесс обмена товаров на продукты продовольствия.

Помнится, никакими товарами в то время не гнушались, лишь бы то были городские товары. Добывались они опять-таки разно. Источником этих товаров был и железнодорожный транспорт, что выяснялось путем обследования содержимого груженых вагонов. При этом надо сказать, что груженых вагонов на станциях было весьма достаточно, и товары в них были самые разнообразные. Попадался самый неожиданный груз в виде предметов роскоши, одеяния и проч. К удивлению, все это в то время было очень ходким товаром для обмена. Кто грузил эти вагоны такими товарами, кому они принадлежали, куда отправлялись, само собою разумеется, было неизвестно. Весь этот товар попадал в обменный фонд наиболее расторопного продовольственного аппарата и обменивался им на продовольствие.

Если фронт продвигался вперед и войска овладевали городом, немедленно же происходили поиски как самого продовольствия, так и товаров для обмена на продовольствие. Но если случалось находить товары или предметы, годные, скажем, для обмундирования армии, части их использовывали для своих нужд. Было ли это расхищением имущества? В частных случаях это могло быть, но, как общее правило, расхищения тут не было, так как уже в это время уважение к народному достоянию было несомненной чертой наших красноармейцев.

Мне лично довелось попасть в Оренбург очень скоро после овладения им в 1919 г. и также лично пришлось слышать от населения удивление по части отсутствия грабежей, хищений и насилий. Между тем, там также были произведены реквизиции, но, очевидно, в той форме, которая исключала понятие расхищения.

Овладение городом, конечно, давало улучшение быта части. Хозяйственно части на этом деле крепли, почему понятна и та конкуренция, какая имелась среди частей в вопросе занятия города первыми. Каждая часть стремилась это сделать прежде другой, так что, если город оказывался на стыке борьбы двух частей или двух армий, то после его взятия обязательно приходилось заниматься расследованием, чтобы определить, кто первый вошел в него и кому по праву принадлежали трофеи. Такое расследование, в конце концов, вносило известные коррективы в вопрос распределения имущества, так как части ждали результатов расследования, и имущество, правда не всегда, сохранялось до решения расследующей инстанции, но все же самочинное распределение его задерживалось, а затем раздел этого имущества происходил уже под руководством и контролем. Порядок, учет и использование неприятельских продовольственных баз составляли заботу войсковых продовольственных аппаратов тех частей или армий, которые захватывали эти базы. А запасы этих баз бывали достаточно солидные. Естественно, что при этих условиях в иных случаях какая-либо дивизия располагала гораздо бо́льшим имуществом, не исключая и боевого, чем даже фронт. Приходилось старшим инстанциям обращаться за помощью к этим богатым наследникам неприятельского добра. Приказный порядок по изъятию этого имущества зачастую приводил к утаиванию или скрытию трофеев. Таким образом, навести порядок во всем этом деле было задачей очень ответственной и необходимой. Вот к этой задаче в отношении продовольствия и были призваны продармы.

Справились ли они с ней? В конечном результате справились, но с большими трудностями, при чем в этих трудностях работники Продарма зачастую и сами были повинны. Так это было со злосчастной 50-верстной полосой, где формальный момент заслонял существо дела. Нечто подобное имело место и в тех трениях, которые возникали на первых же шагах работы между органами Продарма и командованием. В статье этот вопрос также не затронут. Здесь любопытно то, что представители Продарма на фронтах и в армиях сразу же получили права командующих фронтом и армией. Сделано это было, вероятно, для большей авторитетности командируемых лиц. Но в результате эти права вызвали ряд неприятных инцидентов. Чтобы полученное право не оставалось только на бумаге, представители Продарма прибегали к оригинальным приемам его реализации: на своих учреждениях они вывешивали надписи о том, что тут находится Продарм и, кроме того, прибавлялось — «на правах командующего фронтом». Около этих прав сейчас же возникала борьба, разумеется, нередко чисто личного свойства, и трения происходили буквально по каждому пустяковому поводу. При разбирательствах этого рода приходилось отмечать в большинстве случаев

некоторую чрезмерную заносчивость со стороны представителей Продарма в отстаивании этих своих фиктивных прав, так как нельзя же было, в самом деле, допустить существование на фронте армии или дивизии двух командующих. Думается, что эти чрезвычайные права были неудачным и, самое главное,—несвоевременным измышлением, так как сам по себе период был весьма трудный и подрывать авторитет войскового командования в это время не следовало никоим образом. Позднее все эти ляпсусы с вывесками были ликвидированы, и все улеглось в свои рамки.

Не менее неудачным был и шаг по захвату функций снабженческих войсковых аппаратов во фронтах и армиях и передаче этих функций органам Продарма, что было осуществлено и что в статье отмечено, как положительное достижение. В результате, заботы о красноармейском желудке никто не нес, и не случайно, что на вопрос, как же в действительности питался красноармеец, бывшие работники Продарма ответить не могут.

Организация Продарма была выдвинута условиями революции. Надо думать, что и в будущих войнах нам такую или подобную организацию иметь придется. Вот почему к вопросу о работе Продарма следует подходить не с точки зрения «ведомственного благополучия», а необходимо всесторонне разобрать полученный опыт с целью отмести все, что там оказалось неподходящим и неудачным.

★

К таким же «документальным» работам приходится отнести и статью «Командный состав в Красной армии». Тут уже законченная статистика, в которой нет просчетов, все сошлось, все закончено. Каков же итог? А вывод тот, что наши красные командиры не больше, чем единицы, входящие в ту или иную сумму или участвующие в том или ином варианте чисел, подсчетов и процентов. Какая убийственно неприятная роль участвовать и притом активно в такой огромной революции и не иметь в ней удельного веса! Да заслужил ли наш краском такую печальную участь? Конечно, нет. И сам автор с этим, наверное, согласен. Но так вышло, потому что избранный прием освещения вопроса неправилен. Язык цифр в данной теме очень ограничен, почему базироваться тут только на цифрах означало ограничение темы, то-есть освещение только одной стороны вопроса, и умышленный отказ от всего вопроса в целом. А между тем, тема заслуживает огромного к себе внимания. Действительно—какую же роль играл командный состав Красной армии, в особенности молодой красный командир — детище революции? Каков удельный вес этого работника в революции? Почему наша военная школа получила славное наименование «кузницы побед»?

Справилась ли она с задачами «кузницы побед»? Каким образом Красная армия вышла из положения в самом «узком» своем месте — получить своего красного командира? Ведь это все были в свое время проблемы, на разрешение которых было потрачено не мало труда всеми трудящимися Союза. Надо было хотя бы широкими штрихами осветить эти части этой глубоко интересной темы.

Еще один вопрос колоссального значения и интереса—это вопрос о наших командирах, выдвинутых на свои посты революцией. Ведь это были совершенно неподготовленные в отношении специально-военной подготовки для исполнения выпавшей на них работы товарищи. Кто они, как были выдвинуты, как справились со своей задачей? По их делам мы знаем, что громадное большинство из них справилось со своими задачами, что в военном деле они оказались действительно самородками, но тем «загадочнее» такой удачный их выбор,—ведь самородками они себя показали потом, а не перед выбором. Ведь были же утверждения, что пролетариату не особенно свойственно ратное дело, а тут походит на то, что среди пролетариата военные самородки далеко и далеко не являются исключением. В какой мере сказалось в этом вопросе революционное прошлое наших рабочих и их боевая подготовка? У партийцев это определенно сказалось, но здесь речь идет о рядовых рабочих, не всегда партийных. Все это требует глубокого изучения и анализа. В этой же теме не обойтись и без освещения печальных страниц истории предательства и перебежек части командного состава из строевого офицерства. Эти страницы истории замалчивать нельзя, так как случаи были далеко не единичные и по своим последствиям очень болезненные для Красной армии. На этом фоне предательства представители другой части старого офицерства, честно выполнявшего свою работу и оправдавшего доверие рабочих и крестьян, будут ярче отмечены, как активные участники революции. Было бы также очень важно и интересно проследить «порядок прохождения службы» в годы гражданской войны и, между прочим, проследить, как двигались «самородки» вперед по командной лестнице. Было бы точно так же очень важно определить удельный вес каждой группы комсостава (старое офицерство, «самородки», краскомы и т. д.) в различные моменты гражданской войны. Выдвижение и роль комиссарского состава—эта тема также должна была бы быть освещена в статье о комсоставе Красной армии эпохи гражданской войны. Все это, и многое другое, необходимо иметь в виду последующим исследователям этой темы.

Кроме того, необходимо указать на значение боевой работы ударных курсантских частей на фронте гражданской войны.

Одновременно с выполнением основной задачи командных курсов по массовой подготовке красных командиров командные курсы

в моменты особенно острых боевых кризисов выступают, как ударная боевая сила, в виде бросаемых на фронт сводных курсантских бригад, дивизий.

«По единогласному отзыву, — пишет тов. Гусев в своей книге о гражданской войне, — курсантские бригады и дивизии, наспех сколоченные, равнялись по своей боеспособности и героизму лучшим нашим дивизиям и ни в чем не уступали лучшим офицерским дивизиям Деникина и Врангеля».

Наиболее опасные участки фронтов гражданской войны подкреплялись курсантскими частями. Они играют значительную роль в ликвидации Орловской операции Деникина. Приказ Реввоенсовета Юго-Западного фронта от 23-го сентября 1920 года отмечает: «Бригада московских и петроградских курсантов, прибыв на Юго-Западный фронт в конце июля 1920 года, за сравнительно короткое пребывание свое в составе фронта обнаружила в боях против Врангеля доблесть и мужество, присущие наиболее испытанным и стойким частям рабоче-крестьянской Красной армии. В ночь на 28-е июля бригада курсантов после упорного боя с пением «Интернационала» ворвалась в г. Орехов и заняла его; 8-го сентября в Мелитопольском направлении при общем наступлении на Гейдельберг бригада, будучи окружена противником, после упорного боя с наседавшей конницей противника прорвала кольцо и присоединилась к нашим частям».

Почетная и ответственная роль выпала на долю курсов и во взятии Кронштадта.

Несколько иначе по сравнению с предыдущими рассмотренными нами статьями изложен вопрос: «Главнейшие моменты в организации Красной армии». Тут автор подразделил вопрос предвзято на периоды и тем ввел себя в не совсем выгодную сделку. Статья подразделена на период добровольчества, период перехода к регулярным основам, период трудовых армий, период конца гражданской войны, период демобилизации Красной армии, период военных реформ. Все эти периоды в развитии Красной армии можно выделить и даже охарактеризовать. Но беда-то вся в том, что при нынешнем состоянии работ по исследованию истории гражданской войны—это будет очень условным делением.

Возьмем тот же период добровольчества. Был ли у нас только период добровольчества, или добровольчество у нас было на протяжении всего периода гражданской войны? Думается, что все согласны, что добровольчество было на всем протяжении гражданской войны. Ведь те же мобилизации рабочих и партийцев были добровольческими. Больше того, разве по призывам, которые уже много позднее проводились, в армию поступали недобровольцы,—конечно, в конце концов, это были добровольцы. Ведь на местах в это время никаких призывных списков не велось, никакой подготовки к призыву

не проводилось. Просто говорилось — таким-то возрастам итти на войну. Каждый мог скрыть свой возраст, однако шли. Были, конечно. и укрывавшиеся, но доказать то, что оин укрываются, было трудно; тот, кто шел, несомненно, был добровольцем, абсолютно добровольно признававшим, что подошла его очередь итти на войну. Это чрезвычайно характерная и показательная черта. Враги наши неоднократно на весь мир кричали, что большевики палками выгоняют крестьян на фронт,—и этому верили буржуазные правительства, рассчитывая, что такая армия не может драться, разбежится. В этом случае более проницательным оказался тот же генерал Нокс, впервые сказавший, что это все вздор, так как крестьянство хочет красных, а не белых,—он, очевидно, понял, что наши мобилизации были, по сути дела, добровольческими, и поскольку это так, то они были очень показательны. Могут возразить: были же дезертиры. Конечно, были — от старых привычек не так легко отделаться. Революционизирование масс требует времени, и дальнейший ход событий показал, что в этом отношении дело у нас шло вполне успешно.

Поводом для выделения этого добровольческого периода у автора оказался декрет от 22-го апреля 1918 г. о всеобщем военном обучении. «В этом декрете автор усмотрел отказ от принципа добровольчества».

Тут, очевидно, какое-то заблуждение. Всеобщее обучение одно, а добровольчество другое. Можно всех обучать, и нет никакой необходимости отказываться от добровольчества. Если кто-либо желает обучаться в добровольном порядке, ну, скажем, обучаться раньше, чем его возраст будет обучен по принуждению, или продолжать обучаться и дальше, — пусть обучается. Особливо, если он пожелает во время войны итти воевать. Тут уже никаких возражений не будет. Теперь небольшая оговорка в отношении дисциплины в добровольческих частях. «Дисциплина была построена на весьма шатких основаниях», — значится у автора. Может-быть, дисциплина была в то время и не на достаточной высоте, но основа дисциплины и тогда и теперь осталась без изменения.

Следующий период перехода к регулярным основам, как и следовало ожидать, в изложении вылился в перечень мероприятий по переходу к регулярным основам, да иначе и быть не могло, потому что сам период был много длительнее и захватил 1919 год, который автором выделен, как особый период — «Красная армия в 1919 году». Например, на Восточном фронте образование дивизий было закончено приблизительно к марту месяцу 1919 года.

Теперь два слова о штате 220. Этот штат является как раз тем документом, который не получил осуществления. По штату 220 ни в 1919 г., ни позднее никто не жил, да и не мог жить, так как штат был рассчитан на наличие богатой техники, которой у нас не

было. От штата была взята только троечная система, а каждая дивизия жила по своему штату. В этом отношении пестрота была чудовищная. Пестрота в штатах была устранена окончательно только в 1924 году.

Следующий период — трудовые армии. Автор недооценивает его значение. Но образование трудовых армий, в истории восстановления нашего хозяйства, находит себе совершенно иную оценку.

«Трудовые армии, представляя собою хорошо организованную рабочую силу, сразу внесли оживление в дело восстановления промышленности и транспорта» (из статьи Безруких П. Е. — Транспорт за 10 лет).

По словам автора, «некоторые исследователи полагают,что в трудовых армиях рабочая сила использовалась лишь на 20%». Сколько помнится.речь об этом идет после обследования Воронежской трудовой армии (2-й трудовой армии), при чем это оспаривалось командующим. Но дело не в 20%, а в том, что эта армия помогла центру связаться железнодорожными путями с Югом, от которого мы были после отступления Деникина абсолютно отрезаны,—так велики были разрушения жел. дорог. Правильно ли здесь оценивать результаты работ по процентам использованной силы? Ведь так, пожалуй, можно было бы сказать, что и Красная армия «себя не оправдала», так как дрались только 25% всей ее численности.

Трудно согласиться с заявлением автора, что трудовые армии отрицательно «отразились на оперативной стороне Красной армии» и что «целый ряд боевых дивизий, переформированных в трудовые, так и не удалось восстановить». Из таких дивизий припоминается только одна 42-я, при чем восстановлена она была, но несколько запоздала и не на Польский, а на Врангелевский фронт.

На трудовые задачи были поставлены, главным образом, бывшие запасные армии (1-я и 2-я запасные армии, при чем 1-я работала в порядке совместительства, т. е. ведя работу и по формированию запасных частей). На Урале были выделены тыловые части и части из укрепленных районов 3-й армии, и только 42-я дивизия, действительно боевая, была поставлена на работу в Донугле. Когда говорят: армии были поставлены на эти задачи, то это не значит, что они становились со всеми своими боевыми частями. Становились аппараты этих армий и тыловые их части, да и то не все.

★

«Роль железных дорог в гражданской войне 1918—1921 гг.» (в соответствующей статье) освещена достаточно полно. Однако и тут хотелось бы внести некоторое дополнение. Дело в том, что Красной армии пришлось свои боевые действия вести буквально по железнодорожным путям. Это повело к фактическому распоряжению

железными дорогами войсковым начальством. Дороги попали не под руководство, а под командование командиров, начиная с командира отряда, ведущего бой на передовом участке того или иного железнодорожного пути. Сложились невероятно трудные условия для работы железнодорожного транспорта. А так как для высшего командования работа железных дорог также была решающим фактором, то при потере железнодорожным начальством своего руководства и командование оказалось не в лучшем положении.

Войсковые части находились на колесах и в первый период считали транспорт вполне им принадлежащим, все распоряжения того времени сводились к самому безобразному использованию железных дорог в районе армий и даже, пожалуй, фронтов. Условия работы железнодорожных агентов на станциях в этот период не могут быть названы иначе, как «жуткими». Они вынуждены были выполнять ту или другую работу под жесточайшим напором неразбирающихся в железнодорожном деле войсковых начальников, да, пожалуй, и непосредственно красноармейских масс. Под угрозой расстрела отправлялись поезда, которые не следовало бы отправлять, таким же порядком прицеплялись паровозы, не считаясь с тем, какой груз или какой эшелон должен был пойти. Словом, всякий намек на планомерную работу отсутствовал, и весь состав железнодорожного начальства был задерган до последней степени, в особенности, если кадры железнодорожных работников переходили к нам от белых в порядке нашего продвижения вперед, так как к каждому работнику в этом случае относились с подозрением. Весь кадр железнодорожных работников буквально валился с ног, не имея ни отдыха, ни сна. К этому прибавилась еще эпидемия тифа, распространявшаяся, главным образом, по тем же железным дорогам и станциям, которые были загрязнены до крайнего предела. Понятно, что железнодорожные служащие заболевали первыми, и заболевших заменить было некем. Зачастую бывали случаи, когда станция оставалась без всякого начальства, и для того, чтобы найти человека, способного заменить того или другого работника для обслуживания станции, в проходящих эшелонах искали железнодорожников, которых тут же снимали и назначали на ту или другую должность. Эти работники часто прекрасно справлялись с возложенной на них работой до того времени, пока их не заменяли назначенными сверху людьми.

При этих условиях первой задачей было — восстановить какой-нибудь порядок и оградить работников на железнодорожном транспорте от того дергания, которому они подвергались. Эту задачу могли выполнить коменданты станций, которые прежде всего должны были пользоваться известной авторитетностью, на что и было обращено особое внимание Центрального управления военных сообщений.

Несомненно, что создание линейного военного аппарата в значительной мере смягчило те чрезвычайно трудные условия работы на железных дорогах, которые сложились к этому времени. В сущности, коменданты приняли на себя все те неприятности и угрозы, которые раньше были направлены на агентов железнодорожной службы. Разумеется, что комендантов пришлось подбирать особенно тщательно, чтобы они могли разбираться в железнодорожном деле и, с другой стороны, умели ладить с напиравшими на железные дороги массами. Надо было также не упускать из виду, что среди административных работников на железных дорогах было немало врагов Красной армии. Наши военные коменданты становятся в этот момент центральной персоной в железнодорожном деле, они приобретают авторитет, им начинают подчиняться массы, и они превращаются в ответственных работников, от которых зависит успех и планомерность работы железнодорожных станций. Тут опять следует отметить, что среди комендантов выявился не один десяток товарищей, положительно самородков, быстро и прекрасно овладевших своим делом. Изучение проведенной этими товарищами работы наверняка приведет к выводу, что спасение железных дорог от окончательной разрухи во многом обязано их неутомимой и умелой работе.

Надо еще оговорить, что так как война велась, главным образом, вдоль магистрали железных дорог, то овладение железнодорожными станциями, железнодорожными узлами было основным стремлением борющихся сторон. В начальный период приходилось зачастую наблюдать, как станции бросались железнодорожными агентами в панике раньше времени, в силу чего особенно ценные для нас вагонные и паровозные парки попадали в руки врагов. Вот почему забота о сохранении вагонного и паровозного хозяйства в условиях общей бедности наших железных дорог была важнейшей задачей для комендантов, и в этом отношении военные коменданты сыграли весьма серьезную роль, так как их присутствие и их работа в значительной мере сократили случаи преждевременного панического бросания станций со всем хозяйством. Обычно, нам удавалось увозить паровозные и вагонные парки, и, наоборот, у наших врагов наблюдалась иная картина — мы зачастую захватывали богатые трофеи в виде паровозов и вагонов. Таким образом, организация военной линейной службы явилась переломным моментом в деле использования железных дорог и внесла большое упорядочение и планомерность в работу транспорта.

Но если введение должностей комендантов на железнодорожных станциях дало хорошие результаты на периферийных железнодорожных участках, то в центре комендантский аппарат не сразу нашел свое место. Зачастую коменданты мешали работе органов НКПС,

и на этой почве создавались тяжелые взаимоотношения между работниками НКПС и работниками ЦУПВОСО. Пришлось выработать формулу для совместной работы, и надо сказать, что в последний период гражданской войны такая формула была найдена, хотя и не устранила вполне трений между этими двумя органами.

Кроме железнодорожной комендатуры, был создан еще корпус диспетчеров. Дело в том, что даже при налаженном порядке движение этих бесконечных военных эшелонов производилось без графиков, без каких-либо расписаний. Было абсолютно невозможно представить себе картину, где и какие эшелоны находятся в каждый нужный момент. Все, что было известно об эшелонах,— это их выход со станции погрузки и прибытие к пункту выгрузки. С какой скоростью они следуют, где находятся, узнавать приходилось в каждом отдельном случае путем ряда справок по станциям, что было долго и опять-таки неверно, так как за время этих справок эшелоны уже уходили дальше. Если приходилось изменить направление следования эшелона или эшелонов, то эта задача была очень трудная, зависевшая от того, удастся ли поймать эшелон или нет, а еще хуже — поворачивался не тот эшелон, который требовался. Корпус диспетчеров сутками дежурил и наносил к определенному времени суток движение каждого эшелона по телеграфным сведениям от таких же диспетчеров, расположенных на узловых станциях. После этого у командования имелись исчерпывающие сведения по движению более или менее всех эшелонов. При этих условиях уже явилась возможность маневра эшелонами.

Интересен момент снятия Красной армии с колес. Эта операция происходила чрезвычайно болезненно. Приходилось применять исключительные меры для того, чтобы упорствующие эшелоны «выставить» из излюбленных ими вагонов. Были случаи, когда приказания о высадке из вагонов не исполнялись и приходилось насильственно высаживать. Этот период перехода от эшелонной войны, к счастью, был весьма недлителен, но, тем не менее, он характерен и отметить его следовало, при чем здесь имело громадное значение и то обстоятельство, что командир гражданской войны был теснейшим образом связан с массой своих бойцов. Еще Фр. Энгельс говорил, что тактика вырабатывается на поле брани и что солдат в этом деле играет немалую роль. И вполне понятно, что в такой массовой войне, каковой была война гражданская, наш командир, тесно, по-товарищески крепко связанный с массой красноармейцев, «творил» тактику, буквально, в огне сражений. Немалую роль, конечно, играл здесь и состав и район комплектования отдельных наших частей.

Затем, все кризисы, переживаемые железнодорожным транспортом, изживались при горячем участии Красной армии и при добавочной

нагрузке в работе тыловых частей, о чем уже выше говорилось. Часто погрузка топлива производилась воинскими командами. Без этого участия со стороны Красной армии изживание железными дорогами своих кризисов, несомненно, проходило бы более длительно и болезненно.

В статье отмечается, что до последних дней число вагонов, загруженных войсковыми частями, было очень велико — приводится цифра в 15.000 вагонов. Такая загрузка, конечно, имела место, но нельзя целиком относить ее за счет эшелонного периода войны, о котором мы говорили выше. Эта цифра объясняется организацией большого числа военных баз на колесах. При громадном размахе отступлений и наступлений создавать базы не на колесах было вещью весьма рискованной, так как была большая опасность потерять много имущества. Вот почему Красная армия имела на колесах ряд обслуживающих ее организаций, которые в случае нужды могли быть быстро отодвинуты назад. Даже, скажем, ремонтная мастерская по исправлению оружия была организована на колесах, и таких мастерских было несколько, они отправлялись туда, где имелось много порченого оружия, и, проделав работу, переезжали дальше. Этот вопрос, к сожалению, совершенно не освещен авторами. А, между тем, такой выход являлся единственно правильным по тем временам. Конечно, тут не имеются ввиду такие организации, как бронепоезда, которые всегда должны быть на колесах.

Не надо также забывать, что в то время очень сильно развился бандитизм, который в центральных районах оперировал, главным образом, на железных дорогах: рвались провода, портилось железнодорожное полотно, сжигались небольшие мосты. Борьба с бандитизмом велась частями, посаженными на колеса, так называемыми десантными ротами и баталионами, которые выбрасывались в угрожаемые районы. Отказаться от такого способа борьбы было бы очень опасно, так как приходилось экономить время. Вызов войска из казарм для поимки или преследования бандитов и затем погрузка его сопровождались бы постоянными опаздываниями.

Таким образом, для охранения самих железных дорог приходилось иметь воинские части в постоянной готовности, то-есть — на колесах. Думается, что при расшифровке приведенной цифры (15.000 вагонов) оказалось бы, что нелепо загруженные вагоны были в сравнительно небольшом числе случаев.

Авторы обошли молчанием также очень интересный вопрос — о помощи Красной армии, оказанной ею железнодорожному транспорту в период образования трудовых армий. Работа Красной армии в этот период по ремонту и восстановлению железнодорожного хозяйства заслуживает глубокого внимания, так как она способствовала ликвидации разрухи и восстановлению ж.-д. транспорта.

★

Вопросы тактики и операции на полях гражданской войны получили отражение в статьях: «Ценность опыта гражданской войны в области тактики», «Пехота в гражданской войне», «Преследование в гражданской войне» и «Тактика крупных конных масс в эпоху гражданской войны».

Статьи являются, несомненно, ценным материалом и содержат новые данные для будущих исследователей по затронутым вопросам. Не следовало только во многих случаях прибегать к обобщениям. Эти обобщения, когда вопрос еще недостаточно обследован, могут вызвать у читателя сомнения в их правильности. Это с одной стороны, а с другой—выносить за скобку, так сказать, то, что имело место на одном фронте, и, обобщая, приписывать это другим фронтам,—это может вызвать вполне справедливые возражения. Вот эта неоднородность фронтов и противника сейчас, пока мы еще не успели развернуть наши исследовательские работы по гражданской войне, требует от нас сугубой осторожности в обобщениях.

Следующий вопрос—тактика и роль нашего командира в деле создания тактики на полях гражданской войны. Командир как-то ускользнул из поля зрения авторов, и получилось, что тактика наша сама собою выросла и окрепла, а если это так, то роль нашего командира была весьма невелика и, очевидно, командир наш плелся в хвосте событий. Между тем, в действительности было, конечно, не так. Тактика в очень многом зависела именно от командира. Во многих случаях дивизии оценивались по боевым качествам ее командира,—например, т. Чапаев умел драться против конницы, и его дивизия прекрасно справлялась с этой задачей; другие дивизии, не менее боеспособные и стойкие, терпели тяжелые неудачи в борьбе с конницей. О т. Чапаеве упоминаем здесь, как о командире, известном всем старым бойцам, но таких примеров можно привести бесчисленное множество. Подчиненные командирам дивизии комбриги свои качества отражали на свои части и так же шло дальше.

Ведь наш молодой красный курсант в громадном большинстве проходил боевую подготовку на полях гражданской войны,—с этим опытом обстрелянного бойца он становился командиром. Мог ли такой командир оставаться в стороне от дела создания тактики и приемов борьбы на полях боев? Само собою разумеется, что так быть не могло.

Могут возразить, что при таких условиях должно было быть «много тактик», если можно так выразиться. И, безусловно, было много и даже очень много тактик. Между прочим, эту «множественность» тактики мы испытали в первый период, когда принялись за обучение в мирных условиях; пестрота, наблюдавшаяся в то

время, подтверждает факт «множественности», почему тогда так и спешили с созданием уставов для устранения этой пестроты. Изложенное еще раз подчеркивает необходимость со всей тщательностью исследовать эту сторону нашего военного дела.

Кроме того, не надо забывать, что и командиры, выдвинутые на свои посты революцией, не имевшие военной подготовки, тоже творили тактику, и во многих случаях очень недурную.

Таким образом, казалось бы, при анализе тактики следовало бы отметить и роль комсостава в этом деле.

Часто говорилось раньше и говорится сейчас, что нас многому научил противник. Конечно, это так и было, но надо сказать, что и противник от нас кое-что позаимствовал. Вопрос этот немаловажный, и его нельзя обойти молчанием.

Имеется много спорных вопросов, которые вызываются тем, что в гражданской войне были отброшены привычные формы, въевшиеся в плоть и кровь старых военных работников. К разряду таких вопросов можно отнести, например, вопрос об охранении. Так, неоднократно указывалось, что Красная армия плохо охранялась. И действительно, на войне не было видно тех форм охранения, которые давались старым уставом, о новых же формах охранения ничего не было слышно. Естественно, что при этих условиях могло сложиться убеждение, что охранения и совсем не было. Однако такую беспечность, как бы мы плохи ни были, допустить трудно. Теоретически рассуждая, можно утверждать лишь одно, что старые формы охранения во многих случаях не могли быть применены.

Действительно, если обратиться к численности красноармейских частей и к величине участков, с которыми приходилось иметь дело, то для многих случаев будет очевидно, что ни о каком охранении такого рода, как предусматривали старые уставы, не могло быть и речи. Вот почему должно было появиться какое-то другое охранение. Предположительно можно думать, что охранение сводилось к тому, что целые части должны были быть в напряженной готовности, т.-е. командование просто отказывалось от выделения определенных сил в охранение и держало всю часть в боевой готовности. Такое напряжение не все части выдерживали. Длительность операций, утомленность частей приводили к тому, что части не были в состоянии выдерживать нужную по обстановке готовность, почему и попадали впросак, но это скорее была беда частей, чем их вина. Если полк состоял из 300—500 штыков, то, выставляя охранение, соответствующее пространству, отдыхающая часть была бы меньше охраняющей. Естественный выход из этого — держать всю боевую часть вместе в известной полуготовности: часть бодрствует, часть отдыхает. Само собою разумеется, это не исключало

случаев, когда выставлялось ближайшее охранение в виде отдельных постов.

Все вышесказанное является не больше, чем предположением, ясно только одно, что части принуждены были искать какие-то новые формы и приемы охранения и, вероятно, таковые имелись. Приходилось слышать, что и местное население в том или ином виде несло службу охраны тогда, когда части располагались в деревне, и, во всяком случае, местное население являлось хорошим и быстрым осведомителем о противнике.

К таким же спорным вопросам относится и разведка. Сложилось убеждение, что войсковая разведка Красной армии слаба. В частности, автор статьи о преследовании приводит факт, что, например, в районе Юшунских позиций противник ушел, не будучи замеченным нашими частями,— таких случаев, думается, было очень много. Однако это не доказывает еще слабости разведки или ее отсутствия, как говорит автор. Дело это было ночью, а ночью даже у очень опытной разведки такие промахи допустимы. К ночным действиям нам еще придется вернуться, но, как бы то ни было, материалом о том, как велась в гражданскую войну разведка, мы пока что не располагаем.

Статья о преследовании, несомненно, удачно отражает характерное в операциях Красной армии. Хотелось бы только дополнить ее несколькими вопросами, которые, на наш взгляд, являются немаловажными для операций преследования Красной армии и, пожалуй, пригодятся и на полях будущих войн.

Вопрос сводится к тому, что не всегда преследование выливалось в форму такой стройной и систематической операции, как это принято понимать. Зачастую преследующий с первых же шагов операции попадал в довольно нелепое положение, которое объяснялось тем, что отступающий противник вдруг исчезал. Если эти случаи были редкими на фронтах, то уже, как правило, это явление наблюдалось при наших ликвидациях басмачества, организованного бандитизма и враждебных нам повстанческих организаций. Исчезновение происходило весьма простым порядком: бойцы противника рассыпались по своим деревням, по своим домам и, спрятав оружие, обращались в обыкновенных граждан. На фронтах рассыпания тоже имели место. Так рассыпались мобилизованные белогвардейцами солдаты. Они расходились по своим домам. Офицерский кадр, конечно, сохранялся и отступал.

Если присмотреться к тому, что было в последних колониальных восстаниях, то ту же картину можно видеть и там. Те же друзы, потерпев поражение, обращались быстро в мирных граждан с тем, чтобы позднее, при более благоприятной обстановке, опять собраться и превратиться в вооруженную силу повстанцев.

У нас в Тамбовской операции нередко бывали случаи, когда мы, разбив врага, не могли преследовать его, так как отступающих-то не было. Еще ярче этот прием отмечается в Средней Азии: басмачи, которые, кстати сказать, и по своей одежде ничем не отличались от обыкновенных граждан своего района, также при неудаче рассыпались по своим кишлакам. Если вспомнить всю историю Махно, то тут такое рассыпание имело место не только при преследовании, но и при нападении. Банды Махно под видом мирных жителей появлялись в селе, занятом нашими частями, и по условному сигналу врасплох нападали на наших красноармейцев. Имеется очень много воспоминаний, когда банды Махно в праздничный день расправлялись с красноармейцами; прибыв на ярмарку под видом обыкновенных деревенских граждан и имея под полой обрез,—в нужный момент они пускали его в ход. То же делалось под видом транспорта, везущего хлеб.

Таким образом, эта тактика, уничтожающая возможность преследования, весьма характерна в обстановке гражданской войны.

В одном месте автор обрушивается на наш прием борьбы с бандитами — на окружение, утверждая, что красные части в некоторых случаях окружали как бы пустое место.

Это также имеет свое объяснение в только что изложенном примере. Можно с уверенностью сказать, что окружений пустых мест, как правило, не было, но прорыв через кольцо окружения обыкновенно происходил по способу, только что изложенному. Оговорим, что кольцо окружения имело глубину: первое кольцо поддерживалось вторым и даже третьим, при чем в третьем ставили кавалерию, которая могла бы быстро перемещаться к участку, где происходит прорыв. Однако условия гражданской войны таковы, что из окружения можно выйти и не прибегая к прорыву.

Там же автор указывает, что в конечном счете операции по ликвидации банд свелись к окружению и настойчивому преследованию. Повторяем, что преследование банды по тем же причинам имело те же слабые стороны. Успешная ликвидация происходила несколько иными путями. Автор о них упоминает в двух строках.

Ликвидация требовала принятия ряда мер не только по войсковой линии, но и по линиям экономического и политического порядка и большой работы карательных органов. Все эти меры приводили к тому, что само население приступало к борьбе с бандитизмом в своем районе. Бандиты в этом случае теряли почву под собой и достаточно быстро, после двух-трех боевых неудач, самоликвидировались или уходили за границу, поступая, во многих случаях, на службу к нашим врагам.

Теперь еще два слова о настойчивом преследовании бандитов. Мы неоднократно изматывали в конец свои конные части в такого

рода настойчивых преследованиях. Дело в том, что бандиты в этой операции имели громадные преимущества выбора пути своего бегства и постоянного освежения своего конского состава. Те же бандиты Махно на путях своего бегства постоянно производили смену лошадей. Со стороны населения такая смена, само собою понятно, не была добровольной помощью бандитам. Производилась она под бандитским давлением. Надо сказать, эта смена лошадей практиковалась в очень широких размерах. При этих условиях настойчивость преследования бандитов была операцией весьма сомнительной целесообразности. Она изматывала нашу конницу и, несомненно, разоряла население. Правильнее было бы для разгрома банд пользоваться моментами их оседания в излюбленных ими районах. В отношении преследования банд воздушными силами, автором не затронут наш опыт такого преследования на Туркестанском фронте. Этот опыт дает богатые материалы по преследованию в условиях степных и открытых пространств.

Таким образом, не всегда условия гражданской войны позволяли организовать преследование, иногда оно просто исключалось по причинам вышеизложенного характера.

Затем автор указывает на то, что в гражданскую войну почти не применялись ночные действия. Думается, что это не совсем так. Случаи ночных действий были уж не таким редким явлением, как это рисуется автору. Возьмем ночные отходы, как с нашей стороны, так и со стороны врага. По этому поводу и сам автор указывает пример весьма характерного отступления противника от Турецкого Вала в период Врангелевской операции. Это далеко не единственный пример, их было достаточно и у нас и у наших врагов.

У нас имелись случаи и ночных атак. Например, атака Белорецкого полка. Командир Белорецкого полка, тов. Пирожников, еще под свежим впечатлением так передает эту атаку: после неудачных попыток овладеть позицией противника, командир полка выясняет у местных жителей, что противник занимает возвышенность и в тылу у него имеется еще три таких возвышенности с окопами. Сил у противника было «порядочно» и «около трех десятков пулеметов, а также и батарея». Командир полка приходит к выводу, что позиция противника может быть взята двумя способами: «устроить обстрел сильным артиллерийским огнем или штурмом (атакой), после чего позицию противника атаковать. Однако этот способ требует артиллерии». (Это выражение надо понимать так: или атаковать позиции после артиллерийской подготовки, или непосредственно их атаковать без артиллерийской подготовки). В данном случае командир полка располагал артиллерией в недостаточном числе, к тому же, по его мнению, «не представлялось возможным ее подвезти на расстояние, с которого можно было бы обстреливать

противника, в виду лесистой топкой местности. Поэтому пришлось выбрать второй путь — штурм, но не иначе, как ночью, с таким расчетом, чтобы с рассветом противник был выбит из всех позиций, несмотря на то, что нам приказано было занять позицию противника утром сегодняшнего дня во что бы то ни стало, но выполнить это мы считали невозможным».

Ночная атака состоялась и была успешна. Подробностей приводить не будем, ограничившись приведенными, которые говорят о том, как разумно подходили наши командиры к вопросу атаки, и как они, когда это вызывалось обстановкой, пользовались ночью.

Это не единственная ночная атака. Имелись и другие случаи ночных атак. Правда, эти ночные действия велись весьма своеобразно, но, как бы то ни было, имели успех.

Наконец, автор подчеркивает особо, что красные части ночью не преследовали.

По этому поводу приходится несколько возразить. В только что приведенной ночной атаке было затем преследование. Надо полагать, что после каждой удачной ночной атаки такое преследование накоротке имело место. Однако автор мыслит ночное преследование в ином виде, не совсем для нас, по крайней мере, ясном. Преследовать ночью дело больше, чем трудное. Не случайно же в критический момент побитая сторона пользуется ночью, чтобы оторваться от сильного победителя, и, как правило, всегда это удается. Очевидно, преследование ночью имеет известное ограничение, в особенности в гражданскую войну, когда преследование продолжалось в течение длительного периода, измеряемого десятками суток. По этому поводу припоминается разговор немного анекдотического порядка, имевший место на Южном фронте, между командующим ударной группой Селивачевым и дивизией, образованной из туркестанской армии (дивизия была еще пропитана партизанскими настроениями): на настояние тов. Селивачева продолжать движение после совершенного уже перехода, дивизия ответила: «мы же не верблюды, чтобы 4 суток итти без передыха». В этом ответе есть и косвенный ответ на вопрос, почему ночью мы не преследовали. Ведь, действительно, преследовать днем и ночью могут только верблюды, да и то не долго.

Теперь два слова о подводах, которыми широко пользовалась Красная армия при своих передвижениях. Наличие подвод в некоторых частях обращало пехотные части в ездящие, при чем тут же складывалась и тактика ездящей пехоты. По этому поводу приводим выдержку из той же записи о Белорецком полку: «мы не просто шли в одном направлении в наступление или отступление, а мы скользили вдоль фронта, в одном месте восстанавливая, то-есть задерживая противника, быстро переезжаем в другое место. Наша

переброска была легкая в том, что мы имели на каждых 3—4 человека особую лошадь и все лошади были хорошего качества, то что за ними красноармейцы делали ухода больше, чем нужно, лучше сами оставались вперед голодными, нежели чем их лошади. И это внушение было в целом, несмотря на то, что они сами знали, что зависимость от этого составляла, как общее благополучие, а также и личное, и второе, если бы мы прибыли на какую-либо позицию и принимаем бой, то лошади, ясно, в это время отдыхают, поэтому в ином случае кавалерия не в состоянии делать таких переходов, как мы, лишь потому, что они двигаются в пути до позиции на этих лошадях и на них же участвуют в бою. Вот этим мы имели большое достижение, мы навсегда и всюду не только одновременно были на указанных нам местах или позиции, но мы даже навсегда выполняли ранее указанного времени».

Нельзя отказать Красной армии в целом и, в частности, нашему командиру в находчивости, умении приспособляться к случаю, к обстановке, в здоровой смекалке и в известном разнообразии выработавшихся у нее приемов борьбы. Все это улавливается лишь при знакомстве с мелкими боевыми эпизодами, материалы по которым не всегда легко найти, но без которых не понять и не охватить этого богатого опыта по тактике гражданской войны.

Автор в самом начале своей статьи указывает, что собственно никакого Полевого устава официально Красная армия не знала, у нее был свой устав, выработанный практикой и смекалкой. Это особая характерная черта нашей гражданской войны, которая заслуживает того, чтобы особо внимательно до мелочей изучить действия наших красноармейцев и понять те действительно неписанные уставы, которыми руководствовались наши красные бойцы и командиры.

★

Действия крупных конных масс в эпоху гражданской войны не только у нас, но и за рубежом, должны были вызвать вполне понятное удивление. Ведь опыт империалистической войны дал как раз обратный показатель — использование конных масс не удалось. Поясним, что после империалистической войны поднялся шум не против конницы, как это многие смешивают, а против конных масс. Отсюда, главным образом, и понятен тот повсеместный интерес, который мы наблюдаем и до сегодняшнего дня к работе наших красных не только конных, но именно крупных конных масс.

Где секрет побед красной конницы? — задает вопрос автор и тут же отвечает: в сложившейся благоприятной обстановке нашего Южного фронта. Вопрос понятен, а ответ недостаточен. Обстановка позволяла использовать конницу, — это ясно, но почему же

возродилась не только масса конницы, а даже крупная ее масса? Требовалось ли это обстановкой? Может-быть, те же задачи и с тем же успехом могли быть выполнены просто конницей, или если массой ее, то не крупной? Это — первый вопрос, который остался без ответа. А второй — еще более интересный: какая же была тактика этих крупных конных масс?

Все вопросы тактики, изложенные в статье, равно применимы к кавалерийскому полку и к бригаде, пожалуй, и к дивизии, словом - к нормальным кавалерийским подразделениям. Но вот тактики крупных конных масс тут абсолютно не чувствуется. Каждая дивизия, каждая бригада действовали как бы независимо одна от другой, а главное, от всей той массы, в которую входили. В изложенной тактике не чувствуется действия всего организма массы, она вне организма, и масса в ней никак и ничем не отражается. Выходит, что конная масса в составе «крупной массы» не действовала, а отдельно работали дивизии, в резерве которых обычно, как говорит автор, имелись бригады. Между прочим, враги конных масс именно на этом факте и строят свои обоснования для их распыления.

1-я Конная армия имела в своем составе до $5^1/_2$ кавдивизий, коренная же ее организация—$4^1/_2$ кавдивизии. Случайно ли это число дивизий и не вызывалось ли оно какими-либо соображениями? Не было ли тут того, что с этим числом дивизий было наиболее удобно варьировать или распределять нужные силы по задачам. Вопросы сбережения конского состава, организации, разведки, охранения, обеспечения ударов тоже, несомненно, были данными для обоснования этой численности конной массы. Все эти вопросы остались незатронутыми, а не затронув их, нельзя было ответить и на вопрос: какова же была тактика крупных конных масс. Выходит, что т. Буденный действовал, будучи еще комбригом, так же, как действовал, состоя комкором, и, наконец, так же действовал и командармом.

Ясно, что это было не так, и так же ясно, что автор не дал нам тактики крупных конных масс. На все эти вопросы мы, вероятно, получим ответы из истории 1-й Конной армии, на которую имеется ссылка и в данной статье. Приходится также отметить, что автор, подчеркивая значение для кавалерийской тактики опыта польской войны (и делая это совершенно правильно), в то же время преуменьшает значение для будущего конных действий на Южном фронте.

В первоначальном тексте статьи автором были допущены явно ошибочные выводы, исправленные после редакционных указаний, но кое-какие следы этих выводов сохранились и в окончательном, исправленном тексте. Придавая этому вопросу большое значение, редакция и отмечает это обстоятельство в предисловии.

*

Теперь о тактике крестьянских восстаний. Тут основной вопрос — это превалирование организации над тактикой. Организационные вопросы настолько довлеют, что тактика выливается в самые разнообразные формы и приемы борьбы, получившие наименование тактики партизан. Эта тактика, прежде всего, самобытна, неповторяема и невоспроизводима по заказу, почему обобщить ее и дать ей какие-либо нормы и задачи довольно трудно. Партизаны каждого района действуют по-своему, в зависимости от их быта, местных условий, организационных форм и от многих других причин, среди которых не последней является личность взявшего на себя командование.

Статья на эту тему в сборнике дает представление о возможности организовать крестьянские восстания по какому-то одному шаблону. Как будто, руководствуясь какими-то твердыми указаниями, можно провести восстания. Мы считаем это основной ошибкой автора.

Вряд ли правильно такое положение, что крестьянские восстания можно было шаблонировать. Опыт гражданской войны, пожалуй, не в состоянии подтвердить эти выводы; думается, что восстания, которые, в конечном результате, выливались у нас в партизанские действия, по крайней мере в период гражданской войны, далеко не были так однотипны. Наоборот, в каждом районе эти восстания имели свою определенную физиономию и развивались далеко не по одному и тому же образцу. Если мы возьмем восстания, которые нам приходилось ликвидировать, хотя бы восстание в районе Гуляй-Поле, тамбовщину, басмачество и затем бандитизм Приволжья, — то все они не походили одно на другое. Если мы возьмем наши красные восстания в тылу наших врагов, то опять-таки найдем мало общих черт в их организации и действиях.

Автор, взяв очень интересный вопрос, но, очевидно, не располагая нужным материалом, не обрисовал работы наших партизанских частей, их возрождения, их развития, их задач, их организации, наконец их тактики. И. не уловив всего этого, вероятно, обобщил свой опыт, представив его, как вывод из всей гражданской войны.

Участие крестьянства в борьбе против оккупантов остается у автора совершенно неосвещенным.

Между тем, мы имеем целый ряд таких партизанских действий в своем собственном опыте: были они и на Северном фронте, и на Дальне-Восточном, и на Украине.

Автор точно так же не коснулся вопроса о белогвардейских расправах с крестьянскими восстаниями. Ведь этот вопрос имеет для нас далеко не исторический, далеко не агитационный характер. Методы

борьбы врага с крестьянскими восстаниями должны быть нам известны, а следовательно, и должны быть изучены. Теперь, особенно после процесса генерала Анненкова, в этой области мы располагаем большим материалом. В этом процессе вскрылись все те жесточайшие меры борьбы, к которым прибегали наши враги в отношении крестьянских восстаний. Интересно также было бы осветить, насколько эти жестокие меры послужили к тому, что эти восстания еще больше крепли, и насколько действия наших врагов революционизировали крестьянские массы. Ведь не одни только генералы Анненковы так расправлялись с нашим крестьянством, «не хуже» расправлялось с ним и германское оккупационное командование, а равно и английское, что также сыграло немалую роль в революционизировании нашего крестьянства. То же самое мы видим на Дальнем Востоке и со стороны японцев. Вот почему на этом вопросе следовало особенно заострить внимание, так как это является, несомненно, ключом к пониманию того, что́ происходило в крестьянских массах во время революции и почему, в конце-концов, все 130-миллионное население сделало выбор между белыми и красными, остановившись на последних.

Теперь два слова о действиях речных флотилий. Тут, на наш взгляд, самым ответственным моментом является определение удельного веса и места этих сил в гражданской войне. Работа речных флотилий не получила должной оценки на страницах нашей военной печати. Только в специально морской литературе имеются данные об этой работе, но и то с узким подходом чисто морской оценки. А между тем, работа флотилий иногда входила ответственным звеном в общеармейские операции, и поскольку это так, то успешное выполнение задачи являлось решающим для этих операций.

В частности, операции на Восточном фронте, у многих авторов вылившиеся в одну операцию удара со стороны Южной группы, в действительности состояли из двух последовательных ударов — удара Южной группы и затем удара правым флангом 2-й армии. Удар 2-й армии был построен в соответствии с действиями Южной группы: поскольку Южная группа громила южный участок неприятельского фронта, постольку удар 2-й армии громил северный уральский фронт неприятеля. Трудность удара 2-й армии заключалась в том, что тут операция должна была начаться переправой через реку Каму. Серьезность реки Камы, как преграды, требовала для нанесения удара помощи речной флотилии. В этом ударе речная флотилия должна была сыграть решающую роль в деле боевого содействия переброске и в самой переброске наших частей на неприятельский берег. Эту задачу флотилия выполнила блестяще, а высаженный т. Кожановым десант моряков сыграл решающую роль в переходе 2-й армии в наступление.

Несколько позднее та же Волжская флотилия играет решающую роль на юго-восточном участке нашего Южного деникинского фронта. Здесь дело сводилось к разгрому противника у Черного Яра, и без помощи флотилии этого разгрома мы произвести не могли бы, почему опять-таки речной флот здесь вклинился в совместную очень крупную операцию сухопутных частей с моряками и прекрасно выполнил трудную и ответственную задачу.

Такой же ценности была операция этой флотилии на нашем южном фланге, в Каспийском море. Операция закончилась овладением Петровском. Затем, идет особая работа флота в Каспийском море по очистке его от противника.

Оценка этих операций требует детального изучения, и не сомневаюсь, что результаты этих изучений определят, наконец, удельный вес в них речных флотилий, который был много выше того, чем это представляется теперь.

★

В заключение остановлюсь на вопросе — «Стратегическое нарастание и истощение в гражданской войне». Вопрос сугубой теории.

Где надо искать первоисточник нарастания и истощения? Его надо искать прежде всего в политике, которая руководит в данном случае замыслами стратегии. В гражданской войне стратегия руководилась политикой Октябрьской революции. Отсюда ясно, что стратегическое нарастание и истощение в гражданской войне было отражением того же нарастания или истощения политики революции. Продолжая таким образом дальше, можно истолковать мысль автора так, что в Варшавской операции у нас было истощение политики революции, или, короче говоря, истощение революции. Мысль эта, конечно, абсурдна. Ведь самый факт белопольской кампании надо рассматривать, как доподлинное наступление Антанты на нашу революцию, где Польша была лишь орудием действия Антанты. И то, что мы были в состоянии принять этот вызов Антанты, служит доказательством как раз не истощения, а нарастания революции.

Варшавская операция, которая приводит к непосредственной угрозе создания кризиса Версальского мира, есть уже кульминационное «нарастание» в политике революции с исключительной перспективой как для политики революции, так и для стратегии. Таким образом, сказать, что тут у нас было стратегическое истощение,— неправильно.

Эта неправильность объясняется тем, что автор, искусственно оторвав стратегию гражданской войны от революции, сузил тему до отдельного вопроса военной подготовки Варшавской операции и сделал вывод, что подготовка эта была недостаточной, почему под самой Варшавой она иссякла. С этим не будем спорить, оговорив,

что интереснее было бы в этом вопросе не констатировать факт, а исследовать причины, почему же подготовка оказалась недостаточной.

Теперь два слова по сравнению подготовок Восточной операции и Варшавской операции, которые дает автор под тем же флагом исследования вопроса—«стратегическое нарастание и истощение». Прежде всего эти подготовки трудно сравнивать, так как условия и обстановки, в которых происходили эти операции, были абсолютно несравнимы. Дело все в том, что автору требовалось доказать, что на востоке у нас было стратегическое нарастание, а под Варшавой стратегическое истощение. В самом начале мы уже говорили, что тут кроется крупнейшее недоразумение и что Варшавская операция стратегически нарастала. Таким образом, в обоих случаях мы имели стратегическое нарастание, да иначе и быть не могло, так как наша революция периодов истощения в гражданской войне не могла иметь и не имела.

Вот эту характерную черту автор не уловил, не уловил того, как силы стратегии питались силами революции. Если приглядеться к истории наших боевых неудач,—а таковые история Красной армии также имеет, —то приходишь к выводу, что боевые неудачи наращивали нашу боевую мощь. Это парадоксально, но правильно. Каждая наша неудача на фронте вызывала энергичную поддержку со стороны революционных сил, и, таким образом, истощение войск, о котором говорит автор, фактически вело к нарастанию революционного отпора, революционного напряжения и, назовем, боевой воли. Самые жестокие наши неудачи на фронтах сейчас же вызывали поддержку со стороны революционных сил центра. Получая одну волну подкреплений за другой, фронты становились во много раз крепче, чем до поражения, и так было буквально в период всей гражданской войны. Тут опять мы сталкиваемся с тем, с чего начали, что истощение стратегии при нарастании революции—вещи несовместимые. Если стратегия терпит неудачу и слабеет в своих силах, то первоисточник сил сейчас же не только выправит положение, но и еще больше его укрепит. Чем бо́льшая опасность угрожала революции, тем большее напряжение революционных сил находилось для преодоления этих опасностей. Это явление характерно для нашей революции. и, разумеется, при таких условиях теория истощения и нарастания ставится в совершенно иную плоскость, чем это рисуется автору статьи.

В этом отношении особенно показателен пример из Петроградской операции в период наступления Юденича, когда в кратчайший срок были созданы положительно непоколебимые силы.

Такую же картину мы наблюдаем и сейчас на фронтах нашего хозяйственного строительства. Тут ведь тоже идет самая отчаянная борьба по преодолению всех затруднений. И тут бывают неудачи

и поражения в роде тех, какие имели место на боевых фронтах. и так же, как и тогда, каждая неудача вызывает новое двукратное, трехкратное усиление воли и мощи со стороны революционных сил, после чего дело удается и двигается вперед. Тут тот же первоисточник, который питал и нашу стратегию гражданской войны.

Наши враги неоднократно рассчитывали и рассчитывают на истощение наших созидательных сил, не учитывая, что первоисточник сил неустанно нарастает и не только за счет своего потенциала, но и за счет потенциала международного пролетариата, а это в свою очередь гарантирует его неиссякаемость.

Затем автор, приводя примеры из действий на Западном фронте, доказывает, что под Варшавой части подошли настолько стратегически истощенными, что, хотя автор этого прямо и не говорит, но можно легко догадаться, что успех был немыслим. Самое скверное - рассуждать в области догадок, но во всяком случае момент любопытный: была ли действительно неудача потому, что у нас имелось истощение? Рассуждая по примеру автора, можно заранее сказать, что ни одна операция не может увенчаться успехом. Ведь не подлежит сомнению, что всякая операция, всякое военное действие истощают участвующую в борьбе сторону. и всякая победа происходит в условиях и в обстановке истощения. Даже если взять преследование, этот наиболее благодарный в этом отношении вид операции, то, как бы успешно оно ни велось, в конце концов, преследующая сторона так же приходит к истощению, как и отступающая. И вопрос сводится лишь к тому, какая из двух истощенных сил, скажем, отступающая или наступающая, при столкновении окажется способной на последнее решающее напряжение. Под Варшавой, как раз, решительного слова борющимися сторонами не было сказано. Но было бы также неправильным ограничиться лишь подчеркиванием этой стороны в вопросе о стратегическом нарастании и истощении. Политика -это первоисточник, она ставит задачи стратегии на основе учета всех элементов обстановки, но в рамках, ею данных. операция в целом может давать различные циклы кампаний. Здесь свою роль могут сыграть и недостаток в данный момент материальных ресурсов, и слабость работы ж.-д. сети, и ошибки командования, и, наконец, даже простая случайность,—все это не может не оказывать своего влияния на положение дел в ходе развивающейся операции.

В заключение редакция еще раз подчеркивает немалую ценность работ второго тома. но одновременно с этим приходится еще раз констатировать и совершенно неудовлетворительное состояние, в котором находится у нас вопрос изучения гражданской войны. У нас нет организации, специально поставленной для военно-научного исследования. Наши архивы влачат все еще довольно жалкое

существование. Вопросами исследования занимаются отдельные лица, делая это от случая к случаю, не имея возможности использовать, как следует, архивный материал и не располагая нужными для этой работы средствами и временем.

Осоавиахим взялся за это дело. В частности, по истории гражданской войны сейчас образовывается коллектив работников, но и эта организация встретит затруднения, если не будут отпущены средства для приведения в порядок архивов, а также если не будет на этом деле сосредоточена достаточно квалифицированная кооперация научно-исследовательских сил.

Необходимо отказаться от кустарничества, в каковом сейчас пребывает военно-научная исследовательская работа, и в скорейшем времени поставить эту работу в условия, обеспечивающие серьезность и продуктивность работы.

★

Редакционная коллегия второго тома состояла из тт. С. М. Белицкого, А. Н. Де-Лазари, Ф. П. Никонова и А. А. Свечина.

Общей редакции всего трехтомника «Гражданской войны» пришлось троекратно подвергать редакционному просмотру весь материал второго тома.

Все статьи настоящего тома появляются в печати впервые.

Выпуск тома из печати произведен под непосредственным наблюдением т. Б. Л. Эстрова. Графическое оформление тома выполнено художником т. Каабак.

Техническая подготовка второго тома к печати была проделана тт. М. П. Готлибовым, В. В. Кочергиным и М. Н. Винокуром (ныне покойным).

Схемы выполнены чертежниками тт. Н. А. Атабековым и С. И. Клюевой.

Иллюстрации для концовок предоставлены музеем Красной армии.

Подлинные документы предоставлены Институтом Ленина.

С. Каменев.

22 февраля 1928 г.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ВЫПИСКА Т. ЛЕНИНА,

сделанная им в 1915 г. из книги Клаузевица „Vom Kriege“, zweiter Teil, Berlin, bei Ferdinand Dümmler, 1833, стр. 428, 429[1])

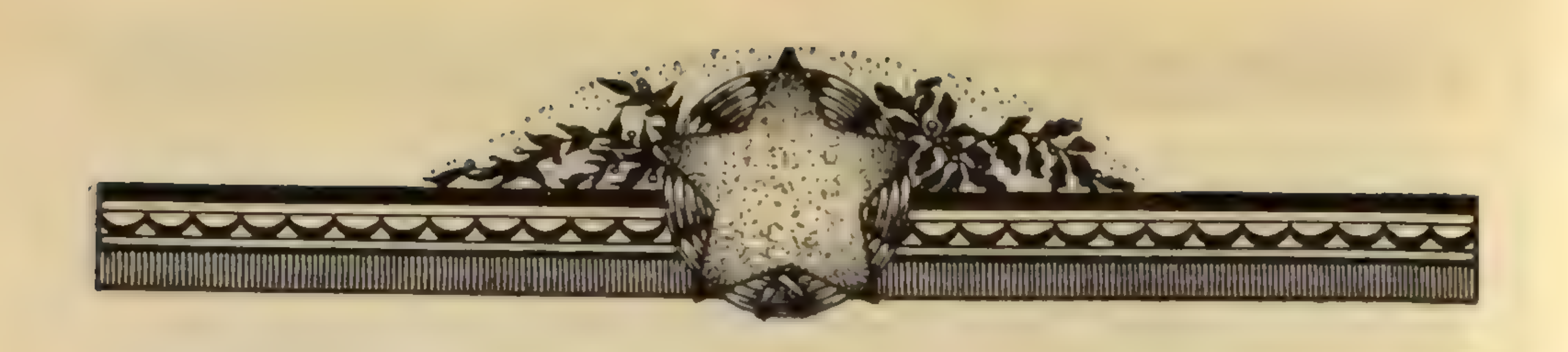
Г(ен). Штаб—та ч(асть) в(ойск), к(ото)р(ая) (больше) вс(ех) пишет и печатает.[2])

... Благодаря этой доминирующей важности топографического элемента, особенно потребуется активность того знания и той деятельности генерального штаба, которые принято считать для него самыми характерными. Так как генеральный штаб обычно является той частью войск, которая больше всего пишет и отдает в печатание, то из этого вытекает, что эти стороны подходов в большей степени фиксируются для истории, и одновременно возникает довольно естественная склонность их систематизировать и сделать из исторического разрешения одного случая общее разрешение для следующих случаев. Это, однако, является тщетным и, стало-быть, неправильным стремлением. Также при этом более пассивном и локализованном виде войны каждый случай будет иным и потребует другого подхода. Лучшие мемуары[3]), обсуждающие эти вопросы, способны только с ними ознакомить, но не могут служить руководством; они снова становятся только страницей военной истории, характерной для данной войны.

[1]) Как эта, так и последующие три выписки взяты из тетрадки В. И. Ленина, в которую он заносил выписки из книги немецкого военного писателя Клаузевица „О войне“, изд. Думмлер, 1833 и 34 гг. Берлин. Тетрадка хранится в Институте Ленина и предполагается к изданию в 1928 г.

[2]) Написано по-русски тов. Лениным.

[3]) Стр. 428, 429.

Ф. НИКОНОВ

ГЛАВНЕЙШИЕ МОМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

ДНИМ из самых трудных вопросов, с которым пришлось столкнуться пролетарской революции, был вопрос организации вооруженных сил.

Тов. Ленин на VIII съезде РКП(б) отмечает:

«Вопрос о строении Красной армии был совершенно новый,— он совершенно не ставился даже теоретически. Мы должны были сплошь-и-рядом итти ощупью... Мы шли от опыта к опыту... Когда мы в революционной программе нашей партии писали по вопросу о специалистах, мы подытоживали практически опыт нашей партии по одному из самых крупных вопросов. Я не помню, чтобы прежние учителя социализма, которые очень многое предвидели в грядущей социалистической революции и очень много заметили в ней,—я не помню, чтобы они высказывались по этому вопросу. Он для них не существовал, потому что он встал только тогда, когда мы взялись за строительство Красной армии».

Тяжелое положение пролетарской революции в этом вопросе осложнялось еще тем, что революция развертывалась в обстановке разложения старой царской армии. Разлагалась огромная вооруженная человеческая масса, влияние которой часто сказывалось как на ходе революции, так и на процессе создания новой армии.

Царская армия имела кадр в 1.500.000 человек; на войну она вышла, после мобилизации, с 3.500.000 человек. Уже в 1915 г. количество призванных под ружье достигало 29% всего трудоспособного населения страны. В декабре 1916 г. в армии состояло 7.500.000 человек, в запасных частях—еще 1.500.000 чел. К 1-му февраля 1917 г. убитых, раненых и пленных насчитывалось более 6.000.000. К этим цифрам надо прибавить около полутора миллионов дезертиров. Армия, в целом, переживала глубочайший кризис, начавшийся еще в 1916 г. Армейская масса не понимала смысла и

цели войны, ведшейся в интересах господствующих классов. Армия не верила своему высшему командному составу, который вел ее от поражения к поражению. В снабжении начались перебои. Между офицерским и рядовым составом, яснее чем когда-либо раньше, обнаружилась существовавшая классовая пропасть. Солдатские массы возмущались поведением буржуазии, которая окопалась в тылу и использовала войну для своего обогащения. Армия была полна слухов об изменах верхушки царской фамилии. И, наконец,—самое главное,—массы очень устали от длительной войны и не видели конца своим страданиям и экономическому истощению страны.

Революционное настроение охватывает не только солдатскую массу, но и часть командного состава, созданного в процессе войны.

Февральская революция дает сильный толчок разложению царской армии. Армия покрывается комитетами, через которые идет борьба за овладение армией. С этой же целью вводится институт комиссаров. Комитеты, находившиеся в руках соглашательских партий, поддерживают попытки Савинкова и Корнилова внедрить дисциплину в ряды армии перед знаменитым наступлением 18-го июня 1917 года. Провал этого наступления приводит к новому плану реорганизации армии путем создания добровольных ударных частей, значительная часть которых затем послужила кадрами для белогвардейских частей.

Партия большевиков, возглавлявшая пролетарскую революцию, также стремилась использовать комитеты в целях революции. В апреле 1917 года при ЦК партии создается специальный аппарат—«Военка». Через комитеты, через специальных эмиссаров и, главным образом, через организацию партийных ячеек в частях старой армии «Военка» начинает быстро охватывать своим влиянием старую армию. 16-го июля 1917 г. первая всероссийская военная конференция большевиков объединяет уже 60 военных организаций, которые представляли до 500 отдельных частей. Более быстро поддавались революционной организации гарнизоны крупных городов, где, естественно, резче всего могло сказаться и сказалось влияние рабочих масс.

Начиная с февральской революции, идет повсеместная организация Красной гвардии.

Под влиянием «Военки» некоторые революционные комитеты старой армии помогают формированию и обучению красногвардейских отрядов. Этот процесс еще более сплачивает отдельные части старой армии с пролетарской революцией. Постепенно идейное влияние большевиков охватывает всю старую армию, особенно после корниловского выступления.

Период революционной комитетчины (август—декабрь 1917 г.) заслуживает специального подробного изучения. Уже тогда намечались некоторые приемы просветительной и агитационной деятельности, приемы подбора революционного комсостава, организационные формы которых затем нашли свое более полное развитие в Красной армии.

2. ПЕРИОД ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

В Октябрьском перевороте и в закреплении советской власти на окраинах главная роль принадлежала Красной гвардии. Борьба за укрепление и удержание завоеваний Октябрьской революции еще больше способствовала развитию Красной гвардии.

Рассмотрим организацию Красной гвардии. Она была построена по принципу добровольчества. На предприятиях добровольцы группировались по десяткам. Десятки красногвардейцев сводились в сотни или дружины. На крупных заводах или фабриках несколько таких сотен объединялись в батальоны или отряды, при которых формировались пулеметные команды, команды связи, санчасть и отдел снабжения. В пределах района образовывался штаб Красной гвардии, члены которого, как и весь комсостав, были выборными. Трудно сейчас точно фиксировать численность Красной гвардии; известно лишь точно, что накануне Октябрьского переворота в Петрограде была Красная гвардия численностью в 60.000 чел.

В поисках необходимой ему вооруженной силы пролетариат обращает свои усилия на то, чтобы использовать остатки старой армии, процесс распада которой под влиянием Октябрьского переворота и переговоров о мире шел гигантскими шагами. Армия стала сама расходиться и разъезжаться по домам, захлестнув все железные дороги. Лишь отдельные части и импровизированные отряды, общей численностью, примерно, 30.000—50.000 человек из всего состава многомиллионной старой армии, остаются под знаменами Революции (латышские части, заамурские полки, броневые части. матросы и т. п.).

К декабрю месяцу 1917 года политические затруднения с Украинской радой, Доном, восстания Дутова и польских легионеров снова ставят перед партией вопрос о выработке основ вооруженной силы советской власти. В начале декабря в Петрограде ответственными работниками Наркомвоен, Центрального штаба Красной гвардии и Петроградского военного округа (Подвойский, Мехоношин, Юренев, Еремеев, Трифонов и др.) уже начинает прорабатываться проект создания новой армии, которую предполагали сформировать из старой армии и Красной гвардии на добровольческих началах. В середине декабря при Наркомвоене образовано «Первоначальное бюро по созданию новой революционной армии». Наконец,

20-го декабря 1917 года организуется «Всероссийская коллегия по организации и формированию Красной армии».

Так как в тогдашних условиях внутреннего и внешнего характера принудительная мобилизация не прошла бы, то мог быть выдвинут один лишь принцип организации армии на добровольческих началах из преданных революции элементов. (Декрет Совнаркома от 15-го января 1918 года).

Всероссийская коллегия развернула широкую агитацию, создала при всех советах военные отделы с вербовочными пунктами и определила способ укомплектования Красной армии на добровольческих началах. Доступ в армию был открыт для всех граждан не моложе 18 лет, по рекомендации войсковых комитетов или профессиональных организаций. Доброволец подписывал контракт на три месяца, получал 150 рублей в месяц, и его семья рядом льгот обеспечивалась. За два с половиной месяца в Красную армию на таких началах вступило более 100.000 человек. Организационные формы были довольно пестрые. Самодеятельность мест и наличие разнообразного вооружения под рукою сказывались на разнородности организационных форм. Такая разнородность, однако, компенсировалась быстротою, подъемом и революционным энтузиазмом, с которыми совершалась эта новая творческая работа.

Международное значение Октябрьского переворота сказалось на попытке формирования интернациональных отрядов. Главным контингентом были военнопленные мировой войны, полтора миллиона которых были разбросаны по многим губерниям в концентрационных лагерях или на работах. Эти формирования особенно удачно развернулись в приволжских губерниях, Украине и Сибири.

Всероссийская коллегия сразу столкнулась с вопросом о командном составе. В порядке добровольчества в Красную армию идет в недостаточном количестве по преимуществу унтер-офицерский состав и молодые офицеры. Вновь созданное Главное управление военно-учебных заведений развертывает сеть ускоренных курсов по подготовке командного состава из рядов рабочих и крестьян.

По своему внутреннему укладу и дисциплине добровольческие отряды представляли весьма неотрадную картину. Обмундирование разное, частично гражданское. Состояние оружия плохое. Обученность отрядов была слабая, так как боевая обстановка требовала скорейшей отправки на фронт гражданской войны. Заниматься было некогда. Дисциплина была построена на весьма шатких основаниях; наблюдались частые митингования и обсуждения приказов. Командному составу предъявлялось со стороны бойцов много невыполнимых требований. Не было ни уставов, ни инструкций, которые регламентировали бы внутренний уклад и дисциплину. Эти многочисленные и разношерстные отряды выбрасывались на фронт

гражданской войны в течение зимы 1917—1918 гг. Эшелонная война, характерная для этого периода, производила затем естественный отбор наиболее крепких элементов.

Политические события разворачиваются полным ходом. На место жалкой белогвардейщины, с которой наши красногвардейские отряды сравнительно легко справляются, выступает германский империализм. Немецкое наступление после первых брестских переговоров уже фактически ставит вопрос о необходимости ускорения темпа создания массовой Красной армии. В Петрограде в ночь на 24-е февраля 1918 г. по тревожным гудкам заводов мобилизуется около 35.000 рабочих, солдат старой армии и моряков, которые бросаются навстречу немцам. Понятно, что эти отряды смогли сдерживать продвижение немецких войск, но их сил, а главное — организованности уже было недостаточно.

Вокруг немецкого наступления, как известно, разгорелась дискуссия по вопросу о революционной войне. Сторонники немедленного возобновления войны с немцами (левые эсеры и часть большевиков) потерпели жестокое поражение в этом вопросе от тов. Ленина, который настаивал на том, чтобы заключить мир с немцами любою ценою, с целью добиться передышки. Эта передышка необходима была в целях упорядочения организации управления государством по всем его отраслям, в том числе и для дела строительства Красной армии.

Красная гвардия, а затем добровольческая Красная армия не смогли сдержать натиск немцев. Украина от нас отпала. Первые эшелоны требовали дальнейших пополнений, а принцип добровольчества не мог обеспечить планомерное пополнение. Добровольчество охватывало по преимуществу население городов, а деревня в армию не втягивалась. В силу неправильных организационных основ вся тяжесть борьбы падала, таким образом, на рабочий класс, который гиб в неравной борьбе.

Становилось всем ясно, что необходимо втянуть в дело обороны широкие массы, обучить их военному делу и связать их соответствующей организацией.

Четвертый чрезвычайный Всероссийский съезд советов так формулирует это положение:

> «Съезд признает свое право и обязанность защиты социалистического отечества против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав. Съезд признает поэтому безусловным долгом трудящихся масс напрячь свои силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоего пола военным знаниям и военному делу».

Этим постановлением намечается переход ко всеобщему военному обучению и к новым формам строительства Красной армии.

Необходимо было тщательно подготовить переход на новые рельсы, и в первую очередь реорганизовать центральный военный аппарат. В этом деле тогда существовал разброд. В центре работали Наркомвоен с Генштабом и главными управлениями, рядом с ними интенсивно развивала свою деятельность Всероссийская коллегия по организации Красной армии, и затем еще существовала реорганизованная ставка верховного главнокомандующего старой армии. Дабы уничтожить этот параллелизм, должность главковерха

Схема № 1.

была упразднена и создан Высший военный совет. Деятельность Высшего военного совета была целиком направлена на создание фронта против Германии. После заключения перемирия с немцами ВВС принялся за организацию завес и за формирование так называемой народной армии для войны с Германией. Предполагалось создать около 40 дивизий. Однако центр тяжести формирования самим ходом событий был перенесен на внутренние фронты, а империалистический фронт, в связи с поражением Германии на Западе, вообще замер.

Из всех идей народной армии наиболее полезной работой оказалась организация завес. Эти завесы несли кордонную службу против немцев и позволили провести следующие мероприятия: а) завесы сосредоточили у себя значительное количество военных

специалистов, которые в то время, «не приемля» гражданской войны, охотно поступали на службу в завесы для борьбы с немцами, — завесы служили, таким образом, резервом командного состава и переходным мостом, через который подавляющее большинство военных специалистов перешло затем на внутренние фронты Красной армии; б) завесы сформировали и выделили часть сил на гражданские фронты: мы имеем данные, что западный участок завесы выделил на внутренние фронты 13 полков, 3 батальона, 2 конных полка, 5 батарей и 3 стрелковых дивизии; южная завеса послужила основой формирования целого ряда дивизий для Южного фронта Красной армии (тут же стоит отметить, что работа в данном направлении проводилась очень медленным темпом); и, наконец, в) что является самым главным, — завесы сохранили огромное материальное имущество старой армии, которое осталось после ее демобилизации в районах расположения завес: без охраны частями завес это имущество было бы расхищено или погибло бы (в значительной степени Красная армия в гражданской войне питалась за счет этих запасов).

Так как руководители ВВС, поставивши своей основной задачей борьбу с немцами, «отворачивались» от руководства операциями на гражданском фронте, то пришлось создать особый орган, так называемый «оперативный отдел при Московском военном округе», который пытался взять на себя руководство операциями на многочисленных революционных фронтах. Однако самостийность мест процветала во-всю. Многочисленные «главковерхи» и «командармы» с трудом подчинялись централизованному руководству.

На ряду с этим, Наркомвоен развивал большую организационную работу на местах. Было признано, что военные отделы советов с организацией вооруженных отрядов не справятся, и декретом от 8-го апреля 1918 г. они были заменены соответствующими окружными, губернскими, уездными и волостными комиссариатами по военным делам. Все они подчинялись в соответствующем порядке Наркомвоену. 22-го апреля 1918 года ВЦИК принимает декрет о всеобщем военном обучении. В этом декрете подчеркивается, что РСФСР, окруженная со всех сторон врагами, должна быть защищена могущественной армией и что правительство ставит своей непосредственной задачей привлечь всех граждан к всеобщей трудовой и воинской повинности.

Понятие «всеобщее» относилось лишь к рабочим и крестьянам. Буржуазия декретом исключалась из рядов Красной армии, и этим самым обеспечивался классовый характер Красной армии.

Всеобщая воинская повинность снова выдвинула на сцену вопрос о привлечении в ряды Красной армии офицерского состава старой армии. Классовое происхождение этого офицерства стояло на пути

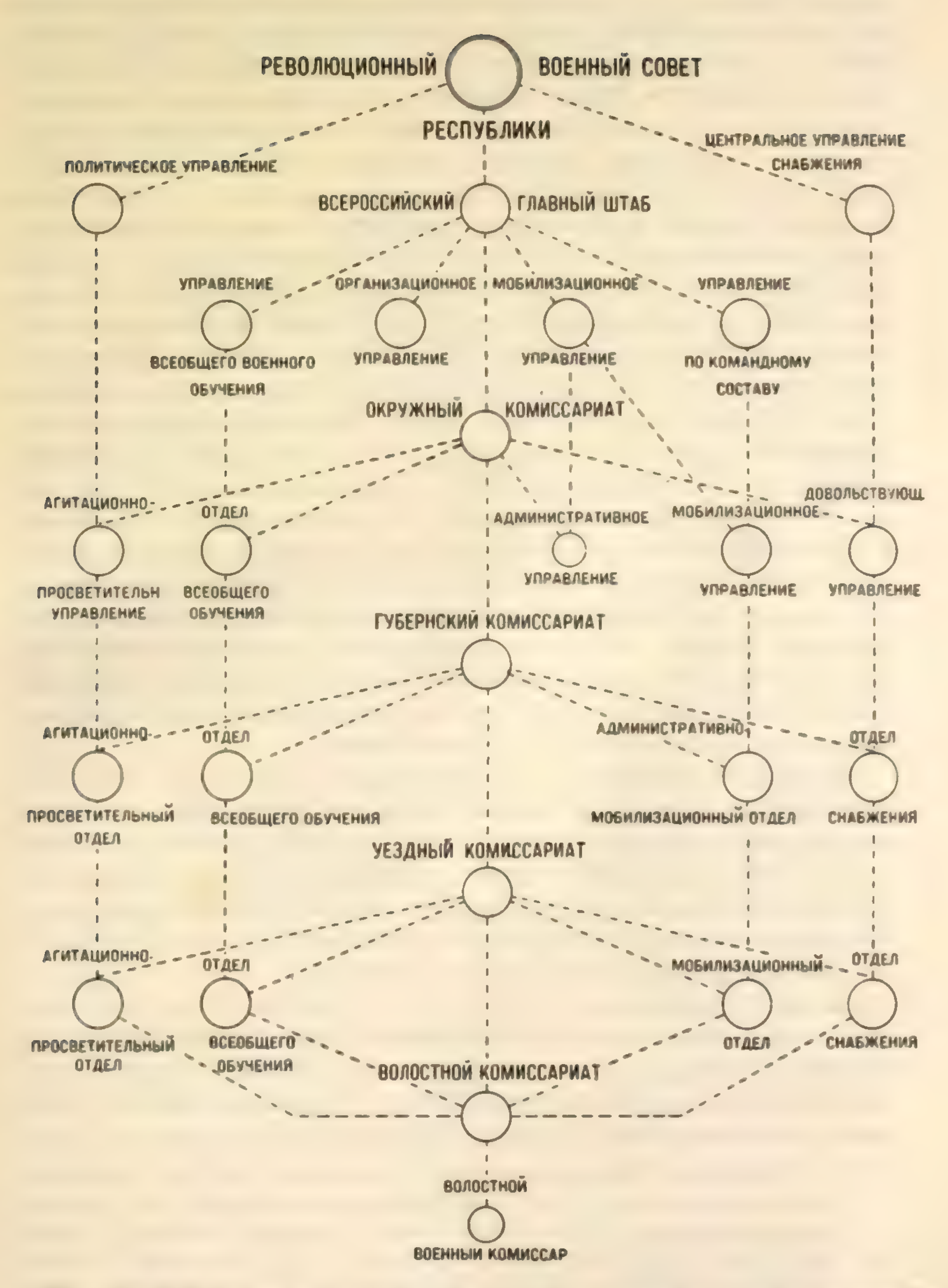

Схема № 2. Конструкция губернских, уездных и волостных военных комиссариатов.

его массового привлечения. Реакционная часть этого офицерства ушла к белым, небольшая часть сразу примкнула к революции, но значительная масса занимала выжидательную позицию. Нужно было, с одной стороны, обеспечить армию от враждебных элементов, а с другой—создать такие условия, при которых военные специалисты смогли бы дать армии все то ценное, чем они обладали. Процесс привлечения военных специалистов, в общем, развивался нормально. Следует отметить роль молодых генштабистов, которые первыми охотно пошли работать в армию. Даже среди представителей старого генерального штаба нашелся ряд активных и полезных работников. Всем желающим работать предоставлялась эта возможность. Не обходилось без случаев прямой измены отдельных представителей старого офицерства, но идея привлечения в Красную армию офицеров старой армии целиком и полностью себя оправдала.

Значительная роль в Красной армии падала также и на унтер-офицерский состав. Этот основной командирский костяк, классово родственный красноармейской массе, выдвинул из своей среды целый ряд талантливых командиров. В революционной обстановке гражданской войны унтер-офицеры старой армии сплошь-и-рядом справлялись с задачей командования всеми соединениями. Никто, как они, не смог влиять на красноармейскую массу в боевой обстановке. Однако полностью удовлетворить запросы армии один унтер-офицерский состав не был в состоянии. У него нехватало квалификации для работы в штабах и для командования крупными тактическими и оперативными соединениями.

Массовое привлечение в Красную армию офицерства путем его мобилизации позволило изменить порядок управления войсками. Выборность командного состава была отменена декретом от 29-го апреля 1918 года о новом порядке замещения военных должностей в Красной армии. Взамен выборности выдвигался новый принцип—продвижение наиболее способных командиров и начальников на высшие должности в аттестационном порядке.

Массовое привлечение офицерства, намечаемое привлечение широких крестьянских масс, необходимость обеспечить политическое влияние пролетариата на армию вызвали создание института военных комиссаров. Основные положения о роли и деятельности военных комиссаров сформулированы Наркомвоен 21-го марта 1918 г.:

> «Политический контроль над всей организацией и жизнью армии поручается военным комиссарам. Пост военного комиссара есть один из самых ответственных и почетных в Советской Республике. Комиссар охраняет теснейшую внутреннюю связь между армией и советским режимом в целом. Комиссар воплощает начало революционного долга и несокрушимой дисциплины. Комиссар скрепляет все важные приказы. Всей силой своего авторитета и своей власти комиссар обеспечивает немедленное и беспрекословное выполнение оперативных и боевых распоряжений военных руководителей».

Так как функции комиссаров были весьма сложны, ответственны и разнообразны, то для руководства комиссарами и для объединения политработы внутри армии в апреле 1918 года было учреждено Всероссийское бюро военных комиссаров.

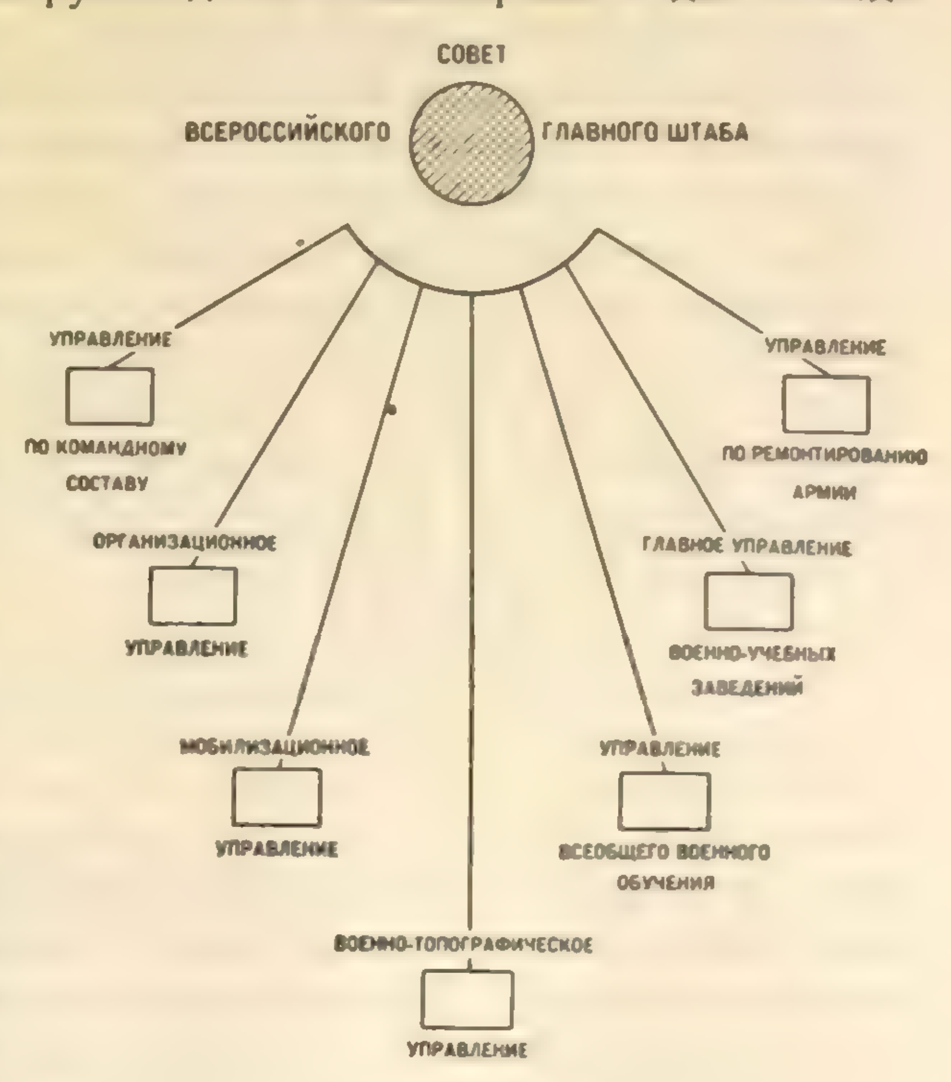

Схема № 3.

В итоге всех этих организационных работ численность Красной армии к 10-му мая 1918 г. достигла 306.060 человек; из них добровольцев-красноармейцев—250.000, красногвардейцев—34.000 и разных партийных и партизанских отрядов — 22.000. Значительная часть добровольцев состояла из солдат старой армии. Это обстоятельство следует отметить, как весьма характерное.

Схема № 4.

К маю 1918 года основы Красной армии заложены—она представляла собою известную реальную силу, боровшуюся против внутренних врагов. Ударная работа закончена, и Всероссийская коллегия по организации Красной армии упраздняется. Дальнейшая работа по организации Красной армии переходит к Всероссийскому главному штабу. Дабы облегчить проведение всех этих мероприятий в жизнь, создается Высшая военная инспекция. Одновременно уточ-

няется и улучшается хозяйственная часть армии. Вопросы снабжения объединяются в Центральном Управлении.

Хотя фактически добровольчество еще значительное время будет жить и бороться на фронтах, но апрельские реформы 1918 г. принципиально с этим добровольчеством кончают. На смену добровольчеству идут новые формы строительства Красной армии, но сами добровольцы будут еще долго лучшим боевым элементом, цементирующим широкие массы Красной армии.

3. ПЕРЕХОД К РЕГУЛЯРНЫМ ОСНОВАМ

Политическая обстановка внутри Советской Республики к маю 1918 года еще более осложнилась. Наиболее яркое определение этого периода мы находим у Ленина:

> «Внутри страны – период медленного строительства, беспощадного подтягивания, длительной и упорной борьбы пролетарской суровой дисциплинированности с угрожающей стихией мелкобуржуазной распущенности и анархичности».

Военное положение было также очень сложным. На Украине -- немцы и повстанческое движение украинского крестьянства. На Дону, Кубани и Северном Кавказе начинает оформляться белое движение, носившее в своем начальном развитии партизанский характер. Закавказье занято немцами и турками. Внутри страны—восстание белых. Благодаря вмешательству Антанты восстает чехо-словацкий корпус, под прикрытием которого в Самаре создается комитет Учредительного собрания и эсеровское правительство. Сибирь и Туркестан этим восстанием отрезаны от нас. Начинается фактическая интервенция. 1-го июня 1918 года на севере высадились англичане, на Дальнем Востоке японцы заняли Владивосток. Всюду красногвардейские и добровольческие красноармейские отряды терпят поражения. 29-го июля 1918 года на соединенном заседании ВЦИК'а, Моссовета, профсоюзов и фабзавкомов постановлено: а) признать социалистическое отечество в опасности и б) подчинить работу всех советских и иных рабочих организаций основным задачам настоящего момента: отражению натиска чехо-словаков и успешной деятельности по сбору и доставке хлеба.

Добровольческая Красная армия, насчитывавшая тогда немного более 300.000, понятно, не могла справиться со всеми этими боевыми задачами. Теперь особенно давали себя чувствовать основные недостатки добровольчества—невозможность довести армию до значительных размеров и добиться непрерывности пополнений.

К проведению мобилизации правительство перешло не сразу. Во-первых, был издан декрет о шестимесячном обязательном сроке для добровольцев. Этим самым были закреплены определенные кадры, вокруг которых должны были развертываться мобилизуе-

мые массы. Затем 29-го мая 1918 года ВЦИК принимает постановление о принудительном наборе в Красную армию. ВЦИК в своем постановлении указал, что, в виду сложности дела и трудности его одновременного проведения по всей территории страны, представляется необходимым начать, с одной стороны, с наиболее угрожаемых областей, с другой—с главных центров рабочего движения.

17-го июня 1918 г. были призваны рабочие Москвы и ее пригородов рождения 1897—96 гг., а 29-го июня были призваны рабочие Петрограда. Хорошо подготовленные в техническом отношении, мобилизации эти прошли с полным успехом. Так, например, в Москве на призыв явилось 12.000, а фактически было принято 9.000.

Затем была проведена мобилизация рабочих и крестьян, родившихся в 1897—93 гг., в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-сибирского военных округов, т.-е. во всей полосе, прилегавшей к району чехо-словацкого восстания. В силу военных действий полностью эту мобилизацию осуществить не удалось, но опыт их был использован для дальнейших мобилизаций. Эти же мобилизации подтвердили, что институт военных комиссариатов является вполне жизненным. V съезд советов 9-го июля 1918 года подтвердил необходимость в самый короткий срок произвести мобилизацию нескольких возрастов рабочих и трудовых крестьян во всей стране. Действительно, с июня по конец августа 1918 года производится ряд мобилизаций рабочих и крестьян разных губерний и городов. Эти мобилизации характерны отсутствием планомерности, ибо в значительной степени они проводятся под давлением боевой обстановки. Отрицательные стороны этих местных мобилизаций вызвали их запрещение 10-го июля 1918 года со стороны Наркомвоена, который разрешил производство местных мобилизаций лишь в условиях исключительной обстановки.

Переход от добровольчества к мобилизациям потребовал изменения форм руководства войсками на местах. В этом вопросе картина, с точки зрения организационной, была весьма пестрой. На одной Украине мы насчитывали нескольких «главкомов», которые по существу своему являлись чистейшими партизанами. На Западном фронте, в районе завес, мы имели коллегиальное руководство (военрук и два комиссара). На Восточном фронте было также несколько оперативных групп, разнородных по системе управления. Мы можем смело констатировать, что единство командования отсутствовало. Раньше всего требовалось объединить борьбу против чехо-словаков. С этой целью Совнарком учреждает Революционный Военный Совет Восточного фронта и назначает главкома.

Первым мероприятием нового управления Восточного фронта было переформирование отрядов в штатные единицы. В целях поднятия военной дисциплины и политической сознательности, 2-го июня

1918 г. директива Наркомвоена устанавливает военно-политические занятия с красноармейцами. Та же директива приказала произвести чистку красноармейского состава от негодного, ленивого и преступного элемента. Много труда на реорганизацию войск Восточного фронта положил главком этого фронта, тов. Вацетис. Из всех многочисленных отрядов решено было сформировать на Восточном фронте 5 армий, по три дивизии в каждой. Эти дивизии были сформированы по штату № 220 девятиполкового состава. В основу этого штата были положены штаты стрелкового сибирского корпуса старой армии. Таким образом, внешне у нас корпусная система отсутствовала. Штаты 220, окончательно утвержденные 17-го ноября 1918 года, просуществовали с некоторыми изменениями до конца гражданской войны. Организация стрелковой дивизии и полка, а также эволюция их численного состава за 1916—19 гг. указаны на соответствующих схемах и таблицах:

ТАБЛИЦА

изменений штатного состава пехотного полка за 1916—1919 гг.

Название	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.
Инструкторов	90	86	91	106
Солдат	3.990	3.943	2.866	3.581
Лошадей	497	482	479	581

ТАБЛИЦА

изменений штатного состава пехотной дивизии за 1916—1919 гг.

Название	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.
Инструкторов . . .	465	537	1.386	1.657
Солдат	19.172	23.784	43.618	58.668
Лошадей	4.262	5.308	12.255	24.338
Орудий	36	36	36 легк. 12 гауб. 12 тяж.	36 легк. 12 облег. 4 коп. 16 прот. 24 гауб. 24 тяж.

Дивизия представляла собой крупное войсковое соединение, состоявшее из всех родов оружия и отражавшее на себе значительное влияние позиционного периода мировой войны. Как показал последующий опыт, такое построение дивизии делало ее слишком громоздкой и не обладающей необходимой гибкостью. Громоздкие

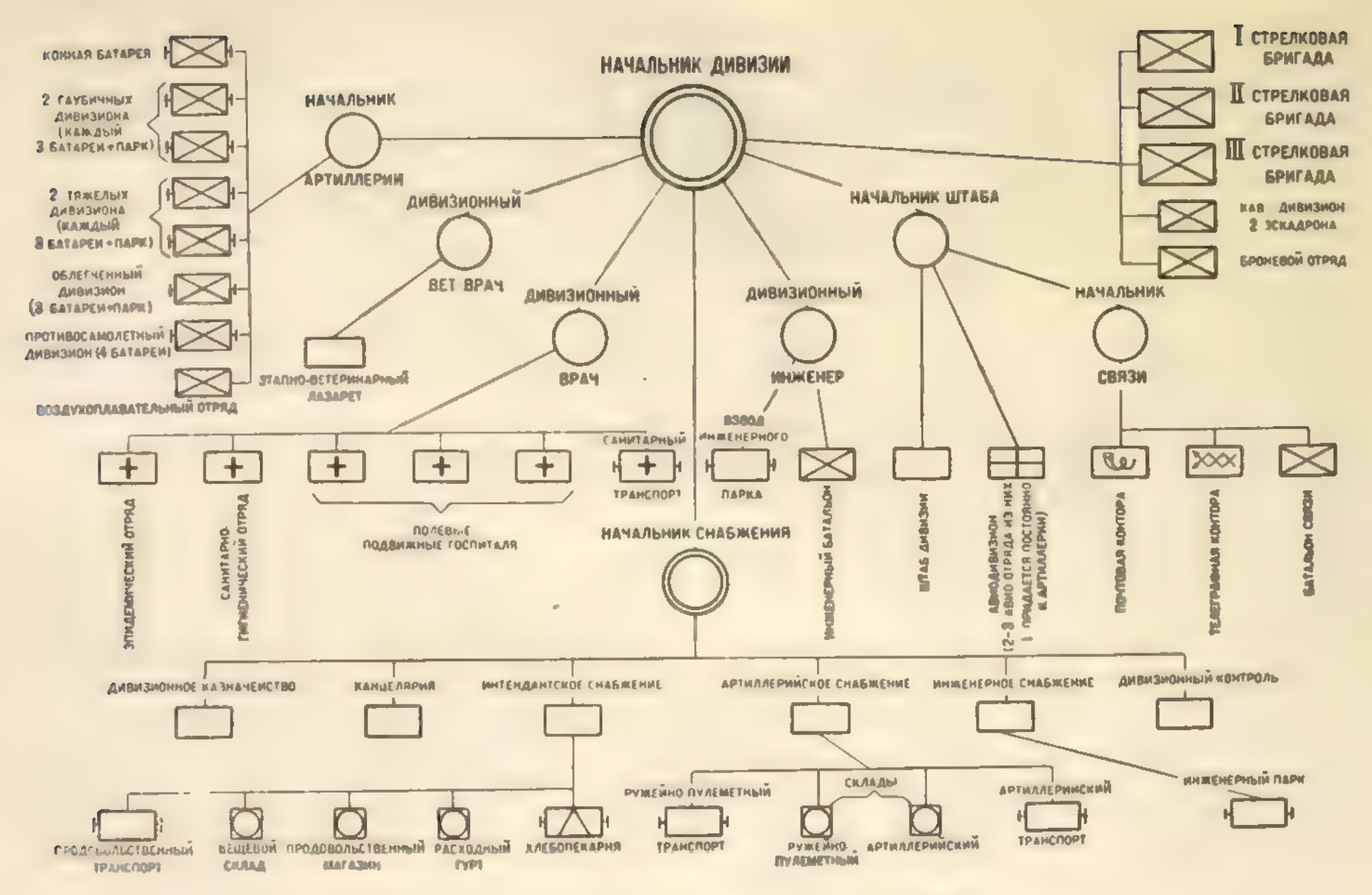

Схема № 5. Стрелковая дивизия по штату № 220.

тылы находили свое частичное объяснение в общей бедности страны, так как центр слабо питал фронт и части были вынуждены сплошь-и-рядом самостоятельно добывать себе необходимое. В интересах сохранения гибкости и маневренности следовало с громоздкостью тылов бороться, а не узаконивать таковую. Однако мы наблюдаем обратное явление: все дальнейшие поправки к штату 220 относятся к еще большему разрастанию тылов.

Так как Красная армия своих уставов еще не успела выработать, то были с небольшими политическими поправками введены в дей-

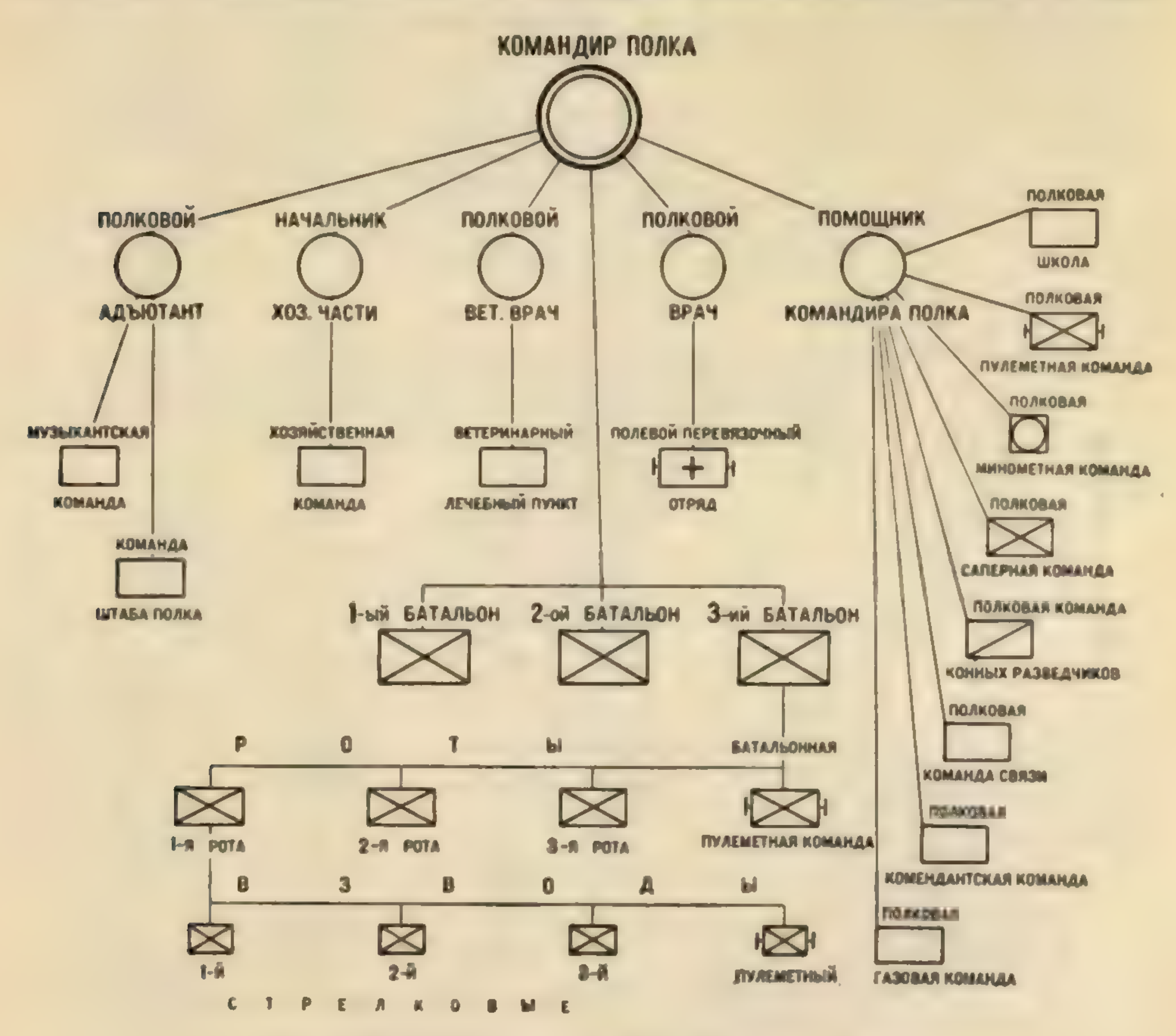

Схема № 6. Стрелковый полк по штату № 220.

ствие уставы старой армии: полевой, строевой, наставление окопного дела и наставление для обучения стрельбе. Вводится также в действие «Положение о полевом управлении войск 1914 года». Принимаются энергичные меры к созданию обозов и к налаживанию интендантской службы.

В результате всех мероприятий к осени 1918 года на Восточном фронте заложены прочные основания красной пехоте. Эти реорганизационные мероприятия удалось так быстро провести в жизнь еще и потому, что со стороны командного и красноармейского

состава все время отмечалось стремление итти навстречу всем мероприятиям высшего командования. Слишком наглядно было тактическое превосходство чехо-словацких войск над нашими неорганизованными красногвардейскими отрядами, чтобы можно было сомневаться в целесообразности всех этих мероприятий. Мы имеем десятки случаев, когда сами отряды выносили резолюции с требованием установить в армии твердый порядок и железную дисциплину.

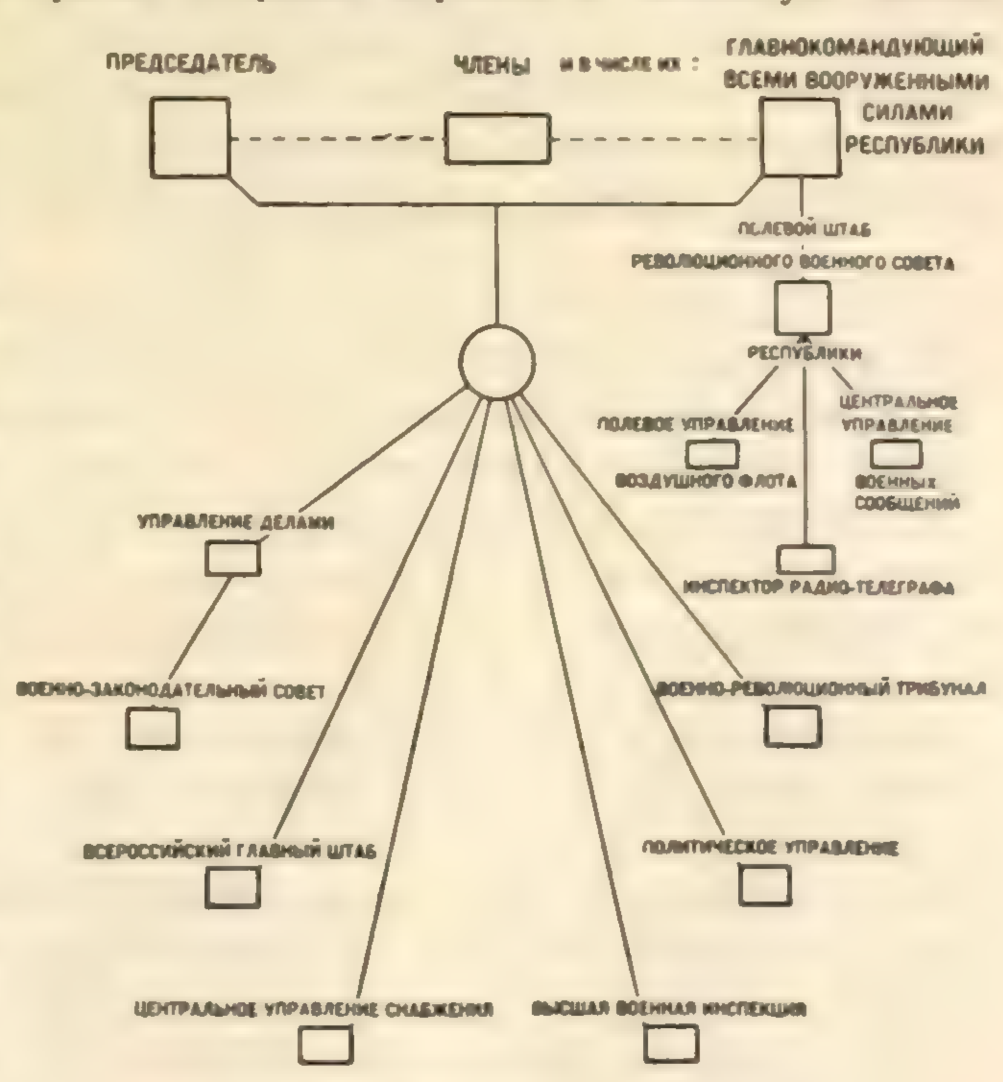

Схема № 7. Реввоенсовет Республики.

Создание на Восточном фронте Реввоенсовета и должности главкома не уничтожило параллелизма в работе ставки и Высшего военного совета. В сущности говоря, ВВС нечего уже было делать, в то время когда фронт гражданской войны все время имел тенденцию к расширению и углублению. Стратегическая обстановка на всех фронтах гражданской войны заставила ВЦИК декретом от 2-го сентября 1918 года провозгласить Советскую Республику единым военным лагерем и перейти к единому военному управлению как на фронте, так и в тылу. Тем же декретом создается Реввоенсовет Республики и учреждается должность главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики, на должность которого назначается тов. Вацетис; дабы подтянуть всю страну к делу обороны, 30-го сентября 1918 года учреждается Совет Рабочей и Крестьянской Обороны.

Подводя итоги первым успехам в деле строительства Красной армии, тов. Ленин осенью 1918 года писал:

«Перелом наступил,—мы все это знаем, видим и чувствуем. Рабочие и трудящиеся крестьяне передохнули от ужасов империалистической бойни, они поняли и на опыте увидали необходимость войны с угнетателями для защиты завоеваний их революции,—революции трудящихся,—их власти, советской власти. Армия создается—Красная армия рабочих и бедных крестьян, готовых на все жертвы для защиты социализма. Армия крепнет и закаляется

в битвах с чехо-словаками и белогвардейцами. Фундамент заложен прочно,— надо спешить с возведением самого здания.

Мы решили иметь армию в один миллион человек к весне,—нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь».

Боевые действия 1918 года еще раз подчеркнули необходимость усиленного внимания к подготовке нашего высшего командного состава. Решено было учредить академию генерального штаба, а вслед за нею—и другие специальные военные академии. Через эти высшие школы необходимо было пропустить рабоче-крестьянский командный костяк молодой Красной армии. В ноябре 1918 года уже начинает работать академия генерального штаба.

4. КРАСНАЯ АРМИЯ В 1919 ГОДУ

Январское восстание в Германии, Советская Республика в Венгрии, созыв I конгресса Коминтерна заставляют империалистические страны перейти к еще более решительным действиям по разгрому Советской Республики. При поддержке Антанты белогвардейские армии получают возможность численно и технически расти. Адмирал Колчак создает армию в 100.000 штыков и 40.000 сабель; весною 1919 года он подходит к Волге.

Одновременно с этим наступлением на VIII съезде ВКП(б) во всю ширину перед партией снова ставится вопрос о принципах строительства Красной армии. Полуторамиллионная численность Красной армии признавалась уже недостаточной. В этих целях следовало привлечь на свою сторону не только бедняцкие, но и середняцкие слои крестьянства. Выдвинутая тов. Лениным на VIII съезде партии линия на середняка-крестьянина позволяла осуществить идею трехмиллионной армии. Съезд принял ряд резолюций, относившихся к усилению политического влияния партии в армии. Вместо Бюро военных комиссаров решено создать Политический отдел Реввоенсовета, во главе которого должен стоять член Центрального Комитета.

Дабы укрепить ряды Красной армии, с одной стороны, мобилизуются молодые возрасты, а с другой—продолжаются мобилизации рабочих и членов профсоюзов. Одновременно идет большой процент коммунистов в армию: их имелось к 1-му октября в армии около 180.000. Центральный Комитет партии своих лучших работников посылает в армию. Коммунисты цементируют своею революционной энергией ту рыхлую крестьянскую массу, которая вливалась по мобилизации в ряды Красной армии. О доблести коммунистов можно судить по тому факту, что за время гражданской войны на боевых фронтах погибло более 50.000 коммунистов.

Общие мобилизации, профессиональные и партийные, совпадают обычно с тревожными обстоятельствами на фронте. Если в первую

половину 1919 года все эти пополнения бросались преимущественно на Восточный фронт, где они помогли разгромить Колчака, то во вторую половину 1919 года они бросаются на Южный фронт против Деникина, который занял к тому времени Кубань, Дон, Украину и грозил Москве. Вновь проводится ряд ударных мероприятий, осуществляется призыв 1900 года рождения, который дал 160.000 человек, и опять бросаются в армию новые кадры профсоюзников и партийцев.

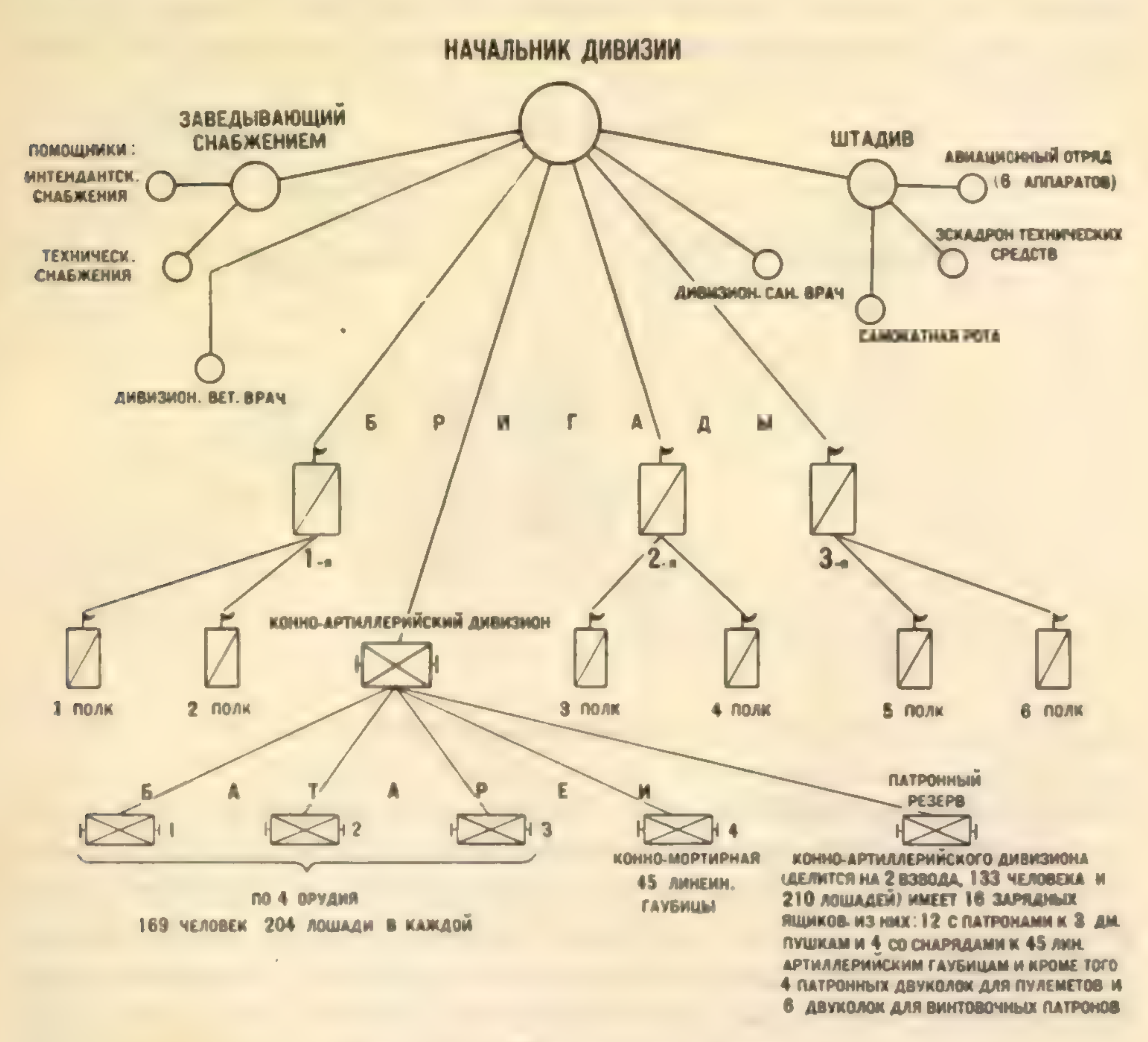

Схема № 8. Кавалерийская дивизия.

Центр тяжести организационных мероприятий во второй половине 1919 года лежал, однако, не в этом. Южный фронт был характерен созданием Красной конницы. Белые здесь имели отличную конницу. В августе 1919 года набег корпуса генерала Мамонтова завершает ряд мощных ударов конных масс Деникина по нашим, совершенно неспособным сопротивляться им, пехотным частям. Коннице белых можно противопоставить только Красную конницу. Начинается лихорадочная работа по реорганизации уже имеющихся частей кавалерии и по созданию новых.

Интересно проследить процесс организации 1-й Конной армии. В августе 1918 года несколько конных партизанских отрядов объединяются в кавалерийский полк, в составе 13 эскадронов, всего 3.000 сабель, под командой Думенко. В конце 1918 года кавалерийский полк Думенко развертывается в бригаду; 24-го марта 1919 года бригада Думенко соединяется с образовавшейся к тому времени еще одной бригадой Булаткина в кавдивизию. Эта дивизия в составе 10-й армии действует в районе Царицына. Параллельно с этой дивизией на степном фронте, в районе Ставрополя, создается еще одна кавалерийская дивизия (ныне Чонгарская). В июне 1919 года

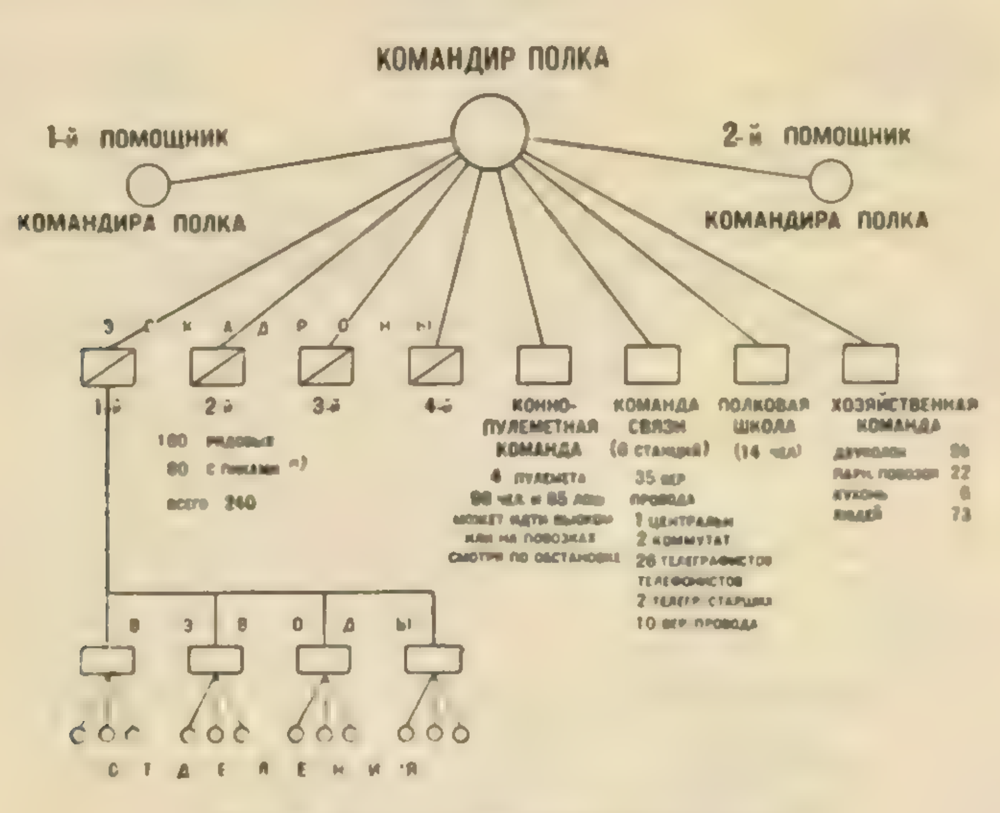

Схема № 9. Кавалерийский полк.

обе эти дивизии соединяются в корпус под командой тов. Буденного. Конница была снабжена артиллерией, броневиками и пулеметами на тачанках. В октябре 1919 года в корпус Буденного вливается еще одна бригада. Этот корпус громит белую конницу Шкуро и Мамонтова. Дабы нанести Деникину окончательный мощный удар, 17-го ноября 1919 года конный корпус Буденного реорганизуется в 1-ю Конную армию. Следует отметить, что центр противился образованию Конной армии. Жизненность этой организации понимал и отстаивал Реввоенсовет Южного фронта в лице тов. Сталина, а непосредственное участие в создании Красной конницы (еще в Царицынский период) принимал тов. Ворошилов.

Примерно, такими же путями на Украине шла организация конницы червонных казаков под командованием тов. Примакова.

Параллельно с большой работой на фронте по упорядочению боевой и организационной работы красных частей, внутри страны в течение 1919 года окреп аппарат местного военного управления. Он вел свою работу в ужасающих условиях общей разрухи,

внутренних выступлений бандитизма и тем не менее провел огромную работу. Военкоматы учли, призвали и направили в полевые армии несколько миллионов человек. Они организовали отражение бандитизма, несли караульную службу и т. д.

На ряду с местным военным аппаратом окрепла сеть военно-учебных заведений. К 1-му января 1920 года Красная армия насчитывает 105 военно-учебных заведений. Рост ВУЗ, число и состав курсантов показан на схеме № 10:

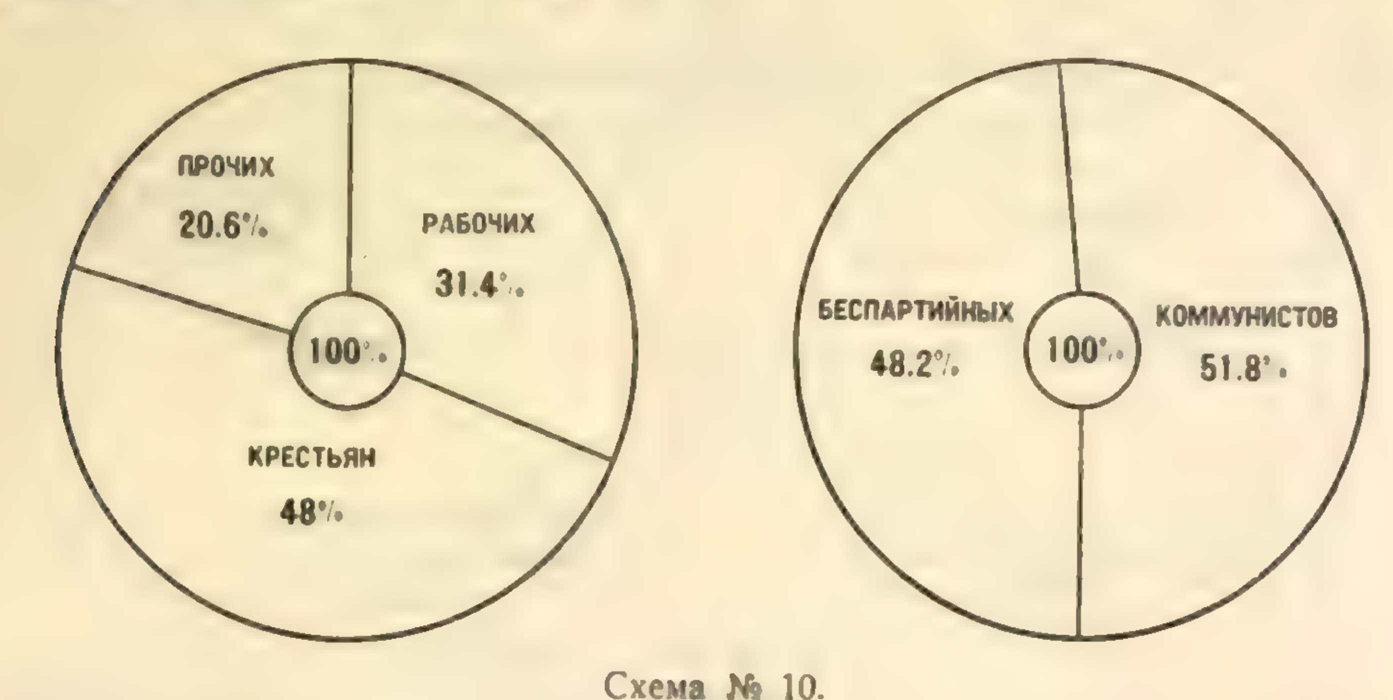

Схема № 10.

По данным на 1-е февраля 1921 г

Классовый состав обучающихся в в.-у. з.

Партийный состав обучающихся в в.-у. з.

Если оценить весь 1919 год в целом с точки зрения организации вооруженных сил, то мы можем смело признать, что, в общем, мы имели регулярную армию,—правда, еще не совсем обученную и снабженную, но все же представлявшую собою боевую силу, которая была в состоянии справиться с весенним наступлением Колчака, летним—Деникина и осенним—Юденича. Попытки империалистов задушить нас в 1919 году разбились о несокрушимую волю пролетариата совместно с бедняцким и середняцким крестьянством защищать завоевания Октябрьского переворота.

В течение 1919 г. у нас велась оживленная дискуссия по вопросу о целесообразности создания в Красной армии ударных частей. Эта мысль была отвергнута, так как она привела бы к созданию розни между ударными частями и остальной массой красноармейцев. Если бы эта идея была осуществлена, то общая боеспособность армии понизилась бы. Мы пошли по другому пути,—по пути не создания ударных частей, а ударных пополнений коммунистическим и пролетарским элементом тех частей, которым приходилось решать наиболее важные в тот период задачи. В этой области у нас накопился определенный опыт, который показал, что та войсковая

единица, в которой процент коммунистов ниже 4—5, небоеспособна. Там же, где этот процент доходит до 6—8, боеспособность средняя, но достаточная. Части с 12—15%—ударные.

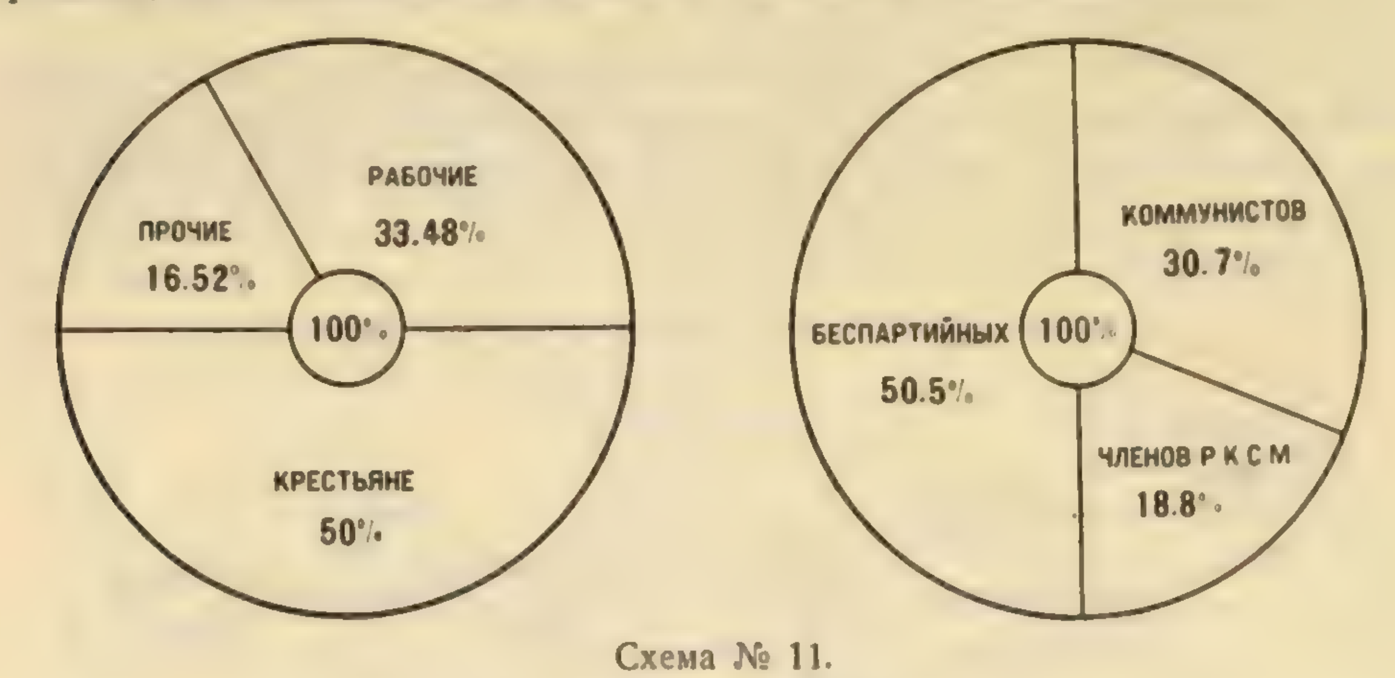

Схема № 11.

По данным на 1-е апреля 1923 г.

Классовый состав обучающихся в в.-у. з. | Партийный состав обучающихся в в.-у. з.

5. ТРУДОВЫЕ АРМИИ

Победы 1919 года дали известную передышку для Республики. Можно было частично подумать об экономическом возрождении страны, но политическая обстановка не позволяла демобилизовать Красную армию; активность международного империализма против Советской Республики носила все еще весьма отчетливый характер, что вполне подтвердилось событиями 1920 года.

Отсюда и возникла мысль использовать свободные части Красной армии на трудовом фронте. К этому времени относится также величайшая разруха на транспорте. Центр голодал, потому что нельзя было доставить с наших окраин хлеба. Первой переходит на трудовое положение 3-я армия, которая после разгрома Колчака осела на Урале. Вслед за ней 7-я армия, действовавшая против Юденича, также превращается в трудовую, и на нее возложена разработка и заготовка торфа в районе Петрограда. В марте 1920 года 8-я армия Южного фронта декретом СТО преобразована в Кавказскую армию труда.

Ей ставится задача восстановить грозненские нефтяные промыслы, помочь железнодорожному транспорту, создать продовольственный фронт и усилить лесные заготовки.

В дальнейшем почти все армии целиком или частично переводятся на трудовое положение. 2-я армия бросается на исправление железнодорожных путей юго-восточных железных дорог, создается специальная трудовая армия на Украине для помощи Донбассу и т. д.

Организационная структура трудовых армий была весьма разнообразной. В некоторых районах сохранилась военная структура, но по большей части в интересах поднятия производительности

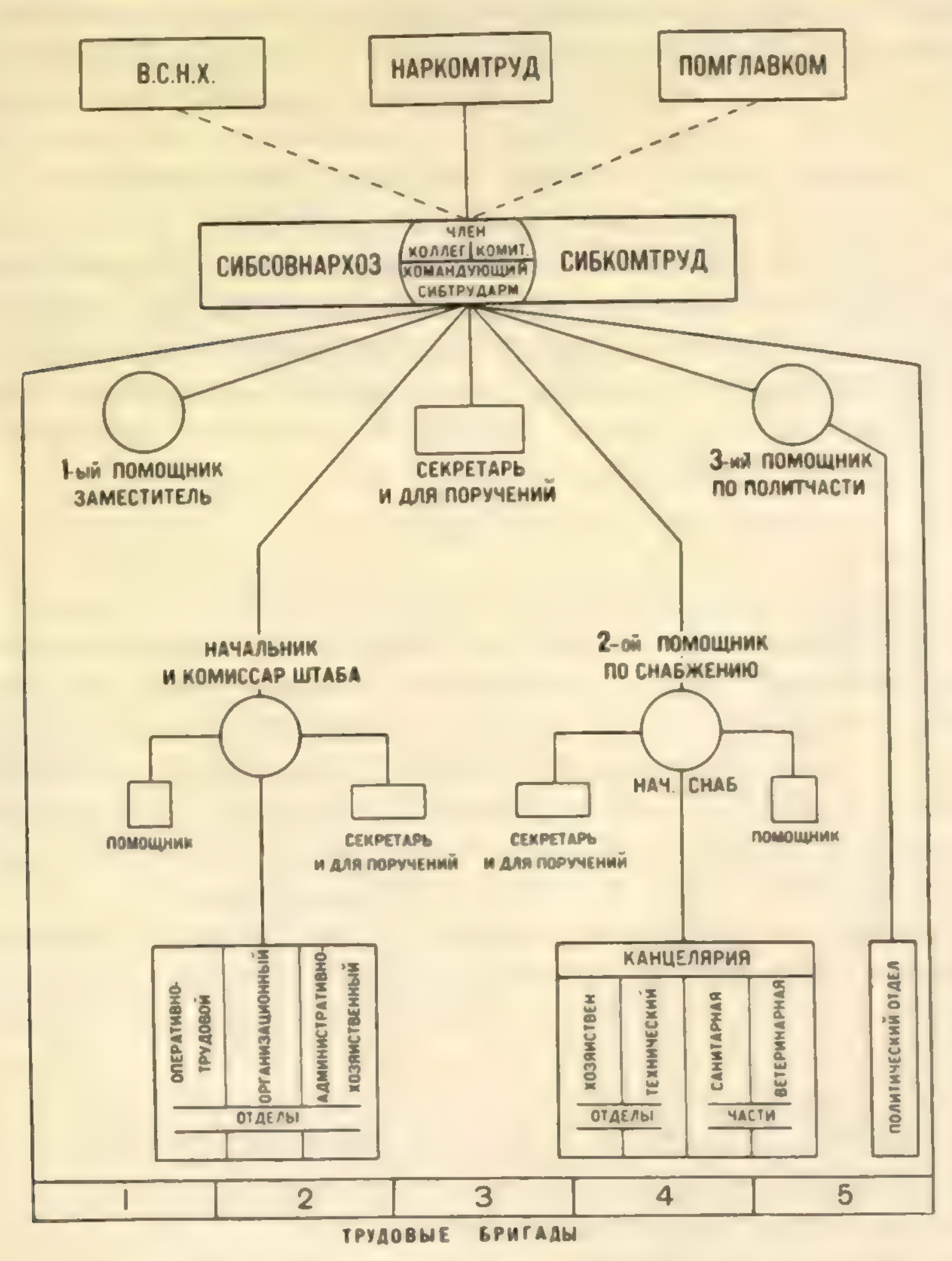

Схема № 12. Управление Сибирской трудовой армией.

труда из войсковых частей формируются рабочие дружины. Войсковые части, как таковые, распылялись и теряли боевое лицо. Достижения трудовых армий были в цифровом отношении велики, но относительное их значение было не особенно решающим для экономики страны. Некоторые исследователи полагают, что в трудовых армиях рабочая сила использовалась лишь на 20%.

Всесторонний анализ данного вопроса заставляет нас сделать заключение, что перевод большей части Красной армии на трудовые начала себя не оправдал. Особенно отрицательно это отразилось

на оперативной стороне Красной армии. Целый ряд боевых дивизий, переформированных в трудовые, так и не удалось восстановить. Это лучше всего можно видеть на результате борьбы с Польшей в 1920 году. Западный фронт дрался с поляками, имея главным образом второсортные дивизии, так как основные дивизии Западного фронта несли до 1920 года кордонную службу и были слабо закалены в боях. Общая численность сил Западного фронта была доведена лишь до 105.000 человек, в то время когда общий состав всей Красной армии был равен 5.500.000.

Однако было бы ошибкой недостаток численности на Польском фронте отнести только за счет трудовых армий. Вся страна была наполнена различными, в том числе и ведомственными, войсковыми организациями. Имелись караульные войска, продовольственные и транспортные части, отряды для ловли дезертиров, войска ВОХР'а и ВНУС'а и войска ВЧК.

6. КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Во время войны с Польшей Красная армия никаких серьезных организационных мероприятий не переживала. Дивизии продолжали существовать по штату 220, при чем боевая часть этих дивизий редко доходила до 20—30% штатного состава.

Заметна лишь эволюция организационных форм стратегической конницы. Кроме 1-й Конной армии, на Польском фронте создается еще корпус Гая и идет усиление конницы техническими средствами, как-то: бронепоездами, бронечастями, самолетами.

Некоторую эволюцию переживает и артиллерия. Организуется несколько отдельных дивизионов тяжелой армейской артиллерии. Делается, не совсем удачная, попытка создания артиллерии Главного Командования (ударная артиллерийная группа т. Садлуцкого при 16-й армии).

В польской кампании значительное развитие нашли части военных сообщений, которые проделали колоссальную работу по восстановлению железнодорожных путей.

Воздушный флот в борьбе с Польшей ведет себя очень активно. Самолеты сведены в оперативные единицы, в отряды, но техническая сторона попрежнему страдает. Ряд ответственных боевых заданий приходится выполнять на «летающих гробах».

Во время борьбы с Врангелем интересно отметить попытку создания особой огневой бригады, снабженной усиленной техникой по образцу французской армии. Особенно конкретных результатов эта попытка не принесла, и огневая бригада была впоследствии расформирована. Неудачу этого формирования надо искать в несоответствующем вооружении. Она имела образцы позиционного вооружения (огнеметы, бомбометы), личный и командный состав

не умел с этим вооружением хорошо обращаться. Существование таких бригад имело бы смысл в большом количестве, но одна бригада, как таковая, даже будучи реорганизованной, ничего особенно полезного дать не могла. На Каховском плацдарме получили свое развитие инженерные части, и еще раз подтвердилась необходимость существования армейской артиллерии.

7. ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

К концу 1920 года Красная армия ликвидирует главнейшие фронты. Наступает следующая фаза ее существования—трехлетие 1921—23 гг.—суровый период ее демобилизации и перехода на мирное положение. Демобилизация всякой армии составляет тяжелое испытание для страны; особенно это относится к армии гражданской войны.

1921 год—год величайшей разрухи хозяйственного организма страны. Экономическое истощение, разрушенный транспорт, голод, тиф, колоссальная безработица, деклассирование некоторых элементов армии, усиление бандитизма завершается Кронштадтским восстанием. Антоновское восстание в Тамбовской губернии, карельская авантюра, басмачество в Туркестане, кулацкое восстание в Сибири, махновщина на Украине,—все это вместе взятое требовало вмешательства вооруженной силы; к осени 1922 года в армии остается еще около полутора миллиона человек. С этого момента начинается снижение численности Красной армии, и к 1923 году мы имеем всего лишь 600.000.

Одновременно намечаются основные задачи перехода Красной армии на мирное положение. Еще в 1920 году на VIII съезде советов тов. Ленин намечал эти пути:

> «Военную готовность мы должны сохранить во всяком случае. Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность... И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерную тяжесть на Республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше чем прежде обеспечим возможность поставить на ноги и мобилизовать еще бóльшую силу».

Таким образом, за счет количества следовало укрепить качество Красной армии.

Демобилизационный период Красной армии с текучестью личного состава, постоянной реорганизацией войсковых частей и учреждений и развитием бандитизма не дал возможности перейти к плановому строительству вооруженных сил Республики в ее мирном состоянии. Одна лишь армия взять на себя задачу обороны страны не могла. Надо было решительно стать на новый путь.

Обстановка решительно изменилась по сравнению с эпохой «военного коммунизма». Внутри самой армии к 1923 году мы наблюдаем ряд организационных и мобилизационных неувязок. Эти задачи были поставлены на разрешение следующего периода развития Красной армии—эпохи тов. Фрунзе.

8. ПЕРИОД ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

Наркомвоен т. Ворошилов в юбилейном очерке 9-летия Красной армии кратко и ярко очертил особенности этого периода:

> «Трехлетие (1924—1927 гг.) является полосой широких военных реформ и коренной реорганизации всего строительства вооруженных сил. Начиная от центрального управления и кончая войсковыми соединениями, все подверглось организационному пересмотру, реконструкции, упрощению и улучшению. В центре и на местах строго распределены функции между отдельными центральными органами управления; создан штаб и главное управление и инспекторский аппарат, уничтожен целый ряд ранее самостоятельных органов; найдены и усовершенствованы методы комплектования армии, разрешен вопрос подготовки комсостава, улучшены способы обучения и боевого воспитания красноармейцев. Вопросы территориального строительства получили окончательную ясность, подтвержденную тщательно изученным опытом; методы новой организации различных родов войск, а также групповой тактики окончательно утвердились в строительстве нашей армии. Разрешен вопрос о кадрах младшего комсостава; в значительной мере разрешен вопрос материального положения командного, политического и административно-хозяйственного состава» и т. д.

Нам остается лишь коротко очертить особенности территориальной системы.

Уже IX съезд партии ВКП(б) отмечает:

> «Нынешнему переходному периоду, который может иметь длительный характер, должна соответствовать такая организация вооруженных сил, при которой трудящиеся получают необходимую подготовку с наименьшим отвлечением их от производительного труда. Такой системой может явиться только построенная на территориальных началах Красная рабоче-крестьянская милиция».

Красная армия с 1924 г. перешла к планомерному развертыванию территориально-милиционных начал в строительстве наших вооруженных сил.

Три главнейших элемента составляют эти начала: а) работа с территориальными частями, б) допризывная подготовка и в) вневойсковая работа с излишком от очередных призывов и с запасом.

К 1926 г. более 50% всех войск и более 75% нашей пехоты были организованы на милиционно-территориальных началах. Части не являются в чистом виде милицией, так как они имеют довольно значительный кадр. Весь остальной переменный состав территориальных дивизий состоит только в списках своих ча-

стей, занимается своими мирными занятиями и только в определенные сроки собирается в части для обучения военному делу.

Весь состав терармейцев состоит на действительной военной службе пять лет и в течение этого времени переменники призываются для обучения всего на восемь месяцев. *Тем самым наши территориальные части облегчают трудящимся массам прохождение военной службы.* Обучению в частях Красной армии предшествует допризывная военная подготовка.

Третьим видом работы территориальной системы является *вневойсковая работа* с запасом.

В общем, *территориальная система позволяет нам, при малой численности армии, подготовлять значительные массы для пополнений на случай войны.*

Одновременно шло национальное строительство в Красной армии.

По выражению т. Гусева, Красная армия—это «военный слепок» с советского строя. Параллельно оформлению государственно-национального строительства, оформляется и национальное строительство внутри Красной армии.

Принципы национального строительства в Красной армии установлены XII съездом ВКП(б).

> «Намечены два пути национального строительства Красной армии: а) от Красной армии требуется, чтобы она учла все многообразие национального состава Союза и чтобы каждая воинская часть сумела установить, развить и укрепить подлинно братские отношения с населением той республики или автономной области, на территории которой эта часть расположена; б) нужно, соблюдая все меры, необходимые для обеспечения полной обороноспособности Союза, сохраняя единство армии,—приступить к формированию отдельных национальных частей».

Рост национальных формирований весьма интересно проследить по процентному соотношению их.

> «По данным начала 1925 года, великорусское ядро составляло около $^2/_3$ (64%) ее (Кр. армии. *Ф. Н.*) численности. Остальные 36% составляли: украинцы—22%, белоруссы—4%, все другие национальности—10%. Таким образом, несколько более трети всей численности РККА в 1925 году падало на долю невеликорусских национальностей. За $3^1/_2$ года до этого великорусское ядро составляло около 74% всей армии.
>
> Следовательно, за эти $3^1/_2$ года произошло увеличение за счет великорусского ядра численности всех других национальных групп в составе Красной армии...
>
> Территориальный принцип укомплектования на практике часто приводит к созданию войсковых частей, укомплектованных призывным контингентом почти исключительно какой-либо одной национальности».

За эпоху гражданской войны было не мало примеров организации национальных частей: достаточно указать на доблестные латышские части, татарские, башкирские отряды и проч. С 28-го апреля

1920 г., т.-е. с установления советской власти в *Азербайджане*, ведет свое начало Азербайджанская Красная армия. В июле 1920 г. образуется из частей ее отдельная дивизия.

В *Армении* к приходу советской власти 29-го ноября 1920 г. существовала национальная армия численностью в 22—23 тысячи человек. Эта армия впоследствии реорганизована в сводную стрелковую дивизию.

Грузия также по реорганизации довела численность своих войск до стрелковой дивизии.

В настоящее время национальные части существуют во всех союзных республиках и в целом ряде автономных областей.

При организации национальных формирований учтены природные качества каждой национальности—Киргизии, Туркмении; горцы создают кавалерийские части и т. п.

И территориальная система и национальные формирования возможны лишь там, где массы населения и господствующий класс составляют неразрывное целое.

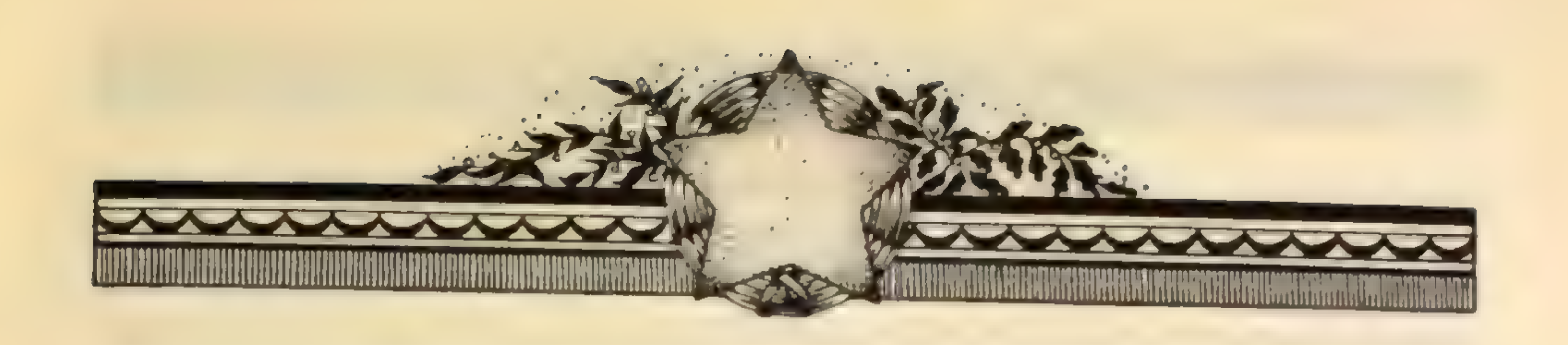
Хотя историку и преждевременно оценивать настоящий период в виду его незаконченности, однако необходимо оттенить два основных руководящих начала, лежащих в основе строительства Красной армии настоящих дней.

Во-первых, Красная армия понята, как мобилизационный кадр; во-вторых, дело защиты социалистического отечества может быть осуществлено только усилиями трудящихся всего Союза. Совершенно очевидно, что при данных целях организационные задачи и методы приобретают первенствующее значение.

Параллельно борьбе на полях сражений будет происходить жестокая экономическая война, война на выдержку, на дисциплинированность и на крепость нервов.

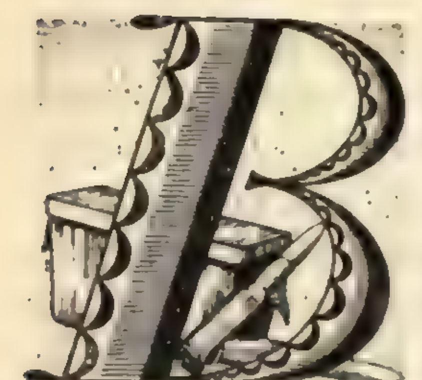
Отсюда *понятна необходимость вовлечения широких масс в дело обороны страны.*

Н. МОВЧИН

КОМПЛЕКТОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ В 1918—1920 ГГ.

ТЕЧЕНИЕ трех лет—1918—1920 гг.—советская власть прошла через ряд этапов в своем развитии. Одновременно те же этапы переживала и Красная армия, создание которой шло по двум линиям: количественного роста и качественного укрепления. Первейшей задачей комплектования являлось удовлетворение требований количественного прироста, при чем требования на пополнения все более возрастали по мере того, как росла общая численность Красной армии. Однако комплектование отражалось не только на количественном росте,—оно одновременно сказывалось и на качественном укреплении Красной армии, поскольку давало пополнения, плохо или хорошо настроенные политически, хорошо обученные или вовсе не обученные, физически здоровые или к службе негодные.

Отражая в своем развитии этапы борьбы на фронтах гражданской войны и этапы складывавшегося соотношения двух основных сил нашей революции,—рабочего класса и крестьянства,—комплектование также прошло ряд этапов, рассмотрение которых поможет нам выявить особенности комплектования армии гражданской войны.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ, КАК РАБОЧЕЕ ЯДРО КРАСНОЙ АРМИИ

Задача борьбы за захват власти легла на плечи Красной гвардии. Красная гвардия вынесла первое напряжение борьбы с организующимися силами внутренней контр-революции. Октябрьская революция в своем поступательном движении шла от центра к окраинам, создавая и увеличивая существовавшие на местах в зачаточном состоянии силы Красной гвардии. Уже в первые месяцы сил Красной

гвардии оказалось недостаточно, и возникла необходимость создания армии, в основу строительства которой был положен декрет Совета Народных Комиссаров от 15-го января 1918 года. Цель оформления новой Красной армии определялась так: армия должна быть «оплотом советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем...»

Установленный декретом добровольческий принцип комплектования армии рассматривался как временный,—в дальнейшем мыслилось создание милиционной армии. Если до Октябрьской революции Красная гвардия имела исключительно рабочий состав, то сейчас же после Октября и непосредственно за ним, до полного окончания демобилизации старой армии, в борьбе против контрреволюции начинают принимать участие части старой армии, осуществляя тем самым боевой союз рабочего класса и крестьянства. Все же их число не велико, и они быстро исчезают. Главным источником комплектования остается пока рабочий класс; он должен создать крепкий скелет новой армии, вокруг которого впоследствии будут собираться все бóльшие слои крестьянства, пока Красная армия не вырастет в грозную, многомиллионную массу. Пока же, в первые месяцы борьбы, главное значение имела не численность бойцов, а их качество, их преданность революции. В этом обстоятельстве скрывается оправдание добровольчества. В самом деле,— в первый период, когда на местах еще шла борьба за захват власти, когда силы буржуазии были не организованы, самым важным для бойца Красной армии было требование безусловной преданности власти Советов. Такое требование установлено декретом, при чем декрет требует представления от каждого добровольца соответствующих рекомендаций.

При подобных условиях комплектования Красная армия практически мало чем отличалась от прежней Красной гвардии, являясь ее непосредственным продолжением. Разница заключалась только в том, что если раньше рабочий вступал в Красную гвардию добровольно по призыву своей рабочей организации, то теперь его также добровольно призывало рабочее государство. С этой точки зрения надо оценивать результаты записи добровольцев; они, на первый взгляд, невелики: к концу февраля, например, в Питере записалось до 6.000, в Москве—до 20.000. Расчет на то, что приток добровольцев даст уже к половине февраля 300 тыс., не оправдался. Необходимо, однако, учитывать, что уже до октября Красная гвардия в Питере насчитывала до 60 тыс. чел. Все же к 10-му мая, т.-е. к моменту, когда еще не был проведен ни один призыв, Красная армия насчитывала в своих рядах 306 тыс. чел. Это и было основное рабочее ядро, которое в дальнейшем росло, усиливалось и укреплялось соответственно с ростом всей армии.

ДЕКРЕТ 22-ГО АПРЕЛЯ

Добровольчество, помимо вышеуказанных положительных сторон, заключало в себе и отрицательные стороны, и чем дальше шел процесс укрепления советской власти, тем явственнее становились эти отрицательные моменты. К их числу необходимо отнести: 1) отрядную систему организации, естественно складывавшуюся на почве формирования частей по фабрикам, заводам, районам и т. д.; 2) текучесть личного состава; 3) неуверенность в возможности дальнейшего притока добровольцев, и, наконец, 4) привлекая в свои ряды лучшие элементы рабочего класса, добровольчество именно их в первую очередь и подставляло под пули; вместо того, чтобы возложить на них роль организаторов будущей армии, оно низводило их до степени простых бойцов.

Возникла необходимость установления обязательной для каждого трудящегося военной службы. Возможность практического осуществления этой меры находилась в зависимости от отношения к ней крестьянства. Крестьянство не могло быть привлечено в обязательном порядке в начале 1918 года, ибо Брестский мир был продиктован стихийным стремлением крестьянина к миру и к земле. До тех пор, пока основные крестьянские массы не получили хотя бы небольшой мирной передышки, не приняли участия в разделе земли, не могло быть и речи об их привлечении. Соответствующий момент начал приближаться только с весны и лета 1918 года,—до этого же момента обязательная военная служба могла рассчитывать на остававшиеся нетронутыми широкие слои рабочего класса и на наиболее активную часть беднейшего крестьянства.

Так появляется 22-го апреля 1918 года декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству, устанавливавший обязанность каждого трудящегося гражданина с оружием в руках защищать Советскую Республику. Глубоко ошибочно было бы видеть в этом декрете простое возвращение к всеобщей воинской повинности. Нахождение у власти рабочего класса отразилось на самом существе дела комплектования,—укажем на два основных момента: классовость и милиционность. Установленная военная служба не была всеобщей; она распространялась только на трудящиеся классы; буржуазия из армии исключалась, при чем, чтобы не создать для нее особой привилегии, она подлежала зачислению в тыловое ополчение. Милиционные начала нового декрета получили наиболее яркое выражение в установлении внеказарменного обучения,—в обучении без отрыва от повседневных занятий. Таким образом, если бы перед страной открывался период мирного строительства, то был бы обеспечен переход к милиционной армии; поскольку же передышка быстро окончилась, поскольку в разгар

гражданской войны пополнения требовались во все большем размере, пришлось в дальнейшем прибегнуть к казарменному обучению и массовым призывам. В течение всей гражданской войны мы можем наблюдать сочетание методов обычной воинской повинности с внеказарменным обучением и территориальной организацией рабочих масс,—сочетание работы военных комиссариатов и Всевобуча.

От декретирования обязательности службы до начала практической работы прошло не мало времени. Помимо тех общих политических предпосылок, которые указаны выше, существовал целый ряд чисто технических затруднений, среди которых на первом месте стоит отсутствие местного военного аппарата, отсутствие развитой и правильно действующей сети военных комиссариатов. Последние начали организовываться только с начала апреля и вчерне оформились не ранее июня—июля 1918 года. Дальнейшими предпосылками были: уничтожение системы мелких отрядов, установление единообразной организации частей, введение твердых штатов, издание инструкций и т. д. Революционная энергия и близость непосредственной опасности ускорили предварительную работу, и уже 29-го мая Совнарком предписал Наркомвоену приступить к принудительным призывам, 12-го июня был произведен первый призыв в 51 уезде Приволжского округа, а через 5 дней—17-го июня—последовал призыв рабочих в Москве. По первому призыву было принято около 42 тыс., а по второму—около 10 тыс. Благоприятные результаты дали возможность развить призывную деятельность в широком размере, и в течение июля и августа 1918 года был объявлен и проведен ряд призывов в различных местностях. С их осуществлением начинает быстро расти численность Красной армии: к 1-му августу она составляет 331 тыс., а уже к 5-му сентября она равняется 550 тыс.

Во всей призывной деятельности характерны два обстоятельства. Если рассмотреть призывы по территориям, то легко убедиться, что они охватывают, в первую очередь, крупные рабочие центры и только постепенно распространяются от центра к окраинам, вследствие чего Красная армия сохраняет свой почти чисто рабочий облик и питается пополнениями, главным образом, за счет центрально-промышленной области. Далее мы видим, что призывы не дают того количества бойцов, которое они должны были бы дать, если бы явились все подлежащие призыву. Значительные массы уклоняются от явки. Некоторая часть уклоняется просто по незнанию, но основная масса, и именно середняцко-крестьянская масса, не является в силу той простой причины, что она не осознала еще необходимости тесного союза с рабочим классом, что для нее еще не ясна опасность монархическо-помещичьей реставрации. Военные

комиссариаты на местах не обладают необходимой для принудительного призыва силой, и обязательный призыв имеет в значительной степени характер добровольной явки рабочего класса и активных слоев беднейшего крестьянства. Практика показывает, что для введения обязательной службы еще не достаточно издание декрета; последний должен быть дополнен установлением соответствующего соотношения классов и наличием твердого аппарата.

МЕСТНЫЕ ПРИЗЫВЫ

1918 год характеризовался сильнейшим развитием децентрализации, укреплением и усилением «власти на местах», которая не могла не найти своего отражения и в вопросах комплектования. Действительно, в течение всей второй половины 1918 г. мы наблюдаем, как помимо призывов, объявленных центром, на местах, собственной властью, объявляют и проводят призывы в целых районах. Такие действия местных исполкомов, конечно, вредно отражались на общей работе по комплектованию. Однако борьба с ними была затруднительна, ибо они имели за собой известные основания. В обстановке острой борьбы на местах, в обстановке непрерывно вспыхивающих местных восстаний, быстрого роста фронтов, в обстановке, когда у центра нехватало войск и транспортных возможностей, чтобы быстро перебросить части в угрожаемые районы,—что оставалось делать местным властям помимо объявления мобилизации? В этом смысле работа мест, их самодеятельность и инициатива не только не мешали работе общегосударственного центра, но и помогали ей, освобождая последний от ведения борьбы с мелкими очагами контр-революции и позволяя сосредоточивать все внимание на основных противниках. В дальнейшем, в связи с созданием фронтов, с уменьшением числа восстаний,—местные призывы начинают умирать естественной смертью, и работа по комплектованию начинает строиться по единому плану. Исходным пунктом для такого единого плана является сентябрь 1918 г., когда было намечено формирование 11 дивизий по твердому штату, произведены были крупные призывы и т. д. В общем, несмотря на большие потери, Красная армия продолжает расти, и к концу 1918 г. количество призванных достигает 600 тыс., не считая 130 тыс. унтер-офицеров и 22 тыс. офицеров, а общая численность Красной армии составляет уже 800 тыс.

К началу 1919 г. силы внутренней контр-революции вполне сложились. На сцену выступают два главных противника—Колчак и Деникин, борьба с которыми заняла весь 1919 год. Одновременно произошел резкий перелом в настроениях середняцких масс, и поворот именно в сторону советской власти. Социальная база комплектования чрезвычайно расширилась. Два основных фактора

определили поворот в настроении середняка: взятый партией курс и реальная угроза возвращения помещиков. Последнее обстоятельство было наглядно продемонстрировано середняку в наиболее глубоких продвижениях Колчака и Деникина. Курс на середняка, впервые формулированный т. Лениным на VIII съезде партии, направлялся к достижению тесного союза рабочего класса и середняцких масс на почве уже происшедшего разгрома кулачества и освобождения бедноты. Но перелом произошел не одновременно по всей линии. Практически его массовое выявление надо отнести на середину и конец 1919 года (май—октябрь).

ПРИЗЫВНАЯ РАБОТА И ИСТОЩЕНИЕ РЕСУРСОВ ЦЕНТРА

В связи с наступлением Колчака на Восточном фронте возник кризис, в основе которого лежал кризис пополнений. В целях его ликвидации призывная машина должна была работать полным ходом. К марту месяцу на всей территории Республики были призваны возрасты от 1891 по 1899 гг. рождения. Все они дали около 700 тыс., но эта цифра была уже израсходована. Небольшой имевшийся опыт показал, что привлечение старых возрастов дает небольшие результаты,—не больше 100 тыс. на каждый возраст. Поэтому было принципиально решено призывать молодые возрасты, и 1-го марта был объявлен призыв 1899 года (20-летних), давший до 200 тыс. человек. Бесспорно, такой образ действий был наиболее правильным, но на 1919 г. новых молодых возрастов больше не оставалось, а нужда в пополнениях все росла, и средняя цифра ежемесячной потребности фронтов колебалась от 150 до 200 тыс.

Намеченная система общих призывов, и притом призывов именно молодых возрастов, таким образом, рухнула. Практические потребности жизни оказались сильнее теоретически разработанного плана; комплектование во время гражданской войны должно быть гибким и умело приспособляться к обстановке. Его гибкость выразилась не в отказе от плана, а в поисках и нахождении новых методов комплектования, которые более соответствовали моменту. Отступавшие армии Восточного фронта нуждались не только в известном числе пополнений, но и в его определенном качестве, а в первую очередь—в пополнении рабочими элементами. Для восстановления и укрепления частей нужен был твердый рабочий костяк. Именно в учете этого обстоятельства заключается гибкость революционного комплектования.

Произведенные в целях пополнения Восточного фронта призывы можно разбить на три основных группы: 1) общерабочие призывы, проводимые по линии общего военного аппарата; 2) специально крестьянские призывы по той же линии и совместно с волисполкомами; 3) профессиональные и партийные призывы. К числу первых

относится объявленный 8-го апреля в ряде городов и промышленных губерний призыв рабочих пяти возрастов (1890—1896 гг. рождения). Он дал до 30 тыс. рабочего пополнения. Специально крестьянским призывом был объявленный 24-го апреля призыв среднего и беднейшего крестьянства. По своему замыслу, по идее он стремился наглядно продемонстрировать складывавшийся союз рабочего класса с середняком и был построен совершенно отлично от обычных призывов. Прежде всего отказались от призыва какого-либо определенного возраста. Затем ВЦИК постановляет:

> 1. Распоряжением волисполкомов каждая волость должна с получением сего *немедленно* мобилизовать 10—20 человек *стойких и надежных защитников* Рабоче-Крестьянской Советской Республики, способных с оружием в руках отстаивать ее, при чем часть из них, а по возможности— все, должны быть из солдат, участвовавших в войне и обученных военному делу.
>
> 2. Волостные исполкомы должны мобилизованных, по возможности, *одеть, обуть, снарядить и вооружить*...

В этой цитате из декрета курсив везде наш. С его помощью мы выделяем те требования, которые предъявлялись сообразно обстановке: пополнения нужны немедленно одетыми и вооруженными, т.-е. в таком виде, который позволял бы тотчас же отправить их на фронт. К сожалению, результаты оказались довольно слабыми; вместо ожидавшихся 100 тыс. было получено только около 25 тыс. Причины неуспеха лежат как в плоскости еще не совершившегося перелома в настроении середняка, так и в принципиальной ошибке: неорганизованные крестьянские массы не могли сами решить, кого именно из всего населения волости надо включить в число 20 мобилизуемых. Отсюда—ряд районов избрал более простой, старый и привычный способ: жеребьевку. Во многих же местностях крестьянство, не отказываясь итти в Красную армию, требовало замены этого призыва общеобязательной мобилизацией.

Иные результаты получились, когда этот же принцип был применен по отношению к профессиональным союзам и партийным организациям. Здесь дело шло об организованных массах, и мобилизация шла гладко, своей быстротой значительно превосходя общие призывы. В целях дальнейшего усиления фронтов вообще и в частности Восточного фронта в конце апреля была объявлена мобилизация членов партии и профсоюзов,—последних по принципу 10% и более от числа членов союза. Ожидалось около 25 тыс. человек; к началу июня количество принятых достигло уже 17 тыс., и из них около 12 тыс. отправлено на Восточный фронт.

Армии Восточного фронта усилились, опрокинули Колчака, но сейчас же обнаружился новый противник—на юге. Деникин шел к Орлу. Теперь поток пополнений надо было поворачивать на юг, но прежде всего необходимо было отыскать самые пополнения.

Для этой цели был призван 1900-й год, давший до 160 тыс. человек, т.-е. опять-таки одну месячную потребность. Для дальнейшей работы путь был закрыт. В распоряжении ведущих призывную работу центров не оставалось больше ни молодых, ни старых возрастов. Правда, делались попытки призвать разные категории: возвратившихся из плена и т. д.; добирались остатки возрастов в некоторых районах, но все это было каплей в море потребностей. Ресурсы центра оказались истощенными, и положение было бы безвыходным, если бы не нашлись новые источники: таким новым источником стало дезертирство (привлечение в ряды армии дезертиров и уклонившихся от военной службы), а затем фронтовые мобилизации.

ДЕЗЕРТИРСТВО И БОРЬБА С НИМ

Почему же только спустя полтора года борьба с дезертирством начинает сказываться на комплектовании армии? Разве до этих пор не было дезертиров и не велась борьба с ними?—Конечно, дезертиры были и борьба велась, ибо уже с конца 1918 года была создана Центрокомдезертир, но две причины затрудняли работу этой комиссии. Первая—перелом в настроении среднего крестьянства еще не произошел, а без него никакая борьба не могла дать надлежащих результатов. Вторая причина лежала в характере деятельности военкоматов; последние, будучи молодыми организациями, естественно, шли по линии наименьшего сопротивления и проводили один призыв за другим, привлекая все новые и новые возрасты. В результате все возрасты были так или иначе затронуты призывами, но полностью не был привлечен ни один возраст.

Нельзя забывать, что все призывы 1918—1919 гг. проводились при отсутствии сколько-нибудь точных данных учета военно-обязанных, вследствие чего никто ни в центре, ни на местах не мог сказать, сколько человек должно было явиться к призыву и сколько из них не явилось. Такое положение не могло быть более терпимо. В мае 1919 г. Центрокомдезертир была реорганизована, на местах созданы свои уездные и губернские комиссии, и работа развернута во всю ширь. С первых же шагов обнаружились большие успехи: дезертиры начали являться массами и добровольно. Чтобы объяснить этот успех, надо выяснить вопрос о том, какие причины создали дезертирство, и кто был дезертир гражданской войны?

Отвечая на эти вопросы, уточним прежде всего, чтó понимать под словом дезертир? В ходе гражданской войны это слово было собирательным понятием. В действительности же здесь были разные слои населения и дезертиров надо разделить на две основных категории: 1) уклонившихся от явки к призыву и 2) подлинных дезертиров, т.-е. тех, кто был уже принят на службу, но бежал

с нее. В каждом из этих случаев причины дезертирства различны. В старой армии, причины дезертирства лежали в нежелании крестьянства воевать, в Красной армии основная причина уклонения от военной службы и дезертирства с нее заключается в непонимании середняком характера войны, неуяснении себе опасностей, которые несет возвращение к власти помещика и буржуазии. Как только под влиянием успехов белых армий это понимание начало проникать в массы, немедленно последовал перелом, сейчас же отразившийся на успешности борьбы с дезертирством. Здесь бесконечно глубокий смысл приобретают слова т. Ленина о том, что «война есть не только продолжение политики,—она есть суммирование политики, обучение политике в этой неслыханно тяжелой войне...»

Помимо указанной основной причины дезертирства, существовали еще и другие, второстепенные причины. К их числу мы должны отнести: 1) недостаточное развитие политической работы в деревне; 2) общее неустройство тыла и слабую работу местного военного аппарата; 3) путаницу в умах населения, вызванную быстрой сменой властей (особенно на Украине); 4) безнаказанность уклонения и дезертирства; 5) недостаточный продовольственный паек, холод в казармах и т. д.; 6) слабость государственного аппарата, особенно в деревне, и, наконец, 7) слабую работу социального обеспечения, создававшую у красноармейцев неуверенность в обеспеченности их семей. Первейшей обязанностью Комиссии по борьбе с дезертирством было устранение именно второстепенных причин. Первым толчком для оформления изменившихся настроений крестьянства были объявленные «недели добровольной явки дезертиров», гарантировавшие являющимся прощение их проступков. «Недели» имели большой успех. Характер самого дезертирства и ход борьбы с ним хорошо видны из следующей таблицы:

Таблица № 1

Дезертирство и борьба с ним

Время	Задержано (в тысячах)					Из них	
	Всего	Добровольно явившихся	Облавами	На железн. дорогах	Другими способами	Злостных	По слабости воли
С 1/I по 1/IV 1919 г.	130	—	—	—	—	—	—
С 1/IV по 1/XII 1919 г.	1.623	987	472	40	124	103	1.520
Всего 1919 г.	1.753	987	472	40	124	103	1.520
С 1/I по 1/I 1920 г.	1.093	556	381	49	107	163	930
Итого	2.846	1.543	853	89	231	266	2.450

Из таблицы видно, что из всех задержанных во второй половине 1919 г. большннство явилось добровольно и что 0,9 было признано комиссиями не злостными, а дезертировавшими или уклонившимися по слабости воли. Что добровольная явка уклонившихся зависела именно от настроения середняка, хорошо видно из цифр задержанных по месяцам: в июне 1919 г. из 200 тыс. добровольно явилось 156 тыс., в июле из 266 тыс.—205 тыс., в августе из 281—188 тыс., в сентябре из 262—155 тыс. и т. д.

Переходя к вопросу о методах борьбы с дезертирством, надо сказать, что на первом месте стояли методы политическо-воспитательного характера: недели добровольной явки, сопровождаемые широкой агитационной работой и кампаниями в частях. Затем идет система мероприятий, направленных к установлению общего порядка в тылу и созданию условий, сильно затруднявших укрывательство дезертира. К последним нужно отнести: 1) облавы, 2) массовые проверки документов, 3) проверку скоплявшихся на железных дорогах и т. д. Результаты этих мер видны из таблицы № 1. Подчиненную роль в работе комдезов играли карательные мероприятия. Как общее правило, они имели целью не столько действительное наказание виновного, сколько демонстрирование того, что дезертирство не будет оставаться безнаказанным. Так, например, за семь последних месяцев 1919 г. из 1.500.000 задержанных было признано злостными только 95 тыс., и из них было направлено в штрафные части 55 тысяч, приговорено к тюремному заключению условно и безусловно 6 тысяч, приговорено условно к расстрелу 4 тысячи и фактически расстреляно 600 человек. Расстрел применялся исключительно к главарям и активным участникам различных банд.

Меньшей популярностью пользовалось лишение свободы, так как оно не представляло для злостного дезертира ничего страшного. Комдезы нашли другие способы воздействия на психику дезертира и на окружающую его среду: это была система имущественных взысканий. Они ударяли не только по самому дезертиру, но и по его семье и по всем укрывателям. Однако комдезы применяли их с большой осторожностью, так как ошибки могли обострить отношения с крестьянством. С другой стороны, слишком мягкие взыскания свели бы на-нет всю систему. Главная масса имущественных взысканий падала на наиболее зажиточных и наиболее упорных дезертиров. Обращение конфискованного имущества в фонд помощи семьям красноармейцев оказывало положительное влияние на настроение находящихся на фронте красноармейцев. Дезертиры и уклонившиеся составили источник пополнений, из которого могли бы быть удовлетворены полностью все требования фронтов, что можно заключить по следующим цифрам: за семь последних месяцев 1919 года

было отправлено в запасные части 982 тыс. чел. и, кроме того, непосредственно маршевыми ротами на фронт—286 тыс.

Успешная борьба с дезертирством подводит итоги тому общему процессу перехода к обязательной службе, который был начат в мае 1918 г. Мы уже видели, что все первые призывы фактически носили характер добровольной явки. Сейчас, с ликвидацией дезертирства эта полудобровольческая явка прекращается, местный аппарат крепнет, и все дело комплектования переходит на рельсы действительной обязательности.

ПОПОЛНЕНИЯ ДЛЯ ФРОНТА

Итак, для удовлетворения нужд фронта были найдены достаточные контингенты, но наличие пополнений само по себе еще не решало вопроса. Все дело комплектования армии в военное время складывается из нескольких этапов, каждый из которых важен в общей связи; к числу этих этапов мы отнесем: 1) призыв мобилизованных на местах, 2) их направление в запасные части, 3) их обучение, 4) организацию маршевых рот и следование на фронт, 5) распределение и включение в действующие части. Простое перечисление показывает, что центральным этапом является пребывание в запасной части, но еще бо́льшие затруднения встречаются в организации следования пополнений на фронт. Прежде всего, призываемые были разнообразно обучены: некоторые прошли военное обучение в старой армии, а молодые возрасты не получили никакого обучения; тыловые запасные части не имели боевого командного состава; при общем продовольственном кризисе, приходилось питать лучше фронтовые части, а на долю запасных частей оставался скудный паек. Благодаря этому в течение всей гражданской войны обучение в запасных частях сильно хромало.

Но наибольшие затруднения начинались когда масса пополнений отправлялась на фронт. Если, в среднем, все фронты требовали ежемесячно до 150—200 тыс. пополнений, то обычно около 100.000 направлялось на тот фронт, который был в данное время главным. Перевозка такой массы при расстройстве транспорта была крайне трудна. К тому же, имели место побеги из эшелонов, достигавшие иногда 25—30%, а в исключительных случаях и 50—70%. Как правило, посланные на фронт пополнения приходили в составе 2/3, оборванными, необученными, без оружия и боевой ценности не представляли. Положение фронтов было незавидное: они с нетерпением ожидали необходимых маршевых рот и взамен их получали толпу полуоборванных людей, которых надо было сначала вымыть, одеть, вооружить и дообучить.

Но расхождение между фронтом и тылом шло еще глубже. От момента приема на военную службу и до момента зачисления

в действующую часть часто проходило не менее 3—4 месяцев, почему призыв надлежало начинать не позже как за 4 месяца до кризиса на фронте. Такая предусмотрительность, в условиях быстро нарастающих противников, при наличии быстрых скачков фронтов вперед и назад, была невозможна. И вот, несмотря на миллионы призванных, несмотря на наличие большого числа запасных частей, в течение всей гражданской войны слышатся голоса фронтов, жалующихся на опоздание пополнений. Целый ряд кризисов на фронте были собственно кризисами пополнений. Все эти явления наблюдались уже в 1918 г., и тогда начал проводиться ряд мер, которые должны были парализовать отставание в работе тыла.

ФРОНТОВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ

Впервые на Восточном фронте были созданы свои фронтовые запасные части. Принципиальный смысл реформы заключался в следующем. Если центр опаздывал с присылкой пополнений или присылал их в неудовлетворительном виде, то фронты должны были иметь возможность: 1) дообучать присланные пополнения, 2) иметь свои собственные ресурсы — запасы пополнений, с помощью которых можно было бы парализовать или предотвратить неудачи на фронте. К середине 1919 г. все фронты организуют у себя систему своих запасных частей и получают в свое распоряжение определенные территории, на которых они самостоятельно организуют призывы. Некоторые особо важные фронты получают даже целые тыловые округа. Новая система была особенно жизненна еще в силу следующих причин. При быстрых движениях фронтов, так же быстро терялись и вновь приобретались большие территории, с большим количеством людских ресурсов, использование которых было весьма желательно. Планомерные призывы, проводимые распоряжением центра, становились возможными только после организации на местах сети военных комиссариатов, фронты же имели возможность быстро организовать призывную работу и проводить большое количество фронтовых мобилизаций. Общее количество принятых по таким мобилизациям можно считать, по некоторым сведениям, до 500 тыс. человек.

РОСТ КРАСНОЙ АРМИИ

Сравнивая рассмотренные три источника пополнения Красной армии, мы видим, что на первом месте стоит призывная работа, на втором—борьба с уклонением и дезертирством и на третьем месте—фронтовые мобилизации. В результате рост численности армии шел вперед бурным темпом. Если к началу 1919 г. численность армии достигала 800 тыс., то в течение 1919 г. армия возрастала почти каждый месяц на 200 тыс. чел. В октябре 1918 г.

Ленин писал: «Мы решили иметь армию в 1.000.000 чел. к весне,— нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь». Лозунг был выполнен с большой точностью: к 1-му февраля 1919 г. армия насчитывала в своем составе 1.000.000, а к 1-му января 1920 г.—3.000.000 чел. О росте численности армии можно судить по следующей таблице:

Таблица № 2

Рост численности Красной армии в 1919 г. и результаты призывов (в тысячах)

Численность		Принято по призывам		Численность		Принято по призывам	
К 1/I 1919 г.	800	В янв. 1919 г.	65	К 1/VIII 1919 г.	2.300	В авг. 1919 г.	110
К 1/II 1919 г.	1.000	В фев. 1919 г.	240	К 1/IX 1919 г.	2.400	В сент. 1919 г.	95
К 1/III 1919 г.	1.400	В марте 1919 г.	345	К 1/X 1919 г.	2.500	В окт. 1919 г.	70
К 1/IV 1919 г.	1.500	В апр. 1919 г.	110	К 1/XI 1919 г.	2.600	В нояб. 1919 г.	225
К 1/V 1919 г.	1.700	В мае 1919 г.	155	К 1/XII 1919 г.	2.800	В дек. 1919 г.	160
К 1/VI 1919 г.	1.900	В июне 1919 г.	200				
К 1/VII 1919 г.	2.100	В июле 1919 г.	200	К 1/I 1920 г.	3.000	Ит. за 1919 г.	1.975

Для полной ясности расшифруем приведенные цифры. На первый взгляд получается противоречие: если к началу 1919 года было 800 т., то, прибавляя призванных за весь 1919 г.—1.975 т., мы получим только 2.775 т., а не 3.000 т. Кроме того, были ведь потери и дезертирством, и, значит, величина армии должна быть еще меньше. Однако вспомним сказанное выше и увидим следующую картину: к началу 1919 г. было 800 т., призвано 1.975 т., задержано дезертиров—1.753 т., при чем из этого числа за 7 мес. было отправлено на фронт 1.268 т., получено по фронтовым мобилизациям минимум 500 т., итого общая сумма выражается в 5.028 т. Правильнее задать вопрос: почему к 1/I—1920 г. армия достигла только 3.000 т., куда девались 2.028 т.? Ответ найдем: 1) в потерях (главным образом, в больных) и 2) в повторных случаях дезертирства.

Подводя некоторые итоги работе по комплектованию за 1919 г., необходимо отметить следующие важнейшие моменты: 1) скачкообразность развития гражданской войны и соответственно комплектования; 2) гибкость форм и методов комплектования, в зависимости от конкретной обстановки; 3) смешанную систему призывов — перемешивание общих повсеместных призывов с целым рядом частных призывов различных категорий специалистов; 4) систематическую работу по поддержанию и сохранению численности и сплоченности рабочего и партийного ядра.

БОРЬБА С БЕЛОЙ ПОЛЬШЕЙ

Борьба с буржуазной Польшей потребовала полного напряжения сил при неблагоприятной обстановке. Наличие трудовых армий, необходимость поддержания и пополнения существовавших фронтов, ослабление работы запасных частей,—все это неблагоприятно отразилось на комплектовании решающего, Западного, фронта. Ресурсы центра были совсем истощены. Начатый в марте призыв родившихся в 1901 г. растянулся на несколько месяцев, и только 1-му июня число принятых достигло 190 тыс., в самом же Западном округе призыв начался только 10-го июля. Между тем, для обеспечения успеха наступления пополнение армий фронта было совершенно необходимо. И вот, Западный фронт обращается к испытанному за последнее время средству: он объявляет неделю добровольной явки дезертиров, проводит соответствующую работу и добивается хороших результатов. К началу июля добровольно явилось и было задержано до 70 тыс. За счет дезертиров и за счет полученных из центра пополнений войска фронта были пополнены и смогли начать свое наступление на Варшаву. Чтобы взять Варшаву, форсировать Вислу и разбить белопольскую армию, наши части должны были проделать марш длиной до 600 *км*. Делая, в среднем, от 15 до 16 *км* в сутки, армии прошли этот путь в $1^1/_2$ месяца и к половине августа стояли под стенами Варшавы, но стояли уже в ослабленном составе: вместо 80 тыс. штыков они имели их только 40 тыс. Потери составили за $1^1/_2$ месяца до 50%, или около 30% в месяц.

Почему же было допущено столь большое падение боевой силы войск? Разве командование фронтом не располагало запасами пополнений?—Конечно, располагало, ибо к августу и центр мог усилить посылку маршевых рот за счет 1901 года, и значительная часть дезертиров была собрана и могла быть отправлена на фронт. По некоторым данным, позади наступающих частей Западного фронта шли в эшелонах 60 тыс. пополнений, но они не пришли,—не успели притти к решительному моменту. Причины заключались, конечно, в недостаточной провозоспособности восстановленных железных дорог и в слабом развитии сети грунтовых путей, а затем—в быстром и непрерывном наступательном движении частей. Если боевые части двигаются вперед со скоростью 15 *км* в сутки, то маршевые роты пополнений, при слабой сети путей в тылу, не могут продвигаться вперед больше 20—25 *км*, и так как они вынуждены выступить за сотни верст из тыла, то догнать боевые части они могут только после длительного марша. Принимая благоприятный случай, а именно выгрузку маршевых рот с железных дорог за 150 *км* от войск, все же получим, что они потратят не менее двух и до трех недель на то, чтобы догнать боевые части.

Исторический опыт в этом вопросе говорит, что пополнение на ходу войск, двигающихся с такой скоростью и непрерывно, невозможно. Чтобы получить возможность пополнять наступающие части, необходимо делать остановки, перерывы в движении. В отношении комплектования остановки могут быть непродолжительными, ибо если требуется много времени, чтобы догнать двигающиеся части, то при их остановке маршевые роты могут прибыть довольно быстро. Было бы, однако, глубоко ошибочным делать вывод, что условия комплектования не позволяют вести глубоких операций. Наоборот, из нашего опыта 1920 г. следует, что если в течение месяца части несут потери до 30% и эти потери не отзываются решительным образом на их боеспособности, то вполне возможны операции продолжительностью в один месяц.

ТЫЛ И ФРОНТ

Чтобы закончить наш краткий обзор, мы должны поставить еще один вопрос: каким образом стало возможным, что, насчитывавшая в своем составе до 5.300.000 едоков армия могла на решающем фронте в решительный момент выставить только 50 тыс. штыков? Причины этого лежат в чрезвычайном росте тылов как в глубине страны, так и в прифронтовых полосах. Так, например, на 1-е октября 1920 г. из общей массы в 5.498.000 едоков в военных округах их было 2.587 тыс., т.-е. около половины, в запасных армиях было 391 тыс., в трудовых армиях—159 тыс. и, наконец, на всех фронтах—1.780 тыс. едоков. На решающих фронтах—Западном и Юго-западном—было 360 тыс. плюс 221 т., всего—581 тыс. едоков, т.-е. около 10% всех вооруженных сил. Но и внутри каждого фронта соотношение бойцов и едоков было самое неблагоприятное. Во всей армии было около 5.500 тыс. едоков, около 700—800 тыс. бойцов и из них около 400—500 тыс. штыков,—иначе говоря, за каждым штыком на фронте стояло еще 10 едоков в тылу. Такая армия поглощала колоссальные ресурсы, полезный же эффект был самый ничтожный. Уже в середине лета 1920 г. была начата борьба за сокращение тылов, и к концу года она дала некоторые результаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

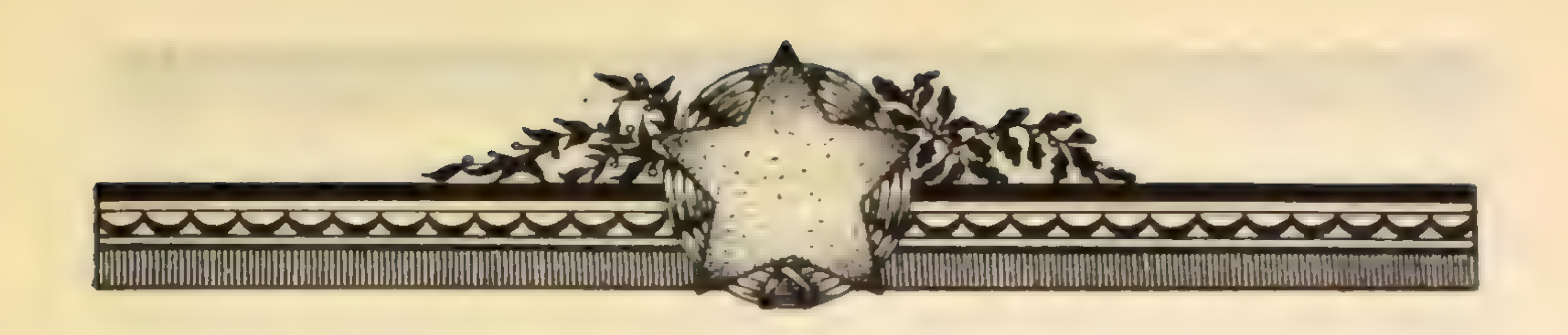
За три года борьбы поставленная задача организации вооруженных сил революции была решена. Из основного, добровольческого, чисто рабочего ядра создана, на основе союза с крестьянством, Красная армия, в которой рабочее ядро осталось только костяком, а основную массу составил середняк. Двойная задача — общего комплектования армии и систематического пополнения ее рабочего и партийного ядра—решалась на протяжении всех трех

лет путем своеобразных комбинаций общих призывов с чисто партийными или профессиональными мобилизациями.

В то же время в комплектовании нашей армии явственно проглядывают две параллельно идущих струи: одна, направленная к строительству милиционной армии, и другая—к созданию чисто регулярной армии. Уже с конца 1918 г. развертывается большая работа по всеобщему военному обучению. Организации Всевобуча приступают затем к самостоятельному формированию целых частей, и их части принимают уже участие в борьбе с Колчаком. Двойное строительство было дорогим делом, и Всевобучу пришлось занять второе место, ибо всеобщее военное обучение не могло охватить полно широкие крестьянские массы.

Следующей особенностью комплектования была система участия страны в войне и обеспечение работы тыла путем бронирования рабочей силы. Некоторые отрасли промышленности, прямо или косвенно влиявшие на оборону страны, нуждались в необходимом количестве адмтехперсонала и рабочей силы, подпадавшей под призывы на военную службу. Получались выгоды и невыгоды: благодаря большему призыву рабочих увеличивалось рабочее ядро армии, но важнейшие отрасли промышленности могли остановиться. Для разрешения этой противоречивой проблемы была создана система отсрочек и забронирований, в дальнейшем получившая свое продолжение в системе милитаризации. В результате—в 1920 г. общее число освобожденных от военной службы достигало около 2 млн. чел. Тыловая рабочая армия создавала тот материальный базис, который позволял Красной армии нести победоносно свои боевые знамена; когда же наступали тяжелые времена,—времена заминок,—промышленная армия еще раз расступалась, еще раз выбрасывала новые силы для укрепления боевой армии, продолжая в то же время свою работу. Именно в силу этого единства воли и твердости рабочего класса победа и осталась за Красной армией.

Н. ЕФИМОВ

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ПЕРВОГО ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ

ЕЛИКАЯ Октябрьская революция положила начало организации командного состава будущей Красной армии еще в момент захвата власти пролетариатом. Условия борьбы диктовали необходимость применения суровых военных методов работы; организация захвата власти и борьбы с сопротивляющимися слоями буржуазии была поручена старым партийцам-большевикам, не знавшим военного дела. Но они были не одни. У них сразу появились помощники в лице командиров из рабочих отрядов, выдвинутых из самой рабочей среды, и командиров военных отрядов из числа бывших военнослужащих (б. офицеры, унтер-офицеры, матросы и проч.).

Эти кадры командного состава явились, по существу, тем ядром, из которого с первых дней организации советской власти стали формироваться красногвардейские отряды, просуществовавшие до сформирования кадровых частей Красной армии (февраль—сентябрь 1918 года) и выдержавшие первые натиски контр-революции.

Командный состав красногвардейских отрядов по уровню своего развития, по подготовке был довольно пестр, но зато весь он был объединен одной идеей,—идеей защиты завоеваний Октября. Комсостав этих отрядов набирался обычно в местах формирований последних. Отряды обычно формировались на заводах и фабриках из числа рабочих или при советах, главным образом—из числа бывших солдат старой армии. Из их же среды назначались наиболее авторитетные лица в качестве командиров. На должности командиров отрядов выбирались лица, которые обладали значительным авторитетом и знали основы военного дела. Естественно, что наиболее насыщенными подобного рода командным составом (из

числа бывших офицеров) оказывались отряды, сформированные советами.

Разнотипность и разношерстность этих отрядов, господствовавший среди них дух партизанщины не давали возможности насаждать дисциплину и совершенствовать подготовку будущих бойцов. Между тем, все расширявшиеся задачи по закреплению октябрьских завоеваний требовали усиления армии; это и привело к необходимости перехода к формированию кадровых частей Красной армии в 1918 году. Лучший и наиболее преданный советской власти комсостав влился в ее ряды. Одновременно для усиления кадров армии советское правительство привлекло в ее ряды старых специалистов военного дела, изъявивших готовность честно служить рабоче-крестьянскому делу.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ РККА КОМАНДНЫМ СОСТАВОМ В 1918 ГОДУ

Декретом Совнаркома от 15-го января 1918 года, который был опубликован и вошел в силу с 23-го февраля того же года, была создана на основе добровольной вербовки рабоче-крестьянская Красная армия, в вопросах управления которой довольно крупную роль играли выборные аппараты красноармейских частей (вербовка добровольцев за 2½ месяца дала свыше 100.000 человек, но сколько в этом количестве было командного и административного составов, данных нет).

Армия такой малой численности не могла справиться с нуждами фронтов все развивавшейся гражданской войны, что и заставило отказаться от добровольчества и перейти к обязательной военной службе (постановление ВЦИК от 29-го мая 1918 года, подготовкой к которому послужил декрет от 22-го апреля того же года об обязательном обучении военному делу).

Декретом ВЦИК 9-го июня 1918 г. была введена обязательная личная воинская повинность; 12-го июля последовал призыв в Красную армию.

Непосредственный переход к принудительному набору, в виду сложности и трудности дела, не мог быть осуществлен одновременно на всей территории страны, почему он и был проведен вначале на территории наиболее угрожаемых областей и главных центров рабочего движения, а затем уже, по сформировании, в порядке декрета от 8-го апреля 1918 года, местных органов по учету и призыву, распространен и на остальную территорию.

Необходимость организованной вооруженной борьбы требовала создания централизованной, хорошо обученной и снаряженной армии, что могло быть осуществлено лишь при наличии соответствующего по качеству и численности кадра командного и административ-

ного состава. Последнее положение выдвинуло на первый план привлечение опытных специалистов военного дела из числа бывших офицеров, унтер-офицеров и чиновников старой армии.

29-го апреля 1918 года был издан декрет о новом порядке замещения военных должностей в РККА, а впоследствии, 10-го июля 1918 г., резолюцией V съезда советов, была признана необходимость использования опыта и знаний военных специалистов старой армии на тех постах, «какие им укажет советская власть».

Ряд последовательных мобилизаций дал армии с 12-го июня по 1-е января 1919 года, по данным мобилизационного управления Всероглавштаба, нижеприведенное количество мобилизованных специалистов:

Категория призываемых	Наименование распоряжений, на основании коих производились призывы	Принято
Бывшие офицеры.	Декреты СНК от 29 июля и 1 октября 1918 г., приказы РВСР от 11 сентября № 228 и 3 ноября № 2,5	22.315
Бывшие военные чиновники.	Декреты СНК от 29 июля и 1 октября 1918 г., приказы РВСР от 11 сентября № 4 и 28 декабря № 485.	2.409
Бывшие унтер-офицеры.	Декреты СНК от 2 августа и 3 сентября 1918 г., приказы РВСР от 11 сентября № 4 и 17 декабря № 396	128.168
Бывшие врачи (медицинские и ветеринарные).	Декреты СНК от 29 июля, 29 августа, 12 ноября, 7 декабря и 28 декабря 1918 года	2.508
Низший медицинский и ветеринарный персонал (фармацевты, лекарские помощники и фельдшера).	Декреты СНК от 29 июля, 29 августа, 12 ноября, 7 декабря и 28 декабря 1918 года	9.713
	Всего. . .	165.113

Привлекая, с одной стороны, военных специалистов старой армии (элемент, частично чуждый пролетарской революции), партия, с другой, принимала меры к пополнению армии командным составом из пролетариев и полупролетариев, с помощью систематического направления красноармейцев в «школы красных офицеров» (постановление VIII съезда РКП (б). Выпуски из этих школ по нижеприведенному расчету дали в виде пополнения в армию в 1918 году 1.753 командира:

Наименование ком. курсов	Число командиров, выпущенных курсами в 1918 г.	
	Абсолютные цифры	В %%
Пехотные	769	43,3
Кавалерийские	108	6,1
Артиллерийске	533	31,1
Пулеметные	89	5,1
Инженерные	130	7,2
Специальные	124	7,2
Итого	1.753	100

КОМПЛЕКТОВАНИЕ РККА КОМАДМСОСТАВОМ В 1919 ГОДУ

Увеличивающаяся потребность фронта вызывала неизбежный рост числа мобилизованных специалистов упомянутых категорий, каковое, по данным мобилизационного управления, по состоянию на 1-е апреля 1919 года дошло до 216.280 человек:

Наименование категорий	Принято по мобилизации по состоянию на 1/IV 1919 г.
Бывших офицеров	28.410
Бывших унтер-офицеров	165.191
Бывших военных чиновников	2.919
Врачей медицинских и ветеринар.	4.395
Фармацевтов и фельдшеров	15.365
Всего	216.280

Фронты продолжали увеличиваться числом и по размерам, росла Красная армия, и все усиливалась необходимость в командном и административном составе. Исключительные события на фронтах требовали пополнений в нем, и постановлением Совета труда и обороны от 2-го июля 1919 года была учреждена Особая комиссия при РВСР по учету бывших офицеров, под председательством т. Эйдука. По данным отчета этой комиссии, за время с июля 1919 года по январь 1920 года было взято на учет б. офицеров по всей республике 29.652 человека; из этого числа отправлено на фронт 14.984 человека. В.-у. з. за 1919 год дали выпуск в количестве 11.556 человек:

Типы в.-у. з.		Выпуск 1919 года	
		Абс. цифры	В %%
Высшие:	пехотные	288	45,2
	кавалерийские	25	3,9
	артиллерийские	22	3,4
	инженерные	81	12,7
	специальные	222	34,8
	Итого	638	100
Ком. курсы:	пехотные	5.847	53,5
	кавалерийские	1.232	11,3
	артиллерийские	1.126	10,3
	пулеметные	1.179	10,8
	инженерные	456	4,2
	специальные	1.078	9,9
	Итого	10.918	100
	Всего	11.556	—

КОМПЛЕКТОВАНИЕ РККА КОМАДМСОСТАВОМ В 1920 Г.

В течение 1920 года, в целях пополнения фронтов командным и административным составом, был издан ряд приказов РВСР, согласно которым выделялись из военных и гражданских учреждений не менее 25% бывших военных чиновников, чиновников военного времени и хозяйственных писарей; были образованы окружные контрольные комиссии для проверки выполнения приказа РВСР о допущении временного некомплекта в размере 50% комсостава, положенного по штату; образованы комиссии по обследованию теркадров для изъятия бывш. офицеров и унтер-офицеров, годных к строю; обследованы учреждения, управления и заведения Гувуз'а и Петрограда с целью изъятия комсостава, занимающего должности не по специальности; был проведен повторный призыв бывш. подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. В результате мероприятий, проведенных согласно этим приказам, было выделено для нужд фронтов 13.495 человек.

В результате же всех призывов в армию по мобилизациям, проводившимся с 12-го июня 1918 г. по 15-е августа 1920 г., было взято в ряды РККА: б. офицеров—48.409, б. военных чиновников—10.339, б. подпрапорщиков и унтер-офицеров—214.717, б. врачей (медицинских и ветеринарных)—13.949, низшего медицинского состава—26.766. А всего 314.180 человек.

Объединение работы по строительству Красной армии вначале было сосредоточено в Высшем военном совете, образованном 9-го марта 1918 года, а с конца 1918 года армией руководил РВСР. Грандиозные задачи, стоявшие перед РВСР в период 1919—1920 гг., в виду чрезвычайно напряженного положения на всех фронтах, не давали возможности точно учесть наличную численность РККА. И только в декабре 1920 года была создана комиссия под председательством тов. Склянского, в задачу которой входило установление численности армии и выяснение потребности ее в рядовом и в командном составе, в связи с намечавшейся реорганизацией. Численность комадмсостава на декабрь 1920 г., по собранным комиссией данным, выразилась в 446.729 человек, которые по составам распределялись следующим образом.

Наименование составов	Количество
Командный	130.932
Административный	315.797
Всего	446.729

В это число входили и окончившие в.-у. з. в 1918, 1919 и 1920 гг. в следующем количестве:

Типы в.-у. з.		Выпуск 1918 г.		Выпуск 1919 г.		Выпуск 1920 г.	
		Абс. цифры	В %%	Абс. цифры	В %%	Абс. цифры	В %%
Высшие:	пехотные	—	—	288	45,2	818	64,9
	кавалерийские . .	—	—	25	3,9	52	4,1
	артиллерийские .	—	—	22	3,4	112	9,0
	инженерные . . .	—	—	81	12,7	—	—
	специальные . . .	—	—	222	34,8	277	22,0
	Итого . .	—	—	638	100	1.259	100
Ком. курсы:	пехотные	769	43,3	5.847	53,5	11.164	44,1
	кавалерийские . .	108	6,1	1.232	11,3	1.884	7,4
	артиллерийские .	553	31,1	1.126	10,3	2.163	8,5
	пулеметные . . .	89	5,1	1.179	10,8	1.753	6,9
	инженерные . . .	130	7,2	456	4,2	858	3,4
	специальные . . .	124	7,2	1.078	9,9	7.504	29,7
	Итого . .	1.773	100	10.918	100	25.326	100
	Всего . . .	1.773	—	11.556	—	26.585	—
	Всего за три года . .	39.914					

КОМПЛЕКТОВАНИЕ РККА КОМАДМСОСТАВОМ В 1921 Г.

В 1921 году, с прекращением гражданской войны, армия переходила на мирное положение, почему и последовало сокращение численности и реорганизация ее (к 1-му января 1921 г. общая численность Красной армии была 4.213.497 едоков).

В связи с общим сокращением наличной численности всей армии, доведенной к концу года до 1.629.089 едоков, сократилась и численность командно-административного состава. Резкое уменьшение командного и административного состава произошло в период май-июнь, когда до 25% армии—все трудовые части, находившиеся в составе ее,—были переданы в ведение Наркомтруда.

Одновременно с уменьшением общей численности армии посредством демобилизации красноармейцев старших сроков службы представлялась полная возможность произвести и омоложение командного и административного состава армии. По приказу РВСР № 1207 подлежал увольнению весь командный состав, достигший 50 лет, независимо от занимаемой должности, 40 лет—занимающий должность от командира полка и ниже, и 35 лет—от командира роты и ниже. Всего по этому приказу уволено 12.764 человека, из коих комсостава—5.316, адмсостава—7.448 человек. Дополнительным приказом РВСР № 1671 был уволен, независимо от занимаемой должности, комадмсостав, родившийся в 1902 году, в числе 106 человек: комсостава—42 человека и адмсостава—64 человека.

С другой стороны, в целях улучшения качественного подбора, были приняты и следующие меры:

а) По приказу РВСР № 1155 был уволен в бессрочный отпуск весь комадмсостав из числа бывших офицеров военного времени, являвшийся малоценным для Красной армии, в количестве 2.710 человек: 1.919 человек комсостава и 791 человек адмсостава.

б) Результат введенных правил аттестования комадмсостава (приказ РВСР 1921 г. № 2112), определился в следующих цифрах:

1) Признано нуждающимися в пополнении военных знаний		2) Смещено на низшие должности и переведено в кр-цы:		3) Уволено со службы за малоценностью:	
б. рядовых . . .	46	б. рядовых . . .	92	б. рядовых . .	663
б. унтер-офиц. .	60	б. унтер-офиц. .	11	б. унтер-офиц.	581
б. офицеров . . .	16	б. офицеров . .	6	б. офицеров . .	265
не указавш. . .	37	не указавш. . .	15	не указавш. . .	245
Всего . .	159	Всего . .	124	Всего . .	1.754
				Кроме того, адмхозсостава . .	771

в) Проведено освобождение армии от элемента, политически не вполне благонадежного: все бывшие белые офицеры в числе 14.390 человек были взяты на учет; из них около 4.000 человек были переданы в Наркомтруд и затем уволены в бессрочный от-

пуск, а 8.415 человек уволены в бессрочный отпуск в порядке приказа РВСР за № 1128/202.

Наличие бандитских шаек и контр-революционных выступлений (Кронштадт, Карелия, эсеровское восстание в Тамбовской губ. и т. п.) дало число убитых и без вести пропавших—460 человек.

В 1921 году значительную цифру как для командного, так и для административного состава дало дезертирство: комсостава дезертировало 1.681 человек, адмхозсостава—1.896 человек.

Всего в 1921 году убыло из армии комадмсостава, не считая переданных в Наркомтруд в составе трудовых частей, 37.954 человека, которые распределяются по причинам убыли следующим образом:

Наименование состава	В бессрочн. отпуск	Уволено по болезни	Уволено по оптации	Бывш. белых	Умерло	Убито	Без вести пропавших	Дезертировало	Итого
Комсостав	7.678	2.593	235	12.415	152	133	162	1.681	12.634 +12.415
Адмсостав	8.303	1.625	715		201	74	91	1.896	12.905
Всего . . .									37.954

Военно-учебные заведения, превысив потребность армии в этом году, дали пополнение в последнюю в количестве 13.944 командиров:

Типы в.-у. з.		Выпуск 1921 года: Абсолютные цифры	Выпуск 1921 года: В %%
Высшие:	пехотные	1.368	53,9
	кавалерийские	280	11,1
	артиллерийские	106	4,2
	инженерные	37	1,5
	специальные	743	29,3
	Итого	2.534	100
Ком. курсы:	пехотные	3.906	34,2
	кавалерийские	976	8,6
	артиллерийские	477	4,2
	пулеметные	620	5,4
	инженерные	536	4,7
	специальные	4.895	42,9
	Итого	11.410	100
	Всего	13.944	—

После всех сокращений и реорганизаций, произведенных в 1921 г., Красная армия вступила в период новых сокращений 1922 года, имея наличную численность комадмсостава к январю 1922 года в 201.008 человек; из них комсостава—59.108 человек и адмсостава—141.900 человек [1].

КОМПЛЕКТОВАНИЕ РККА КОМАДМСОСТАВОМ В 1922 Г.

К 1922 году Красная армия имела некомплект командного состава в 11,6% и административного состава—13,2%.

Если некомплект административного состава остается почти неизменным, то процент некомплекта командного состава к концу года возрос до 14,7%, о чем можно судить по движению штатного и списочного состава в нижеприведенной таблице:

Категория личного состава / Наименование месяцев	Командный состав			Административный состав		
	По штату	По списку	Степень укомпл. в %% отнош.	По штату	По списку	Степень укомпл. в %% отнош.
Январь	66.876	59.108	88,4	163.427	141.900	86,8
Март	68.404	62.960	92,0	160.404	138.286	86,2
Май	66.689	62.837	94,2	154.730	131.913	85,2
Июль	58.333	52.228	89,6	118.840	105.548	88,8
Сентябрь	59.592	50.844	85,3	102.426	89.738	87,6

Дальнейшее сокращение армии осуществлялось проведением в жизнь сжатых, вновь разработанных штатов—с одной стороны, и расформированием ряда обслуживающих армию тыловых учреждений и заведений—с другой.

Упомянутое обстоятельство способствовало качественному улучшению комадмсостава, давая возможность по сокращению увольнять менее ценный элемент, для чего приняты были следующие меры: а) пересмотрен оставшийся на службе комадмсостав путем аттестования; б) для увольнения в бессрочный отпуск по возрасту были, в порядке приказа РВСР за № 1702, сокращены возрастные сроки еще на 5 лет для первой и третьей групп из указанных категорий; в) приказом РВСР за № 255 предусмотрена возможность увольнения адмсостава, независимо от занимаемой должности и возраста, при оставлении за штатом.

[1] Цифровые данные взяты из отчета Народного комиссариата по военным и морским делам за 1921 год.

Всего в 1922 году убыло из армии комадмсостава 56.995 человек, которые по причинам убыли распределяются следующим образом:

Наименование составов	По возрасту	По сокр. штатов	По болезни	За перед. в гражд. учреждения	Умерло	Итого
Комсостав	15.119	—	6.675	2.858	1.476	56.995
Адмсостав	9.828	21.039				

Военно-учебные заведения пополнили некомплект армии 16.766 командирами, которые по родам войск распределяются так:

Типы в.-у. з.		Выпуск 1922 года: Абсолютные цифры	В %
Высшие:	пехотные	670	35,0
	кавалерийские	158	8,3
	артиллерийские	402	21,0
	инженерные	36	1,9
	специальные	648	33,8
	Итого	1.914	100
Воен. школы:	пехотные	1.388	54,6
	кавалерийские	161	6,3
	артиллерийские	130	5,1
	инженерные	152	6,0
	специальные	711	28,0
	Итого	2.542	100
Ком. курсы:	пехотные	8.271	67,2
	кавалерийские	1.362	11,1
	артиллерийские	776	6,3
	инженерные	124	1,0
	пулеметные	—	—
	специальные	1.777	14,4
	Итого	12.310	100
	Всего	16.766	—

КОМПЛЕКТОВАНИЕ РККА КОМАДМСОСТАВОМ В 1923 ГОДУ

К 1-му января 1923 года наличная численность комсостава была доведена до 43.233 человек и адмсостава –до 31.677 человек (данные из дела № 3 третьей части ком. отдела за 1923—24 года).

Убыль командного и административного состава, по данным приказно-справочного отделения, в течение 1923 года выразилась в 3.757 человек. Упомянутое количество по признакам увольнения распределялось следующим образом:

Наименование составов	Причины увольнения							
	По возрасту	По сокращ. штатов	По болезни	В аттест. порядке	Б. белых	Умерло	Причины не указаны	Итого
Командный	1.561	77	18	107	32	8	103	1.906
Административный	1.183	518	4	39	23	7	77	1.851
Всего								3.757

РВС СССР постановил получившийся некомплект командного состава, в существующих частях Красной армии и во вновь формируемых территориальных дивизиях, частично доукомплектовать добровольцами, которым, распоряжениями РВС СССР, при поступлении на службу предоставляется ряд льгот. Этим источником было намечено влить в армию комсостава в количестве 3.392 человек и младшего комсостава—4.608 человек, а остальной некомплект предполагалось покрыть выпусками из вуз. Принято же добровольцев в 1923 году 934 человека.

Что же касается комплектования армии посредством выпуска из вуз, то положение данного вопроса в 1923 году рисовалось в следующем виде:

Сеть вуз, оставшаяся после окончания гражданской войны, постепенно сокращалась. Командные курсы реорганизовались в военные школы с 3- и 4-годичным сроком обучения. Изменялись и соотношения между отдельными родами войск. Но вся эта реорганизация не базировалась на твердом цифровом плане, ибо тогда и не ставился вопрос о необходимости соответствия выпусков потребностям армии, а наоборот—господствовало мнение, что чем больше будет выпущено командиров, тем лучше. Критерием для решения вопроса об оставлении тех или иных курсов и реорганизации их в школы были соображения: о расположении курсов, их материальной обеспеченности и их оценке. С 1923 года прием в школы определяется заявкой на выпуск в соответствующем году.

Выпуск же 1923 года, так же как предшествовавшие выпуски, не покрыл потребности армии в комсоставе, так как основная масса (более 90%) получила назначение на должность мл. комсостава.

Выпущено было в этом году 12.672 командира, распределение которых по родам войск видно из следующей таблицы:

Типы в. у. з.		Выпуск 1923 года	
		Абсолютные цифры	В %
Высшие:	пехотные	543	29,8
	кавалерийские	197	10,8
	артиллерийские	197	10,8
	инженерные	28	1,5
	специальные	856	47,1
	Итого	1.821	100
Воен. школы:	пехотные	2.044	52,7
	кавалерийские	434	11,2
	артиллерийские	380	9,8
	инженерные	397	10,2
	специальные	624	16,1
	Итого	3.879	100
Ком. курсы:	пехотные	5.289	75,9
	кавалерийские	947	13,6
	артиллерийские	522	7,5
	пулеметные	—	—
	инженерные	52	0,7
	специальные	162	2,3
	Итого	6.972	100
	Всего	12.672	—

КОМПЛЕКТОВАНИЕ РККА КОМАДМСОСТАВОМ В 1924 ГОДУ

Списочная численность на 1-е января 1924 года выразилась для комсостава в 49.319 человек и для адмсостава в 29.429 человек.

Переход к твердому бюджету и укрепившееся международное положение нашей республики позволили сократить численность армии.

Но на ряду с сокращением общей численности армии значительно возросла штатная численность командного состава,—частично за счет перечисления ряда должностей из адмсостава в комсостав.

К укладыванию численности армии в предоставленную норму и перестраиванию армии применительно к усовершенствованию

военной техники пришлось итти, с одной стороны, путем сокращения аппаратов управления, а с другой—переходя на территориальное строительство, путем увеличения специальных и технических войск, что, в общей сложности, и повело к увеличению штатной численности комсостава к концу 1924 года. В числе других переформирований важно отметить реорганизацию центрального аппарата в период с 1-го марта по 15-е мая, которая дала сокращение в людях на 1.115 человек, из которых 444 человека пали на старшую и высшую группу.

Кроме убыли комадмсостава, уволенного со службы в общем порядке в числе 2.296 человек, для поднятия уровня комадмсостава как в политическом, так и в служебно-качественном отношениях было уволено в конце 1924 года еще 9.397 человек в порядке директивы зам. предс. РВС СССР за № 151701 сс. Количество уволенного по этой директиве комадмсостава по причинам увольнения представляется в следующем виде:

Округа	По выслуге лет	Служба в белых армиях и т. п.	Неспособ. к службе, слаб. подготовка	Малая политическая квалификация	Другие причины	Всего
Вся РККА и РККФ (за исключением ККА)	2.742	1.584	2.149	535	1.772	8.782
ККА	—	—	—	—	—	608
Итого						9.390

Вышеупомянутые увольнения увеличили существовавший в начале рассматриваемого года некомплект комадмсостава, покрытие которого шло из двух источников: был продолжен прием добровольцев в порядке существовавших ранее распоряжений РВС СССР, которых было принято 1.021 человек, и влито пополнение из вуз в количестве, усматриваемом из нижеприведенной таблицы:

Типы в.-у. з.	Выпуск 1924 года	
	Абсолютные цифры	В %%
Высшие: пехотные	407	23,1
кавалерийские	135	7,6
артиллерийские	193	11,1
инженерные	54	3,1
специальные	973	55,1
Итого	1.762	100

Типы в.-у. з.		Выпуск 1924 года	
		Абсолютные цифры	В %%
Повторные:	пехотные	—	—
	кавалерийские	—	—
	специальные	173	100,0
	Итого	173	100
Воен. школы:	пехотные	3.188	65,9
	кавалерийские	546	11,3
	артиллерийские	482	10,0
	инженерные	286	5,9
	специальные	331	6,9
	Итого	4.833	100
Ком. курсы:	пехотные	—	—
	кавалерийские	78	100,0
	артиллерийские	—	—
	пулеметные	—	—
	инженерные	—	—
	специальные	—	—
	Итого	78	100
	Всего	6.846	—

КОМПЛЕКТОВАНИЕ РККА КОМАДМСОСТАВОМ В 1925 ГОДУ

Общая штатная численность в течение года оставалась неизменной. Армия в течение всего года содержалась в некомплекте, который к концу года достиг 7,1%.

В процессе реорганизации РККА, так же как и в 1924 году, продолжалось развитие и углубление территориальной системы.

Углубление территориальной системы определяло необходимость объединения функций местного административного управления в руках высших строевых начальников, чем и была вызвана реорганизация местного военного аппарата, проведенная с 1-го мая 1925 года.

СОВРЕМЕННЫЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

За десятилетний период существования Красной армии командный состав значительно изменился. Если в период гражданской войны количество бывших офицеров составляло подавляющее большинство, а процент командиров, получивших военную подготовку только в рядах РККА, был весьма ничтожен, то к настоящему году

мы имеем обратную картину: несколько больше половины командного состава состоит сплошь из командиров, окончивших нормальные военные школы РККА (а в отношении командиров взводов и на все три четверти). В связи с этим социальный состав командиров к настоящему году дает совершенно новые данные: процент рабочих и крестьян составляет подавляющее большинсто, которое из года в год, за последние пять лет, быстро росло. На ряду с этим в рядах армии остался значительный слой старых специалистов из числа бывших офицеров, прошедших с Красной армией всю гражданскую войну. Следующие данные подтверждают сказанное, если взять характеристику командного состава по нескольким признакам.

По социальному происхождению командный состав в 1926 году имел 16% рабочих, 57,2% крестьян и 26,8% прочих, вместо следующего соотношения в 1923 г.: рабочих—13,6%, крестьян—52,7% и прочих—33,7%.

Если взять данные о социальном происхождении отдельных групп комсостава за время с 1924 по 1926 гг., то получим:

В 1924 г.

Высший комсостав:

Рабочих—6,9%, крестьян—25,3% и прочих—67,8%.

Старший комсостав:

Рабочих—10,1%, крестьян—37,7% и прочих—52,2.%

Средний комсостав:

Рабочих—17,2%, крестьян—56,1% и прочих—26,7%.

В 1926 г.

Высший комсостав:

Рабочих—7,3%, крестьян—31,2% и прочих—61,5%.

Старший комсостав:

Рабочих—9,3%, крестьян—46,0% и прочих—44,7%.

Средний комсостав:

Рабочих—18,0%, крестьян—61,4% и прочих—20,6%.

Сравнительные данные о военном образовании командного состава Красной армии и старой армии дают сведения об относительном количестве старых специалистов, оставшихся в армии, и о выпусках из военных школ РККА.

Годы	Получивших образование						
	В Красной армии				В старой армии		
	Академия и КУВКС	Курсы усоверш. и специальн.	Военные школы	Повторные отделения	Академии	Военные училища мирн. врем.	Военные учил. воен. врем. и школы прапорщиков
1923	0,4	—	8,2	—	1,5	6,2	22,6
1924	1,1	5,2	10,1	3,8	0,7	5,2	17,2
1925	1,7	9,6	20,1	8,0	1,3	4,5	12,2
1926	1,8	11,9	30,5	7,8	1,1	3,7	10,3

Как видно из этой таблицы, комсостав с достаточным военным образованием может быть разбит на 7 основных категорий, четыре из которых относятся к Красной армии, остальные 3—к старой армии. Эти 7 групп, естественно, неравномерно меняют свой удельный вес по мере роста Красной армии. Группа окончивших военно-учебные заведения РККА все время продолжает расти, другая же, окончившая учебные заведения старой армии, неуклонно уменьшается в своей относительной численности. Здесь, помимо естественной убыли, сказываются результаты переподготовки этого контингента на курсах усовершенствования РККА, по окончании которых они зачисляются в группу лиц, получивших подготовку в Красной армии. Этот рост военно-образовательного уровня за последние годы весьма способствовал укреплению единства среди командного состава. К концу 1923 года в рядах армии насчитывалось до 43,4% командного состава, не получившего никакого военного образования; к концу 1926 года, с помощью широкой сети школ и повторных курсов, оставалось только 4% командиров, не получивших достаточного военного образования. Одновременно наш командный состав значительно подтянулся в своих военных познаниях. В настоящее время можно считать, что, за малым исключением, весь командный состав имеет достаточную военную подготовку и бо́льшая половина его обладает боевым стажем империалистической и гражданской войн.

Благодаря установившемуся правильному отбору в военно-учебных заведениях в условиях мирного времени и естественному отбору наиболее преданных командиров и способных военачальников, в результате нескольких сокращений армии, командный состав РККА стал представлять собой единый, монолитный организм, целиком пропитанный идеями советской власти и задачами рабоче-крестьянской Красной армии.

Однако в процессе гражданской войны такого глубокого единства еще не наблюдалось, и командный состав, вне зависимости от своего

происхождения, подготовки и участия в гражданской войне, носил разнообразные названия, которые стали теперь историческими. К первому из таких названий надо отнести название «красном». Краскомом, т.-е. красным командиром, стали называть ту часть командного состава, которая вступала в ряды армии по окончании краткосрочных курсов или нормальных военных школ командного состава Красной армии. Естественно, что эта группа имела рядом с собой другую группу—окончивших школу старой армии, т.-е. бывших офицеров; отсюда и началось противопоставление этих двух групп. В настоящее время для такого противопоставления нет никаких оснований. В рядах Красной армии остался наиболее преданный, вполне сроднившийся с Красной армией слой комсостава, служивший в старой армии. С другой стороны, оканчивающие военные школы РККА, в результате трехгодичной работы на учебе, значительно выросли. Таким образом, грани, разделявшие обе группы, стерлись, и поэтому название «краском» было упразднено, а всех лиц, занимающих командные должности, стали именовать командирами РККА.

Кроме существовавшего названия «краском», возникла еще другая категория комсостава, которая называлась «бывшие белые офицеры». Под этим названием разумелись лица, окончившие школу в старой армии и служившие в рядах белых армий. Значительная часть из них в настоящее время живет и работает на территории Союза Советских Республик. Довольно крупная часть их перешла на сторону советской власти по ликвидации белогвардейских армий или еще во время гражданской войны и не за страх, а за совесть работала в рядах Красной армии. Часть из них, оставшаяся до настоящего времени в рядах Красной армии, доказала своим трудом и отвагой искренность в работе и преданность Союзу Советских Республик. Правительство Союза на основании этого сняло с них название «бывшие белые» и восстановило во всех правах командира РККА.

Наконец, в период гражданской войны можно было слышать наименование некоторых командиров «военспецами». Военспецом звали военного специалиста, служившего в старой армии и согласившегося работать на стороне советской власти в рядах Красной армии. С течением времени в это понятие было вложено дополнительное значение: так стали называть военных специалистов, не связанных органически с Красной армией и бывших только закорузлыми и сухими знатоками своего дела. В настоящее время такое понятие уже изжило себя. У нас нет сухих доктринеров своего дела, не учитывающих ни общей политической обстановки, ни особых условий строительства Красной армии.

Как видно из официального отчета народного комиссара по военным и морским делам IV Всесоюзному съезду советов СССР (изд.

НКВМ, Москва, апрель 1927 г.), Красная армия за десять лет существования советской власти добилась весьма разительных результатов, которые в своем выводе сформулированы следующим образом: «еще три года тому назад мы имели значительную неоднородность качественного уровня комсостава как по подготовке, так и по служебному стажу. Три основных группы к настоящему моменту составляют основной костяк командиров Красной армии: во-первых, революционные командиры, вся боевая выучка которых была основана исключительно на опыте гражданской войны; во-вторых, старые специалисты, также в большинстве своем прошедшие школу мировой и гражданской войн, и, наконец, молодые командиры, поступающие за последние годы в ряды Красной армии из нормальных военных школ. Большая воспитательная работа позволила нам постепенно ликвидировать различие между этими группами, и в настоящее время мы имеем в Красной армии однородно-тактически подготовленный и сплоченный корпус красного командного состава».

Результаты проделанной над командным составом работы по линии его отбора могут быть охарактеризованы к настоящему времени следующими данными:

Партийность

(все данные по состоянию к 15/II—27 г.)

	1924 год	1927 год
Членов ВКП (б)	24,4%	38,7%
Кандидатов в члены ВКП (б)	6,2%	10,9%
Членов ВЛКСМ	1,2%	5,8%
Беспартийных	68,2%	44,6%

По участию в боевых действиях

	Участников империалистич. войны	Участников гражданской войны	Не участвовавших в войне
1923 год	14,6%	25,8%	20,4%
1927 год	3,4%	50,8%	34,6%

По военной подготовке

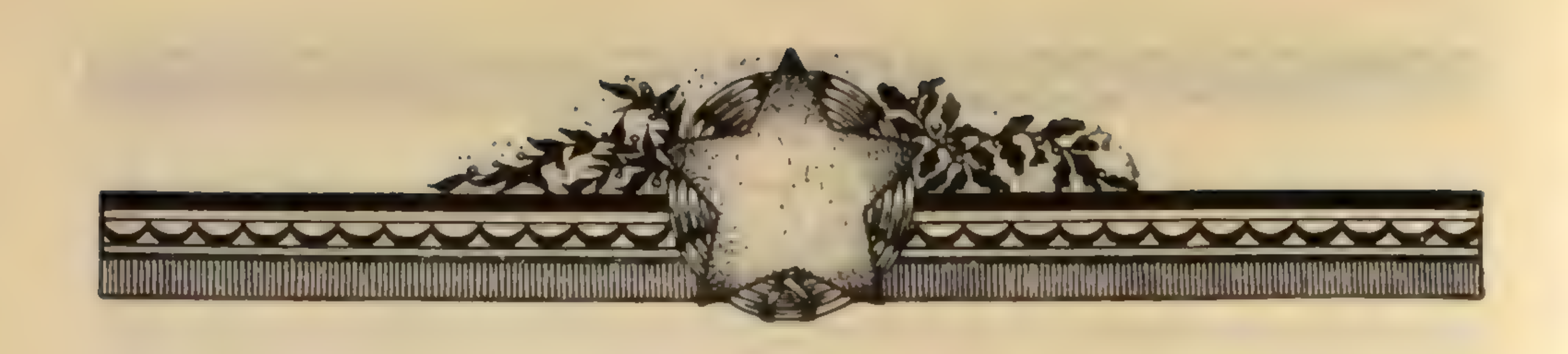
	Окончивших военные школы	Без военного образования
1923 год	8,2%	13,4%
1927 год	42,1%	7,7%

По социальному происхождению

	Рабочих	Крестьян	Прочих
1923 год	13,6%	52,7%	33,7%
1927 год	22,4%	56,0%	21,6%

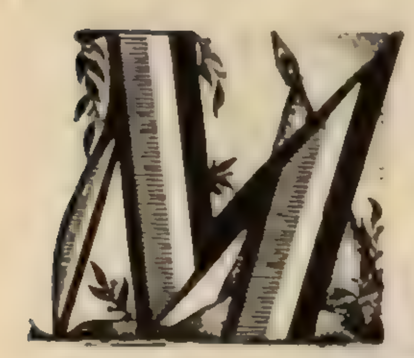
Таким образом, в горниле гражданской войны выковывался преданный делу пролетарской революции командир. Старый командир, под влиянием непрекращающегося политического воздействия, стал перевоспитываться под уровень требований нового уклада быта и воспитательной работы. Состоящий ныне в рядах Красной армии командир, будь он партийный или беспартийный, окончил ли он военную школу старой царской армии или учился в советских военно-учебных заведениях, имеет все права, присвоенные командиру рабоче-крестьянской Красной армии.

А. ГЕРОНИМУС

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АППАРАТА КРАСНОЙ АРМИИ В 1918—1920 ГГ.

Ы СОЗДАЛИ крепкий фундамент Красной армии. Мы создали этот фундамент работой по-новому, политической пропагандой на фронте, организацией коммунистов в нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы[1],—так охарактеризовал В. И. Ленин роль и значение партийно-политического аппарата Красной армии в деле ее строительства и обеспечения победы в гражданской войне. Зарождение и развитие армейского политического аппарата неразрывно связано с общим ходом создания вооруженных сил революции. Уже в первые месяцы существования Красной армии возникает институт военных комиссаров—проводников руководства рабочего класса в армии. Организуются коммунистические ячейки, сплачивающие вокруг себя передовые слои красноармейской массы. Создаются первые центры политического руководства.

Растет число фронтов гражданской войны. Вся страна превращается в вооруженный лагерь. С усложнением задач военного строительства усложняются и потребности политического руководства и воспитания армии. Рамки существующей системы партийно-политических организаций армии становятся недостаточными. Нужен мощный, централизованный сверху донизу и пронизывающий своим влиянием все составные части армейского организма политический аппарат. И партия его создает.

Вырастает сеть фронтовых и армейских реввоенсоветов и политических отделов—на фронтах, в армиях и дивизиях—во главе

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 27—28.

с РВСР и его политическим управлением (ПУР). А внизу—в частях идет процесс непрерывного укрепления партийных организаций и упрочения их связей с красноармейской массой; вводится институт политических руководителей рот; ширится работа культурно-просветительных комиссий, клубов, библиотек. Вносится ясность и четкость во взаимоотношения различных звеньев партийно-политического аппарата. Оформляется его место как в общей системе органов военного управления, так и в системе партийных организаций страны.

Так складывается крепкий аппарат руководства рабочего класса и партии Красной армией, сохранивший и поныне те начала, которые легли в основу его построения в период гражданской войны и получили на ее опыте надежную историческую проверку.

Было бы, однако, ошибкой думать, что процесс построения армейского политического аппарата проходил гладко и безболезненно, по однажды составленному плану. Пути строительства самой Красной армии были трудными и сложными,- так же трудно и сложно протекала работа партии по созданию и укреплению военно-политического аппарата, -работа, которая не могла по понятным причинам опираться на какой-либо предшествующий исторический опыт. В этих условиях совершенно неизбежен был ряд внутренних трений, ей сопутствовавших. И тем огромнее заслуга партии, что она сумела, несмотря на все трудности и срывы, выковать стройные основы системы партийно-политического руководства Красной армией и построить аппарат этого руководства, который являлся и является доподлинным носителем руководящей роли рабочего класса в армии пролетарского государства.

ОТ ОКТЯБРЯ ДО БРЕСТА

Первые же шаги в деле создания новой армии выдвигают перед партией задачу обеспечения своего влияния в воинских частях. Вооруженные силы республики в этот период (конец 1917 -начало 1918 года) носят чрезвычайно пестрый характер. В их состав входят и отряды Красной гвардии и переформировываемые остатки старой армии, разного типа добровольческие формирования. В иных из этих частей уже существует институт военных комиссаров, ведущий свое начало от после-октябрьских дней, организованы и партийные ячейки (главным образом—в частях, вышедших из крупных пролетарских центров). В большинстве же,—даже там, где имеются отдельные члены партии,—никаких оформленных партийных организаций нет. Многие большевистские ячейки, зародившиеся еще в старой армии, в связи с ее демобилизацией распались. Организация во всех войсковых частях партийных ячеек, которые взяли бы на себя воспитательную работу в массах и явились бы

оплотом новой революционной дисциплины, становится насущнейшей задачей дня. Соответствующие решения принимаются на собрании военной организации при ЦК РСДРП(б) в декабре 1917 г.

Новая армия строится на добровольческих началах. Условия для перехода к обязательной военной службе трудящихся еще не созрели. Между тем, дело защиты завоеваний революции не ждет. Развертывается широкая агитация в массах за вступление в ряды армии. На съезде по демобилизации старой армии (в декабре 1917 г.) выделяется агитационная коллегия, вырабатывающая основные положения этой работы. Упомянутое совещание при ЦК партии, в свою очередь, признает необходимым привлечение к вербовочной кампании воинских ячеек путем выделения ими агитаторов-организаторов. Агитационно-вербовочная работа среди населения, таким образом, тесно сплетается с организационной работой партии внутри армии.

Непосредственное руководство воинскими частями осуществляют самые различные органы: военные отделы советов и штабы Красной гвардии—в тылу, еще сохранившиеся армейские комитеты, остатки старых и возникающие новые оперативные центры—на фронте. Так же раздроблено и партийное руководство, в основном сосредоточиваемое в руках местных организаций. По их инициативе создаются агитационно-вербовочные отделы военных отделов советов или красногвардейских штабов,—бледный прообраз будущих военно-политических органов. В это же время на фронте, при штабе главнокомандующего нашими войсками на юге, возникает политотдел, издающий военно-политическую газету. Это свидетельствует о том, что при первом же подходе к задачам политического руководства действующими частями партия столкнулась с необходимостью строить это руководство не по территориальному принципу, а через особый военно-политический аппарат.

После подписания декрета об организации Красной армии (15/28-го января 1918 года) создается Всероссийская коллегия по организации рабоче-крестьянской Красной армии. В составе Всероссийской коллегии образуется организационно-агитационный отдел. Не охватывая политического руководства армией в целом, этот орган является, главным образом, центром агитации за создание Красной армии. При отделе открываются краткосрочные агитационные курсы, дающие местам значительное число агитаторов-вербовщиков.

ПЕРЕХОД ОТ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ К РЕГУЛЯРНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Брестский мир заканчивает младенческий период формирования Красной армии и открывает новую полосу ее строительства. Начинается переход к регулярной, централизованной Красной армии,

включающей в свои ряды всех трудящихся. Делается приступ к созданию централизованного армейского политического аппарата. Приказ Наркомвоенмора от 6-го апреля впервые очерчивает основные функции военных комиссаров.

«Военный комиссар,—говорится в приказе,—есть непосредственный политический орган советской власти при армии... Военный комиссар блюдет за тем, чтобы армия не обособлялась от всего советского строя и чтобы отдельные военные учреждения не становились очагами заговора... Комиссар участвует во всей деятельности военных руководителей..., но руководство в специально военной области принадлежит не комиссару, а работающему с ним рука-об-руку военному специалисту... Обязанность блюсти за точным исполнением приказов ложится на комиссара, в распоряжение которого для этой цели предоставляется авторитет и все средства советской власти».

Здесь еще ничего не говорится о функциях комиссара, как представителя партии в части, и его задачах в области руководства партийно-политической работой, так как до мятежа левых эсеров, и даже после него, часть комиссаров принадлежала к этой партии; были среди комиссаров и анархисты, и беспартийные. Самая обстановка работы, однако, подводила комиссаров-коммунистов вплотную к руководству всей политической жизнью части, к проведению полит. воспитания красноармейца, к организации комячеек и т. д.

В апреле же основывается Всероссийское бюро военных комиссаров (ВБВК) и в составе его агитационно-просветительный отдел[1] для руководства всей агитационной и просветительной работой в Красной армии.

Во вновь организуемых военных комиссариатах (областных, губернских и уездных), в свою очередь, создаются агитационно-вербовочные, впоследствии переименованные в агитационно-просветительные, отделы с аналогичными задачами.

ПАРТПОЛИТРАБОТА В ТЫЛУ В 1918 ГОДУ

Через этот аппарат партия, в основном, достаточно успешно справляется с задачами формирования и воспитания красноармейских частей в тылу. Сотни и тысячи агитаторов агитпросветотделов помогают проведению первых военных мобилизаций рабочих и крестьян. Начинает развиваться культурно-просветительная работа в красноармейских частях. Организуются клубы и библиотеки-читальни, распространяются литература и газеты, с красноармейцами проводятся беседы на политические темы (в ряде губерний—по определенной программе) и читка газет, развертывается художественная агитация и пропаганда. Во всей этой работе деятельно участвуют партийные ячейки, по большей части непосредственно ею руководящие. Самое число партийных ячеек в армии непре-

[1] Приказ РВСР от 23-го апреля 1918 г. за № 300.

рывно растет, дойдя к концу 1918 года, по неполным сведениям, почти до 1.400 (по семи военным округам).

В то же время кадры военных агитаторов являются и проводниками идей советской власти и партии в деревне, помогая организации советских учреждений, комитетов бедноты, партийных ячеек, изб-читален, клубов, культурно-просветительных кружков и т. д. Военная работа агитпросветотделов ближайшим образом связывается с общей работой партии в рабоче-крестьянских массах, переплетаясь с работой местных парторганизаций.

Такого рода переплетение работы военных и гражданских организаций в условиях того времени было совершенно неизбежным. Нельзя было поднять крестьянские массы на новую войну без предварительной напряженной агитационной и организационной работы в деревне, без внесения в нее классовой борьбы бедноты против кулачества.

Оборотная сторона медали здесь заключалась в том, что центр тяжести всей работы агитпросветов переносился подчас в массы населения, а обслуживание красноармейских частей отодвигалось на задний план. Это сказалось особо отрицательно на первых порах на фронте, где политическая работа начала развиваться, питаясь навыками, приобретенными на работе в тыловых условиях.

ПАРТПОЛИТРАБОТА НА ФРОНТЕ

Разгоравшаяся гражданская война ставила во главу угла всей военной работы партии фронт. Форсированный темп формирований почти не оставляет времени для политической обработки мобилизованных масс в тылу. Закалка новых частей происходит уже непосредственно в боевой обстановке,—в условиях, далеко не благоприятных для систематической работы.

Части, сформированные в пролетарских центрах (Питер, Москва и т. д.), прибывают на фронт с организационно сплоченным партийным ядром, в остальных частях (зарождавшихся в крестьянских губерниях или из стихийно возникавших во фронтовой полосе партизанских отрядов) это ядро отсутствует. Непрерывные бои, в свою очередь, обескровливают партийные кадры частей, приводя нередко к распаду уже организованных ячеек. Медленно и трудно создаются и развиваются партийные организации во фронтовой обстановке.

Децентрализовано на первых порах и руководство всей партполитработой на фронте. Оно идет по линии либо непосредственно местных парткомитетов, либо агитпросветов соответствующих военкоматов. Явная неприспособленность этой системы к особенностям фронта отражается с самой худшей стороны на боеспособности частей. Следует отметить, что Военно-революционным советом Во-

сточного фронта еще при Муравьеве был образован Политотдел [1] с рядом отделений (агитационно-литературным, издательским, информации и связи и т. д.). Отсутствие каких-либо заметных следов его деятельности позволяет сделать вывод, что работа этого первого политоргана фронта сколько-нибудь решающего значения не имела.

К июлю—августу же относится зарождение политотделов в некоторых войсковых объединениях (напр., в 1-й армии Востфронта). Идея создания политорганов, которые централизовали бы политическое руководство армейскими частями, вызывается, таким образом, к жизни самой обстановкой. Отсутствие подготовленных партработников, указаний из центра и т. д. приводило, однако, к тому, что эти политотделы либо существовали на бумаге, либо играли роль канцелярий при политических комиссарах и на деле политработы в частях не объединяли и не направляли.

Главная тяжесть политработы в частях фронта выпадает на долю политических комиссаров. Там, где были крепкие и устойчивые комиссары,—дело политического воспитания частей, насаждения в них дисциплины, борьбы с партизанщиной и пр. шло, в общем и целом, по восходящей линии. Но самый состав комиссаров, как отмечено выше, не был целиком большевистским, да и среди большевиков попадались недостаточно проверенные и опытные товарищи. Взаимоотношения комиссаров с ячейками носили, к тому же, в ряде частей неопределенный характер. В некоторых частях комиссары даже выбирались партийными коллективами—остатки традиций первых после-октябрьских месяцев [2]. Наконец, и с руководством деятельностью комиссаров дело обстояло так же, как и в других отраслях партполитработы. Все это тормозило правильное использование партией института военных комиссаров в целом. Тем не менее, этот институт уже в отмеченный период становится важнейшим звеном армейского политического аппарата, проводником влияния партии на сырую крестьянско-красноармейскую массу и рычагом воздействия и контроля со стороны рабочего класса над военными специалистами.

НИЗОВЫЕ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

Сдача Казани (6-го августа)—поворотный пункт в военном строительстве Республики. Мероприятия по укреплению Свияжской группы войск, впоследствии 5-й армии, впервые широко примененный метод партийных и профессиональных мобилизаций, развертывание политработы в группе и т. д.—все это создает перелом на Восточном фронте. Эти же меры становятся образцом для работы по

---

[1] Декретом Военно-революционного совета ВФ от 22-го июля 1918 г. за № 4.

[2] После Октября в ряде частей и воинских соединений военных комиссаров выдвигали армейские комитеты.

оздоровлению и сплочению частей Красной армии на других участках фронта,—на юге и на севере.

Массовые партийные мобилизации, проводившиеся одна за другой как ЦК, так и непосредственно местными организациями, вливают в армию сотни и тысячи лучших бойцов, агитаторов, организаторов. Создаются предпосылки для усиленного роста комячеек в частях, для сплочения вокруг ячеек передовиков-красноармейцев. Возникает такая своеобразная организация, как группы сочувствующих партии, численность которых во многих случаях превышает в несколько раз численность самих ячеек. Число коммунистов и сочувствующих к концу 1918 года в отдельных армиях насчитывается уже тысячами.

Формы организации и работы ячеек отличаются большим разнообразием. Отсутствие руководящих указаний сверху заставляет их самостоятельно нащупывать пути своей деятельности, определять свои права и обязанности. Помимо внутрипартийной работы, ячейки непосредственно проводили культурно-просветительную работу, организовывали клубы, библиотеки, школы грамоты, распространяли литературу, выделяли чтецов газет и т. д. В ряде частей ячейки берут на себя руководящие административные функции, вплоть до избрания комиссаров (как отмечено выше), осуществляют прямой контроль над деятельностью командного состава, выделяют из своей среды контрольно-хозяйственные комиссии и полковые суды и иногда даже вмешиваются в чисто оперативные вопросы [1].

Потребность в руководстве и объединении партийной работы в войсковых соединениях заставила ячейки искать формы этого руководства самостоятельно. Они обратились к общей практике партии—к созданию выборных партийных центров (дивизионных и армейских партийных комитетов или бюро). На партийных конференциях, состоявшихся в большинстве дивизий и армий осенью 1918 года—зимой 1918—1919 гг., эти центры были оформлены. Прямой их задачей было руководство партийной работой в узком смысле этого слова. Тем не менее, в ряде случаев дивизионные партийные комитеты брались за руководство культурно-просветительной работой, а в дивизиях, где отсутствовали политотделы, принимали на себя целиком функции последних.

Этот период истории парторганизаций в армии характерен, следовательно, большим развитием внутрипартийной демократии—с одной стороны, тенденциями ячеек сосредоточить в своих руках все управление и руководство воинскими частями—с другой стороны. В условиях отсутствия специального политаппарата в отдельных

---

[1] Об этом свидетельствуют многочисленные материалы Восточного, Южного и Северного фронтов.

частях, загруженности политических комиссаров административно-политической работой и при недостаточной квалификации значительной их части, неоформленности и слабости высших руководящих политорганов,—такое направление работы ячеек было вполне объяснимым и неизбежным. Мало того,—именно эта инициатива, которую проявила сама партийная масса в новой для большинства ее обстановке, послужила могучим орудием политической закалки красноармейских частей. Заслуги членов партии, посланных в самые трудные времена на работу в армии, в этой области исключительно высоки.

Но пригодные в известной мере в описанной обстановке формы организации коммунистов в армии на следующей ступени развития оказались не только ненужными, но и прямо вредными.

Вмешательство ячеек в руководящие функции командиров и комиссаров, на ряду с широкой внутрипартийной демократией, по мере общего укрепления военного и военно-политического аппарата, отбора командных и комиссарских кадров, по мере роста руководящей роли и значения политотделов, все более и более вступало в противоречие с общими задачами партийного руководства армией. Партизанщина, которую каленым железом выжигала партия в армии, возрождалась внутри партийной организации в своеобразных формах «армейского синдикализма»[1], срывавшего курс на максимальное усиление и централизацию руководства военным строительством, взятый со стороны партии в целом. «Армейскому синдикализму» была объявлена решительная борьба. VIII партсъезд уже мог подвести итоги этой борьбы и наметить правильные формы партийного руководства в армии.

ПОЛИТОТДЕЛЫ

Массовый приток партийных сил в армию позволил поставить по-иному и вопрос об организации политотделов. К концу 1918 г. политотделы уже созданы при РВС всех фронтов и армий. Приказ РВСР № 357 от 5-го декабря того же года, по сути дела, только санкционировал их образование. Параллельно создается и укрепляется сеть политотделов дивизий, но повсеместное их оформление происходит позже,—примерно, весной 1919 года. Во многих дивизиях (главным образом, в дивизиях относительно второстепенного в эти месяцы Южного фронта) политотделов еще нет.

Структура и функции политотделов еще очень пестры. Взаимоотношения с РВС неопределенны. Неопределенны и их права в отношении военных комиссаров, назначавшихся большей частью

---

[1] Так охарактеризовал докладчик ЦК по военному вопросу на VIII партсъезде т. Сокольников отмеченные тенденции армейских парторганизаций.

РВС или высшими комиссарами. Бок-о-бок с ними существуют выборные армейские парткомитеты, в связи с чем руководство партработой фактически выпадало из рук политотдела. Культурно-просветительная работа и работа среди местного населения, информация и рассылка в части прибывающих в армии коммунистов, на ряду с издательской деятельностью и распространением литературы и газет,—основные отрасли работы политотделов. В то же время некоторые армейские политотделы осуществляют функции, впоследствии отошедшие к другим политучреждениям армии—военным трибуналам, особым отделам ВЧК, отделам ревкомов. Существовали и такие политотделы, которые полностью сосредоточивали в своих руках все руководство партийно-политической работой. Но они в этот период составляли меньшинство.

Что касается руководства деятельностью самих политотделов, то единообразие и централизация опять-таки отсутствовали и здесь. Созданные в ряде случаев местными парторганами, политотделы не только поддерживали с ними тесную связь, но и подчинялись их прямому руководству (напр., на Урале). Руководящая роль ВБВК, в общем и целом охватившего своим влиянием политработу в тыловых военных округах, на фронте ощущалась слабо.

ИНСТИТУТ ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ

В развитии комиссарского института новым явилось распространение его на низовые звенья войсковых единиц,—в ряде частей стали назначаться комиссары батальонов, рот и т. д. Самые функции комиссаров продолжали расширяться; не ограничиваясь контрольной и политической работой, комиссары фактически брали на себя руководство всеми сторонами жизни и деятельности части, за исключением чисто оперативной.

Причины этого коренились в том, что «гражданская война,—как писал впоследствии т. Фрунзе,—протекала в такой обстановке, которая требовала от командного состава не только опытного оперативного руководства, но и напряженной организаторской деятельности. Чтобы добиться успехов в тяжелой борьбе, необходимо было больше и лучше знать всю обстановку работы, нужно было спускаться и проникать во все области советской и партийной работы. Это было невозможно для старого командного состава; у большинства его представителей отсутствовало, по вполне понятным причинам, понимание духа, задач и методов нашей работы. Все указанное очень быстро привело к превращению нашего комиссарского состава из контролеров в администраторов и организаторов Красной армии» [1].

---

[1] М. Фрунзе—«На новых путях», стр. 70—71.

В ходе развития армейского партполитаппарата к концу 1918 г. с полной очевидностью выкристаллизовались все основные составные части системы партийного руководства армией—разветвленная сеть низовых парторганизаций, комиссарский институт и система политотделов. Но в то же время в работе всех этих звеньев политического аппарата отсутствовала достаточная согласованность и соподчиненность, что создавало смешение прав и обязанностей, параллелизм, нередкие внутренние трения и т. д. Нужно было сделать следующий шаг—увязать все эти элементы системы армейского партполитаппарата в действительно централизованную и внутренно единую организацию руководства партии военным строительством.

Первой значительной попыткой в этом отношении явилась изданная ЦК в январе 1919 года инструкция партийным ячейкам, определившая их общие задачи и функции. На первый план была выдвинута задача «создания в части крепкого ядра из коммунистов и сочувствующих, проникнутых сознанием серьезного значения победы (§ 17)». С полной определенностью инструкция подчеркивала, что ячейка не должна вмешиваться в действия командного состава и в управление частью. Далее, инструкцией,—правда, не вполне четко,—устанавливалось руководящее значение комиссара в партийной работе, и частично были определены взаимоотношения ячеек с политорганами, но в то же время не давалось прямого ответа,—политотдел или местный партком является по отношению к ячейке основным руководящим органом. Зато совершенно исключалась возможность создания каких бы то ни было выборных армейских парткомитетов или бюро. Эти последние в скором времени прекратили свое существование, слившись с соответствующими политотделами или переформировавшись в политотделы.

К этому же периоду относится более точное размежевание работы политотделов и местных партийных комитетов. Совещание начальников политотделов фронтов в январе 1919 г. устанавливает единообразную структуру политотделов и узаконивает существование политотделов дивизий. Политотделы становятся основными учреждениями партии в армии,—не только политико-просветительными, но, в первую очередь, партийными органами.

ВОПРОСЫ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА КРАСНОЙ АРМИЕЙ НА VIII ПАРТСЪЕЗДЕ

Исходя из учета опыта истекшего периода гражданской войны, VIII съезд четко установил основные линии военной политики партии и принципы строения партийно-политического аппарата Красной армии, закрепил роль института комиссаров, как представителей партии в армии, и определил взаимоотношения всех составных

частей политаппарата между собой и общими партийными организациями.

Военный раздел партийной программы и развивающая его принципиальная часть резолюции по военному вопросу так формулируют эти положения:

«Работа военного обучения и воспитания Красной армии совершается на основе классового сплочения и социалистического просвещения. Поэтому необходимы политические комиссары из надежных и самоотверженных коммунистов на-ряду с боевыми начальниками и создание в каждой части коммунистических ячеек для установления внутренней идейной связи и самостоятельной дисциплины»[1].

«Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями советской власти, но прежде всего—носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели...

Работа комиссаров может дать полные результаты лишь в том случае, если она опирается в каждой части на непосредственную поддержку ячейки солдат-коммунистов. Быстрый численный рост коммунистических ячеек является важнейшей порукой тому, что армия все больше будет пропитываться идеями и дисциплиной коммунизма. Но именно в виду огромной роли коммунистических ячеек, комиссары и все вообще наиболее зрелые партийные работники в армии должны принимать меры к тому, чтобы в состав ячеек не попадали неустойчивые элементы в погоне за мнимыми правами и привилегиями. Уважение к коммунистическим ячейкам будет тем выше и незыблемее, чем яснее каждый солдат поймет и на опыте убедится, что принадлежность к коммунистической ячейке не дает солдату никаких особых прав, а лишь налагает на него обязанность быть наиболее самоотверженным и мужественным бойцом.

Одобряя в общем и целом выработанное Центральным комитетом положение о правах и обязанностях коммунистических ячеек, комиссаров и политических отделов, съезд вменяет в обязанность всем товарищам, работающим в армии, неуклонно сообразоваться с указанным положением»[2].

Тем самым съезд подчеркнул, что особые условия работы партии в армии требуют сужения в армейских парторганизациях той системы демократического централизма, на началах которой строится вся партия. Жесткий централизм, сращение государственных и партийных функций в РВС и политорганах, назначенчество и единоличие на всех верхних ступенях партийного аппарата и, наконец, экстерриториальность построения армейской парторганизации — таковы основные черты и особенности построения партполитаппарата Красной армии, закрепленные VIII партсъездом.

В дискуссии по военному вопросу на съезде оппозицией были выдвинуты предложения о расширении функций военных комиссаров, вплоть до прямого вмешательства их в оперативные вопросы,

---

[1] П. 3 военного раздела партпрограммы.

[2] П. XIV разд. «А» резолюции по военному вопросу.

и построении «политической работы в армии на основе товарищеской спайки, путем комбинации начала назначения и самодеятельности» [1].

Объективный смысл этих как-будто бы незначительных «поправок» к общей линии военной политики партии сводился, хотя и в замаскированной форме, к продолжению борьбы против привлечения военных специалистов—с одной стороны, к ослаблению руководства партии военным делом (в последнем предложении обнаруживалось зерно тенденций «армейского синдикализма»)—с другой стороны. Тем самым оппозиция тащила партию назад, к пройденному этапу партизанщины.

Съезд отверг эти «поправки» и пути укрепления влияния партии в армии наметил в ином разрезе, нежели это предлагала оппозиция, следующим образом определив ближайшие практические мероприятия в этой области:

> «5) Местным партийным организациям вменяется в обязанность ведение систематической и напряженной работы коммунистического воспитания красноармейцев в тыловых частях путем выделения специальных работников.
>
> 6) ЦК партии поручается организовать планомерное распределение по частям коммунистов армии и флота.
>
> 7) Перенести центр тяжести коммунистической работы на фронте из политотделов фронтов в политотделы армий и дивизий, дабы оживить и приблизить ее к действующим на фронте частям. Издать согласованное и точное положение о правах и обязанностях политкомов, политотделов и комячеек.
>
> 8) Упразднить Всебюровоенком. Создать Политический отдел Реввоенсовета Республики, передав в этот отдел все функции Всебюровоенкома, поставив во главе его члена ЦКРКП на правах члена Реввоенсовета Республики» [2].

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПАРТПОЛИТАППАРАТА

По линии осуществления этих решений развертывается партийно-политическая работа в Красной армии в 1919 г.

Вся работа в армии на деле подчиняется непосредственному руководству ЦК партии, путем создания Политического управления РВСР, во главе с членом ЦК, чем подчеркивался строго коммунистический характер этого учреждения и его особо важное значение в деле строительства Красной армии [3].

Далее проводится размежевание функций политотделов и местных партийных комитетов. Вся партийная и политико-просветительная работа на фронте сосредоточивается в руках политотделов, а за

---

[1] Стеногр. отчет VIII партсъезда. Изд-во «Коммунист» (содоклад т. В. Смирнова), стр. 132—137.

[2] Раздел «Б» резолюции по военному вопросу.

[3] Приказ РВСР от 18-го апреля 1919 г. ВБВК было расформировано, и был учрежден Политотдел РВСР, новым приказом РВСР от 26-го мая преобразованный в Политическое Управление РВСР (ПУР).

местными парторганизациями сохраняется лишь руководство партработой в тылу (в тыловых и запасных частях и в военно-учебных заведениях), при чем и здесь руководство всеми остальными отраслями политработы принадлежит военному аппарату.

Целиком и полностью закрепляется роль военных комиссаров, как уполномоченных партии в деле руководства работой ячеек и политорганов (в войсковых соединениях). Самое назначение и смещение комиссаров централизуется в руках политотделов и высших комиссаров или РВС (ЦК категорически воспретил местным организациям вмешиваться в эти вопросы). С другой стороны, в руках РВС и соответственно военных комиссаров концентрируется контроль над деятельностью особых отделов ВЧК и военных трибуналов.

С созданием мобилизационно-учетного аппарата при ПУР'е налаживаются правильный учет и распределение партийных сил в армии, вносятся плановость и централизация в проведение партийных мобилизаций.

Самое содержание и размах политработы в Красной армии в этот период приобретают новый характер. Прежние примитивные формы уступают место напряженной боевой политической работе.

Численность Красной армии к концу 1919 года достигла 3 миллионов. Этим был осуществлен лозунг В. И. Ленина о создании трехмиллионной армии, выдвинутый им в письме во ВЦИК от 4-го ноября 1918 г. Поднять такие глубинные пласты крестьянских масс, сплотить их в крепкие воинские части, добиться победы над Колчаком, Деникиным, Юденичем можно было, лишь приведя в движение все силы партии и рабочего класса, пустив в ход все средства убеждения масс как внутри, так и вне Красной армии.

Эта задача была выполнена с честью армейским политическим аппаратом, в руки которого партия отдала лучших людей. В роли бойцов, комиссаров, политработников коммунисты сумели сплотить вокруг себя широкие красноармейские массы, вооружить их ясным политическим сознанием и волей к победе. Этого удалось достигнуть не только личным боевым примером коммунистов, но и гибкостью и разнообразием форм и методов политработы, которую армейские работники научились вести в самых различных условиях, применяясь к любой обстановке.

Если в предшествующий период боевые действия большей частью разрушали всякую политработу [1], то теперь боевая работа становится источником нового опыта и новых форм воздействия на массы. Разнообразные формы печатной и художественной агитации получают

---

[1] «Из-за боев политработа не проводилась»—обычный лейт-мотив многочисленных сводок и докладов политорганов в 1918 и в начале 1919 года.

широчайшее применение в практике Красной армии. Количество распространяемых брошюр, газет, воззваний и плакатов начинает исчисляться десятками миллионов экземпляров.

Партийная неделя осенью 1919 г., увеличившая ряды парторганизаций армии на 35—40 тыс. чел.,—лучший показатель того влияния, которое сумела завоевать партия в красноармейских массах.

Работа армейского политаппарата охватывала не только ряды самой армии, но и население прифронтовой и закордонной полосы и войска противника. Успехи в деле борьбы с дезертирством [1], массовое разложение белых армий, размах советизации освобождавшихся от белых территорий,—все это в значительной степени результаты работы армейских парторганизаций.

Численный рост ячеек в армии во второй половине 1919 года позволяет осуществить почти повсеместно переход к ротным ячейкам, до этого организованным только в некоторых частях. Введение института политруков [2] в ротах, эскадронах и батареях, в свою очередь, создает благоприятные условия для укрепления ротных ячеек и их влияния на массы. Культурно-просветительные комиссии, правления клубов, контрольно-хозяйственные советы способствуют самоорганизации и воспитанию общественных навыков в красноармейской среде. Партийно-политический аппарат части оформляется в виде сложного механизма, при посредстве целой системы приводов связывающего ее коммунистическое ядро со всей массой.

Так снизу доверху протекает процесс реорганизации политаппарата Красной армии и системы его работы на началах, установленных VIII партсъездом. Разумеется, процесс этот потребовал значительного времени и охватил не в одинаковой степени все фронты и армии. Тем не менее, в основном, именно 1919 год может считаться годом действительного оформления централизованного армейского политического аппарата.

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПОЛИТРАБОТНИКОВ

Первому съезду политработников, состоявшемуся в декабре 1919 года, пришлось лишь подвергнуть дальнейшему уточнению и развитию те принципы строительства политаппарата армии, которые применялись уже на практике и были оправданы предшествующим опытом.

Новая инструкция красноармейским ячейкам, обсуждавшаяся на съезде и утвержденная ЦК, уже совершенно точно определяла порядок подчинения низовых парторганизаций, роль политотделов, как партийных органов, и комиссаров, как уполномоченных партии,

[1] Подавляющее число вступавших в ряды Красной армии дезертиров падает на добровольно явившхся.

[2] Приказом РВСР от 14-го ноября 1919 г. за № 1694.

задачи работы ячеек и т. д. Положением о взаимоотношениях политотделов с местными организациями подтверждалась полная самостоятельность политорганов, и одновременно были намечены формы связи их с парткомами путем вхождения в последние начполиторганов.

Новыми положениями о политотделах фронтов, армий и дивизий [1] окончательно была установлена их организационная структура, проведено размежевание функций между высшими и низшими политорганами и уточнены взаимоотношения между политотделами и комиссарами. Эти положения выдвинули политотдел дивизии на первое место в общей системе политорганов армии, сделав его непосредственным руководителем всей партполитработы в частях.

Помимо этого, съезд принял ряд важных постановлений об организации и принципах политпросветработы, целиком вводивших ее в русло коммунистического руководства.

1920 год—год дальнейшего развития армейского партийно-политического аппарата в закрепившихся уже организационных рамках,—год углубления и качественного роста его работы.

Кратковременная передышка весной 1920 года и сопровождавший ее перевод ряда армий на трудовое положение обнаруживают большую гибкость армейского политического аппарата, сумевшего приспособить формы и методы своей работы к новым условиям. Война с белополяками и Врангелем, в свою очередь, дает доказательства большой жизнеспособности и устойчивости сложившейся системы. В этот период армейские политорганы уже полностью концентрируют в своих руках все нити партийно-политического руководства армией. Это позволяет им строить свою работу по планам большого замысла и масштаба, проводить массовые плановые переброски коммунистов с фронта на фронт [2], заблаговременно намечать мероприятия по обеспечению операций армии.

Блестящим примером в этом отношении является кампания разгрома Врангеля, решающая победа над которым явилась в значительной степени следствием слитности действий командования и политорганов Южного фронта, планомерной передвижки партийных сил и широко поставленной агитационной кампании в стране и на фронте.

ИНСТИТУТ ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ В 1919—1920 ГГ.

Возвращаясь к вопросу о развитии института комиссаров, необходимо, прежде всего, остановиться более подробно на решениях VIII партсъезда. В то время как практическая часть резолюции съезда (пп. 2, 3, 4 и 10) намечала ряд мер к усилению и улучше-

[1] Эти положения, после обсуждения их на съезде, были объявлены приказом РВСР № 116 от 22-го января 1920 г.

[2] Переброску партсил с неактивных фронтов на запад, а после перемирия с Польшей—на юг, против Врангеля.

нию контроля со стороны комиссаров над комсоставом (система аттестаций и т. д.), военный раздел партийной программы, подчеркивающий необходимость «сосредоточения политического руководства армией и всестороннего контроля над командным составом в руках рабочего класса» (п. 5), не содержит указания на то, что основной формой осуществления этого контроля должен являться контроль через институт комиссаров. Назначение военных комиссаров программа оттеняет с другой стороны,—со стороны их функций, как политических руководителей армии.

Умолчание о контрольных функциях комиссаров в программе, несомненно, не случайно. Это указывает на то, что еще на первом этапе гражданской войны партия правильно определила двойственность сложившихся в этот период функций института комиссаров и их неодинаковое значение в длительной перспективе военного строительства: временный характер функций комиссара, как орудия контроля над командным составом, и несравненно более длительный характер его задач, как представителя партии в части.

Контроль над комсоставом через комиссаров рассматривался, таким образом, партией не как единственная форма руководства рабочего класса командным составом, а лишь как одна из форм этого руководства, и притом как форма временная, хотя и важнейшая в определенный период. В условиях 1918—19 гг. партия должна была создать целую систему гарантий, при которой привлечение военных специалистов в Красную армию не обернулось бы против рабочего класса. Центральным звеном в этой системе, поскольку остальные ее элементы (централизованное руководство армией со стороны партии, создание мощного политаппарата, широкая воспитательная работа, подготовка кадров рабоче-крестьянского комсостава и т. д.) только создавались, явился комиссарский институт с его функциями повседневного непрерывного контроля за работой военных специалистов. В этом смысл указаний практической части резолюции съезда.

Когда же вся система руководства партии военным строительством окрепла и «рабочий класс и партия во всех областях военного дела фактически обеспечили за собой очень твердые позиции» [1], когда, наконец, изменился в классовом отношении комсостав армии,—контрольные функции комиссарского института могли безболезненно отпасть, что и произошло в результате военной реформы 1924 г., значение же комиссаров, как политических руководителей и представителей партии в армии, сохранилось.

Но предварительно комиссарский институт прошел через несколько этапов своего развития. Решением VIII съезда были закреплены но-

[1] М. Фрунзе—«На новых путях», стр. 71.

вые, но так же, как и функции контроля, временные задачи комиссаров, как администраторов и организаторов [1]. Эти последние функции сохранились в сущности дольше, чем первые. Дело в том, что если к окончанию гражданской войны в армии образовались устойчивые кадры командного состава, контроль над которым в старом смысле этого слова стал излишним, то обстановка первых лет мирного периода (1921—1923 гг.) выдвинула огромное количество задач организационного порядка, с разрешением которых комсостав, без участия комиссаров, не был бы в состоянии справиться.

В этом отношении характерны результаты дискуссии по поводу института комиссаров, возникшей зимой 1919—1920 гг. Казавшаяся реальной перспектива скорого окончания гражданской войны, при том не в таких тяжелых условиях, в каких она в действительности закончилась годом позже, породила в некоторых армейских кругах мнение о возможности быстрого упразднения комиссаров.

ВОЕННЫЙ ВОПРОС НА X ПАРТСЪЕЗДЕ

Разгромом Врангеля закончился, в основном, круг гражданской войны. Сокращение Красной армии происходило в условиях внутреннего политического и хозяйственного кризиса, порожденного крайним истощением страны за годы гражданской войны. Началось ослабление и политического аппарата Красной армии, вследствие массовой утечки партийных сил из армии [2]. Между тем, и международное, и внутреннее положение Республики диктовали необходимость всемерного укрепления численно сокращаемых кадров Красной армии, а значит—и ее коммунистического костяка.

В разрезе этих основных задач X партсъезд подвергнул обсуждению вопросы, связанные с положением Красной армии. Вопрос о состоянии политического аппарата и политработы в армии—один из главных в цепи этих вопросов.

Его обсуждение усложнялось тем обстоятельством, что в ряде военных округов и армий отдельные группы политработников выступили с предложениями о коренной реорганизации армейского политаппарата на началах выборности политорганов и подчиненности этим выборным организациям комиссаров, передачи политико-просветительной работы в армии гражданским политико-просветительным организациям и т. д. Подоплека этих требований—переоценка мирного положения Красной армии и механическое перенесение на условия работы в Красной армии форм и методов партийного строительства в гражданских организациях. В то же время они отражали и те общие шатания, которые возникли в от-

[1] Объяснение причин этого дано выше.

[2] К концу гражданской войны в армии насчитывалось—на фронте и в тылу—до 7 тыс. ячеек и 280 тыс. коммунистов.

дельных партийных прослойках (группа «Демократического централизма», «Рабочая оппозиция»).

Принять эти предложения означало бы разрушить ту систему руководства партии военным строительством, которая обеспечила боеспособность и устойчивость Красной армии в гражданской войне. Вот почему партийный съезд с особой силой осудил подобную «дезорганизаторскую агитацию» и признал необходимым «сохранить политический аппарат Красной армии в том виде, в каком он сложился за три года войны». Центр тяжести съезд перенес на вопрос о систематическом улучшении всей политработы в армии на началах использования накопившегося опыта и расширения демократического централизма в возможных, не противоречащих военным основам, рамках. Серьезнейшим мероприятием в этой области явилось решение о выборности партийных комиссий, до того назначавшихся политорганами. Наряду с этим, съезд постановил улучшить связь политорганов с местными организациями, не нарушая, однако, полной самостоятельности армейского аппарата.

Решения X партсъезда явились исходными для организации политической работы в Красной армии в последующие годы мирного периода. В современном состоянии обороны страны—лучшее оправдание этих решений, подтвердивших те принципы партийно-политического руководства и строения политического аппарата Красной армии, к которым партия пришла опытным путем на VIII партсъезде. Закрепление этих принципов в партийном уставе подчеркивает их незыблемость в течение длительного периода строительства вооруженных сил СССР, ибо так, и только так, могут быть обеспечены твердые устои партийного руководства Красной армии—основной гарантии дальнейшего роста ее политической сознательности и боевой мощи.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ВЫПИСКА ТОВ. ЛЕНИНА

сделанная им в 1915 г. из книги Клаузевица, „Vom Kriege“, zweiter Teil, Berlin, bei Ferdinand Dummler, 1833, стр. 139.

Самая важная глава [1]).

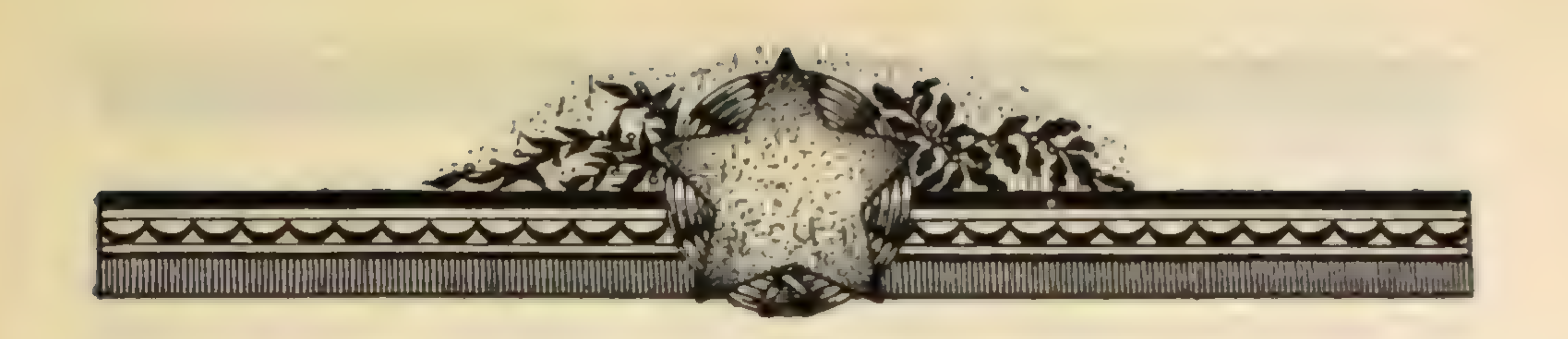
Том III (заглавие [1])) (стр. 139—150).

Глава шестая В. «Война—орудие политики».

.. Этим единством (единство, соединяющее «в практической жизни» противоречивые элементы [1])), является понятие, что война есть только часть политического общения, стало-быть, отнюдь не нечто самостоятельное [2]).

[1]) Написано тов. Лениным по-русски

[2]) Подчеркнутое Лениным—курсив Клаузевица.

Ф. БЛУМЕНТАЛЬ

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 1918—1921 ГГ.

БУРЖУАЗНАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

ДЛЯ ТОГО, чтобы рельефнее подчеркнуть основные принципы нашей политработы, остановимся вкратце на анализе политработы буржуазии и сравнении этой работы с нашей.

По целому ряду причин во время гражданской войны и после нее у некоторой части армейских работников укоренилось неправильное мнение, будто буржуазия вообще никакой политработы никогда не вела и вести по своей природе не в состоянии. Причина такого взгляда понятна. В гражданскую войну политическая работа, проводившаяся в белых войсках, была настолько немощна, настолько была всегда бита нашей политической работой, что создалось впечатление о полном неумении буржуазии использовать это «оружие». Казалось, что наша классовая правда не знает преград и всегда быстро найдет доступ к сознанию рабочих и крестьян. При этом забывают, что наша «доморощенная» буржуазия, находившаяся еще в плену у крепостников и не сумевшая приспособиться к новым условиям, далеко плетется позади прожженой буржуазии западных стран, с которой нам придется иметь дело в будущем.

Эта буржуазия знает цену субъективной поддержке рабочим классом классовых интересов буржуазии, несмотря на объективные условия для победы пролетариата. И буржуазия делает и будет все делать, чтобы подольше удержать сознание трудящихся от понимания своих классовых интересов.

Ведет ли буржуазия политическую работу, т.-е. работу, которая должна иметь своей непосредственной целью повышение боеспособности армии и страны? — Безусловно, ведет. Интересно

отметить, что буржуазия под влиянием мировой войны начала серьезно задумываться над своей политработой и изучать ее. Как буржуазия определяет свою работу?—Приведем слова одного немецкого автора. Разобрав пропагандистскую деятельность ряда буржуазных стран во время войны, он переходит к вопросу о пропаганде в Советской России:

> «Следовало бы упомянуть о России, но освещение советской пропаганды не входит в круг задач этой книги уже потому, что она является носительницей социальной, а не национальной идеи и не может считаться политической пропагандой в принятом нами смысле. По этой же причине мы не рассматриваем ведущейся при помощи больших средств и богатой в последнее время успехом расовой пропаганды» [1].

Как видит читатель, автор ограничивает понятие политической пропаганды, т.-е. политработы, только рамками «национальной», а по нашему—буржуазной идеи. Это очень показательно. Буржуа выдает себя с головой. Во-первых, он признает, что его пропаганда, его политработа отличается от большевистской, которая (о, ужас!) занимается опасными социальными идеями, и от «расовой», а вернее—национально-освободительной пропаганды, которой занимаются порабощенные народы Востока. Во-вторых, он признает право на существование только за буржуазной, якобы «национальной» политической пропагандой.

Всем понятно, что у буржуазии есть основание именно так ставить вопрос. В чем отличие нашей политработы от буржуазной? Содержание нашей политработы опирается (а потому она и успешна) на такое положение, при котором лозунги, цели, пропагандируемые нами, совпадают с объективными, классовыми интересами рабочих и крестьян. Буржуазная пропаганда вынуждена действовать (а потому она и не обеспечивает буржуазии успеха), несмотря на то, что лозунги, цели, пропагандируемые буржуазией, находятся в резком противоречии с объективными, классовыми интересами рабочих и крестьян.

Вот почему мы и говорим,—не ради агитационного эффекта а выражая существо дела,—что нашим оружием является классовая правда. Чем классово-сознательнее рабочие и крестьяне, тем ближе сходится, до полного совпадения, субъективное понимание ими своих интересов с лозунгами коммунистической партии. И вот почему мы говорим (также не ради агитационного эффекта), что оружием буржуазии является классовый обман. Чем классово-несознательнее трудящиеся, тем буржуазии легче навязать им такое понимание классовых интересов, которое целиком отдает рабочих и крестьян в руки буржуазии.

---

[1] Штерн Руберт—«Пропаганда, как орудие политики». Берлин. 1921 г.

Такое определение, такое понимание буржуазной политработы в жизни, на деле, конечно, не сразу дается. Важным принципом буржуазной политработы является такое подношение ее «потребителю», чтобы последний не чувствовал яда. Лакеями, подавальщиками буржуазной политической пищи являются социал-шовинисты. Лучшей пилюлей, лучшей политической программой буржуазия считает ту, которая покрыта социалистической позолотой. Недаром известный германский социал-демократ Игнатий Ауэр, один из лидеров германского оппортунизма, после того как Эдуард Бернштейн выпустил, по выражению Плеханова, свою «дрянную книжонку», ставшую евангелием международного оппортунизма, написал ему: «Дорогой Эде, ты осел, ибо такие вещи не говорят, а делают»[1].

Слова и дела у буржуазии расходятся; говорить социалистам-оппортунистам можно только то, что приемлемо для рабочих, иначе прогонят, делать же можно все, что следует с точки зрения буржуазных интересов; тем более, что «делают» ведь не социалисты, а правительство. Вот в этом-то—неизмеримая разница между нашей политработой и политработой буржуазной. У нас нет слов (агитации), которым не соответствовали бы дела (строительство); у буржуазии нет слов, которым бы соответствовали дела. И в этом наше основное преимущество. Мы брали не рекордной цифрой тиража газеты и листовки, не художественностью плаката, не хорошими кино-передвижками. Мы брали содержанием газеты и листовки, напечатанных на скверной бумаге и зачитываемых до дыр (из-за малого количества). Мы брали содержанием плаката, даже нарисованного скверным художником и отпечатанного на хлюпающем станке. Мы брали содержанием на каждом кадре рвущейся, мелькающей до рези в глазах, фильмы.

Смешно, когда близорукие буржуа восхищаются успехом нашей политработы. Они увлекаются внешней, организационной, технической стороной, не понимая, что весь наш секрет—в содержании. Вот, например, что говорит французский генерал Серриньи:

> «Большевики оказались мастерами в искусстве сочетать действия морального порядка с чисто военными. Их боевым операциям в Сибири, Польше, на Кавказе всегда предшествовали, в нужный момент, агиткампании, направленные параллельно к внесению деморализации в ряды армии и в народную толщу противной стороны. Последовавшие результаты были изумительны и заслуживают глубочайшего изучения»[2].

Дело, понятно, не в самом «искусстве» (хотя и от организации политработы зависит многое) сочетать «моральные» моменты с

[1] Предисловие М. Покровского к книге О. Бауэра «История австрийской революции».

[2] Серриньи—«Размышления о военном искусстве». 1924 год. Л. «Воен. Изд-во».

оперативными. Дело—в действенности содержания, в классовом содержании этих «моральных» моментов. Мы знаем, что буржуазия во многом, еще задолго до гражданской войны, превзошла нас техникой политработы. Многие считают ряд технических приемов политработы нашей монополией, нашим изобретением. Между тем, в технике, художественности плакатов, каррикатур, быстроте доставки и колоссальном тираже газет, в методах передвижных трупп, кино, в разбрасывании и рассеивании листовок с аэропланов, детскими воздушными шарами буржуазия в мировую войну во многом идет впереди нас. И даже такие вещи, как «приказы» солдатам противника о сдаче в плен и т. д., имели уже место в мировую войну. Но, повторяем, главное—не в этой технике. Мы знаем случаи, когда наша радио-сводка, написанная углем на стене белой хаты. действовала сильнее, чем на прекрасной бумаге отпечатанный «Законопроект о земле» Врангеля.

Другое важное отличие нашей политработы от буржуазной заключается в организации руководства. У нас этот вопрос не вызывает сейчас никаких сомнений. У нас в стране есть монолитная, проникнутая единой волей, единой политикой, государственная власть. И это так потому, что эта власть—власть рабочего класса и руководится она единой и единственной в стране коммунистической партией. А в отношении армии это положение усиливается еще тем, что партия берет на себя непосредственное идейно-политическое руководство в самой армии.

Конечно, партия не сразу пришла к этой системе. Были искания, были ошибки. Так, например, в первый период строительства Красной армии на должностях комиссаров мы видим кое-где левых эсеров, анархистов всех толков, просто беспартийных «сочувствующих». В архиве Всероссийского бюро военных комиссаров (сокращенно -ВБВК) можно видеть анкеты, заполненные поступающими на службу в качестве комиссаров беспартийными, «беспартийными большевиками» и т. д. Отчасти это явление—отражение того периода (1918 год), когда в правительстве сидели и члены партии левых эсеров. Мы знаем случаи (в тот же период), когда коммунистические ячейки были в частях на положении подпольных организаций, выдерживая бой за право существования даже с командирами частей.

В докладе политинспекции Украины указывается об итогах инспектирования (в конце декабря 1918 г.) 11-го и 12-го полков в Бахмуте. Полки именовали себя «лево-эсеровскими». Командир—Саблин. Политкомиссар называл себя левым эсером. Коммунистов в полку совершенно не было, и их даже близко не допускали... «Осмотрев некоторые роты, политинспекция убедилась, что между солдатами нет ни левых эсеров, ни коммунистов. Это — повстанцы-крестьяне и рабочие, в высшей степени честные люди и т. д.».

Но все это были неизбежные явления во вновь строящейся армии, которая тут же и воевала, строясь на ходу. Уже с 1919 года и по настоящее время мы имеем четко построенную и все совершенствуемую систему коммунистического и государственного руководства армией. И основная черта этого руководства—единство его. А что мы видим у буржуазии? Есть ли там это единство?

Что такое единство полезно,—буржуазии прекрасно известно. Но как его добиться?—Мировая война показала, что все усилия буржуазии устремлены на то, чтобы создать это единство. Все эти «Дома печати» во Франции, «Дом Крю» («Трест Нортклифа») в Англии, различные отделы при военном и иностранных дел министерствах добивались одной цели—объединить в одних руках все дело политического «вождения»,—осуществления политической работы в стране и армии во время войны. Сюда же устремлены искания и действия буржуазии в нынешний период (учитывая опыт войны). Мечтания упомянутого Серриньи о «министерстве патриотического воздействия», мечтания Штерна Руберта об объединении всей пропагандистской работы под общим «верховным» руководством, с уничтожением всех официальных и полуофициальных учреждений или субсидируемых частных организаций; наконец, такой реальный факт, как принятие французской палатой закона о «национальной защите»,—все это сводится к одному,—к созданию централизованного, политически-единого руководства. И все же, по самой природе капиталистического общества, этого единства буржуазии не достигнуть.

В гражданскую войну, когда враг был в политическом отношении «киселем»,—эсеры, энесы, крайние монархисты, меньшевики и т. д.,—наше единство было тем основным тараном, которым мы пробивали и разбили, в конце концов, противников. Ибо нашему единству руководства соответствовала полная согласованность, теснейший союз рабочих и крестьян.

Вот на каких основах построена и выковалась в гражданскую войну наша тактика в отношении армии, т. е. наша политическая работа, которая имеет целью руководить борьбой пролетариата и его союзника—крестьянства—в крайнем выражении этой борьбы—классовой войне, т.-е. руководить и обеспечить гегемонию пролетариата в армии.

СТРОИТЕЛЬСТВО АРМИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Как мы уже указывали, на строительстве Красной армии отражались все основные политические затруднения и победы, через которые шло расширение и укрепление завоеваний Октябрьской революции. Вкратце, отдельными штрихами, можно наметить следующие узловые моменты строительства армии.

На самой заре строительства и политического укрепления армии стоит та политическая работа, которую партия начала осуществлять с первых дней зарождения Красной армии в дооктябрьский период. Как о реальной силе, речь здесь может итти только о рабочих отрядах гвардии. Своеобразие этого периода заключалось в том, что базой для политработы являлось наличие классовой сплоченности, дисциплинированности, организованности (связь с заводом) и добровольчества. В этот период политработа, имевшая главной целью вербовку, классовое просвещение и сколачивание отрядов в боевой организации, имеет своим главным и, пожалуй, единственным стержнем содержания работы--общеполитическую агитацию и пропаганду. О конкретизации политработы применительно к оперативным задачам еще говорить не приходится.

Следующий этап, заключающийся после захвата власти в постепенном втягивании в вооруженные ряды крестьянства, приносит сразу ряд весьма больших трудностей. Пока речь идет только о нейтрализации середняка. В армию идут крестьяне-бедняки. Они – безоговорочные сторонники советской власти. Но армия, постепенно переходящая в регулярную и многочисленную, требует сразу разрешения двух трудных задач: во-первых, охватить своим влиянием массу крестьянства, а во-вторых--это крестьянство сорганизовать в армии на тех новых основаниях, наличие которых только и обеспечивает боеспособную регулярную армию. Какие трудности заключались в первой задаче?

Крестьянство устало от войны. Крестьянство хотело немедленно, своими руками пощупать реальность октябрьских завоеваний, т.-е. немедленно на деле использовать завоевание земли. Понадобился большой период времени и наглядные уроки в виде временных побед врагов, пока крестьянство поняло, что без борьбы эти завоевания ускользнут из-под рук. Понадобилась упорнейшая политическая работа, чтобы привить крестьянству мысль о совершенной необходимости обороны страны Советов. На этом постепенно и выковывался военно-политический союз рабочих и крестьян. Какие трудности заключались во второй задаче?

В условиях восприятия крестьянством пораженческих и, вообще, революционных идей, рушилась вера в необходимость, незыблемость и полезность тех организационно-технических условий, на которых держится регулярная армия. Обязательность воинской службы, назначенные командиры, обучение, дисциплина,—все это—основы армии, авторитет которых надолго и глубоко был подорван в сознании трудящихся. Противоположные им основы нерегулярной, партизанской армии возводились в принципы армии победившего пролетариата. Политическая работа вынуждена была и эти вопросы разъяснять и разрешать на деле.

Центральная ось политработы и заключалась в этой задаче,— вести за собою, обеспечить активное сознательное участие крестьянства в борьбе Красной армии. Ибо политработа была и есть ни что иное, как обеспечение коммунистической партией пролетарского руководства в армии.

Эта задача конкретно проявлялась в различных условиях по различному. Колебания крестьянства, начиная с периода развернутой гражданской войны, Октябрьской революции в деревне (лето 1918 г.) и кончая крайним выражением этих колебаний в виде антоновщины, григорьевщины и махновщины, являлись главной заботой деятельности политических органов.

Интересно отметить одно весьма важное различие между политической работой в гражданскую войну и работой сейчас (и в будущую войну).

Советская власть, ее классовая природа, ее важнейшие принципы, сознание необходимости ее существования—не представляют ныне единственного содержания нашей политработы. Красноармеец приходит к нам в армию, имея знания, приобретенные и в школе, и в практической жизни, и в общественно-политической работе. С «малых лет» всей системой государственной пропаганды коммунизма и деятельности партии, комсомола, профессиональных союзов каждый гражданин воспитывается в духе понимания классовых интересов и политической сущности нашей страны.

Внутри армии мы занимаемся углублением понимания указанных вопросов, но это именно углубление—на базе уже воспринятых, воспитанных в красноармейцах основных понятий. Мы в армии доделываем начатое партией вне армии. Используя выгодную обстановку военной учёбы, мы не только углубляем общее понимание окружающего, но и изучаем главнейшие практические задачи нашего строительства, но прежде всего, конечно, задачи армейского строительства, задачи обороны страны.

Также и в области изучения основ нашей армии. К нам идут красноармейцы, воспитанные уже в понимании необходимости устойчивых и узаконенных норм и порядков в деятельности государственного организма; красноармейцы эти не имеют личного опыта царской армии и ее разрушения. И наше главное внимание направляется на правильное восприятие и углубленное сознание конкретных норм и порядка армии, как части пролетарского государственного организма.

А как дело обстояло в гражданскую войну? Не будет преувеличением, если мы скажем, что единственное, чем занималась политическая работа, была идейная борьба за советскую власть. Простое незнание, извращенное понимание советской власти, происшедших перемен после Октябрьской

революции, создавали такое положение, когда ни о каких частных политических задачах и речи не могло быть. Все усилия направлялись на «завоевание» сознания бойцов, на их признание за советской властью права на существование. Это, конечно, не означает, что вся агитация шла отвлеченно,—она концентрировалась на конкретных фактах, могущих быть очередным политическим уроком. Стремления врагов, их политика в занятых областях, их отношение к населению, солдатам и наши декреты, политика в отношении эксплоататоров—все это являлось теми событиями, на которых «нанизывалась» наша общеполитическая работа. А что эта работа, эта «борьба» за идею советской власти означала? Она означала создание и укрепление союза крестьянства с рабочими—носителями идеи советской власти—диктатуры пролетариата.

Тоже и с армией. В гражданскую войну мы имели дело с бойцами, для которых, как уже указывалось, многое из организационных принципов строительства регулярной Красной армии не понималось, казалось возвратом к старому, не вязалось с их пониманием новой эпохи, нового строя. Политическая работа должна была привить бойцам понимание необходимости регулярной армии, только пока этого.

И та и другая задача лежала почти целиком на плечах армейского политаппарата. Недостаточно окрепшие местные партийные организации на местах, их слабая связь и влияние на деревню ставили армию в такое положение, когда приходилось начинать политическое воспитание, уже взявши бойца в армию.

Добровольчество являлось более или менее естественным отбором, отсеиванием из рабочих и крестьянских масс наиболее политически зрелого, сознательного. Но когда явилась необходимость в массовой армии и когда в административном отношении государственный аппарат был в состоянии с грехом пополам начать осуществление обязательных и массовых мобилизаций, то тут сказалась «диспропорция» между срочностью задачи иметь многочисленную армию и невозможностью политически обеспечить эту задачу. Ибо сами массы еще не были тогда достаточно подготовлены, в то время как сейчас мобилизация явилась бы реализацией не только организационно-технической, но и политической подготовки.

В непонимании этого только что разобранного отличия содержания, характера политработы от таковой в нынешний период и кроется недооценка иными товарищами политработы. Не понимают, что политработа не «отжила» свой век, а, наоборот, получила более крепкую базу и, следовательно, более четкий конкретный характер, и что никто еще не может гарантировать безусловную стойкость этой базы, безусловную невозможность политических

колебаний. Вот почему рабочий класс и его партия ни на минуту не должны выпускать из своих рук укрепление союза с крестьянством, дело политического руководства крестьянством. А в переводе на «военный» язык это и есть политическая работа.

Несколько слов о самом проводнике политической работы—о коммунистических организациях и политических органах. Организационные вопросы, их развитие и строение разобраны в других статьях данного сборника. Я остановлюсь лишь на некоторых проблемах, которые пришлось разрешать.

Само существование, внедрение и завоевание себе места партийными организациями далось нелегко. Препятствовала этому вначале и политическая обстановка (вспомните полосу «признания» большевиков и «отрицания» коммунистов), препятствовали еще весьма и весьма неуточненные взаимоотношения двух линий руководства армией—административного и политического. В административном руководстве сочетались элементы «чисто-технического», «чисто-оперативного» руководства, которые совершенно естественно притягивали к себе, как в химической реакции, элементы советского руководства. Политическое руководство представляло из себя своеобразный переплет советских и партийных функций, что также вызывало ряд затруднений: надо было сочетать методы политического руководства, осуществлявшегося в административном порядке (в вопросах контроля, непосредственного управления рядом областей армейской службы, карательной, снабженческой и др.), и методы, осуществлявшиеся в порядке деятельности партийной организации, коллективно решающей вопросы.

И, в действительности, эти два метода политического руководства росли самостоятельно: сверху—административно-политический аппарат (комиссарский институт), снизу—партийно-политический (ячейки, политотделы). В результате, в ходе организации Красной армии имели место столкновения, трения, борьба между двумя этими ветвями, по сути дела, единой системы партполитруководства.

В тесной связи с этим вопросом находится проблема командного состава, проблема укомплектования армии партийным и рабочим костяком. Но это уже предмет специального исследования.

Когда мы говорим о строительстве Красной армии в гражданскую войну и сопутствовавшей ей политработе, то следует всегда помнить, что эта работа протекала в самых неблагоприятных условиях. Ведь мы строили, воюя. И нам поэтому приходилось вести политическую работу, в буквальном смысле слова, под градом пуль противника.

Вот почему политработу по этим, как бы подготовительным к войне, вопросам трудно отделить от политической работы, проводимой нами по вопросам непосредственно боевым, боевым в двух

смыслах: и по вопросам оперативных, боевых действий, и по «боевым» вопросам текущей политики, хода революции.

БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Этот вопрос еще, к сожалению, с большим трудом поддается обобщению, так как еще не проделана самая элементарная предварительная работа,—у нас нет еще ни одной сносной разработки какой-либо операции или отдельного боя, в связи с которыми показана политическая работа, «обеспечивавшая» этот бой или операцию.

С этой оговоркой приходится делать в дальнейшем общие выводы.

Прежде всего, следует сказать, каков был политаппарат, который должен был политически подкреплять, обеспечивать успешность боевых задач.

Тут я возвращаюсь к вопросу о недостаточном или чаще полном отсутствии знания политработниками военного дела. Этот пробел (а для нынешней обстановки и будущей войны—один из решающих вопросов успеха нашей работы) значительно смягчался особенностями гражданской войны. Эти особенности—редкость фронта, импровизация в оперативном деле, в боевой службе, слабость техники, нестабильность личного состава и т. д.—действовали в ту сторону, что вчера незнакомый с боевыми условиями революционер-коммунист, рабочий, быстро схватывал несложные требования боевой обстановки (в тот период) и к ним быстро приноравливался.

Достаточно было иметь те качества революционера, которые приближают последнего к бойцу, которые требуются как революционной борьбой, так и военно-боевой обстановкой. Это—неустрашимость, энтузиазм, умение служить примером, неутомимость, активность, способность к быстрой ориентировке в обстановке.

Эти качества давали в руки политработников все нити не только политического руководства и ведения за собой масс политически, но и в командном и административно-хозяйственном отношениях.

Я считаю, что партия целиком усвоила это положение и на практике осуществляла его. Своеобразие того периода требовало именно этого неистощимого оптимизма и большевистского напора. В соединении этих качеств партии и революционного настроения, созданного в массах, лежит и корень живучести, быстрого восстановления нарушенных сил и организации и, наконец, корень победы. А инициатива, находчивость и импровизация лежат заметным отпечатком на всей политработе.

Другая не менее важная исконная черта политработы—личный пример коммуниста, активиста-рабочего.

И если сложнейшие условия будущей войны потребуют от нас самой щепетильной организованности, самого конкретного знания и умения действовать в боевой обстановке, то это ни в коем случае не значит, что личный пример, все перечисленные выше качества бойца-революционера отпадают или уходят на задний план.

Наоборот. Организованность, знание военного дела только тогда окажут свое действие и будут нашим плюсом по сравнению с гражданской войной, если они будут служить организационно-техническим подспорьем для революционного энтузиазма, самопожертвования, решительности, инициативы и уменья быстро ориентироваться в обстановке политработников и командиров.

При этом отличие от гражданской войны вытекает из той оценки, которая дана выше содержанию политработы. Оперативное распоряжение, приказ в гражданскую войну не требовал такого точно рассчитанного, детально разработанного, теснейшим образом увязанного с операцией плана политработы, как в условиях будущей войны. Тогда достаточно было, чтобы поднять цепь, боевого возгласа.

Тогда слово «белый» определяло все, ибо это значило «против Советов», теперь противник должен быть детально и во всей своей контр-революционной окраске «усвоен» до войны, а во время войны будут стоять более сложные задачи конкретного разоблачения действий и политики буржуазии.

Другими словами, того, что мы сейчас называем политическим обеспечением операции, боя, в полном смысле этого слова не было.

В этом смысле будущие условия политработы в боевой обстановке и отличаются от прошлых.

ЦЕННОЕ В ОПЫТЕ

Мы не затронули и десятой доли всех вопросов, возникающих при вдумывании в опыт политработы гражданской войны.

Стоит хотя бы упомянуть такую самостоятельную проблему, как революционное строительство, как расширение революции, роль в этом Красной армии и заслуги политработы. Армия, под руководством партии, политаппаратов, была колоссальной силы орудием, которое бороздило не только свою страну, но и смежные страны. Революционную, культурную, созидательную роль армии трудно выразить в цифрах. Но эта роль неоспорима.

Оценивая в целом политработу в Красной армии, следует сказать, что партия и в этом секторе своей работы в самый тяжелый и горячий период пролетарской диктатуры высоко держала знамя ленинизма.

Политработа в армии, по существу, вынуждена была, в своих рамках и условиях, решать труднейшие проблемы большевистской

тактики—обеспечить гегемонию пролетариата, руководить крестьянством и сохранять правильные взаимоотношения последнего с пролетариатом, правильно проводить национальную политику, разрешать ряд интернациональных тактических задач в занятых областях других стран, проблему превращения империалистической войны в войну гражданскую, интернационализировать сознание трудящихся и т. д.

В условиях, в которых партия волей истории проводила политработу—без военной подготовки, в крайне тяжелых экономических условиях, в тяжелых международных и стратегических условиях, в хаосе (организационном и полититическом) первых лет революции,—партия сделала все, что от нее требовалось.

Опыт этот имеет чрезвычайную ценность. Не техника, не организационные вопросы политработы (они тоже имеют большую ценность), а в первую очередь **богатейший политический опыт применения тактики большевизма к условиям гражданской войны.**

На изучение этого опыта и должно быть обращено наше главное внимание.

Это изучение должно подталкиваться сознанием того, что в будущей классовой войне элементы гражданской войны будут иметься налицо и что мы, следуя заветам ленинизма, должны будем активно содействовать расширению этих элементов.

В этих условиях опыт политработы в войны 1918—1921 годов является неоценимым.

Р. ЦИФФЕР

ПЕХОТА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

УЖЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ 1914—1918 гг. достаточно отчетливо выявилось различие тактических методов и приемов на западно-европейском и на восточно-европейском фронтах войны. Различное протяжение фронта, различие в густоте и налаженности сети сообщений предопределили различное насыщение фронтов техническими средствами и живыми силами и, как дальнейшее следствие этого, привели к различию тактических приемов.

Менее заметно эти различия сказывались в методах и приемах наступательных действий. Необходимое для наступления сосредоточение средств и сил, приближая на некоторых участках восточно-европейского фронта предельную его насыщенность к обычной средней насыщеннности западно-европейского фронта, тем самым приближало способы и приемы использования войск на восточно-европейском фронте к таковым же на западно-европейском. Но и при наступательных операциях темп сосредоточения наступательных (ударных) групп, способы развития и ликвидации прорыва отличались на восточно-европейском фронте существенными особенностями. Одинаковые местные условия сближали, делали сходными боевые приемы различных армий, и, наоборот, в различных местных условиях действий возникали существенные различия между войсками одной и той же армии, сражавшимися на различных театрах.

Различие между западно-европейским и восточно-европейским театрами значительно более заметно сказалось на обороне. Возможность достижения колоссального напряжения артиллерийского огня (близость источников производства боеприпасов, мощность сети сообщений) породила на Западе глубокую, сильно насыщенную

техническими средствами и живой силой оборону. Весьма значительный поневоле расход сил и средств на такую оборону приводил, по существу, к невозможности достижения тех задач, которые обычно ставятся обороне, а именно—сбережение сил и средств для активного применения их в других направлениях. Этой цели такая оборона не достигала; наоборот, в нее ввязывались весьма значительные силы и средства. На восточно-европейском театре в таком развитии обороны не было нужды, да, по существу, оно и не было возможным. На востоке оборона была значительно менее глубокой и,—что еще важнее,—значительно более экономной, в смысле расхода на нее войск. Необходимость (протяжение фронта и сравнительная ограниченность средств и сил) приводила к более экономным, а значит—более целесообразным, по существу, приемам обороны.

В гражданской войне особенности тактических методов и приемов, присущих борьбе на обширных пространствах наших театров войны сравнительно ограниченными силами, выявились еще более резко, отчетливо и полно. Вооруженным силам революции пришлось отражать натиск врага почти на всем громадном протяжении границ Республики Советов. Без преувеличения можно сказать, что боевые действия развернулись везде, где только местные условия допускали их ведение. К не совсем еще замершим бывшим фронтам мировой войны — Западному и Кавказскому — прибавились фронты Южный, Восточный, Туркестанский, Северный. Общее протяжение фронта гражданской войны оказалось, таким образом, во много раз больше, чем протяжение восточно-европейского фронта мировой войны (8.000 *км* гражданской войны против 1.500 *км* мировой). Средств же и сил в распоряжении сражавшихся сторон, естественно, было меньше, чем в распоряжении участников мировой войны. Не могло не сказаться и значительное материальное и моральное истощение после трех с лишним лет войны.

Ответить в основных чертах на вопрос, как же все эти и некоторые другие данные отразились на боевых действиях пехоты в гражданскую войну,—таково назначение настоящей статьи.

Ответ на эти вопросы имеет существенное практическое значение по следующим причинам: будущая война будет значительно отличаться по своему характеру от войны 1914—1918 гг. Основное ее отличие будет заключаться в том, что военные действия, и притом не второстепенного значения, вероятно, разовьются не только на обычных для Европы театрах, а и на так называемых театрах малокультурных, малодорожных, бедно населенных, не индустриализированных и гораздо более обширных. Для понимания характера будущей войны опыт нашей гражданской войны 1918 — 1921 гг. дает очень много поучительного и интересного

материала. Гражданская война велась, при использовании обеими сторонами современных средств борьбы, фактически весьма ограниченными силами и средствами на театрах весьма разнообразных и обширных. Эти данные предопределяют большой практический интерес исследования опыта гражданской войны. Это исследование должно и может дать выводы по вопросу о технике и тактике боевых действий в разнообразных условиях обстановки, о предельно-экономном и целесообразном использовании сил и средств для решения оперативных задач.

Недавние события в Марокко и на других театрах военных действий, возникших после войны 1914—1918 гг., заметно подтвердили важность исследования новых форм той войны, прообразом которой была наша гражданская война. Содержание и размеры настоящей статьи ограничиваются стремлением дать общую характеристику пехоты в гражданской войне, выявить и рассмотреть самые основные, наиболее характерные положения, имеющие крупнейшее значение для определения целесообразной организации, целесообразных способов и методов борьбы пехоты в будущем.

Вооружение. Пехота Красной армии, в основном, пользовалась остатками вооружения пехоты царской армии. Основными средствами пехоты были: станковые пулеметы Максима и Кольта, винтовка образца 1891 года. Значительно меньше, чем в войну 1914—1918 гг. на западном фронте, применялись ручные пулеметы. Главные причины этого—ограниченное число пулеметов, оставшихся от царской армии, невозможность доставки их из-за границы, отсутствие собственного производства. Вследствие очень быстрого темпа развития операций, окопные пехотные средства борьбы, а также средства ближнего боя, в том числе ручные гранаты, не нашли широкого применения. Таким образом, пехота гражданской войны, по сравнению с пехотой войны 1914—1918 гг., была легче вооружена и имела, в основном, на вооружении только два образца пехотного оружия: пулемет и винтовку.

Значительная часть этого оружия работала уже во время мировой войны и в руки бойцов гражданской войны попала в сильно изношенном виде. Оружие же нового производства, изготовлявшееся в тяжелые для революции годы 1918—19—21, страдало весьма существенными недостатками. Это зависело от необходимости производить оружие быстро и в большом количестве, при возрастающей изношенности оборудования и недостатке квалифицированной рабочей силы. Поэтому новое оружие, попадавшее в пехоту в годы гражданской войны, не отличалось от изношенного в мировой войне оружия старого производства. Это обстоятельство являлось одной из основных причин меньшей действительности огня в гражданскую войну. На понижение действительности огня влияло также то

обстоятельство, что боец гражданской войны не мог получить более или менее длительной и систематической боевой подготовки, что текучесть в частях была очень велика, что бой на средних и ближних дистанциях отличался много меньшим напряжением и длительностью, чем в мировую войну. Все это происходило в своеобразных политических условиях строительства классовой армии в стране с крестьянским населением по преимуществу.

В отношении вооружения белая пехота не была в заметно лучших условиях по сравнению с красной пехотой. Частично белые использовали остатки вооружения царской армии, частично же они опирались на европейский и американский подвоз. В пехоте прибалтийских белых армий было значительное количество германского оружия, впоследствии также английского. Пехота польская в значительной мере использовала оружие, оставшееся от старых австрийской, германской и русской армий, а также оружие, предоставленное французами. Белые русские формирования, помимо оружия царской армии, пользовались также привозным оружием, преимущественно английским и частью американским. Пехота английская, американская, французская, греческая и др., участвовавшие в гражданской войне, пользовались своим оружием. В общем, вооружение пехоты белых армий, и количественно и качественно не отличаясь от вооружения красной пехоты, было только много разнообразнее, много пестрее. Бо̀льшая часть оружия иностранных образцов была изношена еще в мировую войну, и только частично английское оружие и почти полностью американское было оружием новым.

Необходимо подчеркнуть заметно возросшие в гражданской войне роль и значение станкового пулемета. Станковый пулемет, являвшийся в мировой войне основным средством позиционной обороны, в гражданской войне получил очень большое значение и при наступательных действиях. Цифровые данные свидетельствуют, что по относительному обеспечению пулеметами пехота времен гражданской войны (как наша, так и наших противников) не только не уступала пехоте наиболее машинизированных армий, но даже превосходила ее. В то время как у нас и у наших противников в гражданской войне один пулемет приходился, в среднем, примерно, на 10 штыков, в пехоте западноевропейских и американской армий это соотношение выражалось, примерно, 1 на 20—25 шт. Наиболее широко в боях гражданской войны применялись станковые пулеметы, а из них—пулемет системы Максим.

Ручные пулеметы, в виду недостатка их и боевых к ним припасов, использовались в значительно меньшей мере, чем на западноевропейском театре мировой войны.

Пулеметы, в полном смысле слова, служили остовом обороны, на них, подчас исключительно, опиралась прочность обороны. Около них, как около костяка, группировались все остальные, как правило, немногочисленные и «текучие» силы пехоты. То же явление довольно заметно сказывалось и при наступлении.

«Пулеметы,—читаем мы в «Сборнике трудов ВНО», книга 4, стр. 118 (ст. Н. Рыбакова), ставились всегда в передовой цепи; последняя насыщалась ими, заменяя недостаток людской силы и умения. В цепи, естественно, люди разрывались на большие интервалы, сближаясь к пулеметам, которые обратились в своего рода огневые узлы. Из этих узлов, на подобие костяка, и состояла теперь цепь. Рота имела иногда 4—6 пулеметов, и люди все таки располагались инстинктивно, лезли, не обращая внимания на деление повзводно, к машине,—к пулемету, который являлся магнитом в бою и новым, организующим силы, центром... В последующих боях... приходилось из одних пулеметов устраивать специальные резервные группы, которые маневрировали во время боя особыми колоннами, преследовали банду, совершенно отрываясь от своих частей и кавалерии, и решали бой»...

Так же как на западно-европейском театре войны около более мощной машины или более сильного бойца (командира, старого солдата) естественно образовывались в бою группы, так же они образовывались и на фронтах гражданской войны. В боях гражданской войны это образование групп, это естественное зарождение групповой тактики, сказывалось не менее отчетливо, чем на западноевропейском театре войны.

Однако группировка по фронту не могла, естественно, сопровождаться,—в виду ограниченности сил и средств,—второй характерной чертой групповой тактики Запада. т.-е. группировкой сил в глубину. Но подходя вплотную, в силу обстоятельств, к групповой тактике, красная пехота, лишь только получала пополнения, сейчас же возвращалась к линейной тактике, используя вновь полученных людей для заполнения, затыкания промежутков. Сказывались традиции старой армии, сказывалась тактика волн мировой войны. Лишь с окончанием войны основные начала групповой тактики смогли быть оформлены и окончательно привиты пехоте Красной армии. Встречена она была, однако, как заморское новшество. Не было достаточно понято и осознано то, что групповая тактика есть настоящая боевая тактика, практически уже знакомая, но еще не вполне осознанная и недоразвитая из-за недостатка средств и сил.

Широкие фронты, слабо насыщенные боевыми силами, предопределяли большой размах операций и быстрый темп их развития. В связи с этим основные огневые средства пехоты должны были обладать значительно большей подвижностью, чем в мировой войне. Старые средства перевозки пулеметов—тяжелые громоздкие повозки—требований гражданской войны не удовлетворяли. В порядке

импровизации,—сперва на белой, а затем на красной стороне,—вначале в коннице, а затем в пехоте появляется *пулеметная тачанка*—одно из характерных боевых средств пехоты времен гражданской войны. Интересно то, что по основам ее боевого применения тачанка, как «боевая повозка», заметно приближается к боевым повозкам механической тяги, применяемым на западноевропейском театре войны.

Рост значения пулеметного огня и его роли не мог не вызвать некоторого понижения боевой ценности винтовки, не мог не унизить ее несколько в глазах бойцов. Поэтому мы наблюдаем в гражданской войне предпочтение образцов более легких, более удобных в обращении образцам более сложным, тяжелым и обладающим бо̀льшими баллистическими достоинствами. Это обстоятельство в Красной армии нашло даже официальное выявление в виде перехода от более совершенной винтовки пехотного образца к винтовке «драгунской», в качестве образца общеармейского.

Бойцы. На красной стороне людские ресурсы пехоты могут быть разделены на следующие основные группы: 1) бойцы старой царской армии, получившие практическую боевую подготовку в процессе мировой войны, отчасти также и бывшие кадровые бойцы царской армии довоенного времени; 2) бывшие красногвардейцы и приближающиеся к ним по характеру подготовки пролетарии-добровольцы, поступившие прямо в Красную армию; 3) мобилизованные массы крестьян, получившие подготовку и участвовавшие в боях впервые только в рядах Красной армии.

Первая группа, обладая боевой практикой, была более обстреляна, более привычна к боевой обстановке и в значительной мере послужила основным ядром красных пехотных частей. Вторая группа, отличаясь в выгодную сторону от предыдущей бо̀льшим революционным энтузиазмом, более осознанным стремлением к победе над классовым врагом, только в процессе боев получила необходимую боевую закалку, и иногда случалось, особенно вначале, что по своим боевым качествам, несмотря на бо̀льшую политическую сознательность, бывшие красногвардейцы и добровольцы Красной армии уступали более пассивным, но более привычным к боевой обстановке бойцам, вышедшим из рядов старой армии. Третья группа по своим свойствам была весьма различной в различные периоды своей службы. Вначале, не получив хотя бы посредственной боевой подготовки, не имея представления о современном бое, эта группа, в массе своей, давала малостойких бойцов. В процессе боев из нее выковывался, как общее правило, вполне доброкачественный боевой материал. В общем и целом, по свидетельству противника, боец красной пехоты отличался большой активностью и дерзостью при наступлении и большой впечатлительностью

в обороне; временами он был упорен, временами же свойства частей заставляли высшее командование применять далекие оперативные отскоки вместо обороны. Общепризнанной являлась удивительная выносливость бойцов красной пехоты.

Что представлял собой пехотинец белых армий? Мы можем резко разделить пехотинцев этих армий на две группы: врагов красных по убеждению и врагов красных по принуждению. Первая группа, сплошь и рядом получившая прекрасную боевую подготовку (офицерские части белых, командный состав белых армий), отличалась большим боевым опытом, знанием военного дела и подчас энергией и смелостью в боевых действиях. Основным недостатком этой группы была ее малочисленность. Высокие боевые качества этой группы активных врагов красных растворялись в массе мобилизованных. Количественное усиление белых армий обычно приводило не к повышению их боевых качеств, а наоборот—к понижению, да притом довольно резкому. Та группа, которую мы выше кратко назвали «врагами по принуждению», естественно, с точки зрения белого командования, высокими боевыми качествами не отличалась. В белых русских частях эта группа, представленная мобилизованным крестьянством, обычно подвергалась под влиянием неудач на фронте довольно быстрому разложению и, в свою очередь, служила пополнением для красных частей. Пехотинец иностранных армий, переброшенный на русский театр за многие сотни верст от родины, тоже, как правило, высокими военными качествами не отличался; в частности, французы оказались совершенно небоеспособными; несколько большей боеспособностью отличались англичане и американцы, что объясняется более тщательным подбором командованием английской и американской армий контингентов, посылаемых в Россию.

Коротко говоря, положение белых можно охарактеризовать следующим образом: имея в своем распоряжении высококачественный материал, но не в большом количестве, и не имея возможности надеяться на хотя бы удовлетворительное качество массовых пополнений, белое командование рано или поздно должно было стать перед фактом небоеспособности своей пехоты. Современная пехота требует массовых пополнений; обойтись без мобилизованного состава, обойтись только добровольцами, подобранными по классовому признаку, пехота, действующая в условиях современной борьбы, не может.

Комсостав красной пехоты делился на две группы: первая — бывшие офицеры царской армии, преимущественно офицеры военного времени; вторая—командиры, получившие подготовку уже в рядах Красной армии, в ее военных учебных заведениях. Если между этими двумя группами в первые дни и недели существования Красной армии и наблюдалось резкое различие, то чем

дальше, тем быстрее разница между ними сглаживалась, и, в конечном итоге, Красная армия и красная пехота имела более или менее однородный по своим качествам командный состав. Этот командный состав, уступая командному составу пехоты враждебных армий в своей подготовке, не имея возможности опираться в управлении частями на все достижения современной техники, превосходил все же комсостав противника в отношении понимания целей борьбы и необходимости победы. Если сознательность командного состава Красной армии возрастала в ходе борьбы, то у врагов Красной армии можно наблюдать прямо обратную картину. Под влиянием поражения, при отсутствии не только поддержки со стороны гражданского населения, но часто и при враждебности широких его масс, белый командир, естественно, начинал сомневаться в целесообразности борьбы, в возможности победы. Следствием этого являлась потеря боеспособности.

Организация. Весьма интересна картина организации пехоты в гражданскую войну. Надо резко различать два вида организации: тот вид организации, который должен был существовать по замыслу организующего центра, и тот, который существовал в действительности. Разница между двумя этими видами в Красной армии огромна.

Первоначальный замысел крупного размаха—воссоздать в Красной армии прежние корпуса, под наименованием дивизий--все явственнее оказывался неосуществимым. Рамки дивизий сокращаются, сокращается штатное количество в них сил и средств. Наиболее характерным был переход от дивизий девятиполкового состава к дивизиям трехполкового состава. Ни один из штатов центра не отражает хотя бы приблизительно действительной организации красной пехоты. Ее организация, типичный наличный состав бойцов в тех или иных соединениях, действительное соотношение между боевыми средствами и живой силой были совершенно иными. Вместе с тем, сходство между организационными формами частей красной пехоты, действовавших в весьма разнообразных условиях различных фронтов, было велико. Причина сходства —общий для всех фронтов характер гражданской войны, обширность фронтов, малочисленность сил, быстрый темп и значительный размах операций.

В чем главные особенности организационных форм красной пехоты? Их можно формулировать так: 1) каждое данное соединение относительно лучше обеспечено техническими средствами, чем ему положено по штату, 2) каждое данное соединение имеет значительно меньшее количество бойцов, чем положено по штату, 3) каждое данное соединение является много более самостоятельным, чем то предусматривалось официальными уставами и положениями. Даже в таких соединениях, как наиболее малочисленные полки времен

гражданской войны, мы находим обильные и сильные средства управления (связи, разведки), 4) стойкость малолюдных частей красной пехоты, их боевая ценность в значительной мере обеспечивались большим количеством технических средств, в первую очередь—большим количеством пулеметов. В итоге можно сказать, что каждое данное соединение пехоты Красной армии времен гражданской войны было много более подвижным, самостоятельным, удобоуправляемым, чем то мыслилось по штатной организации.

Создавшаяся в гражданскую войну организация красной пехоты подобна организации английской пехоты. По тактической и оперативной ценности полки красной пехоты наиболее близки батальону английской организации; ее бригада—английской бригаде; наконец, дивизия Красной армии наиболее близка по характеру своего построения английской пехотной дивизии. Причины близости—в сходстве условий борьбы, в расчете на которые или под влиянием которых строилась организация. И у англичан и у нас основной причиной было стремление заблаговременно создать самостоятельные, гибкие, негромоздкие соединения, начиная с батальона и даже роты.

Организационные изменения первых лет по окончании гражданской войны, в главных чертах, преследовали цель сократить непомерно разросшиеся тыловые вспомогательные учреждения, по возможности не затрагивая численности и состава бойцов. Они характеризуются также стремлением приблизить организацию войсковых соединений Красной армии к нормально сложившейся в большинстве европейских армий организации. Этим изменениям соответствует также и регламентация основ боевого применения различных войсковых соединений применительно к нормам, принятым в итоге мировой войны в большинстве европейских армий.

Нижеприводимая таблица характеризует официальные взгляды на желательную степень насыщения организации техникой.

Официальные взгляды отражают вполне определенное постоянство, опирающееся, повидимому, на процентное соотношение, установившееся еще в царской армии, а также на западно-европейские образцы. Стремление полностью приблизить организацию Красной армии к организации западно-европейских армий может быть оспариваемо: не только гражданская война в России резко отклонилась от западно-европейских норм подготовки и ведения боя,—это отклонение заметно сказывалось на восточно-европейском театре войны 1914—1918 гг., по сравнению с западно-европейским театром. Жизнь требовала гораздо большего (относительного) насыщения различных пехотных соединений техническими средствами борьбы. В гражданскую войну это относительное повышение

Таблица количества орудий и пулеметов в стрелковой дивизии на батальон

	(1918 год приказ № 220)	(1922 год приказ № 1647)	(1924 год приказ № 1295)
I. Количество орудий в дивизии на батальон	4,1 (три 3″ дивиз., по 3 бат., по 4 ор., один облегч., 3 бат. по 4 оруд., два—тяж. один—против-вос., одна кон. бат.)	2,2 (1 —3″— 3 бат. 4 ор., 1 гауб., 2 бат.4 ор.) / 20 оруд.	5,3 (1—3″ дивиз., по 3 бат. по 6 оруд. и 1 гауб. дивиз. 2 бат. по 6 орудий) / 30 орудий + 18 полк.
II. Количество пулеметов в дивизии на батальон	16 ручных / 17,9 станковых	8	9 / 15

насыщенности соединений техническими средствами получалось своеобразным путем. Меньшие потери артиллерии, большая убыль в пехоте и текучесть ее состава приводили к тому, что пехота Красной армии относительно была обеспечена техническими средствами в пропорции, значительно превышавшей пропорцию, существовавшую в старой армии, и приближавшейся к нормам обеспечения, установившимся к концу войны на западно-европейской ее театре. Будучи, в основном, положительным, это явление принимало, однако, при отсутствии нормального и регулярного притока пополнений истощенных пехотных частей, болезненный характер. Артиллерия лишилась достаточного обеспечения для ее нормального, продуктивного использования.

Основы боевого применения. Способы и приемы боевого применения пехоты в гражданскую войну не могли не отличаться довольно существенно от способов и приемов, развившихся и установившихся в войну 1914—1918 гг. На эти различия главным образом повлияли: большое протяжение фронта, разнообразие местных условий, малочисленность и текучесть боевого состава частей, пониженное действие оружия, изменившаяся роль населения. Рассмотрим отдельно особенности боевых действий при обороне и наступлении.

В отношении обороны мировая война установила довольно определенные требования. Оборона должна была состоять из неравномерно расположенных на местности, тщательно к ней пригнанных, сильно эшелонированных в глубину частей боевого порядка. Не

допускалась равномерность насыщения обороны живой силой, внешне выражавшаяся в линейности и недостаточном развитии обороны в глубину. Сильно развитая в глубину оборона, с плотным насыщением оборонительных участков войсками, была вполне естественной в мировую войну и являлась неизбежным выводом из сосредоточенного массового действия средств наступления. Это действие было столь значительным, что оно могло относительно быстро преодолеть линейную и недостаточно эшелонированную оборону. Оборона, поэтому, старалась противопоставить сокрушающему действию современной техники повторное сопротивление расчлененных в глубину частей. В такой обороне пехота времен гражданской войны не нуждалась, ибо не могло быть и речи о возможности применения наступательных средств борьбы, в первую очередь артиллерии, в таких массах, в каких они применялись на Западе.

При заметном различии в количестве наступательных средств и в силе их действия, совершенно очевидно, не было никакой нужды подражать нормам и приемам обороны, установившимся в мировой войне. Такое стремление к подражанию приводило бы только к увязыванию в обороне избыточных сил и средств, к изматыванию на возведение оборонительных сооружений и на их обслуживание и без того немногочисленной живой силы. В столь сильном развитии обороны не было нужды, да, по существу, она и не была возможной. Только кое-где, в отдельных направлениях, наступающий в гражданской войне мог наткнуться на оборонительное расположение, несколько напоминающее построение обороны на восточно-европейском театре мировой войны, но это не слишком затрудняло его действия, ибо такая оборона легко могла быть обойдена. Так оно и бывало. Таким образом, оборону в том виде, как она вырисовывалась в конце мировой войны, пехоте гражданской войны строить не надо было, да и построение ее было, по существу, невозможным.

Какими же должны были быть приемы обороны пехоты в гражданскую войну? Этот вопрос требует специального исследования. Здесь можно наметить только основные его черты. Привычки стремиться примкнуть к соседу, сложившиеся в мировую войну, приводили в гражданскую войну к кордонной обороне. По внешности эта оборона весьма напоминала построение обороны в первых боях мировой войны, но резко отличалась от нее значительно меньшей насыщенностью фронта стрелками и бóльшим числом пулеметов. Так же, как и оборона начала мировой войны, этот простейший вид обороны пехоты в гражданской войне очень легко подвергался прорыву, и, при отсутствии расположенных в глубине резервов или при их незначительности, каждый такой прорыв неминуемо вызывал общий откат. Тактически необходимость

построения более глубокой обороны никогда никем не оспаривалась и была легко понятна. На практике же ее осуществление было много труднее как из-за отсутствия необходимых для этого средств и сил, так и по необходимости вести за противником неотступное наблюдение. Оставить без наблюдения какие-нибудь направления не представлялось возможным, а организация этого наблюдения, хотя бы самая минимальная, при растянутых фронтах гражданской войны и при недостатке средств, неизбежно порождала значительную растяжку частей, а следовательно—и линейность (кордонность) обороны.

В поисках более рациональной системы пехота враждовавших сторон, по существу, стремилась совершенно отойти от обороны в чистом ее виде и в тех случаях, когда не хватало средств и сил для наступления, или применять отступательные действия широкого размаха на время, необходимое для накопления средств и сил, или же ограничиться при обороне на месте только самым необходимым наблюдением за противником и сосредоточением остальных сил за линией наблюдения. Внешне оборона этого типа представляла собой сочетание далеко вперед выдвигаемой разведки,— конной, на подводах, пешей,—с редкой линией наблюдения и сосредоточенным расположением маневренных групп, имевших задачей, в случае вторжения противника на свободные промежутки между ними, атаками с фронта и главным образом во фланг не только ликвидировать наступление противника, но и по возможности уничтожить прорывающиеся его части.

В основе успеха обороны лежит налаженность разведки и наблюдения за противником. Разведка ложится, главным образом, на конницу, агентуру, местное население и, при наличии таковой, на авиацию. Пехота в возможно меньшей степени используется для службы наблюдения. Равномерное рассредоточение пехоты при обороне по фронту предопределяет слабость обороны, легкость прорыва, невозможность его приостановки и ликвидации. Поэтому свободные от службы наблюдения пехотные части должны быть сосредоточиваемы в группы, примерно, батальонного масштаба, расположение которых по фронту и в глубину определяется реальными возможностями нанести вторгнувшемуся противнику сокрушительный удар. В расчет берется фактическая подвижность этих группировок при данных условиях местности, возможность их сосредоточения и развертывания.

Таким образом, в основе этих действий лежало проведение заранее организованных ударов из глубины. На наступление противника отвечали коротким вынужденным наступлением. Этот вид боевых действий труден в своей организационной части. Он требует большой предусмотрительности и предвидения в отношении

организации артиллерийского огня, большого тактического чутья и умения при определении основных направлений контр-ударов пехотных частей. Успех его в значительной мере основывается на активности и непрерывности разведки. Выгодная сторона такой системы обороны, при условии не слишком большой ее длительности, заключается в том, что меньшее количество войск находится под непосредственным ударом противника. Войска меньше изматываются и, действуя, по существу, все время наступательно, не приобретают отрицательных качеств, неминуемо накопляемых при длительных оборонительных действиях.

Однако эту систему далеко нельзя считать безотказно действующей. Она имеет немало слабых сторон. Главные из них: трудность обеспечения действий маневренных групп, невозможность подчас на быстроту наступления ответить столь же быстрым маневром частей обороны (свойства местности, бездорожье, отсутствие или малочисленность перевозочных средств).

Методы обороны на растянутых фронтах до сих пор как следует еще не проработаны. В частности, остается непроработанным вопрос о кордоне и о группировке по важнейшим направлениям. Упрек в кордонности, в растяжке сил в линейку, в нитку, вместо группировки «кулаками» в важнейших направлениях, часто встречается в различных исследованиях по истории гражданской войны.

Теоретически рассуждая, как было отмечено выше, «кулак» бесспорно предпочтительнее линии-нитки, но при более детальном изучении вопроса это преимущество оказывается далеко не постоянным. При слабости разведки, при отсутствии наблюдения,— а наблюдение в первую голову и обеспечивало части, растянутые в линию,—кулак легко мог быть охвачен, окружен, уничтожен. При отсутствии перевозочных средств или при невозможности их использовать (состояние дорог, враждебность местного населения, истощение местных перевозочных средств), маневрирование этими кулаками может замедлиться. Как показывает главным образом опыт действий белополяков против Красной армии в 1919—1920 гг., оно может быть замедлено до предела, грозящего срывом операции.

Опыт гражданской войны заставляет прийти к выводу, что в смысле оголения определенных направлений существует предел, который безнаказанно переходить нельзя. Точно так же состав каждой отдельной группировки, взаимоположение группировок и организация маневра должны, как правило, сочетаться с действиями наблюдающих частей, растягиваемых до предела на определенных рубежах. Наличие пулеметов позволяет доводить эту растяжку до значительных размеров без потери или чрезмерного ограничения обороноспособности растягиваемых частей. Оборона на растянутых фронтах ждет еще своих исследователей. Одна из основных задач

этих исследователей –выяснение вопроса, какой же вид обороны следует нам считать нормальным: оборону на растянутых фронтах или оборону плотную, в сравнительно густо насыщенных оборонительных полосах. Не следует ли нам в нашем полевом уставе, в нашей учебе изменить в обратную сторону теперешнее соотношение между вниманием, уделяемым тому и другому виду обороны?

Наступление. Обращаясь к наступлению, мы должны заметить, что в наступлении, так же как и в обороне, основной причиной, порождавшей те или иные особенности действий пехоты в гражданской войне, был общий недостаток средств и сил при необходимости действий на значительно протяженных участках. Возможность сосредоточения этих средств покупалась ценой резкого ослабления пассивных оборонительных направлений. Плотность насыщения наступательных направлений в одинаковых при этом условиях была далека от плотности насыщения восточно-европейского театра мировой войны, не говоря уже о западно-европейском театре. Приемы наступления представляли собой своеобразное сочетание остатков и навыков, которые сложились у командного состава и рядовых бойцов со времен мировой войны, и постепенного прощупывания своим умом особенностей действий в своеобразной обстановке гражданской войны. Чаще всего при наступлении наблюдалось стремление применять цепи в том виде, в каком они применялись в начальный период мировой войны. Различие заключалось в меньшем насыщении цепей живой силой и в значительно большем насыщении пулеметами. По этим двум причинам боевой порядок наступающей пехоты времен гражданской войны очень часто и быстро превращался из цепи в своеобразный групповой порядок, создающийся путем естественного сосредоточения стрелков около более сильного и устойчивого оружия, каковым является пулемет. Пулемет, как мы уже отметили выше, становился не только остовом обороны, но и остовом наступательного боевого порядка. Пулемет зачастую вел за собой стрелков, а не наоборот.

Мы уже упоминали, что если на западно-европейском театре мировой войны групповой порядок возник под ударами сильной неприятельской артиллерии и при проникновении через расположенные в шахматном порядке пулеметные гнезда, то в гражданской войне этот порядок был создан естественной группировкой относительно малочисленных стрелков около пулеметов. Чем грознее была опасность для малочисленных стрелков, тем сильнее они жались к своим пулеметам, тем отчетливее, заметнее была группировка стрелков около пулемета.

Существеннейшее отличие групповой тактики нашей гражданской войны от таковой же тактики западно-европейского театра мировой войны состоит в значительно меньшей глубине первой.

Вместе с тем, те же своеобразные групповые порядки гражданской войны создавались и другими причинами. Недостаток средств превращал действия пехоты в этих условиях в некоторое подобие более или менее значительных поисков времен мировой войны. Здесь, естественно, группировка пехотных частей создавалась по порученному им направлению действий около командиров, на которых возложено было выполнение соответствующих задач. Там, где пехота наталкивалась на оборону более сильную, чем нормальная оборона в гражданской войне, она переходила к приемам, знакомым высшему командному составу по мировой войне (вспомним Перекоп).

При наступлении на пехоту ложились задачи боевой разведки с целью прощупывания слабых мест противника, вторжения в расположение противника и первоначального развития прорыва. Отсутствие глубины оборонительных порядков приводило к тому, что очень скоро развитие прорыва из тактического преследования превращалось в оперативное. Пехота и конница устремлялись за быстро уходящим противником. Ненормальная скорость движения пехоты и сравнительно пока незначительное истощение местных средств приводили к возможности преследования на подводах. Этим обстоятельством объясняются значительные переходы пехоты при преследованиях во время гражданской войны. «Подводный» вопрос приобретал при этом не только тактическое, но и политическое значение. Неограниченное, беспорядочное использование подвод способно было быстро переменить дружеское отношение населения к Красной армии во враждебное.

Основы взаимодействия пехоты с другими родами войск. В отношении взаимодействия пехоты с другими родами войск при наступлении можно заметить следующее: артиллерия, по сравнению с временами мировой войны, значительно ближе продвинулась к пехоте. Даже в таких незначительных по численности частях, как полки пехоты времен гражданской войны, была своя артиллерия, тесно сжившаяся с полком. Такое распределение артиллерии было общим правилом. Централизованное (сосредоточенное) применение восстанавливалось только в некоторых случаях. Пехота нуждалась в меньшей поддержке артиллерии из-за менее значительного развития обороны противника, с другой стороны—для устойчивости пехоты в гражданскую войну желательно было возможно более сильное обеспечение ее артиллерийским огнем.

Несколько слов о новом враге пехоты гражданской войны—о коннице.

Недостаток средств и сил у нас и у наших противников в гражданской войне породил широкое развитие маневра и широкий размах наступательных и отступательных операций. Меньшая плотность огня в боях гражданской войны, по сравнению с плотностью

огня в мировую войну, позволяла безнаказанно, или почти безнаказанно, использовать конницу не только на поле сражения, но и на поле боя. Спешенная в мировую войну, посаженная в окопы рядом и наравне с пехотой, конница возродилась в гражданскую войну, став основным средством развития прорыва и придав наступательным операциям колоссальный размах. Она стала грозным врагом пехоты, особенно пехоты молодой, необстрелянной.

При этом опыт гражданской войны выявил следующие обстоятельства: использование конницы для производства прорыва менее выгодно, чем для его развития. Истощенная в боях при прорыве, конница не будет уже обладать достаточной силой для важнейшей ее работы—развития прорыва, разгрома всей организации управления и тылов противника. Как вывод,—пехота должна взять на себя выполнение самого прорыва; дело конницы—использовать прорыв. Армия Буденного в 1919 году с включенными в ее состав стрелковыми дивизиями дает в этом отношении интересный пример.

Естественное стремление развивать прорыв по линии наименьшего сопротивления противника всегда должно корректироваться соответствующими оперативными соображениями. Не всегда то направление, по которому можно развивать прорыв, будет совпадать с направлением, по которому прорыв нужно развивать. Главное направление должно остаться за конницей, второстепенное—за пехотой.

Надо, однако, отметить одно обстоятельство, имеющее серьезное значение для будущего. Если при своем появлении и некоторое время после этого конные массы не несли серьезного урона от огня противника, то уже в 1920 году положение стало существенно изменяться. Конница встретила серьезного противника в лице авиации (белопольская авиация в борьбе с конницей Буденного, авиация Врангеля в борьбе с конницей Жлобы). Конница, не снабженная соответствующими средствами для борьбы с авиацией, не прикрытая своей авиацией, не подготовленная к активной борьбе с воздушным противником, может оказаться существенно ограниченной в своих боевых и оперативных возможностях. Это надо учитывать, говоря о взаимодействии пехоты и конницы в войне будущего.

Среди маневренных средств, поддерживающих и использующих действия пехоты, заметное место в гражданской войне заняли бронесилы. Бронепоезда, достигшие в РККА высокой ступени развития, часто служили остовом наступления в направлениях, прилегающих к железнодорожным линиям. При меньшей сравнительно с Западом густоте ж.-д. сети эти оперативные направления часто являлись важнейшими. Несмотря на неблагоприятные дорожные условия, существенные боевые услуги оказывали пехоте и автоброневики.

Танки не нашли широкого применения в гражданской войне. Их применение не давало столь решительных результатов, как на западно-европейском театре. Причинами, ограничивающими возможность использования и результаты использования танков, надо считать отсутствие массового их производства и применения. Ограниченное количество танков приводило к непрерывному использованию одних и тех же машин, без своевременного, достаточно умелого и тщательного ремонта. Это обстоятельство усиливалось изношенностью танков, так как большинство из них было из оставшихся после мировой войны. Сказывалось также несовершенство самых типов танков, разработанных в расчете на применение в условиях позиционной войны, и, наконец, плохие дорожные условия, затруднявшие передвижение вспомогательного автотранспорта и вынуждавшие чрезмерно использовать самостоятельное передвижение танков вне боя.

Из новейших средств борьбы, выявленных мировой войной, наибольшее применение в гражданской войне нашла авиация. Мы вскользь говорили об этом выше. Применение авиации в колониальных войнах, имевших место после нашей гражданской войны, полностью подтверждает выводы из опыта гражданской войны и позволяет предвидеть значительную роль авиации в войнах будущего, которые по своему характеру во многом будут ближе к тому, что мы наблюдали в нашей гражданской войне и в других войнах, возникших после мировой войны, чем к позиционному периоду мировой войны на западно-европейском театре.

Химические средства борьбы, вследствие громоздкости и сложности подготовки к их применению и зависимости применения их от условий, с трудом поддающихся предвидению, естественно, не могли найти широкого применения в гражданской войне, с ее быстрой сменой обстановки, с ее значительным размахом операций. Усовершенствование химических средств и, как следствие этого, упрощение способов и приемов их применения, несомненно, внесет соответствующие коррективы в эту область.

Переходим к роли местного населения в будущей войне. Опыт гражданской войны заставляет отнестись к местному населению, к его роли и значению гораздо внимательнее. Местное население в гражданской войне неизбежно является активным элементом. Отношение различных классов населения к сражающимся сторонам существенно облегчает или затрудняет все виды боевой деятельности для той или другой стороны.

Влияние этого фактора скажется буквально на всех сторонах боевой деятельности войск: на разведке, на связи, на расположении на месте, на передвижениях (перевозка), на оборудовании оборонительных районов и т. д.

Умение рационально использовать население, умение действовать в контакте с классово-близкими нам слоями населения, парализуя враждебные нам, является важнейшей составной частью оперативного и тактического умения командования.

Мы лишь в основных чертах перечислили некоторые стороны затронутой нами темы. Но и из этого беглого очерка, полагаем, видно, как обширны, важны и интересны тактические проблемы, выдвинутые гражданской войной. Без их исследования невозможен надлежащий учет их в подготовке и организации армий к боям будущего. На Западе, особенно в последнее время, уделяют много внимания вопросам гражданской войны, в частности опыту нашей гражданской войны. Это внимание еще более усилилось после не совсем удачного опыта армий капиталистических государств в их борьбе с национально-революционным движением в колониях. Очень многое сближает опыт этих войн с опытом нашей гражданской войны. Очень многое из данных опыта гражданской войны, так же как из данных опыта борьбы капиталистических армий в колониях, проливает свет на вопросы тактики в войне будущего.

Без учета данных тактического опыта этих войн совершенно невозможно предвидеть тактические формы и приемы боев будущей войны. Кто забывает об этом, кто строит свои выводы только на опыте мировой войны, тот неизбежно приходит к неверным выводам, к фантастике вместо реальности. Если это поняли военные специалисты Запада, то тем более должно быть это понятно нам.

И. КОСОГОВ

ТАКТИКА КРУПНЫХ КОННЫХ МАСС В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

РАЖДАНСКАЯ война 1918—1921 гг. во всем блеске воскресила былую славу конницы, отвела ей огромную роль не только на театре военных действий, но и на поле боя. На многих фронтах этой войны конница приобрела роль решающего фактора. Это одинаково относится как к коннице красной, так и белой.

Эта роль конницы, естественно, направляла внимание сторон на количественное увеличение ее в составе своих вооруженных сил, и конница в некоторые моменты войны на наиболее важных фронтах в процентном отношении занимала первое место в сравнении с пехотой, будучи и в качественном отношении гораздо выше ее. Таблица на стр. 167 показывает соотношение конницы сторон на Деникинском и Польском фронтах в важнейшие моменты развития операций и отношение ее к численности пехоты [1].

У Врангеля, в конечном счете, пехота явилась лишь подсобным родом войск; наносила же удары и завершала бой конница.

> «Именно, на своей «бронированной» кавалерии Врангель основал свой стратегический план. Врангель действовал наверняка: в его распоряжении имелась л у ч ш а я в м и р е конница из прирожденных кавалеристов-казаков, великолепно обмундированная и вооруженная, находившаяся под командой опытнейших генералов-кавалеристов, снабженная огромным количеством бронеотрядов и многочисленными грузовиками с поставленными на них пулеметами, а также эскадрильями аэропланов новейших конструкций. По силе удара, по маневренной гибкости это было самое идеальное войско, какого мир еще не видал».

---

[1] Данные для таблицы взяты из труда Н. Е. Какурина и В. А. Меликова— «Война с белополяками», из книги Н. Какурина – «Стратегический очерк гражданской войны» и статьи В. Триандафиллова – «Ликвидация Врангеля» в сборнике трудов ВНО Военной Академии. Изд. 1922 г.

Сравнительная таблица численности конницы на красных фронтах в 1919 и 1920 г.

Период	Фронт	Красная сторона: Сабель	Красная сторона: Штыков	Противник: Сабель	Противник: Штыков	Примечание
1919 г. июнь . . .	Южный	19.100	117.000	48.600	45.300	Деникин
1919 г. сентябрь .	Южный	27.328	113.439	53.800	99.450	15 пех. и 26 кав. дивизий
1920 г. январь . .	Кавказский	около 13.000	около 43.000	25.000	29.000	
1920 г.	Юго-западн.	22.255	16.000	9.900	48.000	Поляки
Ко 2 июня . . .	Западный	10.717	82.686	8.000	60.500	Поляки
1920 г. сентябрь .	Западный	17.478	78.221	17.810	77.960	
1920 г. октябрь—ноябрь	Врангелевский	33.000	100.000	15.070	22.150	

Так лестно отзывается о высоких достоинствах белой конницы бывший член РВС Южного фронта т. Гусев. Но и это «идеальное войско» было на-голову разбито Красной армией, красная конница в своем значении на фронтах гражданской войны получила неоспоримое признание как в среде трудящихся нашего Советского Союза, так и у наших противников. Мы знаем высокую оценку боевых качеств красной конницы со стороны белого генерала Кельчевского (Кельчевский — брошюра «Думенко и Буденный»). Мы знаем восторженные похвалы искусству вождения красной конницы и ее боевых действий при прорыве Польского фронта в мае 1920 года со стороны французского подполковника Клеберга. Роли и значению красной конницы в минувшую гражданскую войну посвящено не мало страниц как нашей, так и зарубежной военной печати. Эту роль и значение красной конницы учитывают и ныне наши вероятные и возможные противники.

В чем же заключается секрет побед красной конницы и ее тактических успехов над достойным по своим боевым качествам и многочисленным противником, каковым была конница Деникина и Врангеля, а также над вымуштрованной и тактически подготовленной под руководством французских инструкторов белопольской пехотой?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно остановиться на характеристике тех элементов, которые существенным образом влияли на тактику конницы обеих сторон в период гражданской войны. Общими благоприятными условиями для развития и успехов конницы в этот период явились следующие моменты.

«Гражданская война,—говорит т. Гусев,—не окопная, а полевая. И только выход войны из тесных окопов на поля сражения дал возможность кавалерии вернуть назад ту большую роль, которую она когда-то играла в боевых операциях». Широкий простор полей на восточной равнине, лишенной сложной и запутанной системы естественных и искусственных препятствий, которыми оплелась на востоке и на западе Центральная Европа, позволил коннице не только производить глубокие оперативные маневры, но и широко маневрировать на поле сражения, используя на все сто процентов свои основные свойства—быстроту и подвижность. Характер театра и его ресурсы позволили сторонам, особенно белой, производить почти неограниченные кавалерийские формирования.

Конница гражданской войны, по существу, была уже новым родом войск, гораздо более сильным, чем прежняя кавалерия. Она часто имела против себя слабую пехоту (за исключением Польского фронта), плохо обученную, еще хуже вооруженную и снаряженную, с малочисленным и слабым командным составом, разбросанную на широких фронтах. Но при этих сходных общих чертах развития и деятельности конницы обеих сторон имелись существенные различия, характерные для конницы каждой стороны, которые в значительной степени влияли и на тактику ее действий.

А. БЕЛАЯ КОННИЦА

Массовые формирования белой конницы опередили по времени и масштабу Красную армию. Белые конные дивизии, корпуса, на ряду с отдельными отрядами, стали возникать уже в 1918 году, имея тенденцию к постоянному возрастанию. По свидетельству Б. Шапошникова, «в операциях на Северном Кавказе в феврале и марте (1920 года), закончившихся полным разгромом Деникина, соотношение между конницей и пехотой было таково: к 1-му февраля 1920 года у нас конница составляла 33% пехоты, увеличившись к 1-му марта до 50% последней; у белых конница к 1-му февраля—95% пехоты, обратившись к 1-му марта в 110% последней» (Б. Шапошников—«Конница»)[1]. Эту тенденцию, по авторитетному заявлению того же Б. Шапошникова, можно видеть и в росте конницы Врангеля[2].

[1] Некоторые данные о численности конницы сторон см. в вышеприведенной таблице.

[2] Врангель, еще находясь под командованием Деникина, осенью 1919 года настойчиво добивался сформирования белой конной армии, предлагая себя в командармы (Деникин—«Очерки русской смуты»).

Над развитием этой тенденции довлело не только желание белого командования, своевременно понявшего роль конницы в развертывающейся гражданской войне, но также и природные ресурсы театра и состав людского материала. Действительно, Дон и Кубань— центр бывшего царского коннозаводства, как казенного и частновладельческого, так и станичного и подворного. Эта база дала белому командованию если не во всех отношениях превосходный верховой материал, то, во всяком случае, вполне удовлетворительный. Кроме того, вернувшиеся с фронтов мировой войны на «родину» казачьи полки сохранили своих лошадей, что позволило белым сразу приступить к массовым кавалерийским формированиям.

На ряду с этим благоприятным моментом для массовых формирований белой конницы явился благодарный людской материал: донские, кубанские и терские казаки, кавказские горцы, калмыки,— все природные лихие наездники, большей частью служившие в царской армии в кавалерии. Шовинистически настроенное, одураченное генеральско-офицерской кликой в истинных целях борьбы, кулацкое казачество охотно откликнулось на призыв офицерства. Формированию белой конницы и успешности ее действий способствовало также и наличие квалифицированного командного состава. Наиболее реакционным элементом старого офицерства были кавалеристы (служба в коннице—сословная дворянская привилегия); вместе с казачьим офицерством они быстро стекались под черносотенные знамена и явились наиболее устойчивой классовой опорой генеральско-черносотенной реставрации. Мамонтов, Шкуро, Улагай, Врангель,—все они явились наиболее талантливыми представителями этой черно-махровой плеяды.

В отношении организации, вооружения и тактики белая конница (за исключением конницы Врангеля) сохранила в большинстве черты и традиции старой царской конницы. Культ конного шока, удара холодным оружием, пренебрежение к огню были характерными чертами для кубанской, донской и добровольческой конницы [1]. Этому вполне отвечала и тактика действий, унаследованная от царской конницы. Она позволяла пожинать лавры в боях с нашей еще неокрепшей пехотой и ее войсковой конницей, в силу указанных выше условий.

Однако картина резко изменилась, когда белая конница столкнулась с массами красной конницы (корпус Буденного, а затем 1-я Конная армия, корпус Думенко, кавалерийская дивизия Примакова). На ряду с общими политическими и стратегическими условиями,

---

[1] Взлелеянный белогвардейскими бандами, конный партизан Мамонтов даже в боевых приказах своему корпусу считал необходимым делать такие указания: «к спешенным действиям прибегать лишь в исключительных случаях» («Архив Красной армии». Дело № 54—728).

повлекшими за собой крушение всей южной контр-революции бело-казачья тактика и вооружение ее конницы оказались несостоятельными перед напором красной конницы.

Врангель, наиболее талантливый кавалерист и организатор, учел все эти недостатки и причины поражения деникинской конницы. Ему удалось создать, как утверждает И. Гусев, конницу, отвечающую современным требованиям как в отношении организации и вооружения, так и тактики действий. Но, одерживая легкие победы над малочисленной и недостаточно стойкой красной пехотой и еще более малочисленной и еще менее боеспособной конницей 13-й армии, конница Врангеля не выдержала напора новых свежих сил и спасовала перед сокрушительными ударами 1-й Конной армии, переброшенной с Польского фронта, и отдохнувших и пополнившихся дивизий 2-й Конной армии [1].

Б. КРАСНАЯ КОННИЦА

В жизни и развитии красной конницы, а равно и в ее тактике, необходимо выделить два характерных периода: первый—с начала ее зарождения до ликвидации Деникина и второй—период Польского и Врангелевского фронтов, с конца мая 1920 года до ликвидации Врангеля включительно.

По времени своего возникновения красная массовая конница отстала от белой; она родилась и окрепла позднее ее. Решающее влияние в этом отношении сыграли причины как объективного, так и субъективного порядка. Октябрьская революция, разрушив до основания старую царскую армию, для создания своих вооруженных сил могла использовать лишь Красную гвардию, состоявшую из одной пехоты, и наиболее жизненные и полезные элементы старой армии в виде ее живой силы и техники (преимущественно последней). Но если в отношении пехотных формирований и специальных частей дело обстояло более или менее удовлетворительно, то в отношении формирования конницы молодой Красной армии предстояли чрезвычайные трудности. Наиболее сохранившиеся части конницы, именно казачьи полки и дивизии, очутились на Дону и Кубани и большей частью перешли на сторону контр-революции. Командный кавалерийский состав, офицеры, в большинстве перекочевали туда же. И в отношении конских ресурсов территория молодой Советской Республики явилась чрезвычайно бедной и разрушенной. Лучшие районы коневодства и коннозаводства очутились в руках белогвардейщины или подверглись немецкой оккупации (Украина).

---

[1] Имеется в виду успешный для 2-й Конной армии бой в октябре месяце 1920 г. в районе Никополя. В период решительной операции по ликвидации Врангеля 2-я Конная армия проявила бездействие.

На ряду с этими объективными причинами, тормозившими или затруднявшими строительство красной конницы, не последнюю роль сыграли и причины субъективного характера; под этим мы понимаем отношение нашего главного командования к роли и значению конницы в развертывающейся войне. В первые моменты войны наше главное командование не осознало необходимости создания больших масс стратегической конницы. Гипноз окопной войны, ее технические достижения, действительность огня и массовые армии говорили как бы за то, что конница в крупных соединениях не может найти применения не только на поле боя, но даже и на театре войны. К этому надо прибавить трудность формирования этого рода оружия. Не было конского состава, не было седел, не было достаточного числа комсостава, не было времени обучить бойцов конному делу. Из всех родов оружия конница—наиболее трудный в смысле организации и обучения. Это положение особенно применимо в отношении красной стороны, у которой тогда не было минимальных благоприятных условий, необходимых для создания милиционной конницы. Белым, как мы видели, было легче в этом отношении.

Между тем, гражданская война развернулась в условиях, наиболее благоприятных для использования крупных конных масс. Не уяснив себе этого, наше командование вплоть до 1919 года в своих мероприятиях почти не шло дальше организации войсковой конницы. Но жизнь в эти мероприятия, хотя и с некоторым запозданием, внесла свои коррективы. Красные конные отряды стали стихийно возникать на территории Дона, Украины, Кубани и Ставрополя. В горниле боев эти отряды постепенно начали получать правильную организационную форму в виде полков, бригад, а затем и дивизий. Но самый вопрос о создании крупных кавалерийских соединений у нас был поставлен, как необходимость, лишь весной 1919 года на Царицынском участке Южного фронта, где и выросли красные конные бригады и дивизии, а затем и 1-й Конный корпус Буденного. Эти формирования[1] были предметом исключительного внимания армейского командования 10-й армии, начиная с т. Ворошилова, а затем и командования Южного фронта, которое к осени 1919 года имело в своем распоряжении уже целую Конную армию,

---

[1] Интересно отметить, что в деле формирования массовой конницы командование наших фронтов и армий шло впереди центра. В предполагающемся к выходу труде по истории 1-й Конной армии имеются указания, что наше главное командование и РВС Республики, во главе с Л. Д. Троцким, отрицательно отнеслись к идее формирования конной армии. Последняя была все же сформирована инициативой и распоряжением тт. Сталина и Егорова, и под их руководством и при живейшем участии т. Ворошилова она развернулась в могучий боевой организм. Центр принужден был лишь считаться с совершившимся фактом.

конный корпус Думенко, 8-ю кав. дивизию Примакова, ряд новых формирований и временных кавалерийских групп. Огромную роль в деле создания красной конницы сыграли тт. Сталин и Ворошилов.

В конце-концов и главное командование должно было признать и санкционировать мероприятия по созданию конницы. Был брошен известный лозунг: «Пролетарий, на коня!». Но не он явился главным побудителем строительства красной конницы. Он лишь санкционировал то, что было уже выдвинуто и создано самой жизнью, и отчасти стимулировал дальнейшее развитие красной конницы. В конечном итоге, к исходу 1919 года, на некоторых участках (главных направлениях) Южного фронта мы имели конницу если не численно, то качественно превосходившую конницу белых. Белые же исчерпали свои милиционные формирования, в то время как красные развили свои организационные мероприятия до крайних пределов. Здесь оказалась разница двух систем в подходе к вопросам организации и комплектования армии.

Что же по существу представляла из себя красная конница и каковы характерные черты ее тактических действий?

Наиболее полный и исчерпывающий ответ на этот вопрос может, конечно, дать лишь изучение красной конницы, в лице ее наиболее типичных и могучих представителей, и изучение наиболее ярких боевых операций. К сожалению, по многим причинам, до сих пор еще не собраны и не обработаны соответствующие источники, и в данном кратком очерке мы можем указать лишь общие, наиболее характерные моменты, отличавшие нашу конницу от конницы белых армий.

Помимо политической сущности, отличие красной конницы от белой заключалось как в личном ее составе, так и в организационных формах, вооружении и снаряжении. Эти отличительные особенности, естественно, влияли на тактику красной конницы. В организационном отношении красная конница проделала значительную эволюцию. Первоначально самостоятельные конные партизанские отряды, с развитием боевых действий, слились в полки (полк Думенко первоначально имел 13 эскадронов), затем в бригады, дивизии и корпуса. Завершением этой эволюции явилась Конная армия [1].

---

[1] Подробное описание 1-й Конной армии читатель найдет в намеченной к выходу истории таковой. Интересующихся историей конницы червонного казачества отсылаем к «Истории 1-го корпуса червонного казачества». Вкратце отметим, что 8-я червонная кав. дивизия выросла из полка червонных казаков Украинского фронта; к моменту решительных операций Южного фронта в сентябре 1919 г. полк развернулся в кав. бригаду (ок. 1.500 сабел), действуя в составе 13-й армии. При отходе белых на Орловском направлении эта бригада соединена была с другой украинской кавбригадой (т. Гребенщикова) и из сводной кав. дивизии переорганизована была в 8-ю червонную кав. дивизию. Несмотря на свою небольшую численность, 8-я червонная кав. дивизия произвела два смелых и удачных рейда на Фатеж и Льгов,

Центром была установлена лишь организация кавалерийской дивизии (стратегической конницы), как высшего соединения (штат № 220). Конные корпуса и армии, родившиеся по инициативе армий и фронтов, существовали по временным «местным» штатам. В отличие от белой конницы, красная кавдивизия имела 6 полков (3 бригады), а белая—4 полка. Полки в составе кав. дивизий имели различную организацию: 4, 5 и даже 6 эскадронов. Эскадроны были самой разнообразной величины: от 60 до 300 сабель. Значительное разнообразие среди отдельных частей красной конницы наблюдалось и в вооружении; и этим красная конница отличалась от белой. Кавалерийские дивизии внутренних формирований имели по штату 4 пулемета Максима на полк. В дивизиях, созданных на фронте, полки, в среднем, имели 16—20 пулеметов, с расчетом по 4 пулемета на эскадрон.

Артиллерия существовала преимущественно конная (дивизион—12 орудий). Некоторые дивизии внутренних формирований первоначально имели конно-горные батареи. Последние в процессе боев оказались неудовлетворительными и были заменены конной артиллерией.

На вооружении кавалеристов имелись винтовки, шашки и револьверы. Пики, как исключение, имелись лишь в некоторых частях, но, обычно, ими бросались. Любимым оружием кавалеристов (особенно конноармейцев) был револьвер, превосходно конкурировавший с пикой. Страсть к этому оружию и преимущественно конный характер боев на Южном фронте вызвали среди красных кавалеристов массовое самовольное укорачивание винтовок (обрезы). Так как красные конные части пополнялись вооружением и огнеприпасами преимущественно за счет противника («кавалерист сам промышлял себе оружие»), то индивидуальное вооружение отличалось значительным разнообразием: винтовки и карабины русские, карабины японские, винчестеры и пр., револьверы и пистолеты всех систем, попадавшие в белую армию с Запада. Предпочтение отдавалось «Нагану». Шашки отличались еще бо́льшим разнообразием: драгунские, казачьи, кубанские, кавказские, туркменские клычи, кривые турецкие сабли, вплоть до старинных образцов, украшавших некогда стены кабинетов любителей древнего оружия.

Значительная часть кавалеристов, особенно только что принятых в части, и совсем шашек не имела. Они ходили в конную атаку с... винтовкой, расстреливая противника в упор. Это производило

чем способствовала дальнейшему успешному продвижению наших 14-й и 13-й красных армий. Весной 1920 г. 8-я червонная дивизия была переброшена с Крымского участка на Польский фронт, где выявила блестящие боевые качества. По окончании гражданской войны дивизия была развернута в 1-й конный корпус червонного казачества.

на противника ошеломляющее впечатление. Истые кавалеристы и в наши дни приходят в ужас от такого «варварского» способа боя, но красный кавалерист гражданской войны принужден был драться тем оружием, которое имелось в руках, и дрался с успехом. Стрельба с коня не только с места, но и на ходу, при отходе и преследовании противника, имела значительное распространение.

На ряду с вооружением, необыкновенной пестротой отличались снаряжение и обмундирование. Присылка из центра снаряжения и обмундирования была редким явлением. Связанный с этим обстоятельством порядок самоснабжения порождал случаи самочинных реквизиций и приводил к тому, что захватываемые частями богатые трофеи обычно среди них же и таяли. Некоторые кавалерийские части обзаводились огромными обозами, доходившими на кавалерийскую дивизию до 2.500 повозок. Во многих дивизиях был упрочен обычай—вещи бойцов возить в специальных повозках (взводные повозки). Это в значительной степени облегчало бойца и коня и влияло как на подвижность, так и на скорость передвижения конных частей.

Конский состав красной конницы отличался большим разнообразием: тут были и старые казачьи, и строевые кавалерийские лошади, и молодые, захваченные из казачьих табунов, и разные крестьянские коняги. В массе своей это не была верховая, выезженная лошадь, а сырой материал, который приучался к строю в процессе самой походно-боевой обстановки. Лишь глубокое продвижение на юг, большие трофеи, забиравшиеся у деникинской конницы, позволяли нашей коннице отчасти улучшать конский состав. Вообще, в отношении конского состава красная конница не являлась регулярной конницей. Не была она таковой и в отношении своего людского состава. По своей подготовленности к кавалерийскому делу этот состав был столь же пестрым. Донские и кубанские казаки, кавалеристы старых полков, донские и ставропольские крестьяне, украинцы, крестьяне центральных губерний, немцы Поволжья и отдельные представители самых разнообразных национальностей, имеющихся ныне на территории нашего Союза: мадьяры, латыши, поляки, сербы и даже бывшие в царском плену турки и пр. Все они имели своих представителей в рядах красной конницы, благодаря чему последняя была поистине самым интернациональным воинством. Конечно, основную массу составляли первые группы. Рабочая прослойка в частях красной конницы была представлена преимущественно в виде комиссарского и партийного состава. В части Конной армии, при прохождении ею Донбасса, влилось значительное число донских шахтеров. Из рядов последних выдвинулись отличные кавалерийские командиры, как павшие смертью героев начдив 14-й кавалерийской 1-й Конной армии, т. Пархоменко,

комбриг 4-й кавалерийской дивизии, т. Мироненко (александро-грушевский шахтер), и др.

В отношении военной подготовки, за исключением казаков и бойцов, служивших в старой коннице, масса красных конников не была кавалеристами. Значительное большинство их в старой армии служило в пехоте, а часть и совершенно до Красной армии в войсках не служила. Вся эта масса получила свою строевую и боевую квалификацию лишь в горниле непрерывных боев. Естественно, при таком составе бойцов красная конница не могла претендовать на высокую степень тактической и строевой подготовки. Лишь боевая закалка, необычайный революционный энтузиазм и вера в своих командиров давали красным конным частям большое морально-политическое и боевое превосходство над противником, тактически более подготовленным.

Что же представляли из себя командиры, которые вели полки к неуклонной победе?

Как на высших, так и на низших ступенях командных должностей были преимущественно вахмистры, унтер-офицеры и рядовые кавалеристы старой службы. Выдвинувшись из самых низов, из среды рядовых бойцов, они дали нам ряд талантливых командиров-кавалеристов и даже крупных вождей конницы. Бывшие офицеры, преимущественно пехотинцы, в небольшом числе занимали штабные должности, и, лишь как редкое исключение, в частях попадались бывшие офицеры-кавалеристы. Выросшая из отдельных партизанских отрядов, будучи по своей социальной сущности казачье-крестьянской, красная конница отличалась большим революционным подъемом и ненавистью к старому буржуазно-помещичьему режиму. Преимущественный способ комплектования—добровольчество—способствовал естественному подбору наиболее активного и боеспособного элемента.

Особенности зарождения и развития частей красной конницы, ее комплектования, социальный состав ее бойцов и командного состава, особенности правовых взаимоотношений командно-политического и красноармейского состава существенным образом отражались на одном из важнейших элементов военного дела—на дисциплине. В белой коннице, руководимой наиболее реакционным офицерством и состоявшей преимущественно из казачества, была быстро реставрирована дисциплина старой царской армии со всеми ее специфическими особенностями: чинопочитанием, козырянием, мордобойством и т. д. Естественно, в рядах Красной армии, и красной конницы—в частности, ничего подобного быть не могло. Отсутствовали какие-либо регламенты, новые уставы. Отмечалась сильнейшая ненависть бойцов ко всему, что связывалось с понятием старой дисциплины. Быстро меняющаяся боевая обстановка, неупо-

рядоченность комплектования, отсутствие фактора длительной и систематической политической обработки конников, отсутствие более или менее значительной пролетарской прослойки, все своеобразие истории образования каждой кавалерийской части в отдельности, — все это вместе взятое не могло способствовать укреплению в рядах красной конницы дисциплины,—той дисциплины, которая существует в частях Красной армии в настоящее время.

Но отсутствие внешних форм дисциплины, даже некоторая распущенность в служебно-бытовом и правовом отношениях, не были показателем отсутствия дисциплины вообще, без чего немыслимо существование ни одной воинской части. При отсутствии внешних форм дисциплины, в частях красной конницы существовала железная боевая дисциплина. История боев красной конницы показывает, что конные части беспрекословно выполняли боевые распоряжения даже в тягчайших для себя условиях. Особенно характерными в этом отношении являются бои 1-й Конной армии в январе 1920 года под Батайском. На топких болотистых низинах по левому берегу Дона, имея в тылу одну шаткую переправу через вскрывшуюся реку, под могучим артиллерийским огнем противника, красные конные дивизии многократно переходили в атаку на превосходные силы противника, и если не добились успеха, то и не были побеждены противником, у которого были для этого все объективные данные.

А вот и другой яркий пример. При первых столкновениях на Польском фронте, части 6-й кавдивизии 1-й Конной армии неоднократно переходили в конную атаку на окопавшуюся и огородившуюся проволокой польскую пехоту. Передовые атакующие эшелоны гибли до одного под пулеметным огнем пехоты, но следующие достигали окопов и уничтожали пехоту. Эти первоначальные безрассудные конные атаки впоследствии не повторялись (были найдены другие целесообразные способы борьбы с пехотой), но они являются показателем высокой боевой дисциплины красных конных частей. Эта дисциплина в значительной степени базировалась на личном примере командного и комиссарского состава. В бою, под огнем, в конной атаке всегда впереди были не только комвзводы, комэски и командиры полков, но часто комбриги и комдивы с комиссарами. В многочисленных боях 1-й Конной армии в передних рядах дерущихся частей часто можно было видеть самого командарма, т. Буденного, и члена РВС, т. Ворошилова. Их появление и высокая личная храбрость вызывали в войсках прилив боевой энергии и во многом способствовали достижению частями решительных успехов.

Первые крупные конные части на Южном фронте, в лице 1-го конного корпуса Буденного, а затем и 1-й Конной армии, явились могучим оперативным фактором в борьбе фронта. Их морально-поли-

тическое превосходство и степень боевой дисциплины позволяли им наносить сокрушительные удары лучшим частям белой конницы, как корпуса Мамонтова, Шкуро, Улагая. Постоянные боевые успехи создали в частях красной конницы своего рода «привычку побеждать», боевую самоуверенность, прочные боевые традиции, которые оказывали сильнейшее моральное воздействие на противника. Белая конница сдавала часто не потому, что была слаба, а потому, что она сталкивалась с красными конными дивизиями, получившими в ее глазах ореол непобедимости. В конце 1919 года лучшие конные части белых, как корпус Мамонтова, Шкуро и другие, просто избегали столкновений с красной конницей. Все попытки белого командования, возлагавшего большие надежды на созданную ими сильную конную группу, заставить свою конницу драться с красной конницей оказались безуспешными. Деникин об этом прямо говорит:

> «Помимо всех прочих условий, большое влияние на успех конной группы имело то обстоятельство, что Донская конница за время отступательной операции, охотно атакуя неприятельскую пехоту, решительно избегала вступать в бой с конницей. По свидетельству полковника Добрынина, «донское командование» пыталось понудить (ее) к активности, но ничего сделать не могло, так как она не исполняла приказа об атаке конницы противника» (Деникин—«Очерки русской смуты», т. V, стр. 262).

Но если белая конница не исполняла приказа об атаке конницы противника и уклонялась от встреч с ней, то красная конница поступала наоборот, не отказываясь при этом и от атаки пехоты. Постоянные успехи красной конницы над белыми частями, по внешности более организованными и дисциплинированными, с военно-образованным командным составом, заставляли глубоко задумываться виднейших белых генералов, искать какого-то особого тактического секрета этих побед. У многих из них создалось определенное убеждение о превосходстве тактики красной конницы. Донской командарм ген. Сидорин, чтобы повлиять на свою конницу, избегавшую драться с красной конницей, писал строжайшие секретные приказы и инструкции своим генералам, где указывал им на ряд тактических ошибок и промахов, на плохую службу охранения и разведки и, как на образец, указывал им на конницу Буденного и Думенко. В книжке ген. Кельчевского—«Думенко и Буденный», написанной уже после войны, мы также встречаем самые лестные отзывы о превосходстве тактики красной конницы над белой. Есть и другие, опубликованные нашими врагами, источники, расточающие большие похвалы красной коннице (французский полковник Клеберг и другие).

При всей их лестной для нас и кажущейся объективности в оценке действий красной конницы, мы, однако, не должны забывать одного момента. Нашим врагам гораздо целесообразнее признать причины

своего поражения в тактическом превосходстве красных частей, чем в классовой сущности и коллективном творчестве масс. Они хотят видеть (или невольно видят) секрет побед красной конницы лишь в индивидуальном искусстве отдельных ее вождей, создавших и искусно применявших якобы превосходные тактические формы, которые и были причиной победы красных частей. Необходимо все же твердо признать, что победу, в конечном итоге, дала нам единая воля трудящихся масс, новая советская социалистическая система, которая наполнила содержанием творчество наших самородков—красных вождей. Она подняла на небывалую высоту революционно-боевой энтузиазм масс, она сделала тактические формы из шаблонной схемы могучим средством поражения противника, который признавал одну лишь внешнюю форму, упуская из виду ее глубокое содержание.

Красные конные части ни в отношении разведки, ни в отношении дисциплины марша, ни в отношении службы охранения, ни в отношении службы командования, ни в отношении, наконец, строевой подготовки, в общем, не стояли выше частей белой конницы. Сохранившиеся боевые приказы частей красной конницы, инструкции и указания командования, разные боевые распоряжения в наиболее прославившихся частях Красной армии—определенно свидетельствуют о сугубых недостатках и промахах конных частей и в службе разведки, и в службе охранения и т. п. Но все эти недостатки искупались другими качествами, дававшими красной коннице тактическое превосходство над белой, а именно, боевой дерзостью частей, острым глазом и широкой инициативой командиров на поле боя, умением быстро найти выход, принять решение в самой сложной обстановке и проводить его неуклонно до конца, что уже само по себе является ценнейшим тактическим качеством. В предвидении столкновения с противником—ловкий маневр, при неожиданном столкновении—удар с места в лоб, захват инициативы, дерзкая атака, невзирая на превосходство сил противника,—все это ошеломляюще действовало на белую конницу, подавляло ее волю к борьбе и обращало вспять при живом столкновении.

Удивить—значит победить,—говорит пословица. И красная конница неоднократно именно удивляла белое командование своими подчас безрассудными, по их мнению, действиями. Красные конные части дерзко атаковывали бронепоезда противника с могучей артиллерией, забирая их целиком (атака ст. Сватово 16-го ноября 1919 г.). Красная конница в ноябре месяце вплавь переправилась через Дон на глазах и под огнем противника (после занятия Воронежа) и сбила его. Красная конница в жестокую пургу и мороз (свыше 25°) атаковывает пехоту и конницу противника и отрезает его отход (Касторная). Красная конница оставляет, наконец, на

фланге и почти в тылу мощную конную группу противника, в два раза ее превосходную, и смело идет в другом направлении для ликвидации пехотного корпуса (март 1920 года, бой под Белой Глиной). Все эти действия, по условиям их выполнения, казались невозможными в глазах противника и потому удивляли его своей дерзостью.

В тактике красных конных масс можно выделить два характерных периода: первый—на Южном фронте, против Деникина, и второй—против белопольских частей. Тактика конных масс в первый из них отличается следующими особенностями. Характер местности (широкие пространства), почти полное отсутствие боевой авиации, разреженность фронтов и слабость пехоты позволяли коннице передвигаться крупными колоннами по одной дороге. Это отвечало и потребности иметь части в «кулаке» на случай неожиданного столкновения с подобными же частями противника. В силу этого мы наблюдаем движение конных масс преимущественно дивизионными колоннами; нередко две дивизии (корпус) двигались одной колонной. Более редкие случаи—движение бригадными колоннами. При движении дивизионной колонной головная бригада составляла авангард, высылая головной отряд и походные заставы, а также и охранительную разведку, в виде отдельных разъездов. Нередко роль передовых охраняющих частей выполняли сборные (от полков) команды квартирьеров, которые при столкновении с противником затевали перестрелку и, если чувствовали слабость противника, лихо атаковывали и выбивали его из намеченных для расположения пунктов и приступали к выполнению прямой своей задачи—разбивке квартирных районов.

Служба разведки в частях красной конницы была поставлена слабо. Это приводило к тому, что столкновения противников большей частью носили характер встречных неожиданных столкновений (бой конных масс под селом Средне-Егорлыкское 25 II—20 г.). Характер боевых действий красной конницы был преимущественно наступательный. За весь период боев на Южном фронте почти невозможно указать случаи оборонительных действий красной конницы, как таковых. По цели оборонительные, они по форме всегда были наступательными. Выйти навстречу противнику, разбить его и отбросить или преследовать было лучшим способом обороны. Это вполне отвечало характеру и свойствам конницы.

Необходимо отметить, что при слабости разведывательных данных о противнике высшее командование (корпуса или армии), вместо боевой задачи, часто приказывало дивизиям: «перейти в такой-то район с мерами охранения и разведки и расположиться». Аналогичные приказы отдавали и начальники дивизий своим частям, а так как очень часто намеченные районы расположения были заняты противником, то и разыгрывался бой.

В этих условиях предварительный план боя наметить было невозможно. Этот план намечался при самой завязке боя, когда начальник дивизии с начальником штаба выскакивали вперед, лично производили рекогносцировку и получали донесения от передовых частей. Пока подходили бригады, план боя уже оформлялся, отдавались распоряжения (задачи) полевыми записками или словесно командирам бригад, и те, развернув бригады, переходили в атаку. Так как обстановка встречных и вообще неожиданных столкновений могла сулить много неожиданностей, в резерве начдива обычно оставалась одна из бригад (иногда две), которая в случае нужды бросалась им в угрожаемом направлении или для развития успеха уже вступивших в бой частей.

При наступлении на изготовившегося и более или менее установленного разведкой противника, бригады получали задачи заблаговременно и самостоятельно приступали к их выполнению. При столкновении с противником, имевшим в своем составе пехоту и конницу, главное внимание обращалось на последнюю. Сбить конницу противника, разгромить ее или отбросить как можно дальше и затем уже обрушиться на пехоту, этот прием практиковался очень часто и почти всегда удавался красной коннице. Даже лучшие и наиболее стойкие деникинские пехотные полки, видя бегство своей конницы и будучи окруженными со всех сторон красной конницей, принуждены были сдаваться в плен или гибнуть. Так в августе 1919 года под ст. Островской 2 кав. бригады корпуса Буденного отбросили 6 полков конницы противника и пленили весьма боеспособную донскую пластунскую бригаду (5-й, 6-й и 15-й полки), захватив до 3.000 пленных (из них 29 офицеров), всю артиллерию и пулеметы. Пехота с боем отходила около 15 верст, но, будучи окружена со всех сторон огневым кольцом пулеметов и конницей, сдалась. Спустя месяц под ст. Казанской, на берегу Дона, случилась подобная история с частями Донского корпуса Коновалова. Конная дивизия генерала Савельева была сбита двумя бригадами конкорпуса Буденного; оставленные ею 3 донских пластунских батальона (около 2.000 штыков) геройски пробивались к Дону, не желая сдаваться в плен, и были вырублены почти целиком (свыше $1^1/_2$ тысяч).

Во всех боевых действиях красной конницы на Южном фронте характерным (как и для белой конницы) является удар в конном строю не только против конницы, но и против пехоты как наступающей, так и обороняющейся. Но при этом культе конного удара (шока), в отличие от белой конницы, красная конница с сугубым уважением относилась к огню. Об этом свидетельствует наличие в полках красной конницы огромного количества тяжелых пулеметов (в среднем, 20 на полк, или 4 на эскадрон). Незаменимой помощницей конницы являлась ее конная артиллерия (по расчету—

батарея на бригаду, как неотъемлемая ее часть). Артиллерия и тяжелые пулеметы являлись опорой боевых порядков конницы. Лихо вылетая вперед, с открытой позиции, конная артиллерия, часто без пристрелки, с первого снаряда переходила на поражение, внося смерть и расстройство в ряды противника. Столь же лихой вылет перед фронтом развертывающихся полков конных пулеметных тачанок и внезапный ливень свинца довершал подготовку огнем артиллерии, и коннице часто приходилось лишь завершать разгром дрогнувшего и расстроенного огнем противника.

В августе месяце 1919 года, в районе г. Камышина, одна из дивизий конного корпуса Буденного неожиданно столкнулась с превосходными силами конницы противника (три дивизии против одной). Эта конная масса стремительно бросилась на растянувшуюся колонну красной дивизии. Авангардная бригада последней, развернувшись, казалась жалкой цепочкой против надвигавшейся лавины и уже начала-было осаживать... Однако не растерялся командир конно-артиллерийского дивизиона. Лихо выдвинул он на командующий гребень 10 орудий на глазах двигавшейся на него конной массы. Через десять минут противник, с огромными потерями, в полном расстройстве, уходил назад, оставив на поле до 300 трупов лошадей и еще более того людей. Коннице осталось лишь организовать преследование.

Указанный случай был не единичным. В бою 1-го марта 1920 года под ст. Егорлыкской последняя атака крупных сил конницы белых на расстроенные части красной конницы была также отбита огнем лишь одной артиллерии.

Итак, огненный щит тяжелых пулеметов и артиллерии с фронта и удар из-за них или с фланга в конном строю—вот типичные приемы боя красных масс, применявшиеся на Южном фронте. К этому следует добавить неотступное преследование противника на поле боя, но не до крайнего напряжения сил, как трактовали старые уставы и как трактуют это новые. Красная конница умела во-время остановиться, сохраняя свои силы даже вопреки настойчивым требованиям командования. И это было целесообразно, ибо конница, вымотав свои силы, могла сама подвергнуться жестокому разгрому со стороны свежих сил противника, не имея возможности опереться на силы своей пехоты.

Некоторые авторы,—не только зарубежные, но и наши,—указывают, как на огромной важности факт, на подчинение крупным конным частям крупных же сил пехоты, основывая на этом свои утверждения о необходимости придачи коннице в современных условиях постоянных пехотных поддержек. Действительно, в период наступления 1-й Конной армии от Воронежа к Ростову и далее на Тихорецком направлении ей подчинялись неоднократно пехотные

дивизии (9-я и 12-я, 20-я, 34-я и 50-я), но это подчинение имело исключительно оперативный смысл и на тактику действий конных масс, как таковых, ничуть не влияло. Пехотные дивизии выполняли свои специальные задачи.

Неверным является утверждение Кельчевского («Думенко и Буденный»), будто Буденный искусно использовал придаваемую ему пехоту, прикрываясь ею от фронта и отводя свою конницу в тыл, давая необходимый ей отдых. К сожалению, имелись случаи, когда конница прикрывала пехоту. Последняя иногда отставала от конницы и потому не могла оказывать ей боевого содействия в серьезных, решительных операциях. Из положительных примеров, как наиболее яркий, мы можем отметить лишь бой 1-й Конной армии под ст. Егорлыкской 1-го марта 1920 года. Пехотная бригада 20-й стр. дивизии, наступая на правом фланге кавалерийских дивизий, штурмовала станицу и выбила оттуда добровольцев. Своими самоотверженными действиями пехотные полки обеспечили правый фланг, несколько раз атакованный превосходными силами противника, и сослужили кав. дивизиям большую службу.

Такова, в общих чертах, была тактика крупных конных масс на Южном фронте. Весьма трудно указать какие-либо особенные, строго очерченные и выкристаллизованные тактические формы боевых действий, применявшихся в этот период красной конницей. Во всех ее боевых действиях за этот период мы не найдем выработанных типичных шаблонов. Кроме общепризнанных приемов (сильный и внезапный огонь, смелый маневр, захват инициативы, сокрушительный удар в конном строю и бурное преследование), каждый бой красной конницы сам по себе являлся тактической импровизацией, смелым и дерзким творчеством ее командиров. В этих боях нельзя найти размеренной, втиснутой в уставные сомкнутые построения, конной атаки. Вместо нее—бурный натиск конных бойцов за своими вожаками-командирами или за отдельными смельчаками, очертя голову врывающихся в гущу противника, и затем ожесточенный, подчас стихийный, рукопашный бой,—бой один-на-один, бой отдельными группами и т. д.

Отсутствие в массе красных кавалеристов строевой кавалерийской подготовки исключало возможность сложных уставных эволюций на поле боя и затрудняло управление боевым порядком частей. Очень часто в первый период существования красной конницы это управление для полков заключалось в том, что командир полка первый с горстью бойцов бросался в атаку, а за ним устремлялся и весь полк. Пулеметы получали известную независимость, батареи тоже. Иногда весь боевой порядок части (полка и даже бригады) оставался без какого бы то ни было управления, рискуя превратиться в хаос (временами это и случалось). Но это искупалось

широкой инициативой бойцов и командиров, умением драться один-на-один, товарищеской спайкой и сильно развитым чувством взаимной выручки. И, несмотря на все это, боевая практика как бы придавала непроизвольную гибкость боевым порядкам и необыкновенную устойчивость и силу отдельным элементам конных масс.

С подобными тактическими приемами и навыками основные массы красной конницы (1-я Конная армия, 3-й конный корпус, 8-я червонная дивизия) вступили в боевые действия с новым противником—белопольскими частями—в мае 1920 года. Первые же боевые столкновения с хорошо подготовленной, прекрасно вооруженной, засевшей в окопы и за проволоку польской пехотой показали, что тактика конных боев, широко практиковавшаяся против деникинских войск, здесь не приемлема. Первые сокрушительные конные удары против польской пехоты хотя и обнаружили всю мощь красной конницы, но одновременно показали, что надолго для таких ударов ее не хватит.

Столкновения с польской конницей, будучи весьма редкими, ничего примечательного не выявили. Как по своей численности, так и по своим боевым качествам белопольская конница значительно уступала красной [1]. Вооруженный пикой, карабином и длинным палашом, польский улан, горделиво изображавший из себя некогда славных, но ныне устаревших польских рыцарей, явился простой боевой потехой для проржавевшего в многочисленных боях красного кавалериста, с остро отточенным донским клинком и метким револьвером или автоматическим пистолетом. Напыщенная шляхетская конница, после первых же столкновений с красной конницей, быстро утратила свою спесь и долгое время старательно избегала боевых встреч с красной конницей. «Лихие» действия генерала Румеля обозначались уже после того, как Конная армия далеко ушла от Польского фронта.

Таким образом, преимущественным и действительно серьезным противником для красной конницы явилась польская пехота с авиацией и бронечастями. Но и здесь красная конница быстро применилась к своеобразными условиям новой обстановки и характеру противника и с честью выдержала новое и трудное испытание. На ряду с оперативными успехами, красная конница в период боев на Польском фронте выявила и прекрасные тактические качества, которые и до настоящего времени не потеряли своей ценности. Красные конные части, пренебрегавшие на Южном фронте винтовкой, быстро оценили ее достоинства в борьбе с пехотой и восстановили

---

[1] Приведенные выше в таблице данные о численности конницы указывают на наличие в польской армии значительного количества конницы, едва уступавшего красной стороне, но эта конница была распроплена в массе пехотных частей, в редких случаях достигая нескольких тысяч сабель в отдельных соединениях.

ее в правах. Тяжелые пулеметы еще больше повысились в своем значении. Конная артиллерия выявила свою недостаточную мощь в борьбе с окопавшимся противником. Для конницы сугубо необходимой оказалась гаубица, но достать ее было негде. Новая обстановка наложила вообще сильный отпечаток на характер боевых действий красной конницы.

Пересеченная, болотистая и лесистая местность, наличие всевозможных искусственных и естественных препятствий и, наконец, наличие сравнительно сильной авиации противника,—все это заставило конницу двигаться расчлененно в глубину и по фронту, преимущественно бригадными колоннами. Необходимость действовать осторожно, предварительно нащупать и установить силы противника и его расположение, заставила усилить и улучшить службу разведки. Преимущественно оборонительный характер действий противника (пехоты), цеплявшегося за каждый клочок местности, за укрепления и проволоку, заставил кавалерийских начальников тщательно обдумывать и предварительно намечать план своих действий. Все это уточнило, сделало более определенными и тактические приемы. Конные атаки не умерли, не сошли на нет, их моральное потрясающее значение сохранилось целиком, но применение их получило ограничение. Конная атака получила преимущественное значение могучего сокрушительного аккорда боя. Бой конницы приобрел типичные формы комбинированного боя. Мы уже не видим здесь случаев (за исключением прорыва Польского фронта) действий на небольшом участке крупных конных масс свыше дивизии. Каждая кав. дивизия получает уже свой определенный участок с разграничительными линиями и определенной задачей. В пределах данного участка каждая кав. дивизия и организует свой бой.

Организация боя состоит в назначении участка для демонстрации (сковывающая группа) и участка или направления для главного удара с максимумом сил ($1\frac{1}{2}$—2 бригады). Наступление ведется первоначально спешенными частями, иногда несколькими эшелонами при поддержке артиллерии и пулеметов, и когда противник сбит и начинает отход, конные резервы переходят в атаку для завершения разгрома и преследования. Даже при встречном столкновении с пехотой противника красная конница начинала бой обычно спешенными частями и затем уже, расстроив пехоту огнем артиллерии и тяжелых пулеметов, бросалась в конную атаку. При подобных столкновениях конница обычно старалась выманить пехоту из-за закрытия в чистое поле и искусным маневром охватить ее фланги. Этот прием почти всегда давал решительный успех.

В конце июня 1920 года, под м. Корец, сильный «штурмовой» батальон поляков в 1.200 штыков, с большим количеством тяжелых и легких пулеметов и батарей, атаковав бригаду красной конницы,

теснил ее в течение двух с лишним часов. Отступая шаг за шагом, кавалерийские полки выжали из лесу «храбро» наступавшую пехоту, быстро охватили ее с флангов и конным ударом ликвидировали. 1.000 человек пленных, батарея и до 30 легких и тяжелых пулеметов стали добычей красной конницы.

Огромным недостатком при спешенных действиях конницы являлось отсутствие у большинства частей легких пулеметов и неумение их применять, когда они попадались, а на ряду с этим и отсутствие штыков и недостаточность ручных гранат. Однако спешенные действия конных частей отличались обычно успехом; здесь опять-таки выявилась высокая боевая закаленность красных кавалеристов, смелость и дерзость, ошеломляющие противника. Значительную пользу коннице приносили автоброневые машины. Их лихие и решительные действия облегчали наступление спешенных частей, сбивали упорно оборонявшиеся в тех или других пунктах части противника и прокладывали дорогу коннице.

В пределах данной статьи не представляется возможным остановиться на более детальном рассмотрении тактических приемов красной конницы, применявшихся ею в борьбе с белопольскими частями, хотя это имеет для нас не только сугубый научный, но и практический интерес. К сказанному выше считаем необходимым добавить, что, на ряду с новыми приемами ведения боя, красная конница начинает находить и способы борьбы с снижающимися для бомбежки ее вражескими самолетами. Недостаток специальных средств (зенитной артиллерии, специальных пулеметных установок) борьбы заставлял прибегать к примитивным средствам и способам, но эти способы в некоторых случаях давали положительные результаты. Одним из таких приемов было выделение в каждом полку специального эскадрона для стрельбы по появившемуся самолету. Огнем таких эскадронов в июне месяце 1920 г., под Луцком, 6-я кав. дивизия сбила 2 самолета, а 4-я дивизия под м. Корец—1 самолет. Правда, при массовых налетах самолетов эти способы были малодействительны, коннице оставалось одно—рассеяться временно и укрыться в лесу. Так было с 6-й кав. дивизией под Львовом при налете на нее нескольких десятков аэропланов. В этих случаях выявилась сугубая необходимость для конных масс иметь свое воздушное прикрытие, но по тогдашним условиям это было неосуществимо. Коннице приходилось бороться с воздушным флотом «голыми руками». Разгром корпуса Жлобы в мае 1920 г. на Врангелевском фронте является ярким свидетельством того, что подобная борьба в некоторых случаях может привести к катастрофе.

Сложность обстановки и свойства противника на Польском фронте заставили красную конницу находить и способы тактической маскировки. Если на Южном фронте красная конница выступала против

белой почти всегда с «открытым забралом», если она не спрашивала: «сколько противника», а—«где он», то на Польском фронте ей пришлось весьма часто «вуалировать свои действия», совершать движения в ложном направлении, распускать ложные слухи и т. п. Отметим в этом отношении следующий небольшой, но характерный случай. В 20 числах июня 1920 г. Конная армия вела бой за обладание рубежом р. Случ, где противник организовал оборону на сокращенном фронте м. Змильчино—Новоград-Волынск. В виду упорного сопротивления у Новоград-Волынска, дивизии центра прекратили атаки в течение 24—25-го июня и даже осадили для отдыха назад. Между тем, правофланговой 4-й кав. дивизии была дана задача во что бы то ни стало овладеть м. Змильчино и выйти во фланг и тыл противника. Перед дивизией имелась укрепленная полоса противника по линии м. Змильчино—д. Середы—село Сербы, протяжением свыше 15 *км*. Подновив старые германские окопы, имея несколько рядов проволочных заграждений, поляки успешно отражали все попытки конницы даже приблизиться к этой полосе. И все же конница овладела ей. Каким же образом?—После тщательной разведки подступов, начдив кавалерийской 24-го июня наметил следующий план: 25-го на участке у Сербы повести наступление 2-й бригадой, привлечь внимание противника, а через час двумя остальными бригадами нанести удар на Змильчино. Направление главного удара намечено было по открытой местности, на наиболее укрепленный пункт. Расчет состоял в том, что противник, опираясь на эти укрепления, считая, очевидно, безрассудным атаку их конницей, оставил на этом участке небольшие силы и главное внимание уделил своему правому флангу, где намечался лишь второстепенный удар (демонстрация) 2-й бригады. В дополнение к этому в ночь на 25-е с участка против Змильчино была снята 1-я кав. бригада и отведена на 8 *км* на юго-восток и распущен слух, что она уходит для операций против Новоград-Волынска. Это еще более уверило противника в безопасности Змильчинского направления. В результате, 25-го, с утра, 4-я кав. дивизия двумя бригадами спешилась в лесу юго-восточнее Змильчино и спешенными частями атаковала 2 ряда проволочных заграждений и окопы и захватила их, несмотря на упорное сопротивление польского батальона. Подоспевшие конные части довершили разгром противника, который не успел своевременно перебросить свои резервы к атакованному пункту. Трофеями конницы явились несколько сот пленных, 7 орудий и 36 пулеметов [1]. Интересно отметить, что подошедшие к этому времени части 44-й стр. дивизии не двинулись дальше первого ряда проволочных заграждений и предоставили честь их прорыва спешенной коннице.

[1] Н. Е. Какурин и В. А. Меликов—«Война с белополяками».

Бои Конной армии под Новоград-Волынском, под Ровно, Бродами, под Замостьем и т. д., бои 3-го конного корпуса под Ломжей и Гродно, действия 8-й червонной дивизии и бригады Котовского изобилуют яркими примерами успешных тактических действий нашей конницы в условиях, приближающихся, хотя может-быть и отдаленно, к тем, в которых мы предполагаем развитие будущих боевых действий на наших вероятных фронтах. Эти тактические эпизоды и моменты по своей поучительности заслуживают тщательного и серьезного описания и исследования, чего мы до сего времени, к сожалению, не имеем.

Исследование боевых действий крупных частей красной конницы на Польском фронте приводит нас к выводу, что красная конница, на ряду с большими оперативными успехами, выявила значительные тактические достижения. Можно, не ошибаясь, сказать, что без своих положительных тактических качеств красная конница едва ли достигла бы многих своих блестящих оперативных успехов.

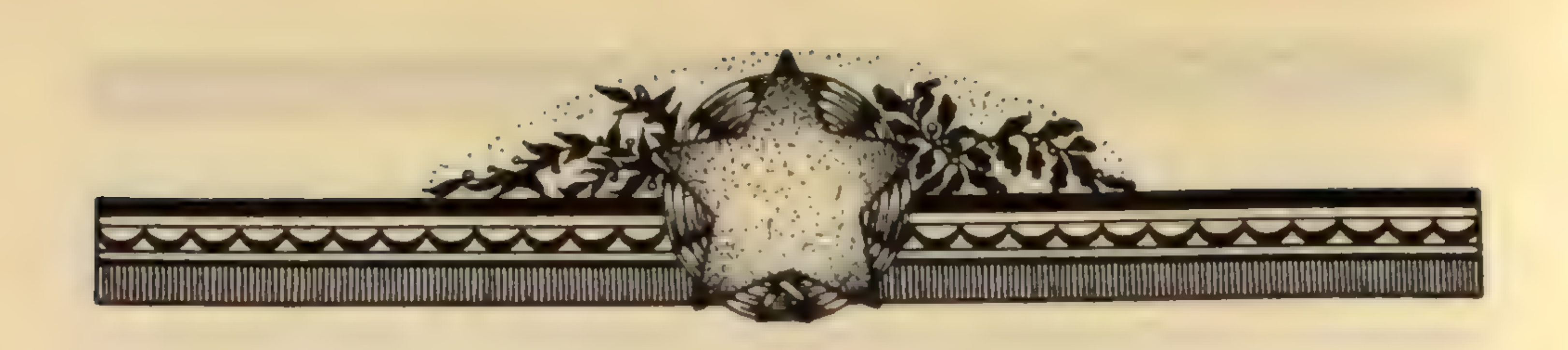
Красная конница, поставленная в общую линию фронта пехоты, имея определенные участки, должна была много раз исключительно своими силами проламывать этот фронт, подавляя сопротивление довольно стойкого и тактически подготовленного противника, каким являлись многие польские части (познанская пехота, дивизия легионеров). Одним из ценнейших достижений опыта боевых действий красной конницы на Польском фронте являются наметившиеся и выработавшиеся формы комбинированного боя конницы. То, над чем к настоящему времени пролито довольно много чернил и поломано немало перьев, именно комбинированный бой конницы, во многих своих существенных чертах было уже выявлено конницей в истекших боях. Красная конница в этих боях научилась и показала, что она не только может «лихо» атаковать в конном строю, но с подобным же успехом атаковать, когда это нужно, и пешком.

В противовес пресловутому выражению: «если вы должны сражаться спешенным, вы сделаете, что сможете; если вы можете сражаться на коне, вы сделаете, что захотите», по опыту вышеуказанных боев можно сказать: «если вы будете стремиться сражаться лишь на коне, то ныне ничего не сделаете; если вы умеете драться спешенным не хуже пехоты, то в соединении с вашими конными качествами вы сделаете весьма многое». Не оспаривая неуклюжести этого выражения, считаем его в современных условиях более верным.

Действия красной конницы на Польском фронте в отношении атаки, в общем, наметили те формы и приемы борьбы конницы, которые признаны основными в современных условиях. Вот почему, если боевые действия конницы на Южном фронте интересны в силу возрождения могучих атак конных масс, то боевые действия красной конницы на Польском фронте для нас более инте-

ресны по своей поучительности и близости к тем условиям, в которых намечается деятельность красной конницы в вероятных войнах будущего. Кто хочет понять и осознать современную тактику конницы, тот должен с глубоким вниманием изучать богатый опыт боев красной конницы на Польском фронте в 1920 г. Краткая история разгрома армии Врангеля не дает возможности выявить какие-либо новые тактические приемы действий красной конницы. В последней решительной схватке встретились под Агайманом и ст. Новоалексеевка (конец октября и начало ноября 1920 г.) достойные противники. Поле боя дало широкий простор для маневра и конного удара. Конница Врангеля в первые моменты, благодаря наличию автоброневиков и автопулеметных установок, оказалась сильнее красных конных частей, не имевших этих средств. Но, отрезанная от проходов в Крым смело вышедшей ей в тыл Конной армией, теснимая настойчиво с фронта,—она быстро сдала, лопнула, как мыльный пузырь, и растворилась в общем потоке бежавших к морю последних сил южной контр-революции.

П. СТАСЕВИЧ

РЕЧНЫЕ ФЛОТИЛИИ И МОРСКОЙ ФЛОТ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 1918—1921 ГГ.

ВВЕДЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ гражданской войны обширны и исключительно поучительны. Моря, реки и озера нашей великой страны бороздили враги, чтобы в сочетании с борьбой на суше и в воздухе сокрушить невиданную миром красную силу. Спешно и деловито из обломков наследства старой эпохи созидали красные бойцы боевую мощь и прочно победили... Но враг не дремлет. Когда настанет час новой борьбы, мы должны быть готовыми выйти в бой во всеоружии изученного опыта, данного нам «большою кровью».

Предлагаемый краткий очерк борьбы на морях, реках и озерах, во время гражданской войны, не преследует цели—дать сколько-нибудь законченное описание. Опыт войны таится еще в сырых материалах и ждет своего исследования. Здесь набросаны хронологически события трех лет борьбы в отдельных мазках, дабы в кратком изложении охватить борьбу на водных пространствах всех главнейших фронтов гражданской войны, показать характер борьбы и огромную роль совместных действий флота с сухопутными силами и их победные достижения.

Исключительно тяжела была для нас борьба на морях. Враги явились к нам, неся опыт мировой войны, имея корабли в организованных соединениях, с полным оборудованием до последней мелочи, с прекрасно обученной командой при весьма опытных начальниках и с неисчерпаемыми запасами в тылу. Мы же могли противопоставить случайно оставшиеся у нас суда, в случайных соединениях, с большими неисправностями в самом основном — в артиллерийской мощи корабля, с уменьшенными ходами, без

достаточного топлива, почти с случайной командой, отсутствием опытных командиров и с разрозненным тылом, но с величайшим желанием победы и умением претворить это желание в жизнь.

В отношении ведения борьбы на реках и озерах, когда стихийно появилась в этом необходимость, мы были в полной неготовности. Мы не знали наличных судовых ресурсов на наших водных артериях, не знали местных условий плавания и не имели в этом никакого опыта.

Гражданская война, в отношении борьбы на реках и озерах, повелительно требовала на всех театрах борьбы развернуть небывалый размах, активность, изобретательности в оборудовании случайных судов, гибкости оперативных замыслов и умения их осуществлять. Революционная армия успешно выполнила эти требования, оставив опыт потомству.

Правда, история прошлого дает нам классические моменты использования речных флотилий. Например, борьба Севера с Югом в Америке, за нераздельность Штатов, в 1860—1864 гг. Чтобы лишить южан, действовавших к востоку от реки Миссисипи продовольственной базы, лежавшей к западу от реки, северяне ввели в реку Миссисипи мощную речную флотилию. Цель была достигнута. Южане поставлены в тягчайшее положение. Таков был ключ одной из основных причин победы северян над южанами.

Но следует знать, что северяне обладали всеми средствами техники и государственного управления. Совершенно иным было наше положение. Итоги мировой войны и величайшей революции в нашей стране не имеют аналогии. Белые и интервенты были во всеоружии, тогда как Красная армия, в сравнении с врагом, дралась голыми руками.

Однако наши огромные пространства, бедность в дорогах, наличие мощных водных артерий и озер, естественно, привели к необходимости использовать водные сообщения внутри страны на всех театрах гражданской войны.

Эксплоатационная длина, в бывшей Европейской России, внутренних водных путей (рек и каналов) сплавных и судоходных равняется 180.158 километрам [1].

Такова, примерно, длина водных артерий, по которым возможны действия военных флотилий. К ним следует добавить и наши многоводные озерные пространства. Эти данные с полной очевидностью указывают на широкие возможности для использования военных флотилий. Отсюда вытекает необходимость изучать способы боевых действий флотилий, знать судовой материал, который может быть

[1] «Экономическая география». Н. Морозов и И. Юньев, изд. 1926 г. Всего в России довоенной (1913 г.) эксплоатационная длина водных путей (рек и каналов) сплавных и судоходных равна 271.598 километрам.

КАРТА
БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
РЕЧНЫХ ФЛОТИЛИЙ
И
МОРСКОГО ФЛОТА
В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Действия белогвардейцев и интервентов
Увод флота из Ревеля, Гельсингфорса и Севастополя в 1918 г.
Увод флота в Севастополь и Измид
Потопление флота в Новороссийске
Белогвардейские восстания в Ижевске и Ярославле
Места создания красн. флотилий
Действия красн. флотилий
Дессант красных моряков
Отступившие красн. армии на Восточн. фронте в 1919 году
Ударная группа на Восточн. фронте в 1919 г.
Ударная группа на южном фронте в 1919 году
Красн. армия на Южном фронте в 1920 году
Мины поставленные красн. флотилией в Азовском море
С
Ю
МУРМАНСК
БЕЛОЕ МОРЕ
АРХАНГЕЛЬСК
Кемь
ОНЕГА
Котлас
ПЕТРОЗАВОДСК
ГЕЛЬСИНГФОРС
ПЕТРОГРАД
РЕВЕЛЬ
ВОЛОГДА
В НОВГОРОД
ПСКОВ
РИГА
ЯРОСЛАВЛЬ
ВЯТКА
ПЕРМЬ
ЕКАТЕРИНБУРГ
Оса
КАЗАНЬ
СВИЯЖСК
Н НОВГОРОД
МОСКВА
УФА
СИМБИРСК
САМАРА
ВИТЕБСК
ВИЛЬНО
СМОЛЕНСК
ТУЛА
ОРЕНБУРГ
УРАЛЬСК
Козлов
САРАТОВ
Балашов
КАМЫШИН
КИЕВ
ХАРЬКОВ
ЦАРИЦЫН
Дубовка
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
НОВОЧЕРКАССК
Таганрог
Мариуполь
Бердянск
РОСТОВ
ХЕРСОН
ОДЕССА
АСТРАХАНЬ
ЕКАТЕРИНОДАР
Керчь
СЕВАСТОПОЛЬ
НОВОРОССИЙСК
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ВЛАДИКАВКАЗ
Петровск
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ТИФЛИС
БАТУМ
БАКУ
Красноводск
Измид
Энзели
Решт
200 0 200 400 вер

использован для боевых целей, и те навигационные и местные условия, при которых возможны плавания на реках и озерах.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ВОЕННЫХ ФЛОТОВ И ФЛОТИЛИЙ

Основные задачи военных флотов и флотилий на морях, реках и озерах сводятся к следующему:

1. Содействие судовой артиллерией сухопутным частям для их продвижения, при их обороне и при отходе.
2. Действия на флангах и в тылу противника.
3. Переброска (перевозка) войск.
4. Высадка десанта.
5. Прорывы фронта противника (на реках).
6. Обеспечение коммуникаций.
7. Обеспечение и уничтожение переправ (на реках).
8. Уничтожение прибрежных центров, складов, жел.-дор. станций и проч. технических сооружений.
9. Разведки разных видов.
10. Демонстрации.
11. Борьба с флотом противника.

БОЕВЫЕ СРЕДСТВА ВОЕННЫХ ФЛОТОВ И ФЛОТИЛИЙ

Линейные корабли (линкоры) — составляют ядро главных сил морского флота. Выполняют главные боевые задачи флота. Главное оружие—крупнокалиберная и дальнобойная артиллерия.

Крейсеры—обладая быстроходностью и большим районом действий, имеют главной задачей в составе морского флота, разведку места нахождения и состава сил противника. Главное оружие—артиллерия средних калибров.

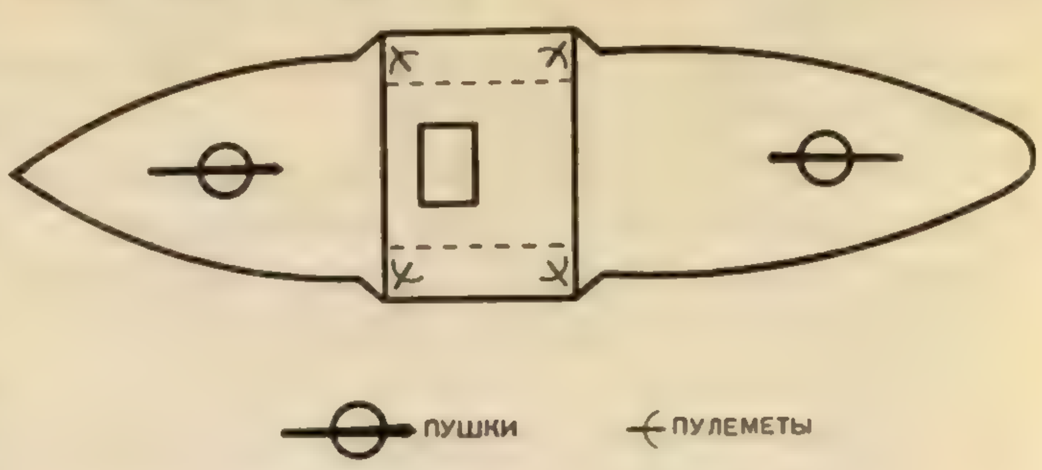
Торпедоносцы (прежние названия — миноносцы или эскадренные миноносцы, сокращенное — эсминцы)—обладая быстроходностью и торпедным вооружением (как главным оружием), имеют главной задачей, в составе морского флота, производство торпедных атак в эскадренном бою.

Примечание. Миноносцы устаревших (для морского флота) типов и малого водоизмещения обычно используются для второстепенных целей, как сторожевые, охранные суда в пределах порта, — в частности, во время гражданской войны были использованы на реках и озерах. Торпедоносцы часто называются «Новиками», по имени первого построенного торпедоносца этого типа.

Подводные лодки (подлодки) имеют главной задачей, в составе морского флота, производство торпедных атак. Главное оружие — торпеда.

Быстроходные торпедные катера—обладая большою быстроходностью и торпедным вооружением, имеют задачей, в составе морского и речного флотов, производство торпедных атак.

Мониторы и канонерские лодки (канлодки), в составе морского и речного флотов, являются судами артиллерийского боя, первые с более сильной артиллерией и бронированием, вторые—с меньшей артиллерией, с частичными бронированиями, но с большим ходом.

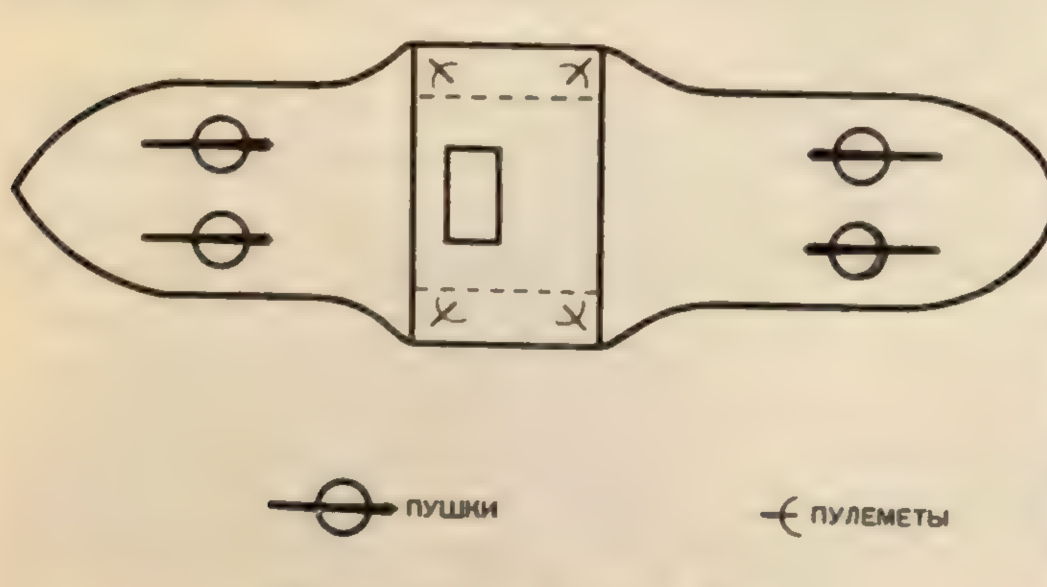
Тип канонерской лодки Р. К. К. Ф.

Заградители, в составе морского и речного флотов, как показывает само название, служат для целей минных (мин заграждения) постановок, как в водах неприятеля, так и оборонительных—в своих водах на специально оборудованных позициях (минных полях).

Тральщики, в составе морского и речного флотов, служат для очистки водных пространств от мин.

Бронекатера, в составе речных флотов (или флотилий), служат для действий против неприятельской пехоты, прорывов, операций в тылу и уничтожения переправ и мостов, а также конвоя в своих водах, борьбы с бандитизмом, охраны своих прибрежных сооружений, переправ и мостов.

Сторожевые катера, в составе речных флотилий,—для сторожевой службы на походе и на якорных стоянках, для тральных заградительных работ.

Тип канонерской лодки белых.

Разведочные катера, в составе речных флотилий,—для целей разведки и связи.

Транспорты, в составе морского и речного флотов,—для обслуживания на походе, подвоза всего необходимого и перевозки войск, транспорты-мастерские—для текущего ремонта судов на походе в случае каких-либо повреждений.

Вспомогательные суда, в составе морского и речного флотов. Пловучие базы для соединения отдельных видов мелких судов (подводных лодок, катеров и пр.).

Блокшивы—специальные баржи для хранения и доставки артиллерийских, минных, торпедных, химических и др. боеприпасов.

Буксиры, ледоколы, рейдовые катера—суда, обслуживающие флот при рейдовых стоянках в базах.

Гидроавиация — для выполнения самостоятельных операций на морях, в речных и озерных районах по бомбометанию, а также для разведки и корректировки огня судовой артиллерии.

При чтении предлагаемого очерка следует заметить, что наши действия на морях, естественно, носили характер теснейшего боевого сотрудничества флота с сухопутными силами. Так было на Балтике, на Азовском море и на Каспии. Современное наше положение на морях не только не исключает, когда пробьет час новой борьбы, такого же дружного сотрудничества флота и армии, но, как правило, вынудит нас к боевым действиям вблизи наших берегов. Это положение повелительно обязывает нас в совершенстве изучить условия борьбы в наших и ближайших к нам водах, учитывая все возможные оперативные варианты, как на водных пространствах, так и в районах побережья, при данном комплексе «местности», учитывая координацию действий флота и армии. Лишь при этих условиях мы будем иметь все преимущества над врагом.

Тесное боевое сотрудничество речных флотилий с сухопутными частями, разумеется, сказалось еще более резко.

Реки—Волга с Камой, Северная Двина, Западная Двина, Днепр с Припятью, Дон, озера Онежское и Ладожское—являются главнейшими речными артериями и озерными водами, где действовали флотилии.

На всех фронтах борьбы мы видим дружное содействие флотилий наступлению сухопутных сил. Особенно характерно это выразилось на Каме в период борьбы с Колчаком, в апреле и мае 1919 года. Когда Колчак крупными силами заставил 5-ю армию красных откатиться в общем направлении на Уфу, Самару,—на Камском направлении создалась угроза правому флангу 2-й красной армии, занимавшей правый берег реки Вятки. Здесь активность Камской флотилии не только не допустила выхода флотилии белых на Волгу, но удержала ее в районе устья р. Вятки, обеспечивая этим фланг и тыл 2-й красной армии. В дальнейшем, во время Бугурусланского удара, организованного М. В. Фрунзе из района г. Бузулук,—Камская флотилия содействовала развитию этого удара 2-й красной армией, обеспечив ей переправу через р. Вятку. Кроме того, переброской частей 2-й и 3-й красных армий на левый берег Камы у Осы и Оханска флотилия содействовала взятию Перми.

Столь же искусны и активны были действия флотилии в Царицынской операции, в течение упорной и длительной пятимесячной борьбы (с августа 1919 г. по январь 1920 г.). Здесь сосредоточилось,

в общем, 130 вооруженных судов, но одновременно могло действовать не более одной трети. Такова дань невольной импровизации; суда часто выходили из строя для ремонта и пополнения.

Исключительным упорством и искусством борьбы в 1919 и 1920 гг. отличалась и Астрахано-Каспийская флотилия в борьбе за бакинскую нефть. Здесь обращает на себя внимание система ведения операции—постепенный, по этапам, подход к цели.

Необходимо отметить ход нарастания опыта в действиях флотилий, в течение трех лет борьбы (с 1918 по 1920 гг.). Если сопоставить первые попытки действий флотилии в Казанской операции на Волге в 1918 г. с действиями на Каме в 1919 году и на Каспии, на Азовском море и на Днепре в 1920 г., то становится очевидной зрелость и грамотность действий особенно двадцатого года.

В общем, Красная армия обладает исключительно содержательным материалом боевых действий на реках и озерах. Нет сомнения, что будущие столкновения будут войнами гражданскими, когда возникновение очагов борьбы на всем пространстве воюющих государств станет явлением нормальным. Следовательно, нормальной будет борьба и на водных артериях. Учтем наш кровавый опыт, чтобы в будущем драться «малою кровью».

I. 1918 ГОД

Морские флоты. К началу 1918 года царской армии, как боевой силы, не существовало, но флот, в силу своей специфичности, еще сохранил некоторые признаки боеспособности.

Брест-Литовский мир вынудил Балтийский флот оставить свои оборудованные и богато снабженные базы—Ревель и Гельсингфорс—и зимою, в небывало тяжелых условиях ледяного покрова, перейти в Кронштадт и Петроград (ныне Ленинград). Здесь большинство кораблей было сдано на хранение в порт. Благодаря этому сохранилось огромной ценности боевое имущество, сыгравшее немалую роль в гражданской войне.

Участь Черноморского флота оказалась еще плачевнее. С приходом немцев в Севастополь, боеспособная часть флота оставила свою базу и перешла в Новороссийск. Однако это не спасло положения, ибо: 1) Германия не могла мириться с существованием на Черном море боеспособного флота Советской России; 2) Новороссийск по своим средствам и оборудованию не мог обслужить долгое время этот флот, и 3) советская власть, под напором ожившей донской контр-революции и добровольцев, постепенно оставляла черноморское побережье.

Германия потребовала перевода флота в Севастополь и его разоружения. Советское правительство приказало секретным радио потопить флот. Но часть реакционного офицерства не подчинилась

приказу. Один линкор и 6 миноносцев ушли в Севастополь. Оставшаяся часть судов, в составе одного линкора и 9 миноносцев, была затоплена в Новороссийской бухте.

Когда в Черное море на смену германцам пришли бывшие царские союзники, то корабли, ушедшие в Севастополь, были ими уведены в Измид (на Мраморном море) и возвращены белогвардейцам только в конце 1919 года. Наконец, после разгрома Врангеля, эти суда были уведены в Бизерту, где и находятся до настоящего времени.

На севере, в Мурманске, наши морские силы Ледовитого океана и Белого моря были захвачены англичанами и впоследствии некоторые из этих судов проданы ими на слом, а мелкие суда действовали на стороне белых и англичан против советской власти. Подобная же участь постигла и нашу Тихоокеанскую флотилию, попавшую в руки белых, когда на Дальнем Востоке международные белогвардейцы пытались удушить революцию. Даже Каспийское море англичане не оставили свободным от своего присутствия; здесь они создали сильный флот, вооружив коммерческие суда для борьбы с Советами.

Из изложенного видно, что международные империалисты спешили использовать слабость пролетарского государства, чтобы оттеснить советскую власть от морей и сделать последние свободными для своего хозяйничанья. Трудна и сложна была борьба на морских театрах для советской власти в гражданской войне.

Речные флотилии. Гражданская война, вместе с тем, вызвала к жизни борьбу на внутренних водных путях, где создаются импровизированные «морские силы»—тринадцать речных и озерных флотилий, действия которых на всем протяжении гражданской войны были теснейшим образом связаны с действиями, неудачами и победами Красной армии.

Создание и действия Волжской флотилии. Первым примером речной флотилии служат отряды судов Волжского бассейна, которые стали создаваться почином отдельных лиц—кустарно в начале апреля 1918 года в связи с обстановкой в Уральской и Оренбургской областях. Отсутствие опыта и наличие общего для всех вооруженных сил Республики того времени партизанского уклона делали эти отряды мало боеспособными; поэтому в мае месяце, в связи с общим ухудшением военной обстановки, отдается приказ приступить к вооружению судов на Нижегородских заводах.

Чехо-словаки, с занятием Самары, захватили много пароходов, лучшие из которых были ими вооружены и должны были содействовать продвижению Самарской группы чехов вверх по Волге для соединения с северными интервентами и восставшими в верховьях Волги белогвардейцами. Ко второй половине июля у чехов

уже действовало до 6 пароходов, вооруженных 42-линейными и 3″ пушками при одной пловучей батарее «Чехословак» с 6″ артиллерией. С нашей стороны также было 5—6 пароходов, вооруженных 3″ артиллерией и одной 6″ гаубицей, но подбор и крепления на наших пароходах были крайне плохи, благодаря чему некоторые из них выходили из строя после нескольких выстрелов, расходясь в швах.

Взятие Казани. Период боевых действий на Волге, до занятия Казани включительно, характеризуется нашими неуспехами. Плохо вооруженная, плохо снабженная, не имевшая опытных руководителей, красная флотилия не могла оказать достаточного сопротивления своему противнику. Флотилия же чехов, пользуясь этим, своим огнем по флангам и тылам наших малоустойчивых отрядов сильно содействовала продвижению своих войск, которые в ночь на 7-е августа заняли Казань. Дальнейшее отступление красных войск означало бы оставление Свияжского моста, что еще больше ухудшило бы наше положение, поэтому было решено во что бы то ни стало удержать этот мост, для чего был проведен ряд мер как в сухопутных войсках, так и на флотилиях.

Красная флотилия получила подкрепление несколькими пароходами и тремя миноносцами, переброшенными из Балтийского моря по Мариинской системе и сыгравшими огромную роль в дальнейших действиях. Красная флотилия получила, таким образом, специальные военные суда, укомплектованные исключительно старыми моряками, руководимые специалистами, и ее боевое настроение поднялось. Наоборот, личный состав белогвардейской флотилии, по этой же причине, теряет свою бодрость и не стремится больше к бою. Значение нашей флотилии, как боевого и морального факторов, выявилось уже 28-го августа при обходе белыми Свияжской группы, когда некоторые части, поддавшись панике, дезертировали с позиции, но, увидя стойкость флотилии, вернулись, и обход был ликвидирован.

Действия в районе Казани. К моменту наступательных действий против Казани красная флотилия имела в своем составе 5 вооруженных пароходов, 3 миноносца, 4 катера и 1 пловучую батарею с вооружением в 4—100-*мм*, 15 -75-*мм*, 12—3″ и 47-*мм* пушек. Неудачи савинковских восстаний, задержка интервентов на севере и нарастание сопротивления красных заставили белых принять решение, в целях выигрыша времени, удерживать Казань, сильно укрепив ее окрестности. Особенное значение для действий красной флотилии приобретали неприятельские батареи на Верхнем Услоне, откуда они простреливали фарватер [1] и легко могли поражать наши суда, оставаясь сами малоуязвимыми. Поэтому период с 28-го августа по 10-е сентября проходит

[1] Путь для безопасного в навигационном отношении прохода судов.

под знаком жестокой борьбы красной флотилии с неприятельскими батареями. В ходе борьбы выяснилось, что без хороших наблюдательных пунктов на берегу трудно сбить хорошо укрытую батарею, и флотилии пришлось пользоваться скорострельностью своих орудий, чтобы массою снарядов покрывать укрепленный район противника и заставить его этим молчать или менять позиции. Однако этот способ был слишком дорог и искупался лишь большим значением Казани.

Таким образом, флотилия вела упорную, в общем успешную борьбу с батареями противника,—правда, терпя иногда урон и сама. Так, 5-го сентября, в двухчасовом бою со всеми левобережными и правобережными батареями противника флотилия потеряла 2 парохода утопленными, но своими действиями отвлекла огонь батарей на себя, некоторые заставила замолчать и этим содействовала продвижению правобережной группы красных войск, которые заняли Воробьевку (близ В. Услона). В это же время заградительным огнем с пловучей батареи красная флотилия не дала возможности флотилии неприятеля приблизиться и оказать содействие своим частям. К ночи 10-го сентября красные части, при содействии флотилии, заняли исходное положение для наступления на Казань. Ночью суда перебросили красные части и небольшой десант моряков на Казанский берег Волги, после чего эти части вместе с подошедшими частями 2-й армии заняли город.

Взятие Казани оказалось поворотным моментом в кампании на Средне-Волжском участке. Красные войска перешли в наступление по всему фронту, а Волжская флотилия, преодолев сопротивление укреплений противника под Казанью, повела наступление вниз по Волге, при чем действием своей артиллерии по арьергардам противника содействовала наступлению красных войск. Флотилия противника неоднократно пыталась задержать наши суда, но не выдерживала их огня и неизменно отступала. Наконец, видя безуспешность своих попыток задержать красную флотилию, неприятель решил заградить фарватер затоплением барж, но это было своевременно обнаружено, и красная флотилия огнем своей артиллерии не дала противнику это выполнить. В дальнейшем белые неоднократно пытались прибегнуть к этому же способу, но задержать красную флотилию им не удалось.

Действия на Каме. 18-го сентября Волжская флотилия разделилась на два отряда: 2 канлодки, 1 пловучая батарея и 2 бронекатера, под командою тов. Сабурова, пошли в Самарском направлении для содействия войскам этого участка; 3 миноносца, 3 вооруженных парохода и 2 катера, под командою тов. Раскольникова, вошли в р. Каму, куда скрылась флотилия противника. Здесь красная флотилия имела уже главной задачей не борьбу с сухопутными частями противника, которые на этом участке незначительными

группами отступали в район, охваченный Ижевско-Воткинским восстанием, а уничтожение флотилии белых, дабы она не могла оказать сопротивление нашим частям, наступающим по берегу реки.

Флотилия неприятеля, хотя часто входила в соприкосновение с красной, но неизменно отступала и к концу сентября, оставив Елабугу, отступила к Пьяному Бору. Здесь, пользуясь очень удобной позицией, белые решили задержаться, установив на берегу батареи, чтобы дать этим возможность эвакуировать хлеб и военное имущество. 1-го октября красная флотилия имела здесь неудачный бой с неприятельской, которой, при содействии береговой батареи, удалось утопить вооруженный пароход «Ваня Коммунист» и нанести повреждение двум другим. Однако в неудобной позиции и вне огня своих батарей белые не осмелились продолжать бой и дали красной флотилии возможность отступить к деревне Ижевке—ниже Пьяного Бора, где она создала позицию из мин заграждения и батареи, решив задержаться до подхода отставших красных частей. 7-го октября флотилия противника появилась перед позицией, намереваясь, по-видимому, дать решительный бой красной флотилии, но благоприятный момент ею был уже упущен. Попав на минное заграждение, белые потеряли самый сильный пароход «Труд», который взорвался на мине, а остальные поспешно отступили. К этому же времени подошли отставшие красные части. Пьяный Бор совместными усилиями был нами взят, и флотилия противника, видя свое безвыходное положение, укрылась в р. Белую, заградив ее устье баржами.

Красная флотилия, поставив у устья р. Белой мины, пошла вверх по Каме, где оказывала наступавшим сухопутным войскам значительное содействие — вплоть до ледостава, когда ей пришлось уйти на зимовку в Нижний-Новгород.

Действия Волжской флотилии под Казанью оказали, таким образом, весьма существенную помощь наступлению наших войск, взятию Казани и дальнейшему продвижению до района Ижевско-Воткинского восстания. Флотилия противника, потеряв инициативу, не могла оказать достаточного сопротивления красной флотилии, а отсутствие на ее вооружении мин заграждения не позволило ей задержать наступление красных судов, затопление же барж на фарватере не оказалось большим препятствием.

Создание и действия Северо-Двинской флотилии. Не менее важное значение в обороне Советской Республики имела в 1918 году Северо-Двинская флотилия, занявшая путь, ведший к соединению северных интервентов и белогвардейцев с чехо-словаками и сибирской контр-революцией, для создания общего фронта против Советов.

С падением 2-го августа советской власти в Архангельске часть моряков, пробившись к пристаням, организовала увод всех пароходов,

которые могли двигаться. Уведенные суда были использованы для создания красной Северо-Двинской флотилии и лишили противника большого числа речных транспортных средств, крайне необходимых ему на этом суровом и бедном дорогами участке фронта.

С 5-го по 14-е августа были организованы 2 отряда моряков (более 200 человек). На пароходах, вооруженных 37-*мм* пушками, они отправились в район Петропавловский (выше устья р. Ваги), куда подошли уже и передовые части противника, с которыми 18-го августа и произошло первое столкновение. 24-го августа, получив подкрепление, красные перешли в наступление и дошли до устья р. Ваги, где противник сильно укрепился и продержался до половины сентября.

Получив подкрепления на суше и на реке, куда прибыли специальные английские канлодки, бело-англичане 16-го сентября сами перешли в наступление. Наши суда, наскоро вооруженные слабой артиллерией, не могли соперничать с канлодками противника и, заградив реку минами у д. Тулгас, отступили вместе с сухопутными войсками вверх по реке. Появление специальных судов противника заставило нас прибегнуть к спешному перевооружению судов дальнобойной морской артиллерией, после чего 25-го сентября красная флотилия из 4 пароходов и 2 пловучих батарей с вооружением в 5—100-*мм*, 1—75-*мм* и 2—3″ пушками вышла на фронт. Здесь, не встретив судов противника, которые в виду осеннего времени боялись замерзнуть вне базы, красная флотилия свою артиллерию направила против сухопутных частей бело-англичан и этим содействовала Красной армии выбить противника из его позиций.

Вывод судов из Архангельска, создание вооруженной флотилии, быстрая организация сопротивления на реке,—все это сильно содействовало нашему успеху в противодействии противнику—использовать Северную Двину, как ближайший путь на соединение с чехами и сибирской контр-революцией.

Флотилии Северо-Запада. Неопределенное положение с Финляндией и тревожные отношения с Германией заставили считаться с возможностью потери Петрограда и вызвали необходимость создания линии обороны восточнее от него, используя водные системы этого района. Для этого в апреле 1918 года Военный совет Северного участка и Петроградского района предусмотрел создание следующих флотилий: 1) по линии р. Волхов — оз. Ильмень — р. Мста—р. Ловать; 2) оз. Селигер—р. Селижаровка—верховья Волги до Ярославля и 3) р. Свирь—южная часть Онежского озера—р. Вытегра. В противоположность Волжской и Северо-Двинской флотилиям, которые создавались на месте из средств, попадавших в руки революционных матросов, и уже в дальнейшем ходе борьбы принимали организацию и определенные виды вооружения,—

организационные формы северо-западных флотилий явились плодом исключительно кабинетных измышлений морского отдела штаба участка и не всегда отвечали требованиям борьбы на речных системах. Кроме того, рассчитывая на местные средства, штаб выработал штаты отрядов судов, не всегда учитывая ресурсы местного водного транспорта, что в ход работы по созданию флотилий и их укомплектованию вносило немалую путаницу. Так, штаты предусматривали моторные баржи, которых вовсе не было на названных системах; табели комплектаций предусматривали поэтому мотористов, а в действительности нужны были кочегары и машинисты и т. д. К счастию, обстановка не потребовала боевых действий этих флотилий, и они в конце 1918 года были переданы в ведение морского ведомства, а затем, к началу кампании 1919 года, ликвидированы, за исключением Онежской флотилии, которая усилилась снабжением и судовым составом за счет ликвидированных.

Пример создания упомянутых флотилий показывает, насколько это было делом новым и незнакомым для наших специалистов. В то же время он указывает на крайнюю необходимость иметь в таких случаях точный учет средств водного транспорта для создания импровизированной флотилии.

Действия Балтийского флота. В связи с германской революцией в ноябре 1918 года и переходом в наступление красных войск Западного района обороны, перешла в наступление и 7-я армия, имея главное направление Нарва -Ревель и опираясь своим флангом на южный берег Финского залива. Балтийский флот должен был обеспечить фланг 7-й армии и своими действиями тревожить примыкающий к морю фланг бело-эстонцев путем его обстрела и высадки десанта. Выполнение этих задач возлагалось на утвержденный 15-го ноября «Действующий отряд» из 2 линкоров, 1 крейсера, 4 миноносцев и 7 подлодок.

Однако состояние этого отряда не позволило развить операции в полной мере, так как линкор «Петропавловск» не мог выйти в море как по техническому состоянию, так и по малой опытности личного состава; линкор «Андрей Первозванный» мог ходить только 10-узловым ходом вместо 18-узлового. Но самым важным препятствием было отсутствие достаточного количества топлива, которого, по опыту мировой войны, такой отряд для своих нормальных действий в месяц требовал бы 10 тысяч тонн угля и 3 тысячи тонн нефти. Несмотря на все сказанное, суда Балтфлота оказывали посильное содействие Красной армии. 28-го ноября для содействия операции под Нарвой был высажен десант из 2 рот моряков, который остался на фронте и после взятия последней. В дальнейшем суда Балтфлота, содействуя продвижению армии, обстреливали

прибрежные и железнодорожные пункты сопротивления белых. Наконец, 7-я армия поставила флоту задачу перебросить десанты в губу Кунда и Ревель, но эта операция не была выполнена из-за отсутствия топлива и из-за малой боеспособности «Действующего отряда», так как к этому времени в Балтийском море уже появились английские суда.

Отсутствие топлива, плохое состояние кораблей, особенно подлодок, и тяжелые физические условия (суда из Кронштадта надо было выводить при помощи ледоколов) заставили совершенно прекратить к 15-му декабря походы судов в море. Это сразу же имело свои результаты, так как с 15-го декабря слабый эстонский флот (одна канлодка и вооруженные пароходы) начинает тревожить наш фланг. До 20-го декабря он неоднократно обстреливает наш фланг и высаживает до 6 небольших десантных партий, что сильно беспокоит красное командование. Это обстоятельство порождает план смелой операции красных судов против Ревеля. Создается «Отряд особого назначения» из 1 линкора, 1 крейсера и 3 миноносцев под командованием тов. Раскольникова, с заданием обстрелять Ревельскую гавань и уничтожить находящиеся там суда противника. Однако выполнение этой операции 26-го декабря, вследствие плохой ее организации (весь отряд растянулся по всему Финскому заливу: 2 миноносца—у Ревеля, крейсер—у Готланда, линкор—у Шепелева, имея лишь 10 - 12 узлов хода, и 1 миноносец в Кронштадте), закончилось катастрофой. Мы потеряли 2 миноносца, взятых в плен англичанами. Эти миноносцы усилили бело-эстонский флот.

После этого эпизода красный флот больше не выходил в море, будучи скован льдом в Кронштадте. Противник же, пользуясь более благоприятными климатическими условиями и отсутствием наших судов в море, развил усиленную деятельность против фланга красных войск. Кроме того, отсутствие красного флота в заливе позволило бело-финнам беспрепятственно перебросить своих егерей на помощь эстонским белогвардейцам, которые перешли в наступление по всему фронту. Особенно деятельную помощь эстонский флот оказал своей армии при взятии ею Нарвы, обстреливая город судовой артиллерией и высадив десант в 1.000 штыков.

Итак, плохое техническое состояние судов Балтфлота, отсутствие топлива и климатические условия осеннего и зимнего периодов сильно затрудняли действия красного флота. Все же наш флот оказывал большое содействие Красной армии до 15-го декабря, и, наоборот, прекращение походов и действий судов, а особенно катастрофа 26-го декабря, дали инициативу флоту противника, который своими действиями оказал огромную поддержку бело-эстонцам в их контрнаступлении.

Астрахано-Каспийская флотилия. Как только на Восточном фронте обозначился успех Красной армии и Волга очистилась от чехов и Самарской учредилки, высшее командование дало директиву создать сильную флотилию, чтобы «добиться господства на Каспийском море и обеспечить центру Советской Республики беспрепятственную доставку бакинской нефти».

Для такой флотилии нужны были суда, способные действовать в море,—поэтому боевое ядро для морских операций было решено создать из миноносцев и подлодок Балтийского флота. С этой целью были переброшены в Астрахань 3 миноносца из р. Камы, 6 миноносцев направлялись из Балтики по Мариинской системе и 4 подводные лодки—по жел. дороге до Саратова, а оттуда водой в Астрахань. Предполагалось, что к первым числам ноября Астрахано-Каспийская флотилия будет способна выйти в море для выполнения поставленной ей задачи, тем более, что обстановка на Северном Кавказе вполне благоприятно складывалась для советской власти. Развивая свои операции, флотилия могла в значительной степени облегчить снабжение 11-й и 12-й армий, которое производилось из Астрахани гужем по Прикаспийским степям. Но для успешных действий в море флотилию необходимо было обеспечить операционной базой, так как Астрахань, находясь более чем в 150 милях от 15-футового рейда, не удовлетворяла условиям непосредственного подхода судов с большой осадкою; поэтому ближайшей задачей была поставлена операция против незамерзающего порта Петровска, который мог бы явиться хорошей базой для красной флотилии и приближал ее на 250 миль к Баку. Однако переброшенные из Балтики миноносцы и подлодки требовали большого ремонта,—поэтому с 5-го ноября по 10-е декабря производились лишь мелкие операции небольшими судами и 2 наиболее исправными миноносцами. В одну из таких операций была произведена переброска войск из Астрахани в Старо-Теречную для содействия 12-й армии, оперировавшей в районе Кизляр—Старо-Теречная. В то же время высшее командование настойчиво требовало развития серьезных операций на Петровск; поэтому штаб флотилии разработал план, по которому боевые суда вместе с пловучей базой (так как считалось, что вышедшая флотилия будет отрезана от Астрахани ледоставом) должны были выйти 25-го декабря в море и начать боевые действия. Но этот выход флотилии не состоялся вследствие отсутствия на миноносцах и подлодках приборов для прокачки торпед, которые прибыли лишь 10-го января 1919 года, когда флотилия оказалась уже закованной льдом.

Неготовность Астрахано-Каспийской флотилии, вызванная отсутствием на месте соответствующих судов, не позволила ей поэтому развернуть боевые действия в 1918 году за обладание Каспийским

морем и облегчить тяжелое положение Советской страны, промышленность и транспорт которой приходили в упадок из-за отсутствия топлива.

II. 1919 ГОД

Зимняя работа. Окончание войны с Германией развязало руки бывшим царским союзникам, которые усиленно принялись за организацию русской контр-революции. Поэтому и советское правительство старалось усилить свою вооруженную силу, в связи с чем на флотилиях также проводилась работа по ремонту судов, их вооружению, согласно опыта 1918 года, и по подготовке личного состава, для чего были созданы соответствующие курсы и школы. В Балтийском флоте 15-го марта был утвержден «Действующий отряд» в составе 2 линкоров, 1 крейсера, 6 миноносцев, 8 подлодок, 8 тральщиков, 2 заградителей, 6 сторожевых судов и ряда вспомогательных кораблей. Напрягались все силы к тому, чтобы эти суда с началом навигации могли развить боевые действия.

Зимою в начале 1919 года было приступлено к созданию еще двух флотилий: Днепровской и Донской. Для организации первой Морвед предоставил часть руководящего личного состава в распоряжение штаба Украинской армии. Что же касается Донской флотилии, то ее организационная работа весьма схожа с таковой во флотилиях Северо-западного участка. Здесь также были предварительно выработаны штаты флотилии, предусматривающие до 60 судов, тогда как на месте можно было найти не более 10—15, притом зимующих в различных пунктах реки. Когда позже это выяснилось, то решено было перебросить сюда несколько судов из Саратова и Астрахани по железной дороге, но это оказалось, за небольшим исключением, слишком поздно. Чрезвычайно плохо обстояло дело со снабжением флотилии средствами вооружения: были примеры, когда пушки приходили в мае, а крепительные болты—в июле и т. д. Не было достаточной четкости и в порядке подчинения флотилии: на это подчинение претендовали командъюж и командармы 9-й и 10-й. Все эти невязки привели к тому, что к началу военных действий на этом фронте флотилия фактически не существовала (не считая нескольких вооруженных катеров) и не смогла оказать должного содействия армиям Южного фронта.

Таким образом, зиму в начале 1919 года на всех фронтах гражданской войны старались использовать для усиления флотилий. Боевой опыт минувшего года учитывался на местах, но к центру доходил с запозданием, в виду чего при создании новой флотилии происходили новые невязки.

Действия Волжской флотилии на Каме весною 1919 г. В начале марта 1919 года Западная армия Колчака, выбрав

для своего удара наиболее слабое место Востфронта,—широко растянутую 5-ю красную армию,—в половине апреля оттеснила ее в общем направлении на Бугуруслан, Самару в район, примерно, в 60 *км* к востоку от Волги, создав, таким образом, угрозу перехода этой реки. Опасность еще более увеличивалась наличием в Перми белогвардейской флотилии, выход которой на Волгу и ее десанты могли бы значительно усложнить положение наших частей, прижавшихся к Волге своими тылами. Поэтому командование Восточного фронта торопило Волжскую флотилию выйти на фронт и преградить неприятельской флотилии прорыв из Камы на Волгу. Однако состояние льда позволило красной флотилии выйти на фронт только 28 апреля, при чем ее приход оказался весьма кстати, так как противник был уже западнее села Алексеевского, готовясь к переправе через Каму, чтобы захватить Казанский тракт и выйти в тыл 2-й красной армии, задержавшейся на р. Вятке. Дальнобойная артиллерия судов Камской красной флотилии, обстреляв сосредоточившегося для переправы неприятеля, произвела панику в его рядах и подняла дух красных войск, которые, перейдя в наступление, заняли село. В последующие дни суда флотилии усиленно работали своей артиллерией и десантом моряков, содействуя продвижению наших войск, которые 6-го мая заняли Чистополь.

После занятия Чистополя флотилия стала пробиваться к устью Вятки для обеспечения правого фланга 2-й армии от действий флотилии белых. Только 14-го мая удалось это выполнить, при чем в этот же день сюда подошла и флотилия неприятеля, которая после короткого боя отступила вверх по Каме, не прорвавшись в Вятку. К этому времени на главном направлении Восточного фронта ударная группа под командованием М. В. Фрунзе нанесла сильный удар противнику под Бугурусланом и Бугульмой и развивала наступление на Уфу. Для развития и обеспечения этого наступления необходимо было форсировать р. Вятку, сбить сильно укрепившийся здесь правый фланг Западной армии Колчака, срезав, таким образом, вдавшийся в наш фронт клин противника.

Попытки переправить наши части 19—20-го мая через р. Вятку окончились неудачей. Поэтому было решено ночью прорваться с отрядом моряков на пароходах в тыл сильно укрепленной (Свиногорской) позиции белых на левом берегу р. Вятки (около устья) и одновременно с этим форсировать р. Вятку с фронта. В ночь на 24-е мая десантный отряд моряков тов. Кожанова, пользуясь разливом р. Камы, в сопровождении 2-го дивизиона канлодок, незамеченным прорвался мимо позиции неприятеля к дер. Котловке, где быстро высадился и, под прикрытием огня канлодок, перешел в наступление, угрожая перерезать тракт Мамадыш—Елабуга в тылу у неприятеля. Этот маневр и огонь 2-го дивизиона заставили

противника покинуть укрепленную (Свиногорскую) позицию, которая была занята полками 28-й дивизии, переброшенными при содействии судов 3-го дивизиона. В то же время началась переправа частей 2-й армии на других участках реки Вятки, при содействии судов флотилии, соответственно распределенных по этим участкам.

Флотилия противника не появлялась, и комфлот Красной, для большей дезорганизации белых, решил двумя дивизионами подняться вверх по Каме и обстрелять тыл неприятеля—г. Елабугу. Не произведя разведки, канлодки 3-го дивизиона заняли позицию для обстрела города, но в этот момент из-за поворота реки показались 3 паровых вооруженных судна и одна пловучая батарея белых. Быстро сблизившись на 25 кабельтовых [1], противник открыл сосредоточенный огонь по красным канлодкам, две из которых, получив вскоре попадания, выбросились на берег. 2-й дивизион канлодок, очутившись ниже 3-го, не смог оказать ему поддержки и начал отступать до д. Котловки, чтобы воспрепятствовать неприятельской флотилии подойти к устью Вятки, где она своими действиями могла затруднить переправу 2-й армии. Красная флотилия, воспользовавшись временем, когда неприятель из-за увода выбросившейся канлодки прервал успешно начавшийся бой, заняла позицию у Котловки, пристреляв здесь две артиллерийских завесы на повороте реки. Когда около часа спустя две паровых канлодки противника появились и попали в район завесы, одна из них получила серьезные повреждения от попавшего снаряда, и противник повернул. Вторичная попытка противника прорваться была отбита подобным же образом.

Успеху колчаковцев в этом столкновении содействовало то обстоятельство, что они учли особенность речного боя, в котором узость реки затрудняет маневрирование, и установили на носу и корме своих судов по две пушки, вследствие чего при любых условиях каждая канлодка белых имела две пушки против одной у красных, а в данном бою 14 пушек против 2, действительно участвовавших в бою со стороны красных. Особенное же значение в этом столкновении имело то обстоятельство, что противник умело использовал пренебрежение к особенностям речного театра (изгибы, протоки и пр.) командира красной флотилии, не обеспечившего операцию разведкой. Противник, появившись внезапно, весьма организованно вел свое наступление до момента гибели красных канлодок, когда он выпустил инициативу из своих рук и тем дал красной флотилии возможность занять удобную позицию, на которой ей удалось отбить две последующих атаки белых

---

[1] Кабельтов—$1/_{10}$ мили = 186,89 *м* т.-е., в данном случае, немного больше $4^1/_2$ *км*.

судов, не пропустив их, таким образом, в наше расположение. Благодаря этому части 2-й армии беспрепятственно закончили переправу через р. Вятку, сбили правофланговую группу Западной армии Колчака с занимаемой ею сильной позиции, после чего белые быстро покатились к Перми.

В дальнейшем продвижению наших войск белые не смогли оказать большого сопротивления. Однако их флотилия прибегла к широкому использованию мин заграждения, чтобы задержать движение красных судов и затруднить их содействие сухопутным частям. Отсутствие специальных тральщиков часто задерживало движение флотилии, что вызывало нарекания со стороны сухопутных начальников. Тем не менее флотилия, часто рискуя судами, почти всегда успевала в те пункты, где ее помощь наиболее требовалась. В частности, ее участие во взятии Перми выразилось в том, что ее суда успели перебросить части 2-й и 3-й армий на левый берег Камы в районе гг. Осы и Оханска. После же взятия Перми вся Волжская флотилия, кроме 5-го дивизиона и канлодок, была отправлена на Волгу, где в связи со взятием Царицына войсками ген. Врангеля обстановка чрезвычайно осложнилась.

Таким образом, Волжская флотилия, выйдя на фронт раньше, чем флотилия Колчака, помешала последней выйти на Волгу и развить свои операции в тылу красных войск. Пробившись затем к устью р. Вятки, она не дала возможности судам противника помочь своим войскам переправиться на правый берег реки, где задержались слабые части 2-й красной армии, и оказала последней огромное содействие при форсировании этой реки как переброской десанта в тыл неприятеля, так и своими действиями на Вятке и, наконец, не допустив флотилию противника прорваться в наше расположение во время производства операции, обеспечила выполнение последней.

Действия на Каспии и на Волге. Военная и политическая обстановка в Прикаспии весною 1919 года требовала возможно скорого начала действий Астрахано-Каспийской флотилии. Однако ее техническое состояние, из-за позднего начала ремонта, мало соответствовало требованиям решительных операций. Тем не менее в 20-х числах апреля часть судов выходит в море и довольно легко захватывает форт Александровский, который используется под операционную базу и в котором по мере готовности сосредоточивались остальные суда флотилии.

По сосредоточении красной флотилии в ф. Александровском была предпринята 18-го мая операция против с. Чечен, с тем чтобы, опираясь на него, развить дальнейшие действия против Петровска. Но плохое техническое состояние миноносцев, малообученность личного состава и несплаванность кораблей не позволили выполнить

эту операцию, и она сорвалась в силу того, что суда в тумане потеряли друг друга и не смогли связаться даже по радио. Повторение операции, назначенное в ночь с 21-го на 22-е мая с Астраханского 12-футового рейда, не состоялось из-за развернувшихся к тому времени новых событий.

Англичане, не оказавшие сопротивления красной флотилии при ее выходе в море из-за боязни миноносцев и подлодок, за время стоянки флотилии в форту Александровском хорошо изучили ее недостатки. Решив поэтому действовать против отдельных частей красной флотилии, 21-го мая, когда наши главные силы находились на 12-футовом рейде, неприятель с 6 кораблями атаковал форт Александровский, который охранялся слабым отрядом судов, утопил 1 вооруженный пароход, 1 миноносец, пловучую батарею и много вспомогательных судов и нанес этим большой удар нашей флотилии. К этому же времени военная обстановка на суше значительно ухудшилась и не способствовала развитию операций на Каспийском море. Поэтому Астрахано-Каспийская флотилия 29-го мая вернулась в Астрахань, имея задачей содействовать частям 11-й армии по обороне р. Волги и ее дельты.

Борьба за Волгу. К середине июня 10-я армия откатилась к Царицыну, который подвергся четвертому окружению неприятеля, угрожавшего подать руку помощи разбитым армиям Колчака. Тяжелая обстановка складывалась и в низовьях Волги, где противник занял 28-го мая Джамбай, 30-го мая Ганюшкино и вел наступление на Красный Яр и Ханскую Ставку, угрожая перерезать железную дорогу, связывающую Астрахань с центром через Покровскую Слободу.

В связи с таким положением встал вопрос об уводе Астрахано-Каспийской флотилии из Астрахани. Однако этот увод позволил бы неприятелю легко ворваться из Каспийского моря своими судами и ухудшить тяжелое положение красных сухопутных частей на Волге. Поэтому было решено часть судов оставить в Астрахани, а четыре миноносца и подлодки отправить в Казань, два миноносца— под Царицын для содействия обороне последнего. После его падения они отправились также к верховьям.

Речные вооруженные суда Астрахано-Каспийской флотилии были разбросаны для охраны реки от устья до Царицына, где в связи с малочисленностью сухопутных частей (на правом берегу от Солодников до Бузана было 1.300 красноармейцев на протяжении 370 верст, а на левом берегу лишь во Владимировке находилось 5 милиционеров) они имели огромное значение, ибо, получая отдельные районы и пользуясь своей подвижностью, они возмещали малочисленность сухопутных войск, поддерживали их действия своей артиллерией, обслуживали радио-связью и обеспечивали им снабжение.

После падения Царицына Волжская и Астрахано-Каспийская флотилии объединились под командованием т. Раскольникова в одну Волго-Каспийскую флотилию, разделяясь на отряды, которым присваивались названия тех районов, где они действовали, с оперативным их подчинением начальникам соответствующих сухопутных боевых участков.

Оборона дельты р. Волги. Чтобы удержать за собой устье р. Волги, не дать прорваться в него белому флоту, который, таким образом, получил бы возможность содействовать соединению контр-революционных уральцев с группой ген. Драценко, наступавшей со стороны Логани, красным командованием был создан из речных судов, барж и моторных рыбниц отряд «Обороны дельты р. Волги», который, пользуясь мелководностью северной части Каспийского моря, успешно отражал попытки более глубоко сидящих белых судов прорваться в Волгу, чем сильно способствовал нашим немногочисленным сухопутным частям в борьбе с противником, который был лишен регулярного снабжения и подкрепления с моря. Тесное сотрудничество судов обороны дельты и красных сухопутных частей дало возможность удержать низовье Волги и сев. часть Каспийского моря в наших руках до осени, когда были переброшены в этот район подкрепления, в том числе и отряд моряков тов. Кожанова, которые общими усилиями ликвидировали обе группы противника, заняв Ганюшкино и Логань, служившие базами неприятельским войскам.

Наступление на Царицын. К 14-му августа ударная группа войск под командованием т. Шорина получила директиву сбить противника с фронта Балашов—Камышин с общим направлением на Нижний Дон. Северному отряду В.-К. флотилии выпала задача содействовать левому флангу группы в направлении на Царицын. Отряд, сосредоточив к ночи 14-го августа в 10 верстах выше д. Нижней-Банновки 5 канлодок, 1 пловучую батарею и 16 катеров, начал свои действия. Однако до 21-го августа, в виду слабой связи с сухопутными частями, несколько отставшими, эти действия большого значения не имели, так как противник, под влиянием обстрела с судов, отходил от реки, но, когда суда проходили далее, он часто занимал свои прежние позиции, подвозя даже батареи для обстрела проходящих судов. Только после взятия Камышина, когда к флотилии был присоединен отряд моряков, она смогла развить более активные операции. Сбивая своей артиллерией противника с позиций, флотилия высаживала моряков, которые закреплялись и входили в связь с ближайшими красными частями; так была занята отрядом моряков в 600 штыков и 80 сабель сильно укрепленная Дубовка, оборонявшаяся конным корпусом противника. После этого флотилия продолжала свои действия с общим развитием

наступления к Царицыну. Здесь 5-го сентября отряд моряков, при содействии флотилии, занял Царицынский орудийный завод и ворвался в город, но вследствие своей малочисленности был выбит из города с большими потерями.

Для обороны Царицына неприятель сосредоточил на его подступах до 86 орудий, а против флотилии бросил значительную часть своей авиации. Последняя своими беспрерывными атаками сильно затрудняла действия флотилии, сбивая ее с позиций, удобных для обстрела сухопутных частей и батарей противника, а иногда и нанося судам значительные повреждения. Отражение воздушных атак затруднялось отсутствием противоаэропланной артиллерии на судах и слабостью нашей авиации, в виду чего были присланы на фронт суда, вооруженные исключительно противоаэропланной артиллерией. Наши потери и сильное сопротивление противника заставляют отступить красные войска из-под Царицына; при этом суда энергично поддерживали фланг, не дав противнику прибегнуть к его излюбленному методу—кавалерийским атакам и опрокинуть отступающие части в Волгу.

Оборона Черного Яра. В то время, когда ударная группа тов. Шорина наступала на Царицын с севера, части 11-й армии и суда Верхне-Астраханского речного отряда вели на него наступление с юга и 9-го сентября заняли Солодники. Но происшедший на Северном участке перелом операции 10--11-го сентября позволил белым перебросить сюда подкрепления, и наши части и суда вынуждены были отступить к 25-му сентября до Черного Яра. В этот же день противник обошел этот город с юга, занял Соленое-Займище и окружил Черноярский гарнизон, отрезав части судов отряда сообщение по реке. Эти суда должны были оказывать поддержку осажденному гарнизону и обеспечить ему снабжение и подкрепления по Воложке через Владимировку. Обе задачи были достаточно ответственны и трудны. Неприятель почти ежедневно штурмовал город и одновременно производил атаки на суда отряда, сильно затрудняя их содействие сухопутным товарищам.

Такое положение продолжалось с 25-го сентября по 30-е октября, когда суда перебросили из Владимировки подкрепления Черноярскому гарнизону, который вместе с судами, перейдя в наступление на Соленое-Займище, выбил оттуда противника и, соединившись с Средне-Астраханским отрядом судов, перешел в наступление на Старицкое (выше Черного Яра), которое благодаря успешной стрельбе наших судов вскоре было оставлено противником, начавшим быстрый отход на Царицын. Но наступившие морозы и ледоход не позволили судам сопутствовать Красной армии. Часть их, действовавшая ниже Царицына, ушла на зимовку в Астрахань, а суда Северного отряда отправились в Саратов и Нижний-Новгород,

предоставив, таким образом, частям Красной армии, после 5-месячной совместной борьбы за Волгу, самим покончить со значительно надломленным противником у царицынской «пробки», которая и была ликвидирована в январе 1920 г.

Значение красной флотилии в борьбе за Волгу огромно. Благодаря ее усилиям флотилия противника не смогла прорваться в Волгу с моря, и белые части, действовавшие в низовьях, были лишены содействия своих судов. Красные всегда стремились не оставлять противнику пловучих средств. Белые имели на Волге лишь 5 вооруженных катеров, тогда как красная флотилия состояла из 130 вооруженных кораблей. Это обстоятельство обеспечивало Красной армии, помимо боевой поддержки, удобную коммуникацию, а противник даже вдоль реки пользовался лишь гужевым транспортом. Своими действиями по флангу противника флотилия сильно содействовала Красной армии, обеспечивая ей собственный фланг. Наличие судов флотилии в значительной степени возмещало малочисленность Красной армии на Нижней Волге, хотя из 130 вооруженных пароходов одновременно на фронте действовало не более одной трети, так как суда импровизированной флотилии часто выходили из строя для ремонта и пополнения.

Действия на Северной Двине. Северный участок фронта в 1919 г. вполне определенно выявил свое второстепенное значение. Но роль Северо-Двинской флотилии была большой, в связи с тем, что р. Северная Двина служила англичанам, как единственное операционное направление.

Считаясь с наличием в составе неприятельской флотилии английских канлодок и мониторов, предполагалось весною 1919 г. главный удар войскам противника нанести в тот момент, когда, по условиям вскрытия реки, белая флотилия будет еще во льду, а красная, находясь южнее, уже освободится от него, чтобы использовать артиллерию флотилии против сильно укрепленных позиций неприятеля и занять устье р. Ваги. Однако, когда красная флотилия пришла в Котлас, пошел сплошной лед из р. Вычегды, который задержал ее почти на неделю, и когда 1-го мая флотилии удалось выйти на фронт, то уже на второй день пришлось встретиться с судами противника, действия которых вынудили красных перейти к обороне. До 19-го мая слабая красная флотилия, пользуясь занятой удобной позицией, удачно отбивала атаки английских канлодок, но в этот день красные сухопутные части попали в очень тяжелое положение, и комбриг, которому флотилия была подчинена оперативно, приказал весь огонь судовой артиллерии перенести на белые войска. Это дало флотилии противника полную свободу действий как против наших сухопутных войск, так и против флотилии, и в результате сухопутные войска вынуждены были отступить, а флотилия при

отступлении заградила фарватер минами. В дальнейшем, пользуясь минным заграждением, красная флотилия удерживала позиции до сентября, когда красные части перешли в наступление, в котором флотилия успешно им содействовала, одновременно траля свои и неприятельские мины. На Северной Двине впервые пришлось встретиться с магнитными минами, которыми англичане пользовались при своем отходе. Это обстоятельство сильно задержало флотилию, заставив ее отстать от Красной армии. 17-го октября, в виду начавшихся морозов, флотилия ушла на зимовку в Котлас.

Опыт Северо-Двинской флотилии показал, как видно из изложенного, что бороться импровизированной флотилии со специально построенными судами трудно, но, пользуясь удобной позицией, особенно усиленной минами заграждения, оборона вполне возможна. Это и позволило красной флотилии не дать судам противника возможности прорваться в наше расположение, чтобы беспокоить фланг и тыл красных частей. Наличие флотилии на Северной Двине, несомненно, оказало большую поддержку частям Красной армии в ликвидации северной интервенции.

Действие Онежской флотилии. На Онежскую флотилию выпала задача содействовать Красной армии на Междуозерном участке фронта, в связи с чем ее действия распространялись на Онежское озеро, р. Свирь и Ладожское озеро. Силы флотилии к началу кампании насчитывали в своем составе около 30 судов, притом флотилия находилась в благоприятном положении, так как в случае нужды в ее распоряжение могли быть переброшены миноносцы и сторожевые суда из Балтики.

Ладожское озеро. Видлицкая операция. В конце июня 1919 г., когда происходила борьба с первым наступлением на Петроград, бело-финская добровольческая армия, двигаясь по восточному берегу Ладожского озера, угрожала перехватить не только Мурманскую ж. д., но и железные дороги, связывающие Петроград с Москвой и Вологдой. В связи с этим был отдан приказ оттеснить противника за финскую границу и установить общий фронт с Петрозаводской группой красных войск. Для облегчения задачи решено было вместе с наступлением по фронту высадить десант в тыл неприятеля. Для этой цели в Ладожское озеро были переброшены из Балтики 2 миноносца и сторожевые суда. 27-го июня десант, погруженный на пароходы, в сопровождении боевых судов, подошел к устью р. Видлицы, где располагалась главная материальная база бело-финнов. После двухчасового боя судов с береговыми батареями пароходы беспрепятственно вошли в реку и высадили десант, который при поддержке судового огня захватил неприятельскую базу и дезорганизовал тыл противника. В результате операции бело-финны были отогнаны на свою

территорию, потеряв большое имущество, захваченное красным десантом.

Действия на Онежском озере были направлены против белых, которые еще зимою вышли на северный берег озера и вели наступление на Петроград вдоль Мурманской жел. дор. Малочисленность красных частей этого района требовала постоянных действий флотилии против фланга и тыла противника путем обстрелов берега и высадки десантов. Чтобы облегчить положение своих частей и оказать сопротивление красной флотилии, неприятель прибегнул к совместным действиям гидроавиации и быстроходных катеров, вооруженных 47-*мм* пушками, которые в бою 1-го августа принудили 2 красные канлодки выброситься на берег, а третья с большими повреждениями вернулась в базу. Этот эпизод заставил усилить Онежскую флотилию сторожевыми судами и одним миноносцем из Балтики, что позволило развить достаточно интенсивные осенние операции, оказавшие большую помощь красным частям в ликвидации попытки северных белогвардейцев поддержать ген. Юденича в его наступлении на Петроград.

Наличие Онежской флотилии дало возможность развить успешные десантные операции на Ладожском и Онежском озерах в тыл неприятельским войскам, которые вследствие бедности дорогами Междуозерного района наступали вдоль побережья этих озер. Операции флотилии возмещали малочисленность красных частей, которые смогли в самые критические моменты удержать бело-финнов и северных белогвардейцев на достаточном расстоянии от Петрограда, способствуя, таким образом, его обороне.

Действия Балтийского флота. Позднее окончание кампании на Балтике в 1918 г. и недостаток средств и рабочих рук не позволили к началу навигации 1919 г. ввести в строй утвержденный высшим командованием «Действующий отряд». Вместо этого весною могли начать действия лишь 1 миноносец, 2 сторожевых судна, 4 тральщика; линкор «Андрей Первозванный» мог развить лишь 8 узлов хода, подлодок не было совершенно. В это время противник имел: 2 эстонских миноносца, 1 канлодку, 3 вооруженных парохода и почти неограниченную поддержку крейсерами, миноносцами, подлодками, торпедными катерами и даже впоследствии мониторами англичан. При таком соотношении сил и начались операции в половине мая во время первого наступления на Петроград.

14-го мая белогвардейцы и эстонцы перешли в наступление, которому эстонский флот сильно содействовал высадкой десанта в Лужской губе и обстрелом Лужского и Копорского побережья. Эти действия эстонского флота обеспечивались английскими силами, которые установили линию блокады о. Биорке — Долгий Нос (западнее Кр. Горки), при которой нашими небольшими силами

нельзя было оказать сопротивление операциям эстонского флота. Когда 18-го мая миноносец «Гавриил» с тральщиками вышел в Копорский залив, то немедленно был атакован 4 английскими эсминцами и был принужден с боем уйти за минное заграждение. Несмотря на это, красный флот своими действиями стремился облегчить положение сухопутных частей. Линкор «Петропавловск», подвергаясь сильному преследованию со стороны английских подлодок, выходил в Копорский залив, чтобы оказать содействие нашим частям, перешедшим в конце мая в наступление в прибрежном районе.

Особенно же большую услугу Красной армии и советской власти флот оказал во время восстания форта Красная Горка. Это содействие флота, помимо обстрела мятежного форта и выделения отрядов, которые 16-го июня заняли его, заключалось в огромном моральном влиянии на другие форты, которые частью восставали, частью же были готовы к восстанию. Английский флот, наблюдая огонь 2 линкоров по форту, также не смел приблизиться для оказания помощи мятежникам.

Не желая рисковать ценными судами для атаки нашего флота, англичане наметили ряд судов, которые подверглись комбинированной атаке торпедных катеров и гидроавиации в ночь с 17-го на 18-е августа. Эта атака не оправдала надежд англичан, так как была потоплена только база подлодок «Память Азова» и подорван линкор «Андрей Первозванный», при чем 3 английских катера были потоплены огнем миноносца «Гавриил».

В период второго наступления на Петроград эстонский и английский флоты возобновили свои действия, при чем в этот период англичане вели более интенсивные действия, включив в свой состав мониторы с 15″ артиллерией. Красный флот не имел в своем распоряжении ни достаточных сил, ни,– что особенно важно,—достаточного количества топлива, чтобы развить свои действия против флота неприятеля. Тем не менее, активные действия им производились, и были потоплены 1 английская подлодка и 1 миноносец. Правда, в одной из ночных операций в Копорском заливе погибло на неприятельских минах 3 красных миноносца, что было для наших легких сил весьма чувствительным уроном. В период же непосредственной борьбы за подступы к Петрограду артиллерия линкоров и миноносцев с успехом была привлечена для борьбы с белыми, обстреливая районы Красного Села — Павловска. В то же время на сухопутный фронт было выделено 11.000 моряков, боровшихся, главным образом, на Приморском участке фронта.

Из изложенного видно, что Балтийский флот был крайне затруднен в своих действиях против сильного противника, однако, несмотря на эти недостатки, его действия связывали свободу операций противника, который, особенно после потерь миноносца и подлодки, стал более осторожным. Революционная стойкость красного флота

во время восстания фортов имела решающее значение в ликвидации восстания и вызвала атаку английских торпедных катеров на главные силы флота. Но полного успеха противник не достиг и не помешал Балтийскому флоту оказать большую поддержку защитникам Петрограда во время обоих наступлений на него.

III. 1920 ГОД

По военной обстановке, сложившейся в 1920 г., существовали и действовали 5 военных флотилий: Каспийская, Азовская, Днепровская, Западно-Двинская и Аму-Дарьинская. В настоящем очерке мы остановимся лишь на действиях Каспийской, Азовской и Днепровской флотилий, как на наиболее характерных.

Действия Каспийской флотилии. В связи с общим разгромом Добровольческой белой армии, в начале 1920 г., на Прикаспийском театре шло успешное наступление красных армий. Однако эти успехи не могли гарантировать беспрепятственную доставку нефти к сердцу Республики, пока на Каспийском море господствовал белый флот. Соотношение сил и действия на Каспии весною 1919 г. требовали усиленной работы по укреплению Каспийской флотилии, которая и началась осенью 1919 г. путем переброски из Балтийского моря миноносцев и сторожевых судов, зазимовавших, однако, вследствие ледостава на Мариинской системе и не успевших прибыть к началу кампании на Каспийское море. Тем не менее военная обстановка требовала развития боевых действий с открытием навигации. Поэтому 18-го марта часть Каспийской флотилии вышла на 12-футовый рейд, с тем чтобы, опираясь на него, начать свои операции по захвату о. Чечен в качестве базы. Обстановка способствовала красной флотилии: 30-го марта пролетариат г. Петровска восстал против белых, и 3-го апреля два наших миноносца были уже в порту этого города; таким образом, вопрос с базой значительно облегчился. 4-го апреля миноносец «Карл Либкнехт» пошел к форту Александровскому, где после короткого боя заставил отступить два неприятельских корабля и принудил к сдаче ютившиеся здесь остатки Уральской армии в количестве 1.088 казаков и 72 офицеров при 2 генералах. Захват флотом форта Александровского окончательно ликвидирует тяжелую борьбу с Уральским казачеством, начатую в Заволжье. Здесь, с захватом форта Александровского, сомкнулся круг борьбы с уральскими казаками, начатый Красной армией из Самары и законченной красным флотом на Каспии.

Смелые действия красных судов и общая обстановка, повидимому, сильно влияли на моральное состояние флота противника, так как последний, будучи значительно сильнее красного, вовсе не искал решения в бою. Два его корабля перешли на нашу сторону; а когда 24-го апреля в Баку совершился переворот, весь его флот

ушел в персидский порт Энзели под покровительство англичан. После этого Каспийское море к северу от линии Баку—Красноводск было в наших руках. Однако, пока рядом—в Энзели—существовал гнойник в виде большого числа белых судов, которые в руках более решительного врага могли бы угрожать притоку нефти к промышленным центрам РСФСР, нельзя было успокоиться. Поэтому комфлот тов. Раскольников решил произвести набег на Энзели с целью захватить или уничтожить белую флотилию.

18-го мая 4 миноносца, 3 крейсера и 2 канлодки с десантным отрядом моряков вышли из Баку курсом на Энзели. Подойдя к порту, комфлот послал ультиматум английскому генералу Шампань сдать Энзели, в виду присутствия в порту белых судов и военного имущества. В целях поддержки требования, суда открыли огонь по той части города, где находились английские войска, а десантный отряд, высадившись восточнее Энзели, прервал им связь с г.告 Рештом. В виду такого положеня англичане попросили пропустить их в Решт, что и было сделано; в наши руки перешло 10 белогвардейских крейсеров, 7 транспортов и много военного имущества. Каспийское море с этого момента оказалось в полном распоряжении советской власти, и торговое мореплавание могло в нем развиваться свободно.

Действия на Азовском море. В течение всей гражданской войны красные войска дважды выходили на Черное и Азовское море, но господство на этих морях всегда находилось в руках белых и интервентов. Остатки Добровольческой армии, организованные под командованием ген. Врангеля на Крымском полуострове, благодаря этому могли беспрепятственно переброситься через Азовское море и развить успешное наступление в Северной Таврии. Но, помимо этого направления, противнику для пополнения живой силы своей армии необходимо было выбросить в Донскую и Кубанскую области десанты, которые могли бы пополниться частью контр-революционного казачества, все еще имевшегося, хотя в меньшей, чем в 1918—1919 гг., степени, в этих областях. Для противодействия этим возможностям противника красная флотилия на Азовском море могла бы оказать большую услугу. Но ее создание затруднялось отсутствием соответствующих судов, так как вышедшие к побережью Азовского моря красные части находили в его портах лишь суда сожженные, затопленные и мало пригодные для вооружения. Тем не менее, красное морское командование использует все, что может держаться на воде, для вооружения. 9-го июля красной флотилии из 5 еще не закончивших вооружение судов пришлось вступить в бой с противником, состоявшим из 1 миноносца и 8 вооруженных судов, конвоировавших десант из 800 донцов. Бой не был успешным для красных, так как суда, не закончившие вооружения, быстро

выходили из строя, и с наступлением темноты красная флотилия отступила, а десант противника высадился в районе ст. Новониколаевской. Этот десант своих действий развить не мог, так как ночью одно неприятельское судно подорвалось на минах, поставленных нами у входа в Таганрогский залив, вследствие чего дальнейшей помощи десанту с моря не было оказано. Красная же флотилия ежедневно тревожила донцов, десант которых к 15-му июля был частью ликвидирован окружившими его красными войсками, частью же прорвался в степи, но боевого значения уже не имел.

К половине августа красная флотилия усилилась настолько, что начала смелые вылазки из своей базы, Мариуполя, в Керченский пролив для постановки мин заграждения, и когда 16-го августа Врангель выбросил десант Улагая в район Ахтара, действия красной флотилии против его тыла и на коммуникационных линиях имели огромное влияние на моральное состояние неприятеля. Кроме того, для содействия ликвидации десанта флотилия перебросила из Мариуполя десант моряков в ст. Камышеватскую, при чем встретившаяся флотилия противника не приняла боя. Десант Улагая к концу августа, не имея поддержки, под напором красных частей отступил к Ачуеву, откуда эвакуировался обратно в Крым.

Не получив ожидаемого успеха от своих десантов, Врангель начинает решительные операции в Таврии и на побережьи Азовского моря, где его войска наступали на Бердянск. 14-го сентября, для содействия своим частям, белая флотилия начала обстрел Бердянска, куда срочно вышел отряд красных судов. На следующий день произошел бой между 7 судами белых и 6 кораблями красных, при чем на стороне белых был один миноносец. Однако, благодаря мужеству личного состава красной флотилии, суда которой, получив повреждения, продолжали вести бой на буксирах у других, победа оказалась на стороне красных. После пятичасового боя одна канлодка противника была утоплена, и он, пользуясь превосходством в скорости хода, отступил. Противник усилил свою Азовскую флотилию миноносцами типа «Новик». Но развернувшиеся события на суше и потеря Мариуполя заставили красную флотилию отступить в Таганрог.

Итак, оставив в портах Азовского моря негодные суда, противник все же недооценил возможности их использования. Красные создали из них флотилию, делавшую смелые вылазки и наносившую урон более сильному неприятелю. Несомненно, что действия красной флотилии против десанта на Дону и Кубани оказались одним из факторов, давших возможность Красной армии быстро ликвидировать эти десанты, имевшие целью вызвать новую вспышку донского и кубанского казачества.

Действия Днепровской флотилии на р. Припяти в июле 1920 г. Характерным случаем борьбы речной флотилии с

полевыми позициями противника и бронепоездами являются действия Припятской группы Днепровской военной флотилии во время боев с поляками (см. схему).

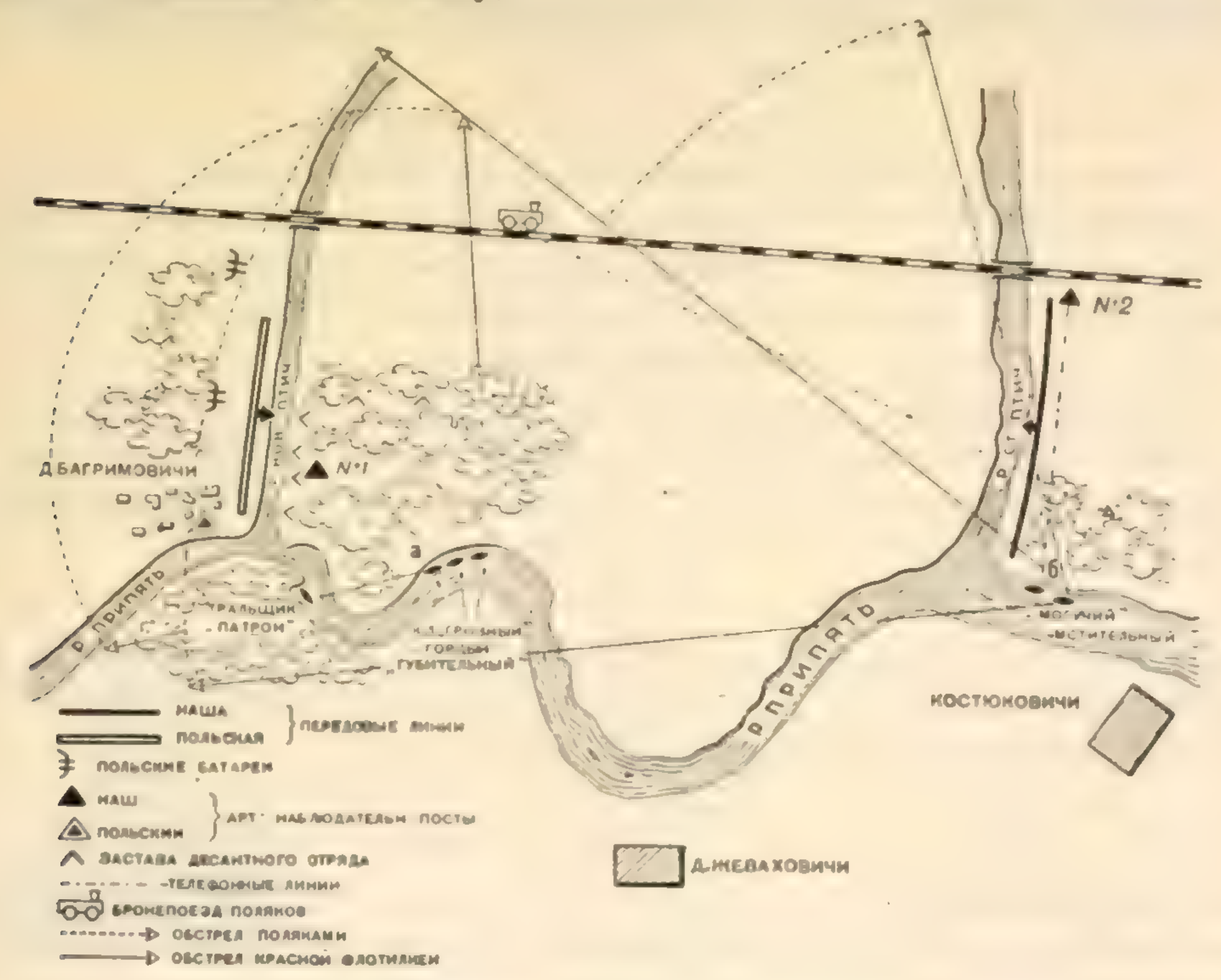

Схема действий Припятской группы Днепровской флотилии.

В конце июля 1920 г. передовые части поляков занимали правый берег реки Нов. Птич. На железной дороге изредка появлялись бронепоезда противника.

Наши передовые части занимали левый берег р. Ст. Птич.

Поляки задерживали наше наступление артиллерийским огнем батарей и бронепоездов.

Для содействия частям Красной армии прибыла Припятская военная флотилия и заняла позиции, как указано на схеме.

Канонерские лодки—«Грозный», «Гордый» и «Губительный», вооруженные 75-*мм* артиллерией, став на якорь за лесистым мысом (см. схему), выставили артиллерийского наблюдателя № 1, охраняемого заставой десантного отряда флотилии. Охрана флотилии на реке со стороны противника выполнялась тральщиком-заградителем «Патрон», укрывшимся в затоне от прицельного огня противника. Задачей данной головной части флотилии являлся обстрел участка железной дороги с железнодорожным мостом на р. Нов. Птич, неприятельских окопов и батарей и деревни Багримовичи.

Канонерские лодки — «Могучий» и «Мстительный», вооруженные 130-*мм* орудиями, стали у лесистого берега на левом фланге крас-

ных частей (см. схему), выдвинув артиллерийского наблюдателя № 2 к жел.-дорожному мосту через реку Ст. Птич. Задачей второй группы флотилии являлось: поддержка огнем 130-*мм* орудий головной части флотилии и борьба с бронепоездами противника на участках между жел.-дорожн. мостами.

Пределы огня судовой артиллерии показаны на схеме.

Результаты стрельбы передавались с наблюдательных пунктов по телефону береговому телефонисту (*а*, *б*),—от него по семафору на суда.

В первый день боя судовая артиллерия вынудила противника несколько раз менять позиции артиллерии и отразила две попытки бронепоезда оказать содействие своим частям.

К вечеру второго дня противник вынужден был отступить. Ему удалось задержаться лишь после отхода на 40 километров вглубь своей территории. Потери противника остались невыясненными. Наши потери — 27 человек, выбывших из строя.

Удачное расположение артиллерийских наблюдателей от флотилии, расположение судов флотилии и большая дальнобойность судовой артиллерии обеспечили успех. Точно пристрелянные дистанции затрудняли деятельность бронепоездов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

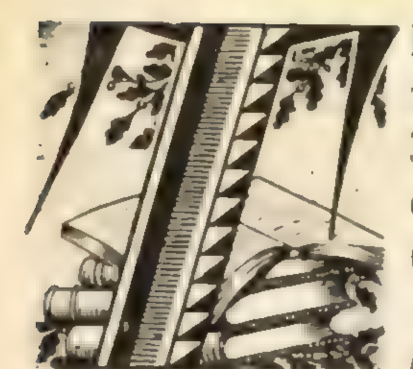
Гражданская война нам не дала больших морских сражений, но она вызвала к жизни импровизированные речные и озерные флотилии. Флотилии создаются часто стихийно на наиболее угрожаемых участках фронта и, действуя вместе с частями Красной армии, терпя иногда неудачи, наносят сокрушительный удар контр-революции. Эти действия дают богатый материал для изучения и использования при подготовке к будущей войне; поэтому мы попытались дать практический уклон настоящему очерку, выделяя из всей эпопеи гражданской войны отдельные эпизоды, на которых читатель мог бы увидеть организационную и боевую работу флотилий и оценить их значение.

Р. ЦИФФЕР

ЦЕННОСТЬ ОПЫТА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ОБЛАСТИ ТАКТИКИ

РИ элемента определяют характер и особенности тактики в каждый данный период ее развития. Этими элементами являются: 1) техника, т.-е. средства, необходимые для борьбы; 2) люди (бойцы) и их свойства; 3) местные условия.

Техника и местные условия теснейшим образом связаны между собой. Раздельное изучение техники и местных условий допустимо лишь в элементарной тактике, когда стремятся выявить предельные способности различных технических средств и конкретные условия местной обстановки, влияющие на предельные возможности техники и на способы ее применения. Раздельное исследование техники и местных условий на последующих ступенях изучения тактики неизбежно ведет к туманным гипотезам, расплывчатости, к построению отвлеченных схем вместо практически полезных конкретных выводов.

В этой статье мы рассмотрим технику и местные условия в их взаимном сочетании. Цель наша—дать краткие, посильно конкретные выводы из тактического опыта нашей гражданской войны,—выводы, значение и ценность которых заключаются в возможности предвидения тактического характера войн будущего.

Исследование столь же важного, как и обширного вопроса о бойце гражданской войны, о его существенном отличии от солдата прежних времен, о его сходстве с бойцом будущих войн,—мы не ставим своей задачей. Попытка кратко осветить столь высокой важности вопрос неизбежно привела бы к схематичному, упрощенному и, несомненно, поверхностному изложению. Вопрос о бойце гражданской войны требует специального изучения. Старый солдат, которого можно было вести в бой при помощи до смешного наивных

лозунгов, отошел в область предания. События 1917 года в старой русской, французской, итальянской, австрийской и германской армиях знаменовали собой окончательное отмирание старого типа солдата и «рождение» солдата нового,—мыслящего, требующего ответа на вопрос о цели, о смысле войны, о его, солдата, заинтересованности в войне. Правдивый ответ на эти вопросы был тогда невозможен для командования империалистических армий,—невозможен он и теперь, как невозможен и в будущем.

Степень возможного обмана бойца служит измерителем боеспособности живой силы империалистических армий. В нашей армии работа по пробуждению сознания и укреплению понимания классовых интересов вооруженных рабочих и крестьян составляет большую и важную отрасль общей военно-политической работы. Наша работа в области военно-политической столь же «специальна», как и работа в области тактики, в области выявления наилучших методов и приемов использования средств и сил для решения частных задач, возникающих в процессе борьбы.

Необходимо сочетание выводов как из области тактики, так и из области военно-политической работы. Недопустимо, однако, такое «сочетание», которое стирало бы сознание необходимости и специфичности военно-политической работы при оперировании новым бойцом, совершенно не похожим на забитую «святую, серую скотинку» старых армий. Мы сознательно уклоняемся от изложения в данной статье вопросов военно-политической работы и связанных с ними вопросов о бойце гражданской войны, учитывая размеры статьи и стремясь избегнуть, как было уже выше подчеркнуто, поверхностности изложения и,—что было бы еще хуже,—поверхностности выводов.

★

Десятки лет готовились империалисты к решительной схватке за дележ мира. Со времени окончания франко-прусской войны (1870—71 гг.), со времени зарождения Германской империи и вплоть до 1914 года,—все это время представляло собою период планомерной, настойчивой и связанной с затратой огромных средств подготовки к «большой» войне, которая должна была решить вопрос о господстве над миром. Эту войну готовили государства мощные, богатые, прочные; они подготовили для использования в войне значительные материальные средства и многомиллионные человеческие массы.

Как представляли себе эту войну?

Будущая война рисовалась в виде решительной кратковременной схватки, в которой вопрос о победе будет скоро и определенно решен энергичным, быстрым вводом в борьбу всех предназначенных

для войны средств и сил. *Накопленная десятилетиями мощь должна была дать быстрый, огромной силы и решительного действия разряд.* В несколько месяцев должен был выясниться вопрос о победе. Отчетливо можно было предвидеть, где развернутся военные действия; отчетливо можно было определить грани между фронтом и тылом.

Грянула война. Десятилетиями накопленные средства, многомиллионные массы брошены в бой. Быстрого и решительного результата нет. Обе стороны закапываются в землю все глубже в ожидании лучших времен, когда накопятся достаточные силы для возобновления решительных действий. Лучшие бойцы, подготовленные в мирное время, выколочены в первых боях. Накопленные в мирное время боеприпасы иссякли. Все без исключения воюющие армии,—одни сильнее, другие слабее, — переживают снарядный кризис. Победы нет. Как же воевать дальше?

На это никто целостного, определенного ответа дать не мог. Началась *позиционная война*.

От времени до времени тот, кто считал себя сильнее, опять старался кончить войну быстрым и решительным ударом. Одна за другой следуют, в большинстве малоуспешные, попытки прорывов. Ценность этих боев главным образом в том, что они давали материал, необходимый для познания наиболее целесообразных форм, методов и приемов ведения современной войны в тех конкретных ее формах, которые она приняла. Жестокой ценой расплачиваются за науку. Войска вынуждены забывать многое из того, чему их учили в дни мира, и под огнем противника учиться тому, чего требовала современная война. Прорыв и позиционная оборона— таковы основные вопросы тактики в период войны 1914—1918 гг.

В военно-техническом отношении позиционная война стала фактором колоссального практического значения. Она с безжалостной четкостью выявила ошибки, заблуждения и предрассудки мирного времени, она потребовала выявления и усвоения навыков и приемов, необходимых для полного, всестороннего использования современной техники. Она стерла национальные различия. На определенном фронте две враждебных армии, сцепившихся в мертвой схватке одна с другой, перенимали одна от другой все, имеющее подлинную практическую ценность,—средства, способы и приемы боя.

★

Новизна техники, применявшейся в войне 1914—1918 гг., весьма относительна. Велась эта война оружием, по существу, старым, только в «новых», небывалых до сего количествах и «новыми», выработанными в большинстве в процессе войны, приемами. В основном, военная техника, применявшаяся в мировую войну, была

создана в последнее двадцатилетие XIX и в первое десятилетие XX вв. Так, например, система вооружения пехоты, применявшаяся во время войны 1914—18 гг., была выработана лет за 25—30 до начала мировой войны. Возьмем русскую армию: вооружение ее пехоты в том виде, в каком мы наблюдаем ее к началу мировой войны, сложилось уже в 90-х годах прошлого столетия. В 1891 году была введена многозарядная винтовка системы Мосина. Станковый пулемет системы Максима испытывался в России уже в 1887 году, принят на вооружение в крепости и проверен в боях во время экспедиции против Китая в 1900—1901 гг. К середине русско-японской войны станковый пулемет получил достаточно широкое распространение: каждая пехотная дивизия имела уже свою пулеметную роту. Ручные гранаты, получившие столь широкое распространение в мировую войну, в значительном количестве применялись также русскими и японцами в русско-японскую войну.

Таким образом, система вооружения русской пехоты установилась в окончательной форме за много лет до начала мировой войны. Такое же, примерно, положение, с незначительными отклонениями в отношении времени, не меняющими, по существу, нашего общего заключения, наблюдалось и в пехоте других армий. То же, без существенных изменений, наблюдается и в артиллерии. Наиболее совершенной полевой пушкой является 75-*мм* французская пушка, образца 1897 г. Полевые орудия, которые вводились на вооружение артиллерии после появления французской 75-*мм* пушки, не только не отличались от нее в выгодную сторону, но, наоборот, несмотря на более позднее появление, они в некоторых отношениях довольно существенно уступали ей. Во всяком случае, не лучше ее была русская полевая пушка, образца 1902 г., австрийская—образца 1905 г., и др.

Учитывая ограниченные размеры статьи, мы не будем приводить здесь дальнейшие доказательства в подтверждение положения, что нового (в области техники орудия) в войну 1914—1918 гг. было мало. Новое в тактическом отношении из того, что дала мировая война, вызывалось, однако, не теми данными, которые нами были указаны выше. Несмотря на выявление и закрепление новых форм и способов маневрирования вооружением, эти данные решающего влияния на развитие техники не имели. Важнее то, что относилось не к области качества,—важнее небывалое огромное *количество* оружия, которое понадобилось для войны.

Известно, что в большей или меньшей степени все воевавшие стороны ошибались в определении количества средств, потребных для войны. Это обстоятельство, не говоря уже о ряде неприятных в стратегическом и оперативном отношениях последствий, вызвало необходимость предъявления очень серьезных требований к военной

промышленности — уже во время самой войны. В сравнительно короткий срок пришлось, под давлением нужд войны, при нарастающей угрозе со стороны врага, решать задачи, которые, по существу говоря, могли быть и должны были быть разрешены до возникновения войны. Но даже в этих трудных условиях мощность промышленности, на которую опиралось большинство воюющих сторон, и налаженность мирового транспорта (дававшая возможность поддержки более мощными союзниками менее мощных) обеспечили очень быстрый количественный рост военной техники.

В двух только областях военной техники мы наблюдаем в войну 1914—1918 гг. много нового. Качественный рост двигателей внутреннего сгорания стимулировал развитие авиации и бронесил. Тот же прогресс мотора породил моторизацию армии,—медленное, но неуклонное внедрение механической тяги взамен животной. То, что было неосуществимо в «век пара» из-за громоздкости, тяжести, сложности паровых двигателей, то позволяет успешно осуществить мощный и относительно негромоздкий, простой в использовании, двигатель внутреннего сгорания. Вторая область нового в войне 1914—1918 гг.—это область химических средств борьбы. Старинная, сотни лет насчитывающая, идея применения химических средств борьбы смогла быть в широких, иногда решающих размерах проведена в жизнь и использована благодаря мощному росту современной химической промышленности.

Этими двумя областями,—всем тем, что связано с двигателем внутреннего сгорания, и тем, что связано с химией,—исчерпывается, по существу, все новое в области технических средств войны 1914—1918 гг. В отношении техники наиболее важны и интересны в войну 1914—1918 гг. другие моменты. Война 1914—1918 гг., помимо того, что *потребовала технических средств в небывалом до сих пор количестве, заставила по новому использовать старое оружие*,—она заставила к старому оружию подойти по-новому, деловито, отбросив предрассудки мирного времени.

Усиливая количественно технику, воюющие стороны стремились упрочить оборону, стремились обеспечить сокрушающую силу прорыва. Для достижения этого одного только наличия технических средств было мало; необходимо было такое их использование, при котором они давали бы сильное действие в кратчайший срок, обеспечивая внезапность—основу всякого успеха. Достигнуть же этого оказалось не так-то легко. Артиллерия лишь к 1917 году в такой мере усовершенствовала методы своей стрельбы, что можно было реально ставить и решать вопрос о сокращении времени на артиллерийскую подготовку без умаления ее силы и тем самым достигать внезапности. К этому же, примерно, времени относится и появление нового средства прорыва—большого количества танков,

олицетворяющих собой перенесение начал морской войны на сушу. В общем же, до конца войны чувствовалось большое противоречие в области техники: прорвать фронт врага, проложить путь для маневра могла только мощная техника, но она же и отягощала войска, лишала их маневренности. Причина мощи становилась причиной слабости. Как медленно двигаются войска Антанты с их сокрушительной техникой за отступающими в 1918 году германцами... Огромные средства техники и массы живой силы медленно тянутся за отступающим противником, со скоростью всего лишь нескольких километров в день.

Как изменилась военная организация в войну 1914—1918 гг.?

Основные в этом отношении изменения таковы: рост числа машин в военных организмах, проникновение этих машин вплоть до мельчайших организационных ячеек—это первое. И второе: непосредственно вытекающее из этого количественное уменьшение живой силы и рост требований, предъявляемых к качеству живой силы. Возрастающая техническая насыщенность потребовала четкости в организации, потребовала уточнения и усиления органов и средств управления. Таким образом, в организации войсковых соединений, сложившейся в войну 1914—1918 гг., машин стало больше, людей меньше; четкости в организации составных частей соединения, в средствах, методах и приемах управления ими—больше.

Значительное количество технических средств, использованных для войны, в сочетании с небольшими, относительно, пространствами, на которых развернулись военные действия, привело к очень большому и все возрастающему насыщению армий техническими средствами. Это же обстоятельство, в связи с тем, что не было выработано методов овладения этой массой техники для целей борьбы, привело воюющие стороны, стремившиеся ввести в бой все средства, все силы, к длительному позиционному периоду войны.

Позиционная война, на наш взгляд, явилась следствием трех причин: 1) многочисленной техники; 2) пространственной ограниченности театров войны (на западе Европы, сверх того, сказалась близость источников снабжения и мощность транспорта); 3) *неумения владеть всей многомиллионной, мощной техникой современной войны.*

Основные тактические и технические выводы из опыта этой войны могут быть разделены на две категории:

а) Выводы, основанные на более полном овладении старой техникой и сохраняющие свое значение не только для позиционной войны,—например, способы использования станковых пулеметов, выявленные опытом войны 1914—1918 гг., исчисленная стрельба артиллерии и т. д.

б) Выводы, порожденные основными чертами обстановки позиционной войны и присущие только позиционной войне,—например, многополосная оборона.

Естественно, что поскольку выводы первой категории сохраняют свою ценность для гражданской войны, постольку выводы второй категории практической ценности для нее не представляют. Наоборот, позиционные привычки могли сыграть, и действительно играли, при попытке применения их в обстановке гражданской войны весьма печальную роль. Так было, например, с польским командованием при попытке построения обороны в 1920 году исключительно по данным опыта войны 1914—1918 гг.

★

За войной 1914—1918 гг. непосредственно следовали н о в ы е войны: наша гражданская война, вспышки гражданской войны в Средней Европе, войны на Востоке ближнем (греко-турецкая война), дальнем (гражданская война в Китае), длительная борьба в колониях. Эти войны н о в ы и по своим целям, и по месту, и по средствам, в них применявшимся. Эти войны, особенно наша гражданская война, знаменуют собой перелом в военном искусстве, начало н о в о й в нем эпохи. В них уже проглядывают черты классовых войн будущего.

В чем основные отличия этих новых войн от войны 1914—1918 гг.

Одно из важнейших и основных отличий—это разбросанность, обширность театров военных действий. Грани между фронтом и тылом буквально стираются. Каждый из воюющих имеет массу друзей впереди—за фронтом врага, врагов—в своем тылу и вокруг себя. Если не считать революционных событий, развернувшихся в 1918—1919 гг. в Средней Европе, все остальные военные действия, в том числе и наша гражданская война, развернулись на театрах, значительно отличающихся по своим свойствам от основных театров войны 1914—18 гг. В значительной мере военные действия развернулись на так называемых «малокультурных» театрах.

Какова «техника» этих войн?—Как общее правило,—технических новинок нет. Борьба ведется средствами, оставшимися от войны 1914—18 гг. Промышленные возможности воюющих сторон, экономические условия не таковы, чтобы могло заметно развиваться производство новых, удовлетворительных по качеству, средств борьбы. Впрочем, если бы даже в новых войнах, возникших после войны 1914—1918 гг., и можно было рассчитывать на то же количество оружия, каким располагали воюющие стороны в 1914—1918 гг., то и тогда основная отличительная черта новых войн от войны 1914—1918 гг.—*абсолютно меньшая насыщенность техникой—осталась бы неизменной.* Иначе и не могло быть при огромном

протяжении фронтов и при их разбросанности. Особенно же эта черта сказывалась в нашу гражданскую войну.

При количестве технических средств, меньшем, чем в войну 1914—1918 гг., при ухудшении их качества, слабая насыщенность техникой огромных по протяжению фронтов сказывалась еще острее и порождала основную черту всех подобных войн—крайнюю маневренность, большой размах операций. Если в позиционный период войн отодвигались на задний план средства усиленной подвижности (например, конница) и приобретали первенствующее значение средства усиленной мощности (например, тяжелая артиллерия), то в новых войнах (и особенно заметно опять-таки в нашей гражданской войне) наблюдается обратное. Особое, подчас решающее, значение приобретают средства усиленной подвижности (конница, бронесилы), падает «спрос» на средства увеличенной мощности, но ослабленной подвижности. Сравните, например, роль конницы Буденного в войне с белополяками в 1920 году и печальную участь в той же войне относительно многочисленной группы красной тяжелой артиллерии, погибшей при отступлении от Варшавы.

Маневренность, легкость, подвижность—таковы основные требования, предъявленные к военной организации опытом новых войн. Следовательно, в техническом отношении новые войны, в том числе и наша гражданская, были характерны тем, что 1) они велись *остатками средств* от войны 1914—1918 гг.; 2) они значительно повысили спрос на *подвижные*, «упрощенные» в отношении мощности *средства*. Да иначе и быть не могло. Громоздкая техника на «дырявых» фронтах новых войн могла быть чаще обузой, чем мощным подспорьем в борьбе. Так было в нашу гражданскую войну, так было, например, и в Марокко.

Существенно изменилось в новые войны и количество и качество живой силы. Пассивно в новые войны были втянуты огромные массы людей — все население театра военных действий и тыла. Активно участвовало в войне с оружием в руках не такое уже большое количество людей. Сравните, например, число бойцов на фронте войны с белополяками в 1920 году с количеством бойцов на том же по местности фронте в 1916 -17 году. В первом случае число бойцов было немногим больше сотни тысяч, во втором случае оно исчислялось миллионами. Новые войны ведутся малыми силами, малыми средствами на больших фронтах. Иное и качество бойцов, и отношение к врагу. Подлинные противоречия, породившие и питавшие борьбу, выявились достаточно остро.

Каков был боец реакционных армий? Тот ли это был бессловесный, послушный солдат войны 1914—1918 гг., особенно первых ее месяцев?—Нет. Под сходной внешностью скрывалось другое содержание. Как ярко, например, это сказалось в опыте интервенции

французов на нашем юге. Как ярко это сказалось на австрийских и германских оккупационных войсках на Украине в 1918 г.

Бегло отмеченные нами выше основные черты новых войн не могли не отразиться и на военной организации. Вся организация вооруженных сил должна быть легче, гибче, чем в мировую войну; каждое войсковое соединение должно было уметь решать, при относительной своей малочисленности (необходимой для обеспечения подвижности), такие задачи, которые в мировую войну выпадали на долю соединений гораздо более крупных. Соединения становятся менее громоздкими,—они относительно более богато насыщены техникой, но малолюдны. Средства и органы управления не становятся меньше. Ведь полк в 300 штыков и 15—20 пулеметов при 4 орудиях выполнял задачи не легче тех, которые выполнял двух-трехтысячный полк в войну 1914—1918 гг. А задачи и управление были труднее. Вот почему мы видим в новых войнах значительное разрастание средств и органов управления. Этот здоровый, по существу, процесс приобретал, дойдя до некоторого предела, крайне нездоровые формы,—на тылах оседало все то, что по видимости принимало участие в войне, а фактически от нее уклонялось. Все же надо заранее сказать, что в тех трудных условиях управления, которые наблюдались в новых войнах, разрастание средств и органов управления, разрастание и усложнение тыла было явлением в значительной мере неизбежным.

Существенно изменилось *относительное значение различных родов войск*. Особенно это заметно в отношении конницы. Наша гражданская война выдвинула ряд совершенно новых тактических вопросов; кроме того, к ряду старых вопросов она заставила подойти по-новому.

★

В тактическом отношении существенно отличаются три периода нашей гражданской войны.

Первый период—захват восставшим пролетариатом жизненных центров страны: *борьба в городах*.

Второй период—распространение власти пролетариата на страну, борьба на важнейших, преимущественно железнодорожных, путях страны, так называемая эшелонная война.

Третий период—втягивание все больших сил и средств в борьбу, *зарождение и развитие больших фронтов гражданской войны*, завершающихся созданием кольцевого фронта, сжавшего Республику Советов. Этот период закончен к 1920 году ликвидацией Врангеля.

Гражданская война замирает постепенно, проходя свой четвертый период — *отдельных контр-революционных восстаний и их подавления*, предсмертных судорог контр-революции, в виде так называемого *политического бандитизма*.

В краткой статье нет возможности, хотя бы даже в общих чертах, обрисовать тактические особенности нашей гражданской войны в различные ее периоды. Возможна лишь постановка вопросов и наметка основных направлений и этапов в их разрешении.

Борьба в городах. Старая военная литература совершенно не уделяла внимания этому вопросу. 2—3 страницы в некоторых курсах тактики—вот почти все, что можно найти в старой военной литературе. Из всех трудов, посвященных борьбе за местные предметы, заслуживает внимания только один—француза Луи Гаволя: «Роль населенных пунктов на войне», появившийся в восьмидесятых годах прошлого столетия. Выдержки из него были помещены в журнале «Военный Сборник» за 1883 г. (№ 2—4) и перепечатаны в сборнике «Уличный бой», изд. Гвиз, 1924 г.

Опыт революционной борьбы в городах Франции и Германии в XIX веке (1831 г., 1848 г., 1871 г.) не был подвергнут специальному тактическому исследованию. Царская армия вплоть до 1905 г. не имела опыта действия в городах, если не считать упорных боев в городах Средней Азии, при завоевании последней. Опыт 1905 г. не нашел почти никакого отражения в военной литературе. Приказы главным образом подчеркивают необходимость проявления беспощадности при подавлении «мятежников», вот и все. Более внимательно отнеслись к вопросу революционеры. Интересно отметить издание в Женеве брошюры Северова «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию». События гражданской войны, сменившей войну 1914—1918 гг., заставили обратить внимание на разработку вопросов борьбы в городах, являющихся завязкой всякой гражданской войны. Особенно интересна и деловита проработка этого вопроса в германской военной литературе.

Первыми по времени в германской военной литературе были соответствующие главы широко распространенного в Германии курса тактики Рорбека и статьи Балка, содержащие основные выводы из опыта спартаковских восстаний и их подавления. В последующее время интерес к этому виду боевых действий в Германии не ослабевал. Разработка его сосредоточилась главным образом в органах «Шупо» (охранной полиции). Интересные статьи на эту тему появились в органе германской полиции «Die Polizei». Издано несколько практических руководств для полиции при действии внутри страны. Недавно, летом 1927 года, вышла в свет книга подполковника германской охранной полиции Гартенштейна, в которой всесторонне разбирается вопрос борьбы в городах, главным образом — на опыте гамбургского восстания.

Германские источники, разбирающие вопрос преимущественно с точки зрения организации, техники и тактики предупреждения и подавления восстаний, являются ценнейшим материалом для познания

методов и приемов борьбы с пролетариатом его классовых врагов. Много беднее исследования и практические руководства по вопросу о борьбе в городах на других языках. Тут наибольшего внимания заслуживает английская инструкция о ведении уличного боя (включена в указанный выше сборник «Уличный бой»).

Если на Западе, особенно в Германии, столь заметно возрос интерес к вопросу борьбы в городах с точки зрения предупреждения и подавления пролетарских восстаний, то, естественно, не меньший интерес этот вопрос должен был вызвать в нашей военной литературе при подходе к нему с противоположной стороны главным образом в целях исследования и выявления целесообразных методов и приемов борьбы восставшего пролетариата. Трудность исследования вопроса при таком подходе и ряд других соображений приводят к тому, что сейчас наша военная литература недостаточно еще богата работами, посвященными этому вопросу.

Эшелонная война. Вслед за захватом власти в центрах страны наступает следующий этап—распространения власти побеждающего класса по всей стране, путем захвата сообщений. Так, вслед за начальным периодом борьбы в городах следует так называемый период «эшелонной» войны. Использование железных дорог для военных, а тем более для боевых целей—дело достаточно трудное. В эшелонной войне, помимо трудностей технического порядка, положение осложняется тем, что все мероприятия проводятся, в лучшем случае, при недостаточной надежности высшего технического персонала, в худшем случае—при его враждебности.

Поддержка низовых слоев железнодорожников только частично может способствовать устранению возникающих трудностей. Восставшие, как это имело место в нашей гражданской войне, не имеют в своих рядах достаточного количества людей, знакомых с техникой использования железных дорог для военных и боевых целей. Это порождает существенные затруднения и само по себе способно привести к роковым неудачам. Так оно и было в эшелонный период нашей гражданской войны. Техника использования железных дорог была, конечно, далеко не безупречна, и не так уже редки были случаи крушений, неудач по причинам чисто технического порядка. Помимо задач технических, эшелонная война требует решения труднейших задач оперативно-тактического и организационного порядка. Каковы должны быть состав эшелонов, последовательность их движения, порядок посадки и высадки, меры разведки и охранения, направление движения, чтобы была обеспечена решительная успешность действий и боеготовность в движении?

Литература по этому вопросу, как наша, так и иностранная, крайне бедна. В упомянутом уже нами курсе тактики Рорбека по этому вопросу находим только такие указания:

«Когда окончательно установлены силы и состав войск, нужно выяснить способ железнодорожной переброски. Прежде всего, нужно установить, будут ли подвозиться войска по одной линии, или будут использованы несколько путей и, вместе с тем, несколько выгрузочных пунктов. Перевозка по одной линии облегчает управление. При перевозке же по нескольким путям может быть одновременно произведена выгрузка нескольких колонн, и наступление войск может быть произведено одновременно и концентрически из нескольких пунктов.

Распределение эшелонов должно быть тщательно продумано. Основным является положение, что войска должны быть погружены сообразно способу их применения. Командующий операцией и его штаб, как общее правило, следуют с первым эшелоном, дабы при всех обстоятельствах быть на месте и крепко держать в руках все нити операции. Именно первые мероприятия являются в большинстве случаев решающими для всей операции.

Вышеупомянутые боевые отряды (пехота, тяжелые пулеметы, немного артиллерии, несколько всадников) грузятся, оставив излишний обоз в первых эшелонах. Поезда должны следовать один за другим, отправляясь с промежутками в 10—15 минут. Все необходимые в течение первых двух дней части общего обоза отправляются во вторую очередь особыми эшелонами. При внезапном появлении войск, целесообразно выступить единовременно всеми частями, насколько это позволяют технические условия ж. д., появиться в нужном месте, крепко завладеть центральным вокзалом и быстро занять сильными частями ближайшие важнейшие пункты. Такое внезапное наступление войск близ города или в самом городе и тесное соединение всех сил уменьшает возможность соприкосновения войск с враждебным правительству населением. Важно, чтобы войска при первом выступлении остерегались дробления сил. Для более внезапного появления войск часто пользуются самыми ранними утренними часами».

В нашей литературе помимо немногочисленных, разбросанных в разных местах исторических примеров, можно назвать только одну, правда, весьма интересную и дельно написанную, статью, специально посвященную эшелонной войне (С. Белицкий—«Эшелонная война» в журн. «Война и Революция» за 1927 г. Октябрь).

Фронтовая война. С линий железных дорог борьба, постепенно расширяясь, охватывает всю страну. Начинается период зарождения и все большего развития *многочисленных фронтов войны.*

Для начального периода фронтовой борьбы характерно стремление воюющих сторон приложить старый опыт к новой обстановке. Так, в нашу гражданскую войну с самого ее начала была сильна тенденция со стороны участников, имевших опыт войны 1914—18 гг., приложить этот опыт в новых боях. Тенденция эта отразилась в стремлении действовать сплошными фронтами, а не отдельными группами в важнейших оперативных направлениях. При ограниченности сил и средств, стремление к созданию сплошных фронтов приводило к незначительной их глубине и недостаточной устойчивости.

Правда, эта тенденция не может считаться совершенно ошибочной и неправильной. Развертывание в линию определенной части сил и средств всегда необходимо для создания посильно прочной

завесы, за которой возможны маневренные группировки и подготовка этих группировок для действий. Надо отметить, что обстановка гражданской войны, с самого ее начала характеризовавшаяся необходимостью действий на больших фронтах малыми средствами и силами, предъявляла очень большие требования к оперативной и тактической подготовке командного состава, особенно высшего. Если командный состав, в особенности высший, периода позиционной войны должен был быть отлично подготовлен в техническом отношении и должен был владеть вполне уверенно, по крайней мере, основными средствами современной военной техники, то требования к командному составу, особенно высшему, в гражданскую войну были несколько иного порядка. Прежде всего, требовалась большая оперативная сообразительность, уменье действовать быстро и решительно, сплошь и рядом проявляя очень большую инициативу.

Такой командный состав, естественно, не мог появиться сразу. Только в процессе войны могли выработаться сильные командиры, ориентирующиеся в обстановке, способные к самостоятельным разумным действиям. Процесс выработки такого командного состава, разумеется, не мог итти гладко и хотя бы сколько-нибудь планомерно: эта тенденция неизбежно принимала не совсем здоровые формы того, что вошло в историю под названием «партизанщины». Нездоровая в своих крайних проявлениях, «партизанщина», вместе с тем, является совершенно неизбежным этапом на пути развития командного состава и искусства управления войсками в гражданскую войну. Стремление устранить это явление путем все более и более возрастающей централизации управления имеет довольно жестко очерченный предел разумного. Централизация управления в условиях нашей гражданской войны,—да и в других войнах, развившихся после войны 1914—18 г.,—дело трудное. Стремление проводить ее во что бы то ни стало очень часто может повести к резко отрицательным последствиям. Вести войну нового типа, опираясь на командный состав, особенно высший, способный действовать только по указке и неспособный к смелому проявлению инициативы, совершенно невозможно. Техника еще не знает таких средств, при помощи которых можно было бы гарантировать успешное централизованное управление массой сил, разбросанных на столь обширных театрах, каковы театры нашей гражданской войны. Разумная самостоятельность и инициативность командного состава, четкость работы, отражающаяся в создании организационных соединений, способных, при ограниченности состава, к самостоятельным действиям в отдельных оперативных направлениях,—таково основное требование, предъявляемое гражданской войной в начале того ее периода, который характеризуется зарождением фронтов.

В нашей, помещенной в этом же томе, статье «Ценность опыта гражданской войны в области тактики» (см. ниже) разбираются вопросы наступления и обороны в условиях гражданской войны применительно к этому важнейшему роду войск. Изложение этих вопросов в упомянутой статье страдает неполнотой: недостаточно освещены данные, относящиеся к использованию других родов войск. Но все же эта статья, на наш взгляд, обрисовывает существеннейшие различия в приемах наступления и обороны опыта нашей гражданской войны в сравнении с опытом войны 1914—1918 гг. При этом вопросы наступления не столь интересны, как вопросы обороны.

Наступление в гражданскую войну отличается от наступления в войну 1914—1918 гг., особенно в позиционный ее период, главным образом, иной последовательностью действий и иной степенью напряженности боя.

Схема развития наступления в войну 1914—1918 гг. такова: намечение места прорыва, на основании длительной и всесторонней разведки расположения противника; длительная организация прорыва, обеспечивающая быстроту его развития; прорыв, в основе успешности которого лежит наличие достаточных артиллерийских средств и слаженность действий артиллерии и пехоты, — прорыв, требующий от пехоты, при крайнем напряжении, действий на небольшом сравнительно пространстве и даже создания специального вида «ударной пехоты»; развитие прорыва с введением многочисленных резервов и распространение этих резервов в сторону флангов прорыва.

Последовательность наступательных действий в гражданскую войну и характер их несколько иной. Разведке ставится задача не столько обнаружения и изучения намеченного для прорыва места, сколько обнаружения слабо занятых и совсем незанятых противником участков местности; гораздо меньше продолжительность самого процесса вторжения в расположение противника; другие требования предъявляются к ударным группам: основное требование, предъявляемое к последним,—это способность к быстрому маневрированию. Это требование осуществимо только при условии отказа от перегруженности маневренных группировок избыточными техническими средствами.

Необходимо «облегчить» группировки; вместе с тем это вполне допустимо, так как при растянутости фронтов гражданской войны и ограниченности сил и средств построение такой плотной и глубокой обороны, как это наблюдалось в позиционный период 1914—1918 гг., совершенно невозможно. Точно так же резервы, бросаемые для развития прорыва, отличаются не столько своей многочисленностью, сколько своей подвижностью. Лучшим средством развития и завершения прорыва является многочисленная конница.

Более интересны, и главным образом,—оперативно интересны, вопросы обороны. Некоторые наши военные работники до сего времени склонны считать возможным перенесение в нашу обстановку приемов обороны, сложившихся на западно-европейском фронте в войну 1914—1918 гг. Из силы и дальности действия современной артиллерии они выводят обязательное при всяких условиях требование построения глубокой обороны. На наш взгляд, это—ошибка, и ошибка большая, грозящая весьма неприятными последствиями; заключается эта ошибка в отвлеченном подходе к оценке силы и плотности артиллерийского огня. Такое сосредоточение артиллерийских средств, какое наблюдалось на западно-европейском фронте в войну 1914—1918 гг., в наших условиях не было достижимо даже в напряженнейший период позиционной войны (1915—1917 гг.). Тем менее оснований считать это достижимым в будущей войне; тем менее оснований ставить в упрек Красной армии недостаточно «европейский» вид ее обороны в гражданскую войну.

Бесспорно, ограничиваться в обороне только наличием «линии наблюдения»,—а к этому довольно часто сводилась (за недостаточностью сил и средств) оборона у красных и у белых в гражданскую войну,—нельзя. Необходимо развить оборону в глубину. Было бы, однако, ошибочным приковывание крупных войсковых частей к местности путем построения их в затылок друг другу. Наиболее целесообразно сковывание противника путем активно-стойких действий немногочисленных, но богато снабженных пулеметами частей и выделения остальных средств в маневренные резервы. Если мы стремимся к активности действий, то при ограниченности наших средств и сил, особо сказывающихся в процессе действий на столь обширном театре войны, каким является наш, нам необходимо отказаться от проповедывания «активной» обороны и смело использовать «пассивно-стойкую» оборону. Как обходиться малыми средствами и силами при решении больших оборонительных задач? На это лучший ответ могут дать оборонительные операции как нашей армии, так и армий наших противников во время гражданской войны.

Период контр-революционных восстаний. Из всех периодов гражданской войны наименее исследованным является последний,—период контр-революционных восстаний и их подавления, так называемый период «политического бандитизма». Материалы по этому вопросу сосредоточены, главным образом, в двух местах: в журнале «Красная Армия», издававшемся Военно-научным Об-вом РККА в 1921—22 гг., и в журнале Западного фронта «Революция и Война». В девятом номере журнала «Красная Армия» собран особенно ценный, хотя и спорный (как в отношении подхода, так и в отношении выводов), материал о политике бандитизма

и контр-революционных восстаний. Разобраны причины возникновения бандитизма и восстаний, Кронштадтский мятеж, бандитизм в Белоруссии, украинский бандитизм, сибирский бандитизм, борьба с басмачеством. В других номерах этого же журнала дан ряд статей по тем же вопросам на основании опыта тамбовского контрреволюционного восстания и его подавления. Тамбовское контрреволюционное восстание разобрано также в нескольких статьях журнала «Революция и Война». Наиболее интересной из этих статей является статья тов. Тухачевского—«Искоренение бандитизма», помещенная в сборнике № 16 журнала «Революция и Война». Там же дан краткий очерк Карельского восстания.

В нашей статье мы считаем невозможным дать не только разбор, но даже общую постановку вопроса, добрую половину которого составляют данные политического порядка, не поддающиеся краткому исследованию. С военной точки зрения интересны следующие, выдвинутые опытом подавления восстаний, вопросы: о численности, об организации и характере действий революционных войск, подавлявших восстания. Как в тамбовщине, так и в Карелии нами вначале была проделана одна и та же ошибка: попытка разбивать относительно малочисленного, но очень подвижного противника введением в дело крупных сил. Этот прием, как и можно было ожидать, обречен был на неудачу. Успех дало выработанное в процессе борьбы сочетание действий немногочисленных, подвижных, отлично слаженных маневренных групп с оккупацией территории, охваченной восстанием, относительно многочисленными гарнизонами.

В какой мере опыт нашей гражданской войны характерен для будущих войн? Наша ли гражданская война или война 1914—1918 гг. содержит большее число данных, характерных для будущих войн?

Технические новинки периода после 1919—1920 гг. интересны не столько в области, относящейся непосредственно к технике оружия, сколько в области развития средств маневрирования этим оружием. Огромные технические средства, накопленные в процессе войны 1914—1918 гг., сами по себе являются серьезнейшим препятствием на пути к созданию новой системы вооружения. Ни одно из государств, даже самых мощных в экономическом отношении, не позволило себе полностью осуществить все те изменения в области техники оружия, которые можно было считать желательными и необходимыми по данным опыта 1914—1918 гг. Тем более ни одно из них не ввело новой, целостной системы вооружения своей армии. Устранены слишком вопиющие погрешности вооружений времен мировой войны. Так, например, французская пехота взамен неудовлетворительного ручного пулемета получила новый ручной пулемет системы 1924 года. Такая же работа проделана в американской армии. Введены некоторые изменения, не имеющие слишком большого

тактического значения, в области артиллерии. Наиболее важное из них, частично проведенное уже во время войны, это—увеличение дальности (а следовательно—и гибкости) стрельбы артиллерии, путем введения снарядов более совершенной формы и усиления относительного заряда. Новые армии (польская, чехо-словацкая и др.) стремятся с бо́льшим или меньшим успехом к созданию своей системы вооружения. Эта задача ни одной из них не разрешена. В общем, в области техники оружия огнестрельного период после мировой войны не принес каких-либо новинок, способных вызвать существенные изменения в области тактики.

Полной тайной покрыто развитие химических средств борьбы. Однако, на основании совокупности сведений о прогрессе этих средств борьбы, можно без большого риска прийти к выводу, что, во-первых, не устранены еще в полной мере трудности боевого использования отравляющих веществ, выявившиеся в процессе войны 1914—1918 гг.; во-вторых, не выработаны отравляющие вещества, обладающие решительным действием не только против неподготовленного в химическом отношении противника, но и против подготовленного; а это—самое важное.

Было бы, однако, неверным полагать, что новое в технике заключается только в появлении новых средств борьбы. Такое формальное понимание вопроса было бы ошибочным. Во-первых, оружие само по себе еще не исчерпывает всего объема вопроса о военной технике. Во-вторых, ни одно из боевых средств не обладает какими-то абсолютными свойствами, в одинаковой мере проявляющимися при применении его на различных театрах войны.

Расценивая эволюцию техники на протяжении одной или нескольких войн, необходимо остановиться также на средствах маневрирования этой техникой. Дело в том, что если при рациональной организации крупных промышленных предприятий задача в значительной мере сводится к определению целесообразности распределения машин, станков, через которые обрабатываемый предмет будет совершать свой путь, то в области военного дела к этой задаче присоединяется другая, не менее важная. Тут нельзя ограничиться установлением более или менее постоянной формы наиболее целесообразного боевого порядка и выявлением такой формы размещения средств и сил, при которых их работа давала бы предельно большие результаты,—к решению этой задачи всегда присоединяется необходимость постоянного маневрирования боевыми средствами.

Маневр необходим; он необходим для того, чтобы получить возможность действовать оружием определенного вида. Нужно сблизиться с противником на такое расстояние, чтобы иметь возможность использовать оружие. Сблизившись на это расстояние, необходимо, в пределах действия своего оружия и действия оружия противника,

стремиться к занятию все более и более выгодного положения по отношению к противнику. Таким образом, оценка боевых средств, если она хотя бы в элементарнейшей степени стремится быть всесторонней, не может останавливаться только на выявлении непосредственного действия данного оружия, а непременно должна коснуться вопросов маневрирования этим оружием.

До мировой войны средства маневрирования оружием были весьма ограничены. Человек на себе и своими силами перемещал легкое оружие. Для маневрирования более мощным, а значит, как правило, и более тяжелым оружием, он мог использовать только живую тягу. Механические средства передвижения, несмотря на общее широкое развитие сети железных дорог, непосредственно боевого значения еще не имели. При наличии только живых двигателей требования мощности и подвижности, предъявляемые к оружию, находились в непримиримом противоречии. Силы человека для перемещения оружия весьма ограничены. Человек в состоянии перемещать груз, не превышающий, примерно, одной трети общего своего веса. Если же из этого веса вычесть вес предметов, необходимых бойцу для жизни, то на долю оружия остается около 4—5 *кг*. В пределах этого веса перемещается основное вооружение пехотинца, его личное оружие—винтовка с боеприпасами к ней. Для перемещения более тяжелого оружия необходимо применение животной тяги. Эта тяга, помимо своей относительной маломощности, обладает тем невыгодным свойством, что предел возможного ее усиления вообще довольно жестко очерчен. Так, например, запряжка сверх 4—5 пар лошадей уже нецелесообразна, так как припряжка каждой лишней пары порождает трудности, почти поглощающие прирост силы. Вот именно это обстоятельство и ставило до мировой войны жесткий предел возможности использования более мощных образцов артиллерии на полях сражений.

Появление и усовершенствование двигателя внутреннего сгорания, развитие автомобильного дела примиряло противоречивые до сего времени требования мощности и подвижности, но только при исключительно благоприятных условиях местности. Автомобиль примирял эти противоречия при движении по дорогам, и притом по дорогам хорошим. Естественно, что такое решение вопроса было совершенно недостаточным в отношении боевого орудия, которое в боевой обстановке, как правило, должно двигаться и располагаться вне дорог. Автомобиль дал возможность быстрого перемещения тяжелого мощного оружия по дорогам. Автомобиль решил задачу в отношении только одной части понятия «подвижности» —в отношении скорости. Неразрешенной оставалась задача в отношении «проникательности» оружия,—в отношении уменьшения зависимости его при движении от местных условий. Мировая война знаменует

собою довольно существенный сдвиг в этой области. На ряду с огромным развитием автомобильного дела появляются механические средства передвижения не только по дорогам, но и вне их. Создание механических повозок на гусеничном ходу разрешало вторую половину вопроса — подвижность — и обеспечивало «проникательность» боевых средств на механической тяге. Однако образцы механических повозок на гусеничном ходу, которые нашли себе широкое применение в конце мировой войны, в виде танков, далеко не совершенны в техническом отношении. Радиус действий (запас хода) этих средств к концу войны был еще весьма ограниченным. В таком виде, какой они имели к концу войны 1914—1918 гг., танки были пригодны исключительно для позиционной борьбы.

События, развернувшиеся после войны 1914—1918 гг., поставили очень трудные задачи военной технике. Дело в том, что современная военная техника, рассчитанная, в основном, на применение на культурных театрах, сильно теряла в возможности применения и в мощности действия на театрах такого рода, какими были театры нашей гражданской и других войн последнего времени. Опыт интервенции империалистов у нас, опыт колониальных действий империалистических армий указывал на необходимость обеспечения возможности и облегчения маневрирования современной военной техникой на новых своеобразных театрах. Решение же этого вопроса возможно двояким путем.

Первый путь, это — постепенное превращение малокультурного театра в культурный. Так действовали, например, германцы на восточно-европейском театре войны. Была проведена очень большая работа по устройству путей сообщений - перешивка железных дорог, постройка шоссейных, усовершенствование грунтовых путей на оккупированной германцами части территории бывшей Российской империи. Так же, примерно, поступали на горных фронтах мировой войны. Постепенное оборудование горных театров допускало возможность насыщения их необходимой техникой и живой силой. Этот путь, путь постепенного, планомерного оборудования театра, применительно к нуждам и потребностям действий на нем современной военной техники, не всегда возможен. В частности, чем больше удаление от базы, чем труднее доставка средств, необходимых для повышения культурности театра войны, тем этот путь решения вопроса обеспечения возможности действия современной техники на соответствующем театре более труден, а иногда заранее обречен на неудачу.

Второй путь, это - освобождение в возможно большей степени современной техники от ограничивающих влияние местных условий. Этот путь открывает гораздо более широкие перспективы, и на него обращено сейчас преимущественное внимание командованием

империалистических армий. Быстрее, проще и выгоднее, вместо того чтобы строить дороги на малокультурном театре, снабдить оружие своей собственной дорогой. Гусеничная повозка, очень метко называемая на английском языке «повозкой, самой себе прокладывающей путь»,—одна из наиболее интересных и важнейших новинок современной военной техники. Она открывает новые широкие перспективы внедрению современной военной техники и на относительно малокультурные театры и маневрированию этой техникой на таких театрах. Рост авиации, со своей стороны, способствует расширению таких перспектив. В этой области, на наш взгляд, лежит наиболее существенное отличие войн будущего от нашей гражданской войны. В остальном же, как в отношении количественного насыщения техникой, так и в отношении свойств театров, на которых эта техника будет применяться, наша гражданская война, как свидетельствуют все данные, в значительно большей степени должна напоминать своей собственной обстановкой боевую обстановку будущей войны, чем война 1914—1918 гг.

В нашей гражданской войне мы как-раз можем найти наибольшее количество наиболее ярко выраженных моментов, которые придают тот, а не иной характер войнам будущего, как наиболее обостренному виду классовой борьбы. Элементы местности, живой силы, техники, организации борьбы в войнах будущего будут ближе по своему характеру, по своей «окраске» к тому, что можно было наблюдать в гражданской войне, чем к тому, что наблюдалось в прежние войны, включая сюда и войну 1914—1918 гг.

Выявить ряд моментов, доказывающих это положение,—доказывающих, что наша гражданская война действительно знаменует собой перелом в военном искусстве, — такова была задача данной статьи.

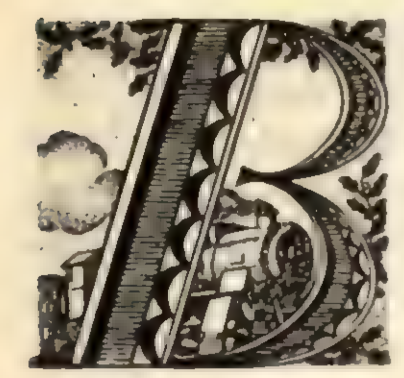

А. ВОЛЬПЕ

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ОЕННАЯ теория, имевшая до настоящего времени своим предметом изучение условий уничтожения живых сил противника, выявилась наиболее грубо и прямолинейно в заключительном акте боя и сражения — преследовании. Полевые уставы всего мира в высоких и торжественных фразах декларируют требование величайшего напряжения сил и средств в преследовании отступающего противника, до последнего усилия бойца. От времен Ганнибала и Цезаря (и по сию пору) этот основной тезис о преследовании не изменялся. Но от голых метафизических принципов до осуществления их в жизни лежат огромные области практического, прикладного характера, видоизменяющие часто принципы до неузнаваемости в зависимости от эпохи, места и времени. В отвлеченном военном принципе важен не сам принцип, а пути, ведущие к его осуществлению. Вот в этой части, в части прикладного порядка, военная теория в отношении преследования была чрезвычайно скупа. Теория стыдливо не хотела признаться, что эпоха современных войн выдвинула в искусстве преследования ряд новых положений. Отметим хотя бы тот факт, что вовсе не всегда выгодно преследовать «до последней капли крови». История последних войн знает много примеров, когда наступающая сторона в безрассудном преследовании истощала все свои силы и разбивала себе лоб при неожиданном контр-маневре противника. В весенней и летней кампании 1918 г. на западном театре германская армия истощила все свои резервы и не смогла оказать сопротивления контр - наступлению Фоша.

Истощение и недостаток сил Красной армии под Варшавой стали «притчей во языцех».

Одной из особенностей современных войн при массовых армиях и широких фронтах является то обстоятельство, что противник, пользуясь пространством, имеет возможность ускользнуть от грозящего ему уничтожения и организовать контр-маневр с тыловых рубежей. В данном случае слепо преследующий, в угоду лишь принципу, по сути дела теряет свободу и фактически подчиняет свои действия замыслу и воле противника, подставляя себя под его удар. Каждое преследование имеет свой кульминационный пункт, который настойчиво требует приостановки дальнейшего движения вперед. Пренебрежение к этому требованию ставит преследующие войска под непосредственную угрозу поражения. Искусство военных вождей заключается в том, чтобы на основе тонкого учета обстановки предугадать этот кульминационный пункт в пространстве и времени и своевременно приостановить операцию.

Теория преследования еще совсем недавно относилась преимущественно к области тактики. В эпоху последних войн преследование вмешалось и в оперативное искусство и в стратегию.

На широких и маневренных фронтах гражданской войны не было случаев решения кампании в одном генеральном сражении, завершающемся победоносным тактическим преследованием и окружением противника на поле боя. Преследование систематически выходило за пределы тактики и превращалось в преследование на театре военных действий. Обычно, противнику после первых поражений удавалось увести свои войска и вновь организовать оборону и даже переходить в контр-наступление с тыловых рубежей. Только повторными ударами, только непрерывностью операций удавалось настолько расшатать боеспособность армии противника, что она лишалась возможности оказывать дальнейшее сопротивление и погибала. Сочетание непрерывности преследования и непрерывности операций является основным гвоздем почти всех кампаний гражданской войны, имевших целью последовательную ликвидацию контр-революционных очагов на окраинах Советской страны. Но обеспечение непрерывности операции и непрерывности преследования находится в некотором взаимном противоречии, преодоление которого часто создавало величайшие затруднения, так как преследование не терпит остановок, а подготовка новых операций требует времени. Ликвидация Колчака началась с лозунга «Все на Восток», практическое осуществление которого привело к возможности нанести белым армиям между Волгой и Уралом ряд смертельных ударов, а в марте 1920 г. Красная армия подошла к Иркутску с одной потрепанной 30-й дивизией и дальше не смогла сделать и шага. Военная теория до сих пор занималась преимущественно

подготовкой сражения, которое обычно начиналось по плану и кончалось, «где господь пошлет». Если последние войны, и особенно—гражданская, чем-нибудь и обогатили военную теорию, то не последнее место здесь занимают требования в плане операции заглядывать возможно глубже в самый процесс развертывания событий и обеспечивать операцию в целом от начала до конца. Особенно—конца операции, там, где начинается преследование отступающего противника и подготовка новой повторной операции. Мы не можем упрекнуть высшее командование Красной армии в том, что оно не заглядывало в глубь операции и не оценивало дальнейших перспектив от начала кампании до полного поражения противника. История ликвидации Деникина является характерным примером широкого цельного замысла, который был проведен по плану от начала до конца.

Гражданская война дает богатейший материал для изучения элементов преследования. Ибо гражданская война, больше чем какая-либо иная, была войной в движении. Сравнительно незначительные силы с относительно слабой техникой действовали на огромных пространствах и имели широкое поле для маневрирования, проявления инициативы и смелости. Наступательные операции рассчитывались на большую глубину во много сотен километров, и на такие же расстояния приходилось отступать в случае неуспеха. Широкий маневренный характер гражданской войны сопровождался величайшим напряжением сил в борьбе. Ни голод внутри страны, ни суровая сибирская зима, ни непролазная распутица на западе и юге не замедляли темпа операции.

Обстановка толкала Красную армию к решительности, риску и быстроте действий. Будучи окруженной со всех сторон активными белогвардейскими силами, которые временами близко подходили к сердцу Советской страны—Москве, Красная армия могла отразить врага только быстрыми наступательными операциями. Действуя по внутренним операционным линиям, Красная армия обрушивалась большими силами на один из фронтов, переходя на других к пассивным действиям. Начиная кампанию на одном из фронтов, стратегия Красной армии преследовала не ограниченные цели, а полное сокрушение противника на данном направлении путем уничтожения действовавших там белых армий и захвата всей занимаемой им территории. Стратегия гражданской войны носила ярко выраженный характер «сокрушения» по внутренним операционным линиям, ибо о каком бы то ни было примирении классовых противников не могло быть и речи, а все возрастающая разруха внутри страны требовала быстрой ликвидации наступавших вооруженных сил контр-революции. Напряжение гражданской войны вытекало из всех военных, экономических и политических условий борьбы.

ТАКТИЧЕСКОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Свою тактическую подготовку Красная армия получила не на основе изучения старых уставов, а выработала ее опытным путем на полях сражений. Тактика Красной армии вырабатывалась в самом ходе военных действий, и она проделала значительную эволюцию от кустарных форм эшелонной, железнодорожной войны (период 1917—1918 гг.) до сплошных фронтов в 1920 г. и вновь вернулась к отрядной войне в борьбе с повстанческим движением в 1921 г. Хотя в 1918 г. и вышел «Полевой Устав», однако Красная армия по нему не воевала, она имела свой неписанный устав и даже несколько, в зависимости от местных условий того или иного фронта. Наиболее правилен будет вывод, что каждый фронт имел свою тактику. Можно, например, проследить особенности тактики на Южном и Восточном фронтах. На Южном фронте, где к вооруженной борьбе между Красной армией и белыми присоединялись в разное время в различных формах и украинское кулачество, и национально-шовинистические группировки Украины, и кавказское казачество, и внутренние рабоче-крестьянские восстания под советскими лозунгами, и интервенция иностранных западноевропейских государств, где власть менялась с потрясающей быстротой,—здесь тактика носила все время более партизанский характер. Красная армия на этом фронте с трудом преодолевала свои партизанские навыки. Наоборот, на Восточном фронте уже с конца 1918 г. Красная армия имела сверху установленную военную организацию. Где местное население, за исключением южного участка, относилось к борьбе сравнительно пассивно, где новые соединения прибывали уже сколоченными из тыла, здесь тактика Красной армии носила черты большой организованности, была более уставной. Эти особенности наложили свой отпечаток на формах тактического преследования.

Опыт современных войн вообще доказал, что тактическое преследование на поле боя сравнительно с прошлым затруднено. Длительность и упорство боя, вытекающие из свойств современного оружия, быстро истощают резервы наступающего и часто лишают его возможности немедленно двигаться вслед за отходящим противником. Часто даже победоносно наступающий несет бо́льшие потери, чем обороняющийся, и это обстоятельство в свою очередь понижает возможность неотступного преследования. В гражданской войне *решающее значение* имело моральное состояние войск, которое весьма часто возмещало и потери и усталость. Картина тактического преследования в гражданской войне широка и поучительна.

Вся история гражданской войны показала, что ночь обычно клала предел всяким активным действиям наступающего. Ночные

действия во время гражданской войны вообще имели место чрезвычайно редко, но еще реже применялось ночное преследование. Двигаясь, в большей части, с слабыми мерами походного охранения, Красная армия, естественно, не рисковала на ночное преследование, и противник почти всегда имел возможность, пользуясь темнотой, уходить. 8-го ноября 1920 г. на Врангелевском фронте лобовые атаки Турецкого вала успеха не имели. Но к вечеру обозначился успех обходящих частей Красной армии со стороны Литовского полуострова, и противник очистил без боя и без давления с нашей стороны Турецкий вал и ночью отошел к Юшунским позициям. Этот отход противника остался незамеченным со стороны наших частей, которые и у Турецкого вала и на Литовском полуострове заночевали до утра. Огромные потери, которые потом пришлось понести при атаке Юшунских позиций, явились результатом пренебрежения к разведке и ночному преследованию.

Одной из особенностей гражданской войны было то, что борьба, главным образом, велась по дорогам, ведущим к населенным пунктам. Сил для непрерывных фронтов нехватало. Лозунг держаться у населенных пунктов до вечера превращался в некое боевое правило. В периоды преследования на Восточном фронте к вечеру у населенных пунктов, занимаемых противником, если он не имел специальных приказов об отходе, часто разыгрывались серьезные боевые столкновения. Преследующий, подходя к вечеру к линии указанных в приказе населенных пунктов и встретив здесь сопротивление противника, невзирая на усталость, атаковал. Формально эти атаки являлись выполнением приказа. Фактически же эти атаки имели непосредственной целью захват населенных пунктов, где победителя ожидал отдых. Автору этих строк вспоминаются бои между рр. Тоболом и Ишимом в сентябре 1919 г., где одна деревня Копайская 14 раз переходила из рук в руки. Была осень, дожди и слякоть. По утрам белые выбивали части 26-й дивизии из этой деревни и дальше преследования не развивали. А к вечеру озлобленные и мокрые красноармейцы переходили в контр-атаку, чтобы обязательно ночевать в деревне. Эти встречные бои носили упорный характер. В них разбился весь контр-удар противника от р. Ишим, широко задуманный. Но как бы ни были упорны эти предвечерние бои, после них ночью преследование не продолжалось.

Между тем, ночной отход, в связи с развитием авиации и все возрастающей дальнобойностью современного огня, становится почти единственным шансом оторваться от преследующего. В связи с этим обстоятельством, ночные наступательные действия приобретают все большее право гражданства и в обучении Красной армии должны занять почетное место. Надо иметь в виду, что ночные

действия являются крупным козырем для более слабой в техническом отношении стороны.

Однако из того факта, что Красная армия не применяла ночного преследования, мы не можем делать вывода, что тактическое преследование в гражданской войне велось не с большим напряжением. Боевое наступательное напряжение Красной армии было очень велико и часто, в решающие периоды операции, доходило до огромных размеров. Это напряжение нашло свое документальное выражение в приказах, в которых боевая задача за день давалась в виде требования по выдвижению на определенную линию населенных пунктов, которые по расстоянию почти всегда находились на грани физических возможностей.

Управление Красной армией в гражданской войне, начиная от штаба армии и ниже, вообще основывалось на приказах. Директив было очень мало. Приказ по армии обычно давал четкую, ясную задачу: таким-то дивизиям, в такой-то срок выйти на линию таких-то деревень или захватить такие-то пункты. Сроки же почти всегда были чрезвычайно жесткие. Уставные нормы преследования в пределах нормального суточного перехода 20—25 *км* в гражданской войне были решительно превзойдены. Двигаясь целыми войсковыми соединениями на подводах, Красная армия временами развивала огромную быстроту. 13-го ноября 1919 г. части 27-й дивизии проделали на подводах свыше 100 *км* и в ночь на 14-е ноября ворвались в г. Омск. Приход красных частей был для белых полной неожиданностью, и на улицах города разыгрался ряд комичнейших сцен вплоть до того, что генералы в погонах, направлявшиеся на работу в свои учреждения, «распекали» красноармейцев за то, что последние не отдавали им установленной чести.

Передвижение на подводах в гражданской войне носило вообще систематический характер. Можно прямо сказать, что Красная армия пешего передвижения не признавала и обращалась к крестьянскому обозу при всякой возможности. Пехота Красной армии была, по существу, ездящей пехотой. Хотя с точки зрения уставных требований передвижение на подводах до известной степени развращает войска, тем не менее оно имеет и большие преимущества. Не говоря уже о быстроте и дальности перехода, войска, двигающиеся на подводах, прибывают в указанные районы неуставшими и свежими и могут проявить в бою большую энергию.

Характерным в этом отношении является эпизод, разыгравшийся на том же Восточном фронте при взятии гор. Петропавловска. Обстоятельства сложились таким образом, что 29-го октября 1919 г. 35-я дивизия, имевшая направление на Петропавловск, преследуя противника на подводах, далеко выдвинулась вперед, в то время когда остальные части 5-й армии значительно отставали. Но обстановка

требовала решительности действий, и начдив 35-й атакует г. Петропавловск, захватывает его и в течение трех дней—30-го, 31-го октября и 1-го ноября—выдерживает натиск всей армии противника. Результатом этих блестящих действий явилось то, что белые не сумели на р. Ишим произвести перегруппировку и вынуждены были продолжать свой отход.

Мы ни в какой мере не находим возражений против самого широкого использования *колесного транспорта* для войсковых передвижений *в войне будущего*. Но беда-то вся в том, что в гражданской войне участвовали слабые силы на огромных театрах. Они могли находить среди местного населения достаточное количество повозок. Там же, где на фронте будут действовать миллионные армии, такого раздолья не будет. Марши неизбежно будут пешими. Повозки должны явиться лишь подсобным средством для мелких частей в разведке, охранении и проч. Использование их сможет носить оперативный характер в очень редких случаях и осуществляться по твердому плану распоряжением армейского командования. Не следует забывать, что Красная армия свое базирование еще долгое время будет поддерживать на колесно-гужевом транспорте, который вряд ли будет оставлять повозки свободными для людских перевозок.

Еще пройдет много времени, когда «автомобиль т. Осинского» даст такой эффект, который позволит основывать полевой транспорт Красной армии на механических повозках. Верно, использование колесного транспорта неизбежно поставит вопрос о порядке взаимоотношений с местным населением. Они, конечно, должны быть урегулированы, но автор не видит пока возможности освободить местное население от этой тяжелой повинности.

Все эти эпизоды характерны для методов и приемов тактического преследования, применявшихся Красной армией. Подобные примеры можно было бы привести в большом числе с различных фронтов. В выигрыше времени при преследовании части Красной армии проявляли большую изобретательность и энергию. В январе 1920 г. преследование деникинских армий было в полном разгаре. Основная задача заключалась в том, чтобы возможно быстрее достичь побережья Азовского моря, дабы этим путем разрезать территорию деникинщины на две части и лишить его возможности произвести перегруппировку. С утра 14-го января части 370-го полка (42-й дивизии) в пылу преследования с повозок пересаживаются в эшелоны с расстояния около 100 *км* и в 14 часов того же дня врываются в г. Мариуполь, наводя здесь панику. Этот эпизод в ходе операции сыграл большую роль.

Сочетание преследования на подводах с преследованием по железной дороге в гражданской войне имело место весьма часто.

Преследование Колчака после взятия Ново-Николаевска носило, главным образом, железнодорожный характер.

В первоначальный период гражданской войны, когда Красная армия не имела еще своей сильной конницы, этот род войск в преследовании не играл видной роли. Все преимущества были на стороне белых, которые часто наносили Красной армии тяжелые поражения своей конницей, особенно на Южном фронте. Но впоследствии, когда Красная армия, учтя опыт войны, сумела создать свою многочисленную конницу, последняя сыграла огромную роль. 1-я Конная армия сыграла решительную роль в ликвидации Деникина, Врангеля и в нашем контр-наступлении на польском театре в Киевском направлении. Красная армия в использовании конницы сумела преодолеть основной недостаток этого рода войск, заключающийся в том, что он всегда запаздывает прибывать туда, куда надо. В гражданской войне конница часто оказывалась впереди пехотных частей. С этого момента, найдя способы выполнять самостоятельные боевые и оперативные задачи, конница вновь обрела себя, как «воскресший» род войск.

Изучая тактическое преследование в гражданской войне, нельзя обойти те затруднения, которые пришлось преодолеть Красной армии в преследовании при малой войне, в которую гражданская война выродилась в 1921 г.

В обычных условиях, когда отступление противника производилось на широком фронте, движение вслед за ним не представляло затруднений. Искать противника не надо было. Операционные направления в масштабе фронта были стабилизованы, и в большинстве случаев можно было быть уверенным, что преследованием противника прямо перед собой он рано или поздно будет настигнут. Поэтому Красная армия, переходя к преследованию, пренебрегала элементами разведки. К чему искать пути отхода противника, когда они и так известны? Такое положение не создавало крупных трений до тех пор, пока шла ликвидация фронтов. Но, когда Красная армия попала в новую обстановку борьбы с летучими бандитскими организациями, ее тактика оказалась неприспособленной. Школа малой войны, через которую прошла Красная армия, в высшей степени поучительна. Первоначальный период борьбы с бандами Махно шел под знаком окружения. Банды, обнаруженные в определенном районе, окружались концентрическим движением частей из внешних операционных направлений. Когда же кольцо окружения замыкалось, выяснялось, что банды давно уже ушли в другой район. Будучи хорошо знакомы с районом боевых действий, имея крепкие связи среди местного населения и прекрасно организованную агентуру, махновцы своевременно узнавали о движении частей Красной армии и в нужный момент ускользали в

промежутки. Преследование к воображаемому центру расположения бандитов велось обычно к пустому месту. Красная армия не умела использовать войсковую и агентурную разведку для получения информаций о движении бандитов, а слабо налаженная связь мешала использовать и те скудные сведения, которые добывались.

В быстроте и стремительности передвижения банды имели значительное преимущество перед частями Красной армии. Двигаясь часто без дорог, по проселкам, балкам и оврагам, меняя беспрерывно лошадей, пополняя свои запасы попутными нападениями на обозы Красной армии и избегая опасных боевых столкновений, банды Махно в течение долгого времени сохраняли оперативную свободу и, как «летучие голландцы», передвигались по Украине, наводя ужас и панику на местное население.

Борьба с бандами стала возможна лишь тогда, когда в ходе революции удалось коренным образом изменить в благоприятную сторону отношение украинского крестьянства к советской власти. В других районах (Тамбовщина, Сибирь) эта необходимая для успешной борьбы с бандами политическая обстановка создавалась суровыми мерами оккупационного режима.

Боевая ликвидация банд проводилась комбинированными ударами не по принципу окружения, а беспощадным преследованием с одновременным перехватыванием путей отхода банд. Вцепившись в хвост банды, части Красной армии научились не отставать от нее, в это время на голову или во фланг банды обрушивались другие части Красной армии, и банда погибала.

ОПЕРАТИВНОЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

К своим оперативным успехам, точно так же как к успехам тактическим, Красная армия пришла, пройдя тяжелую школу поражений и неудач. В первый период гражданской войны (1918 г. и начало 1919 г.) Красная армия часто успешно начинала операции, но не могла их развивать до полного поражения противника. Тому было много причин. Неучет соотношения сил был основной причиной неуспеха первого наступления Восточного фронта к Уралу зимой 1918—1919 гг. Неучет политической обстановки привел к разгрому Южного фронта весной 1919 г. Деникиным. Тов. Тухачевский совершенно правильно указывал: «Главная причина краха нашей кампании на Южном фронте весной 1919 г. заключалась в том, что главные силы фронта были двинуты не там, где мы имели бы советские, жизненные тылы, в Донецком бассейне, а там, где мы имели мертвящие тылы, требовавшие выделения больших гарнизонов для удержания за собой обширных Донских степей. Вопрос отношения числа к пространству не был учтен, и армии наши были

разбиты»[1]. Только тогда, когда Красная армия постигла секрет частной победы, когда, вместо разбрасываний усилий по разным направлениям, она стала их концентрировать против одного избранного фронта, переходя на других фронтах к пассивным действиям, операции приобрели достаточный для победы размах и глубину. Ныне, изучая военное искусство Красной армии в гражданской войне, можно усмотреть, что последовательная ликвидация фронтов производилась, в сущности говоря, по одной системе.

На избранный для активных действий фронт перебрасывались все свободные силы с других фронтов и новые формирования и укомплектования из тыла. К интересам этого фронта сосредоточивалось все внимание страны, которая путем большого напряжения отдавала этому фронту продовольствие, обмундирование, боевое снабжение и многочисленные боевые кадры в лице рабочих и коммунистов. На фронте проводилась под боевыми лозунгами специальная политическая кампания, которая будила классовые интересы Красной армии и поднимала ее моральное состояние до высоких пределов.

Все эти мероприятия, в совокупности, коренным образом меняли соотношение сил на главном избранном направлении. Успехи в первоначальных боях переходили в тактическое преследование с прорывом или фланговой угрозой главным силам противника и перерастали в преследование оперативное. Успех в главном направлении постепенно тянул за собой весь фронт, и оперативное преследование превращалось в преследование на театре военных действий, которое велось с величайшим напряжением сил. На других фронтах в это время Красная армия вынуждалась к пассивным действиям и часто глубоким отходам под напором противника. Задача заключалась в том, чтобы добиться решительных результатов на главном, в данный момент, фронте, раньше чем противнику удавалось нанести нам на слабых других фронтах непоправимое поражение. Стратегическое преследование на главном фронте сочеталось с непрерывностью и повторностью операции в тех случаях, когда противник задерживался и оказывал сопротивление. Словом, стратегическая система Красной армии представляет собой ярко выраженную систему действия по внутренним операционным линиям. Последовательность операций Красной армии прекрасно иллюстрирована главкомом т. Каменевым в нижеследующей диаграмме 1.

Из этой диаграммы можно легко проследить основной вывод, сделанный автором в отношении преследования в гражданской войне,—что непрерывность преследования достигалась и обеспечивалась непрерывностью операции.

---

[1] М. Тухачевский.—«Война классов». Госиздат. 1920 г., стр. 16.

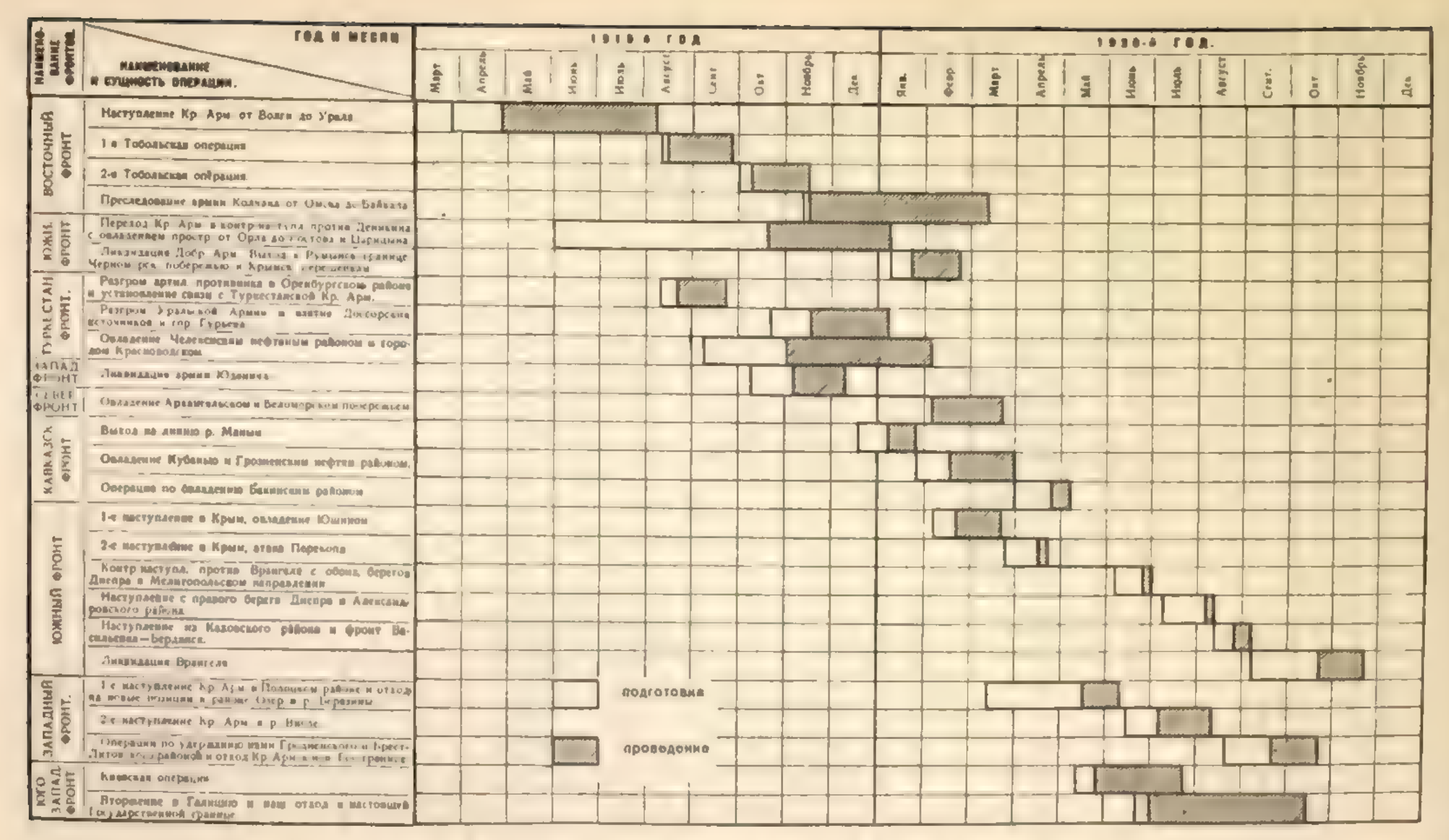

Диаграмма № 1. Последовательности операций Красной армии в гражданской войне.

На одной из дискуссий в Военной академии в 1922 г. по вопросу о том, является ли военное дело наукой или искусством, ряд товарищей высказывался в том духе, что быстрота преследования Красной армии не имеет соперников в военной истории. Нижеследующая таблица иллюстрирует некоторые операции Красной армии в этом отношении.

Наименование операции	Время начала и конца операции	Глубина операции	Среднее продвижение за сутки
Наступление Восточного фронта от Волги до Урала	24—26-го апреля 1919 г. начало Бугурусланской операции; 24 — 25-го июля выход на линию Челябинск— Екатеринбург	900—1.000 *км*	9—10 *км*
1-я Тобольская операция	1—16-го августа захват г. Кургана	250 *км*	15—17 *км*
Петропавловская операция	14—30-го октября	250 *км*	16—18 *км*
Омская операция	4—14-го ноября	—	—
Преследование Колчака от Омска до Иркутска	20-го ноября – 8-го марта 1920 г.	2.500—2.800 *км*	20—25 *км*
Переход в наступление против Деникина и овладение Ростовом-на-Дону	10-го октября 1919 г.— 8-го января 1920 г.	850—900 *км*	8—10 *км*
Ликвидация Деникина	10-го февраля – 27-го марта	450 – 500 *км*	10—12 *км*
Ликвидация Врангеля	10—15-го ноября	200—250 *км*	40—45 *км*
Наступление к Висле Западного фронта	4-го июля—12-го августа 1920 г.	700—750 *км*	18—20 *км*
Вторжение в Галицию Юго-зап. фронта	1-го июля – 14-го августа 1920 г.	550 – 600 *км*	15—18 *км*

Эти средние цифры суточного марша огромны. Ведь здесь не зачтены и неизбежные маневры в сторону и остановки. Расстояния взяты почти по воздушным линиям. Если учесть все побочные

передвижения, которые неизбежны, то длина суточных маршей значительно возрастет. Цифры врангелевской кампании в этом отношении в высшей степени характерны.

В истории войн мы знаем много примеров, когда преследование велось с не меньшей быстротой. В кампании 1806 г., после Иены и Ауэрштедта, Наполеон преследовал прусскую армию до полного уничтожения, пройдя с 8-го октября по 8-е ноября от Гофа до Штетина—800 *км*—в 30 дней[1].

Эта кампания дала Наполеону повод даже сказать, что «между сражением выигранным и сражением проигранным находятся империи».

Другие операции Наполеона дают не менее яркие образцы напряженного преследования. В древних войнах мы находим также примеры очень быстрого преследования.

Однако изучение этих сравнений ничего не дает, ибо мы имеем здесь дело с явлениями несоизмеримыми. В войнах прошлых столетий, когда армии двигались по одной, двум, трем дорогам, когда население к войне почти никакого отношения не имело, когда война выигрывалась в одном генеральном сражении, когда район этого сражения можно было во всех случаях проглядеть с одного наблюдательного пункта,—преследование носило совершенно другой характер, несравнимый с тем, что мы имеем в современных войнах и имели в гражданской войне. В гражданской войне преследование имело целью не только разгромить противника, но и освободить от контр-революции огромные территории. Если производить сравнение быстроты захвата территории, мы безусловно придем к выводу об исключительном напряжении гражданской войны. Для захвата территории Литвы, Курляндии и русской части Польши в 1915 г. германской армии понадобилось почти пять месяцев. Среднее продвижение в сутки было не более 5—7 *км*. От перехода в наступление русской армии в 1812 г. до занятия Парижа прошло почти 18 месяцев. В сутки войска в среднем проходили ничтожное расстояние. Повторяю, бесполезно сравнивать несравнимые величины. Мы можем лишь сделать вывод, что Красная армия сумела осуществить основной принцип преследования—захватывать возможно большее пространство в наикратчайший срок.

Размах и быстрота преследования в гражданской войне может легко привести к чванливому настроению. Такая оценка была бы очень вредна и легкомысленна. В основном, действия в гражданской войне сильно облегчились передвижением на подводах на широких фронтах,—это давало большую скорость. Красной армии надлежит

---

[1] Автор учитывает в том числе и неделю наступления, предшествовавшую сражению при Иене, имевшему место 14-го октября (все данные по нов. стилю). *Редакция*.

еще пройти суровую школу действия на узких фронтах, без подвод. В этом отношении марши германских армий к Марне в 1914 г. являются высоким образцом военного искусства.

Однако бывали периоды в операциях Красной армии, когда командование, пренебрегая элементарными принципами преследования, не умело реализовать тактических успехов войск и давало живым силам противника возможность ускользнуть там, где полное уничтожение их и захват в плен предрешался всем ходом боевых действий. В этом отношении ярким примером является история ликвидации Врангеля. Последний боевой акт этой кампании разыгрался 10-го ноября 1920 г. атакой знаменитых Юшунских укрепленных позиций частями 6-й армии. Неся огромные потери, части Латвийской, 51-й, 52-й и 15-й дивизий грудью вытеснили противника из трех укрепленных линий и к вечеру того же дня вышли к югу от Юшуни. Путь к морю был свободен. Настал момент, когда от стремительности и энергии преследования должен был решиться вопрос; успеет ли Врангель произвести посадку на суда и эвакуироваться из Крыма. Но, увы, вместо энергичного развития преследования «до последнего взвода, коня и человека», командование 6-й армии 11-го ноября, не имея уже перед собой противника, дает своим войскам дневку, приказывая между прочим «коннице дать на 12-е ноября отдых, привести ее в полный порядок для выполнения на 13-е ноября задачи в стратегическом масштабе для выяснения группировки противника».

А еще раньше, 8-го ноября, командование Южным фронтом, разрабатывая план преследования белых в Крыму, ставит задачу 3-й и 1-й конным армиям ударить на второстепенные направления—Джанкой—и занять этот пункт 12-го ноября.

И фронтовое и армейское командование почему-то полагало, что противник будет оказывать сопротивление в Крыму. А отсутствие авиации не дало возможности своевременно выяснить, что уже с утра 11-го противник находился в полном отступлении. Когда же конница достигла Джанкоя, там, конечно, уже никого не оказалось. И только к вечеру 12-го ноября, когда выяснилось, что противник своим отходом уже успел оторваться больше чем на 50 *км*, началось общее преследование; при этом в директиве южфронта ставится задача занять Севастополь 19-го ноября и Керчь 22-го ноября. Войска 6-й армии пытались внести поправку в директиву южфронта и наверстать время; но, как известно, последнее не движется вспять. Упущенное время наверстать трудно. Без ночлегов, делая по 80—90 *км* в сутки, части 6-й армии днем 15-го ноября вошли в Севастополь и могли лишь увидеть последние дымки уходящих врангелевских кораблей. В период 12—15-го ноября Врангель сумел произвести одновременную посадку в Евпатории, Севастополе, Ялте, Феодосии

и Керчи, не давая своим войскам «дневок». За эти дни из Крыма эвакуировалось около 100.000 человек, из них около 50.000 бойцов основного боевого ядра белогвардейцев.

Красная армия достигла стратегической цели кампании. Крым был очищен. Что же касается конечного результата операции по уничтожению живых сил врангелевской армии, то он будет достигнут, надо полагать, когда-нибудь в неопределенном будущем.

Но живой опыт упорно поучает, что в операциях на уничтожение подобного типа войска не имеют права останавливаться; этого права не имеет даже высокое начальство из штабов армии. До последнего издыхания, денно и нощно противника нужно преследовать всеми силами и добить его там, где он будет пойман. А если противник сядет на корабли, то надо атаковать корабли так, как это сделали части Красной армии при ликвидации кронштадтского мятежа.

ИСТОЩЕНИЕ СИЛ В ПРЕСЛЕДОВАНИИ

Еще Клаузевиц указал, что наступательная мощь истощается вместе с движением вперед. Это положение является одним из основных законов войны. Истощение сил прямо пропорционально объему и размаху преследования. Преодоление этого отрицательно действующего закона является одной из самых труднейших проблем военного искусства. В гражданской войне, в ее главнейших операциях, истощение сил в преследовании проявлялось с особенной быстротой. Неустойчивая, неокрепшая организация Красной армии, большое количество дезертиров, потрясающие эпидемии и голод, в соединении с огромными территориями военных действий, разрушенными железными дорогами и разрушенным тылом страны, приводили к тому, что силы преследующего таяли гораздо быстрее, чем это можно было бы допустить, имея в виду, что боевые потери (убитыми, ранеными и пленными) были сравнительно невелики. К этим естественным причинам, истощавшим силы Красной армии, нужно прибавить еще и волю высшего командования, которое вынуждалось снимать с активного фронта ряд войсковых соединений, не ожидая полного разгрома противника. Последнее обстоятельство в некоторых случаях ставило победоносно преследующий фронт красных в тяжелое положение; но, в условиях полного военного окружения, в котором находилась наша страна в годы гражданской войны, другого выхода из положения не было. Оголять активный фронт в самый разгар преследования для организации нового удара на другом фронте было неизбежно. Мы имеем в истории гражданской войны пример, в котором истощение сил в преследовании дошло до абсурда, т.-е. почти до нуля. Это было на Восточном

фронте, при ликвидации Колчака. Переход в решительное контр-наступление против Колчака начался 26—27-го апреля 1919 г. Восточный фронт имел шесть армий (4-ю, 1-ю, Туркестанскую, 5-ю, 2-ю и 3-ю) по 3—4 дивизии и ряду отдельных частей в каждой. Общая численность штыков и сабель свыше 120.000.

В течение лета 1919 г., лишь только обозначился решительный успех, с фронта начинаются спешные переброски на Западный и Южный фронты. В период май — август с Восточного фронта уводятся 33-я, 2-я, 7-я, 31-я, 28-я и 21-я (две бриг.) дивизии и ряд отдельных других частей. 4-я, 1-я и Туркестанская армии переводятся с Сибирского направления, образуя новый Туркестанский фронт. Аппарат управления 2-й армии перебрасывается полностью на Южный фронт. За Уралом в составе Восточного фронта остаются лишь две армии—5-я и 3-я в составе 26-й, 27-й, 5-й, 35-й, 29-й, 30-й и 51-й дивизий, около 60.000 штыков и сабель. При подходе к Тоболу 5-я дивизия выводится в резерв в районе ст. Чумляк, 35-я дивизия оставляется для гарнизонов в районе Орск — Кустанай. В результате, когда, в начале сентября, Колчак от р. Ишим перешел в контр-наступление, части Красной армии отбить его атаки сразу не смогли. Сентябрь 1919 г. был острым периодом на Восточном фронте. Колчак, делая последние предсмертные усилия, организовал удар с глубоким обходом правого фланга нашего фронта и начал теснить его назад. Был момент, когда казалось, что задержать белых не удастся. Во всю остроту встал вопрос о новом усилении фронта. 5-я и 35-я дивизии вводятся вновь в дело и по частям противником разбиваются. На р. Тоболе наступление противника выдохлось. Происходит 14-дневная задержка. Этого времени достаточно для того, чтобы истощенному фронту дать дополнительные соки. Из тыла подвозится до 20.000 укомплектования и целая 54-я дивизия, формируется так называемая местная крепостная бригада, отдельные кавал. части сводятся в кавал. дивизию. Все эти мероприятия настолько усиливают правый фланг фронта, что в октябре удается перейти вновь в наступление и нанести противнику решительное поражение. После взятия Омска (14-го ноября) 3-я армия в составе 2-х дивизий возвращается на Урал, образуя первую трудовую армию. 5-я, 54-я и кавалерийская дивизии выводятся в резерв. Преследование продолжает лишь одна 5-я армия, в составе 26-й, 27-й, 35-й, 51-й и 30-й дивизий. В дальнейшем в районе Барнаул—Бийск—Семипалатинск остается 26-я дивизия, а в районе Ново-Николаевска—51-я дивизия. На ст. Тайга задерживается 27-я дивизия, в гор. Красноярске—35-я дивизия, и лишь одна 30-я дивизия в начале марта 1920 г. приходит в Иркутск, продвинувшись в конце марта лишь до оз. Байкал. В этом преследовании армия Колчака была полностью уничтожена, но и Красная армия

дальнейших операций продолжить, очевидно, не могла. Началась известная дальневосточная эпопея, затянувшая гражданскую войну в том районе еще на два года. Мы не можем здесь сделать вывода об «ошибке». В том напряженном темпе, в котором развивалось преследование от Ново-Николаевска до Иркутска в лютую сибирскую зимнюю стужу, через непроходимую тайгу, при почти застывшей железнодорожной магистрали, большего достичь нельзя было. Мне хотелось лишь иллюстрировать, как непреодолимые объективные условия приводят к тому, что преследование иногда исчерпывает себя до конца.

Несколько иную картину истощения сил дает кампания по ликвидации Деникина.

Интерес кампании против Деникина увеличивается еще и тем, что именно в этой кампании ярко вырисовывается преимущество параллельного (вернее—забегающего) преследования, которое с давних пор рекомендуется для достижения решительных результатов.

Восстановим вкратце цепь событий. Контр-наступление Красной армии в октябре 1919 г. было нацелено по главному операционному направлению Орел—Курск—Ростов. Первоначальный надлом Деникинского фронта был произведен ударной группой 13-й армии под Орлом и прорывом конницы Буденного на Воронеж—Касторную. В течение месяца на всем Южном и Юго-Восточном фронтах шли упорные бои, при этом Красная армия медленно продвигалась вперед. Только в середине ноября сопротивление противника было сломлено на всем фронте, и он начал поспешно отходить на юг. В этих упорнейших боях под Орлом, Воронежем, Касторной, Севском и Дмитровском участь армии Деникина была предрешена. Особенностью этого периода операции является нарастание усилий Красной армии. В направлении главного удара, по мере развития операции, вводится ряд новых дивизий—45-я, Эстонская, 46-я. Конница развертывается в дыму упорнейших боев и своими блестящими действиями способствует победе.

19-го ноября командъюж отдает директиву о преследовании. Преследование организуется со всей энергией. Директива указывает—выбросить вперед всю дивизионную конницу; на тылы противника направляются конные группы Примакова и Буденного; дабы не дать ему возможности задержаться на тыловых рубежах, пехоту посадить на подводы. Во всех приказах по организации преследования красной нитью проходит идея—не дать оторваться и уйти на юго-восток основному кадру Деникина—добровольческой армии—Дроздовской, Корниловской, Алексеевской и Марковской дивизиям. Главенствующая роль переходит к коннице Буденного. В его распоряжение передаются 9-я и 12-я стрелковые дивизии, образующие новую ударную группу. Комбинированные действия конных масс

с стрелковыми частями в Донбассе не дали противнику возможности здесь задержаться, и он продолжает откатываться.

31-го декабря конная армия южнее ст. Дебальцево захватывает в плен почти всю Марковскую дивизию. Противник преследуется с величайшей энергией и упорством. Не отвлекаясь второстепенными целями, главные силы фронта параллельно бросаются по кратчайшим путям на Новочеркасск—Ростов. Преследование ведется путем полного использования колесного транспорта. 6-го июня занимается Таганрог и 8-го—Ростов. Первый этап деникинской кампании заканчивается. Все левое крыло Деникинской армии отброшено от своей Кавказской базы и вынуждено отходить в Крым. Задачи красных раздвигаются. Для действия на Крымском направлении Южный фронт переименовывается в Юго-Западный, а для ликвидации Деникина на Кавказе Юго-Восточный фронт переименовывается в Кавказский.

Однако положение Красной армии на юго-востоке, к моменту занятия Ростова, стало достаточно тревожным. Сопротивление противника, отходившего на свою базу, усилилось. Части же Красной армии, прошедшие с упорными боями свыше 800 *км*, утомились, обессилели и истрепались. Количество бойцов в отдельных частях достигло катастрофических цифр: 150—200 в полку. Ряд дивизий, потерявших боеспособность, выведен в глубокий резерв. Ближайший тыл Красной армии охвачен сплошной тифозной эпидемией. На расстоянии свыше 300 *км* железные дороги разрушены противником, образуя зияющую пропасть между тылом и фронтом. Помочь фронту из глубокого тыла оказалось невозможным. В итоге противник получил передышку, которая позволила ему более или менее привести свои части в порядок и перейти к активным действиям.

В конце января и в начале февраля судьба кампании висела на волоске. Нервное настроение передалось снизу в штаб армии, и 9-го февраля командарм 8-й, действовавший на Ростовском направлении, телеграфирует в ставку фронта и, указывая на огромные потери армии и усиление противника, говорит: «Наше продвижение вперед без значительного пополнения и реорганизации может кончиться плачевно, так как в случае отхода будем иметь в тылу непроходимые разлившиеся реки; необходима радикальная переоценка всего положения на фронте, дабы избежать чрезвычайно тяжелых сюрпризов в близком будущем». Это пессимистическое настроение в штабе 8-й армии усилилось еще благодаря неудачным наступательным операциям этой и конной армии в январе месяце в Батайском направлении и на р. Маныч. Казалось, что наступательные возможности красных выдохлись и для продолжения решительных действий у них сил больше нет. Но отказ от

решительных действий означал проигрыш кампании. Поэтому высшее командование пошло на величайший риск и решилось продолжать наступление, невзирая на остроту положения. Это решение было совершенно правильным. Фронтовое командование сменяется. В короткое время (2—3 недели) принимаются героические меры по усилению фронта. Расформировывается ряд небоеспособных дивизий, для усиления остальных «снимаются коммуникации», и все боеспособное вливается в строй, мобилизуются коммунистические силы, и производится коренная перегруппировка на всем фронте. Нужно спешить,—промедление смерти подобно. Невзирая на то, что в районе Ростов—Новочеркасск явно намечается тенденция противника прорвать здесь наш фронт, этот участок резко ослабляется путем увода всей конной армии Буденного на главное направление, которое нацеливается на станции Платовская—Великокняжеская—Тихорецкая. Действия 1-й конной армии в боях под ст. Егорлыкская—Торговая—Белоглинская вписали одну из самых прекрасных страниц в историю Красной армии. В этих боях сопротивление деникинских армий было сломлено полностью, и они большей частью погибли на Черноморском побережьи.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И УСТРОЙСТВО ТЫЛА

Успех преследования в крупном масштабе во многом зависит от устройства тыла. Преодоление истощения сил при преследовании, главным образом, связано с вопросами устройства тыла. Хвост армии крепко держит ее голову и не дает ей обычно оторваться дальше определенных пределов без угрозы срыва оперативного успеха. Но гражданская война, в периоде ликвидации внутренних контр-революционных фронтов, была войной особого типа. Элементы, питающие армию из тыла, часто перемещались в пространстве, и база Красной армии оказывалась не только сзади, но и впереди наступавших войск. Продвигаясь в районы с рабочим и сочувствующим Красной армии населением или к пунктам, где были расположены крупные боевые арсеналы и склады белых, Красная армия оказывалась в независимом положении от своего тыла и состояния железных дорог, обеспечивающих подвоз. В кампании против Колчака, после первых успешных операций, Восточный фронт почти во всех отношениях обходился собственными средствами. Рабочие Урала и восставшее сибирское крестьянство давали прекрасное укомплектование. Только благодаря местному пополнению, стремительное преследование Красной армией в Сибири не захлебнулось из-за страшной эпидемии тифа, которая там свирепствовала. Богатые хлебные районы давали возможность кормить войска досыта. На путях отхода Колчак оставлял большие запасы боевого снабжения, которые почти полностью обеспечивали

потребности фронта. Только патроны для ручного оружия во всех случаях приходилось подвозить из тыла. И даже в этом одном пункте проталкивание вперед ружейно-пулеметных парков вызывало огромные затруднения. Но в остальном тыл не держал боевую линию своей мертвой хваткой. Наоборот, дивизии Восточного фронта, продвигаясь вперед, не только не истощали своих материальных ресурсов, но во многом обогащались за счет добываемых трофеев. Дивизии Восточного фронта, впоследствии перебрасываемые на другие фронты, выделялись своим богатством материальных средств. Примерно, такая же картина наблюдалась и при ликвидации Деникина и Врангеля, особенно у тех дивизий, которые в преследовании противника достигли морского побережья, где, главным образом, была устроена база белых. И на этих фронтах неупорядоченность тыла Красной армии не отзывалась тяжелым образом на преследовании противника. Огромное отрицательное влияние оказали лишь железные дороги, разрушение которых, как мы уже видели, поставило Красную армию в тяжелое положение под Ростовом. Ибо по мере сокращения ширины фронта ряд дивизий выводился в резерв, и в дальнейшем, к новой операции от Ростова, прибыть своевременно на фронт не мог; также нельзя было своевременно подвезти пополнения. Задержка под Ростовом во всяком случае явилась результатом не того, что обозы красных отстали почти на две недели. В силу подобных своеобразных условий гражданской войны, преследование часто велось налегке. Войска часто нарочито оставляли свои обозы в тылу, дабы они не мешали быстроте и свободе маневрирования. В самом ходе операции войска успевали обрастать новыми обозами. Но в совершенно иное положение попала Красная армия в войне с белополяками. Эта война по своему типу больше всего приблизилась к современной большой войне. Действующая армия почти полностью базировалась на подвозе из тыла. Красная армия сразу попала в непривычную ей обстановку и вынуждена была на практике пройти курс администрации по устройству тыла.

Польская кампания уже породила большую литературу как у нас, так и за рубежом. В Польше «Чудо на Висле» стало лозунгом реакционно-шовинистической пропаганды. У нас ищут виновников и причины неудач Красной армии. Одно время полемика по этому вопросу велась достаточно горячо. Ошибок обнаружено много: здесь и неправильный выбор операционных направлений, и отсутствие взаимодействия фронтов, и неправильная группировка сил в главном направлении, и причина всех причин та, что мы в Польской кампании «перепреследовали». Холодно и трезво оценивает Ленин последний этап польской кампании и говорит: «в решительный момент у нас нехватило сил» (т. XVII, стр. 331). В этом вся

суть. Этих сил не хватило потому, что преследование перехватило пределы своих возможностей. Красная армия двигалась за противником туда, куда он сам хотел. В движении от Буга к Висле Красная армия свободы действий уже не имела. Отступая к Висле, польская армия отходила на свою базу, и ее боевые и маневренные возможности возрастали вместе с приближением к Варшаве. Красная же армия отрывалась от своей базы на катастрофические расстояния. Героические усилия, которые делал тыл Красной армии, чтобы преодолеть пространственные затруднения при организации подвоза, остались лишь героическими усилиями, без больших реальных результатов. Тот факт, что при подходе к Висле головные железнодорожные станции доходили к Вышкову и Седлецу, не мог преодолеть отсутствия организованной системы военных дорог и подвижных складов. Кроме того, восстановленные с такой быстротой железные дороги имели очень слабую провозную способность, а недостаток подвижного состава и паровозов не давал возможности использовать и наличную провозоспособность.

В тылу действующей армии двигались бесконечные крестьянские обозы, груженые ненужным скарбом, ящиками с архивными делами, мебелью, женами и детьми начальствующего состава. Эта тяжелая махина не имела почти никакой боевой ценности и лишала красные войска хотя бы малейшей маневренной способности и средств боевого питания. Отвлеченно рассуждая, должно было казаться, что снабжение всех сравнительно незначительных сил, которые действовали на огромном польском театре, не должно было вызвать таких затруднений. Но по мере развития операции, колесный тыл Красной армии разбухал, тяжелел и при всем желании успевать за войсками не мог, как и не мог развить нужной гибкости в своей организации.

В итоге, около 50.000 пополнений, направленных на укомплектование армий Западного фронта, своевременно прибыть не могли, и в решительную минуту соотношение сил сложилось в пользу белополяков. Если к этому прибавить, что красные войска были переутомлены беспрерывно большими переходами, артиллерийские парки пустовали, система проволочной полевой связи почти бездействовала и проч., то наши поражения под Варшавой становятся понятными и легко объяснимыми. Это поражение станет еще более понятным, если учесть, что Красная армия жестоко нарушила основное требование всякого маневра с глубоким обходом—беречь, как зеницу ока, основание обходящей оси. Ибо обходящий всегда находится в свою очередь под угрозой обхода со стороны противника, который в случае удачи может не только приостановить большую прыть преследующего, но и вообще отрезать его от базы. Такова практическая диалектика обходного маневра.

Блестящие успехи восстановления железных дорог в польской кампании породили взгляд, что в современной войне «дальнобойность» операции не имеет пределов, ибо техническая возможность восстанавливать железные дороги со скоростью до 20 километров в сутки позволяет тылу всегда догонять фронт и обеспечивать бесперебойное питание. Увы, реальные результаты и картины работы тыла в этой войне решительно опровергают подобные мнения. Даже самые прекрасные успехи восстановления железных дорог не могли и не могут дать в первые дни больше 4-х пар поездов на головных участках. Полная провозоспособность достигалась гораздо позднее, с момента восстановления самой колеи. Эти «четыре» пары не могли дать все, что нужно фронту, даже при наших сравнительно незначительных силах. А в войне будущего эти «четыре пары» останутся, но на фронте будут миллионы едоков. Тыл складывается из ряда элементов, среди которых железные дороги играют важнейшую роль, но не единственную. Проталкивание вперед массовой миллионной армии вызывает огромные трения, которые вернули нас в области глубины операции до известной степени к «пятипереходной» системе, как бы наши желания ни протестовали против подобных выводов.

Но в тех случаях, когда разложение противника достигнет больших пределов, считаться полностью с устройством тыла не придется. Придется принять героические меры, чтобы тыл не отставал. Но отказываться от риска в беспощадном преследовании в таких случаях не следует.

Среди отдельных элементов устройства тыла в преследовании важное место отводится задачам организации местного гражданского управления во вновь занятых областях. Опыт гражданской войны дал организационное решение этой проблемы в виде «ревкомов».

Эти революционные комитеты почти на всех фронтах гражданской войны сыграли свою положительную роль, освобождая преследующие войска от больших забот по сношениям с местным населением и по организации советской власти во вновь занятых областях. Ревкомы являются ценным наследством, оставленным нам гражданской войной.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ, ПОЛИТИКА И ПОЛИТРАБОТА

Гражданская война была продолжением классовой борьбы с оружием в руках. Это была вооруженная борьба за власть. Отсюда ее напряженный и ожесточенный характер. Стратегия Красной армии имела ясную и четкую политическую задачу—разгромить до конца вооруженные силы контр-революции и освободить все территории, занятые последними. В силу ярко выраженного классового характера гражданской войны господствующая роль политики над стратегией

выявилась с такой очевидной бесспорностью, что вековечный спор по этому поводу между стратегией и политикой можно считать окончательно разрешенным.

Стратегия подчинена политике целиком и безоговорочно. Стратегия есть лишь весьма радикальное средство политики и ни на какую верховенствующую роль в жизни государства претендовать не может.

Благодаря ясным политическим задачам, Красная армия была всегда прекрасно осведомлена о целях предстоящих операций. Политические задачи операции полностью соответствовали классовым интересам рабочих и крестьян и, выраженные в ярких лозунгах, глубоко проникали в сердца вооруженных масс, вызывая огромный порыв к борьбе и победе. Стратегия Красной армии, выполняя волю советского правительства, могла проявить большую прямолинейность и энергию, имея за собой всю симпатию и поддержку Советского государства, ибо вся страна была превращена в вооруженный лагерь, который, идя на величайшие жертвы и лишения, давал Красной армии все необходимое ей для успешной борьбы. Последовательная постановка новых политических задач по мере развития операции на различных фронтах является одним из интересных достижений гражданской войны. Это есть практическое приложение «ленинизма» к военному делу.

Мы можем дать следующую эволюцию политических задач и лозунгов в кампаниях и операциях гражданской войны.

Восточный фронт. Общая политическая задача—воссоздание в Сибири советской власти. Лозунг—Все на Восток.

Бугурусланская операция	Отстоять великую советскую реку.
Операция по овладению Уралом	Советская промышленность нуждается в уральском железе и стали.
Операции к Омску	Советской стране нужен сибирский хлеб.
Преследование к Иркутску	Смерть Колчаку.

Кампания против Деникина. Общая политическая задача—ликвидация южных контр-революционных сил

Первые операции от Курска	Отстоять Тульскую кузницу (не следует забывать, что тульские патронные и оружейные заводы были основной базой боевого снабжения Красной армии).
Операция в Донбассе	Освобождение Всероссийской кочегарки.
Операции на Украине	Помощь братской Украинской республике.
Операции на Дону и Кубани	Смерть Деникину, Советской стране нужен южный хлеб.

Кампания против Юденича.	
Первая операция	Оборона сердца революции—Петрограда.
Операции по ликвидации Юденича	Пробить окно в Европу.
Польская кампания	Оборона Советской страны от польских панов и шляхты.
Наступление к Варшаве	Даешь Варшаву.

Этот перечень далеко не полный. Его можно было бы значительно расширить. Но он ярко демонстрирует сложившиеся в гражданской войне отношения между стратегией и политикой. Общие политические задачи для данной кампании являлись основной руководящей директивой высшему командованию Красной армии, которое на основе этих директив разрабатывало планы отдельных операций. Политические задачи отдельных операций являлись политическим выражением стратегических замыслов. Они служили основанием для всей системы политработы в Красной армии. По вопросу о роли политработы в Красной армии у нас много спорят. Опыт гражданской войны по этому вопросу дает четкий и ясный ответ. Он, примерно, таков.

В той мере, в какой стратегия Красной армии была подчинена общей политике Советского государства, непосредственная военно-политическая работа в армии была подчинена требованиям стратегии. Политработа имела целью особыми мерами, приемами, методами политического воздействия на наши войска, на войска противника и местное население способствовать выполнению частями Красной армии своих боевых и оперативных задач.

В то же время через партийно-политический аппарат, институт военных комиссаров и другие партийные организации коммунистическая партия осуществляла свое руководство армейской партийной организацией и Красной армией в целом.

Политаппарат Красной армии является величайшим наследством гражданской войны, мимо которого нельзя пройти, изучая военное искусство Красной армии; партийно-политическая и военно-политическая работа в Красной армии явились средством могущественного воздействия на массы и сыграли решающую роль во всех операциях Красной армии. Подготовительный период перед каждой операцией сопровождался специальной кампанией по поднятию моральной устойчивости Красной армии—усиливался приток коммунистов в армии, проводилась специальная агитационно-пропагандистская кампания, которая разъясняла бойцам цели предстоящей борьбы, принимались усиленные меры по изъятию из частей разлагающих элементов, заострялась карательная политика. В итоге

революционное самосознание масс перерастало в боевой порыв, который в периоды преследования, в связи с победами, усиливался до больших пределов. Политработа в армии в периоды преследования насыщала Красную армию духом сознательности, неутомимости и целеустремленности. Благодаря политработе, Красная армия знала всегда и свою боевую и политическую задачу.

Огромное значение имело политическое отношение местного населения к борющимся сторонам, ибо в гражданской войне воевали не только вооруженные силы, но в том или ином виде—вся масса населения страны. Маневренные периоды войны и особенно периоды преследования ложились на местное население тяжелым бременем. Уже одна транспортная повинность приводила к тому, что в деревнях на огромных пространствах не оставлялась ни одна повозка. Двигающаяся армия, вынужденная питаться из местных средств, как «саранча», съедала продовольственные запасы населения. Интересы войск и войны часто требовали производства у населения различных реквизиций и конфискаций, которые иногда сопровождались излишними репрессиями и нетактичным, грубым отношением к местному населению. На фоне гражданской войны широко разросся уголовный бандитизм, жертвой которого также большей частью было местное население. Нервное настроение населения использовывалось различными контр-революционными элементами, которым часто удавалось увлекать крестьян за противосоветскими лозунгами. Во многих районах создавалась такая обстановка, что отношением местного населения определялся успех операции.

До тех пор, пока казачество Дона и Кубани поддерживало Деникина, Красная армия в своих неоднократных наступательных операциях успеха не имела. Зарываясь в преследовании противника в глубь территории зажиточного казачества Северного Кавказа и Дона, Красная армия в конце концов вынуждалась к отходу с большими жертвами под соединенными ударами организованных боевых сил белых и беспрерывных восстаний в своем тылу. Только тогда, когда казачество потеряло все иллюзии и узнало доподлинную реакционную монархическую сущность деникинщины, когда казачество изверилось в целях белого движения, когда классовое расслоение внутри самого казачества перевело на советскую сторону добрую его долю, Красная армия в своем последнем наступлении, имея поддержку всей массы так-называемых «иногородних», уже не встретила враждебного отношения со стороны казачьих масс и местного населения. Этому способствовало и то, что политика сумела дать преследующим частям Красной армии правильную политическую линию поведения, которое заключалось, во-первых, в том, чтобы возможно скорее разбить и уничтожить живые силы противника и выгнать его из казачьей территории к морю;

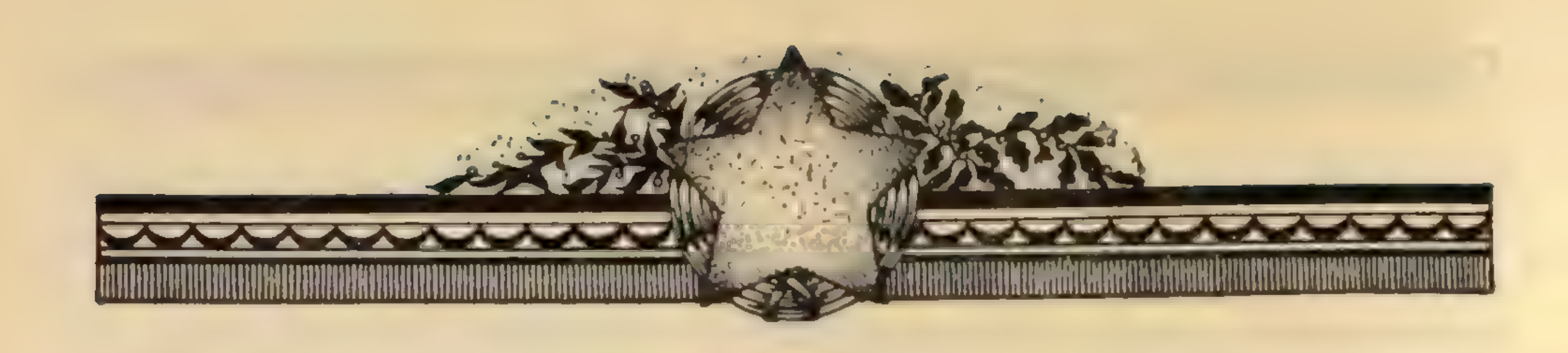
17

во-вторых—в том, чтобы елико возможно освободить местное население от тягот войны. С бандитствующими элементами Красной армии велась суровая борьба, не менее жесткие меры были приняты против тех контр-революционных элементов, которые были специально оставлены Деникиным в тылу Красной армии. Беззаконные реквизиции и конфискации беспощадно карались. Одновременно среди казачества была развернута большая политико-просветительная работа под лозунгами установления порядка и возвращения к мирному труду.

Благожелательное отношение местного населения выливалось не только в пассивную помощь Красной армии; во многих случаях крестьянство (не говоря уже о рабочих массах) восставало, образуя в тылу белых целые фронты. Колчак в своем бегстве от Омска владел лишь узкой полосой вдоль Сибирской железной дороги. Все пространство подальше от железной дороги было охвачено массовым восстанием, которое выдвигало целые армии. В районе Славгорода действовала армия Громова, в районе Барнаула — армия Мамонтова, в районе Минусинска—армия Щетинкина, к северу от Красноярска—Яковенко и т. д. Эти партизанские вожди беспощадно расправлялись с колчаковским тылом и оказали огромное влияние на успех преследования Красной армии. Более сложной оказалась обстановка при движении частей Красной армии на Украину. Здесь вся территория в тылу Деникина также была охвачена восстанием. Не подлежит никакому сомнению, что бóльшая часть этих восстаний, даже восстания, организованные Махно, носила характер борьбы крестьянства против помещиков. Но, не имея правильного и твердого политического руководства, возглавляемые часто национально-шовинистической и контр-революционной украинской буржуазией или бандитствующими анархическими элементами, различные партизанские отряды, войдя в соприкосновение с частями Красной армии, часто обращали оружие и против нее. Махновщина в конце концов выродилась во всеукраинское бандитское движение, ликвидация которого потребовала больших усилий. Преследование белых на Украине частями Красной армии проходило с большими трениями. Дабы уберечь части Красной армии от разложения, понадобилось принять против этих партизанских частей чрезвычайные меры. Они насильно расформировывались, частям Красной армии запрещалось принимать добровольцев и вливать в свои части партизанские отряды без предварительной обработки их в запасных частях. На исход операции сильно влияло также и настроение масс бойцов белых армий. До тех пор, пока вооруженные силы контр-революции организовывались из добровольческих элементов, офицерских и других, кровно ненавидевших рабочих и крестьян и советскую власть, их армии

проявляли огромную боеспособность. Когда же различным контрреволюционным местным правительствам пришлось прибегнуть к массовым мобилизациям рабочих и крестьян, боеспособность их армий падала вместе с увеличением их численности. Создавалась чрезвычайно благоприятная обстановка для революционной агитации в среде армий противника, которые легко воспринимали близкие им лозунги Красной армии. Периоды больших отступлений белых армий сопровождались переходом на сторону Красной армии многих частей целиком и повальным дезертирством. Разложение белых армий росло вместе с победным шествием красных фронтов. В этом разложении организованная политработа в стане белых играла огромную роль. Коммунистические ячейки проникали в самую гущу белых армий и вели там свою героическую работу.

Н. ВАРФОЛОМЕЕВ

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАРАСТАНИЕ И ИСТОЩЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

I

ГРАЖДАНСКАЯ война характеризовалась исключительной маневренностью. На протяжении трех лет этой войны ее хроника дает многочисленные примеры больших колебаний фронта, комбинаций длительных наступлений и не менее длительных отходов, чередования усиления стратегической мощи с временным ослаблением, а иногда и полным истощением ее. Армии противников находили в себе достаточный запас моральной и материальной энергии для ведения длительных по времени и больших по объему операций (наступление и ликвидация Колчака, варшавская операция, наступление Деникина и его ликвидация и т. д.).

Маневренность исключает боязнь пространства. Наступающие армии маневрируют в преследовании определенных оперативных целей и в период выполнения маневра, преодолевая пространство, идут на отрыв от своих тылов, от своих областей, от своей обстановки; они попадают в чуждую, зачастую враждебную, среду. Гражданская война показала законность расчетов на фактическую возможность широких маневров. Это объясняется, прежде всего, тем, что в условиях ведения гражданской войны каждая из сторон могла рассчитывать на более или менее значительную поддержку в тылу своих врагов. Мы не без основания рассчитывали на поддержку трудящихся (и в первую очередь рабочих), наши противники делали свою ставку на кулацкий элемент крестьянства и на буржуазию. Однако необходимо уже теперь оговориться, что это утверждение не может быть одинаково приложимо ко всем периодам гражданской войны и ко всем фронтам, на которых она велась: так, в этом

отношении первый и последующий периоды войны, и Восточный с Южным и Западный фронты значительно между собою разнились.

Гражданская война прошла под флагом войны на сокрушение. Отсюда соответствующая стратегия обеих сторон. Красные, действовавшие по внутренним операционным линиям, следовали плану последовательного разгрома многочисленных неприятельских фронтов, направляя свои удары по врагу, признававшемуся важнейшим в каждый данный момент. Выполнение принятого плана войны потребовало от нас чрезвычайной гибкости в группировке и использовании своих сил и ресурсов. Отсюда—широкое применение железнодорожного маневра, широкое не абсолютно, а относительно, если учесть тогдашнее состояние истощенного железнодорожного транспорта (в переброске участвовало до 3/4 всех сил Красной армии). Наши многочисленные противники в своей стратегии также руководились стремлением захвата инициативы и длительного удержания ее в своих руках (прорывы фронта и попытки глубоких проникновений). Этот метод действий внутренней контр-революции вытекал из поставленных целей—овладения Москвой и Петроградом, как «жизненных» центров революции. В конечном счете наша победа обусловилась несомненным энтузиазмом революционного пролетариата и поддержкой крестьянства, ясно осознавших глубокую пропасть между интересами революции и контр-революции, что предрешило их враждебное отношение к белому движению.

В борьбе на вооруженном белом фронте победила красная стратегия; это в полной мере можно отнести к борьбе на Восточном и Южном фронтах. На Западном фронте мы не достигли решительной победы: поколебав, мы не разгромили здесь вооруженного фронта противника. Наша неудача в борьбе с белой Польшей объясняется совокупностью многих причин. Не место в короткой статье анализировать их, но нам кажется, что перенесение методов борьбы, установленных опытом Восточного и Южного фронтов, на Западный фронт, без должного учета особенностей борьбы в условиях этого последнего, явилось одной из существенных данных, повлиявших на неудачный исход Варшавской операции.

Анализ методов ведения операций в условиях гражданской войны в связи с освещением вопросов, связанных со стратегическим истощением и нарастанием, и исследование разницы в этих методах сообразно условиям Западного и Восточного фронтов и составит содержание данной статьи.

II

Маневр есть сложная комбинация движения (переброски), оперативного развертывания (исходное положение) и ударов (боев). Цель маневра—изменение обстановки в свою пользу с расчетом обеспе-

чения возможности захвата инициативы в свои руки и разгрома врага. Если обстановка обеспечивает нам моральное и численное превосходство, то инициатива захватывается переходом в наступление, а успех достигается—при надлежащем обеспечении его—в ходе успешно ведущейся наступательной операции. Иногда же, в силу складывающейся обстановки, наступлению предшествует или переход к обороне или даже выход из операции и отступление с целью перегруппировки. Это последнее является вполне законным маневром для достижения перелома в обстановке. Комбинации наступлений и отступлений являлись типичными для стратегии гражданской войны. Мы встречаемся с длинными наступлениями, переходящими в длительное преследование (ликвидация Колчака, Варшавская операция), и глубокими отскоками с целью выигрыша времени для перегруппировок (при подавлении чехо-словацкого мятежа уфимская группа красных на судах отплывает по р. Белой в Сарапульский район, где кладется основание 2-й красной армии; отход весной 1918 г. советских отрядов из Донбасса в район Царицына, образование здесь 10-й красной армии и переход ее в наступление, предупредившее наступление Донской армии на Царицынском направлении; отход группы Сорокина и удар по тылам Добровольческой армии)[1].

Этот сильно развитый маневренный характер гражданской войны, питаемый целым рядом причин, более подробно которых мы коснемся ниже, естественно, толкнул к попыткам установить закономерность явлений, объясняющих возможность поддержания на нужном уровне стратегической мощи армий, непрерывно ведущих длительные наступательные операции и не только не истощающихся в своей наступательной способности, но и наращивающих ее.

Гражданская война подчеркнула возможность длительного ведения наступательных операций, которые велись в условиях, резко отличных от условий предыдущих войн с их массовыми армиями. Наступление Фоша осенью 1918 г., ведшееся на протяжении нескольких месяцев, во-первых, имело перерывы, во-вторых, потребовало для обеспечения операций сосредоточения таких средств и ресурсов, которые ни в какой степени не могут быть сравниваемы с ресурсами гражданской войны. В период ликвидации Колчака армии Восточного фронта в три с небольшим месяца прошли 2.000 *км*, что дает в среднем около 20 *км* в сутки непрерывного поступательного движения войск. Тыла, по существу, не было, армии были предоставлены сами себе, и все же стратегическое истощение здесь места не имело. Примеры Восточного и Южного

---

[1] Мы ограничиваемся этими примерами; ими пестрит вся история гражданской войны.

фронтов гражданской войны говорят не о стратегическом истощении, а, наоборот, о стратегическом нарастании. Варшавская операция на Западном фронте свидетельствует об обратном. Здесь пришлось считаться с имевшим место стратегическим истощением. В чем же дело? В разнице условий борьбы на этих фронтах, в необходимости принять в 1920 г. в борьбе против белой Польши иные методы в организации материального и политического обеспечения операций. Следует констатировать, что кульминационный пункт в развитии наступления на Западном фронте наступил значительно раньше, чем этого можно было бы ожидать в условиях внутренней гражданской войны; это (в ряду других причин) предопределило меньший размах операций. Масштабы времени и пространства оказались различными, так же как и влияние тыла и политической ситуации. Издержки войны на Западном фронте на много превзошли издержки на Восточном фронте; война в кредит, война с расчетом на «базы впереди» сменилась войной на наличные.

Операции гражданской войны не могут быть сравниваемы с операциями мировой войны без учета особенностей, характерных именно для гражданской войны. Кратко, эти основные особенности нижеследующие:

1. Ничтожная плотность (оперативная и тактическая) фронта, что явилось прямым следствием огромного протяжения фронтов и малочисленности армий. На одну стрелковую дивизию в среднем приходилось: а) при ликвидации Деникина: у нас—70 *км*, у противника—100—110 *км*; б) в Варшавской операции: у нас—25 *км*, у противника—31 *км*; в) при ликвидации Врангеля: у нас—28 *км*, у противника—50 *км*. В указанных операциях удавалось путем крайней растяжки второстепенных участков фронта и ввода резервов достигать уплотнения на направлении главного удара, но все же и в этих случаях мы имели дело с такими цифрами, как 10 *км* (Варшавская операция), 45 *км* (ликвидация Деникина)[1]. Как частое явление, стрелковые дивизии получали участки в 100—150 *км*, а полки—в 10—20 *км*. Армии в 2—3 дивизии имели участки в 200—300 *км*, что при малочисленном составе полков в дивизиях (1.000—1.500 штыков) давало по 50—100 штыков на 1 *км* фронта. Эта недостаточная тактическая плотность на направлениях главных ударов несколько увеличивалась, но все же не превышала нескольких сот штыков на километр (в ликвидации Деникина—68 шт. и $^1/_3$ орудия, в ликвидации Врангеля и в Варшавской операции—по 330 шт. и $1^1/_2$—$2^1/_2$ орудия)[1]. Цифры, взятые из мировой войны, рисуют совершенно иную картину: в сражении на Марне немцы имели 1 див. на 5 *км* фронта (суживая участки на направлении

---

[1] Триандафиллов—«Размах операций современных армий».

главного удара до 3 *км*) и 4.700 бойцов и 15 орудий на 1 *км* (на направлении главного удара от 8 до 20 тысяч бойцов и от 30 до 59 орудий). Русский масштаб хотя и уступал Западному фронту, но все же в галицийском сражении 1914 г. мы имели участки дивизий в 10—12 *км*.

Подобное соотношение численности вооруженных сил к пространству обусловило возможность проявления широкой маневренности. На тесноту театров войны пожаловаться нельзя было. Широкие участки, отводимые войсковой части, обусловливали и широкую полосу при движениях. Фронт походного порядка дивизии не был уже ее боевого фронта. Не только полки в дивизиях, но иногда и батальоны в полках имели отдельные дороги. Рассредоточенность частей (на месте и в движении) облегчала использование местных средств, за счет которых шло снабжение частей (в некоторых случаях, в силу однотипности вооружения обеих сторон, вплоть до трофейных огнеприпасов). Оба указанных условия в сильнейшей мере способствовали удивительному увеличению оперативной подвижности войск. Широкое использование местных средств позволило оторваться от тылов с полным презрением всех норм, благоразумно устанавливающих предел этого отрыва и угрожающих в случае нарушения этого предела катастрофой для наступающей армии. Собственные базы в своем собственном тылу стали призраками, журавлями в небе; реальные расчеты велись на базы впереди, это были синицы в руках. В сущности, снабжение стало строиться по принципу: база при себе и база впереди.

1. Слабость техники. По сравнению с мировой войной и вообще с войнами современного периода приходится констатировать естественную для нашей гражданской войны, протекавшей на развалинах старой армии и в условиях разрухи промышленности [1] и истощения транспорта, количественную скудость технических средств борьбы. Выше уже приводились сравнительные цифры вводимой в дело артиллерии. Это же можно сказать и о бронесилах и воздушном флоте. Если прибавить к этому малое напряжение боев (следствие разреженности фронта), то нет ничего удивительного в том, что расход огнеприпасов, в частности, был чрезвычайно мал. Этому способствовало и состояние снабжения огнеприпасами. Весной 1919 г., в один из критических периодов гражданской войны, заводы за три месяца (март, апрель и май) выработали 68.000.000 винтовочных патронов, что при тогдашней численности Красной армии в 400 тысяч бойцов составляло 2 патрона на одного бойца в день. Это являлось уже острым кризисом

---

[1] В 1919 г. продукция промышленности равнялась 19% таковой же 1913 года (журнал «Война и революция» 1925 г., статья Вольпе «Чусоснабарм»).

патронного голода и не могло, конечно, не сказаться на расходовании огнеприпасов, сводя его к минимуму.

2. Снабжение и транспорт. Огромное протяжение фронтов, большое колебание фронта, большая подвижность войск, недостаток запасов, истощенный транспорт—все это, вместе взятое, привело к оригинальному разрешению вопроса о снабжении: регулярный подвоз заготовленных в тылу припасов имел явную тенденцию замениться широкой эксплоатацией местных средств. Вместо снабжения в обычном представлении об этом понятии мы имели дело с «самоснабжением». Войска, ведущие по неделям и месяцам непрерывное преследование, отрывались от своих баз и подвижных довольствующих учреждений и шли вперед (часто даже ехали вперед, посаженные на подводы) в сопутствии разбухших обозов I разряда. Расчеты строились на местные средства. На месте добывалось продовольствие и фураж, на месте же получались и пополнения (укомплектование). Войсковой транспорт организовывался и пополнялся по потребностям текущего момента использованием обывательских подвод, штатный войсковой транспорт исчез. Махнув рукой на базы и регулярный подвоз с тыла, войска возили припасы с собой или находили их на месте. Армия становилась мало зависимой от своего тыла. Наоборот, зачастую тыл зависел от армии, которая наряду с боевыми задачами выполняла продовольственные, отправляя из занятых областей маршруты с продовольствием.

3. Укомплектование. Находя по пути своего продвижения районы с сочувствующим населением, части Красной армии пополнялись в результате местных мобилизаций, не ожидая прибытия укомплектования с тыла. Белые, став на путь широкой мобилизации населения, ускорили свою гибель: их армии, став количественно большими, перестали быть политически надежными. И мы видим, что в то время как красные армии могли вести непрерывные операции, успешно пополняя свои ряды (ликвидация Деникина началась и кончилась одинаковой численностью Красной армии), армии Колчака, Деникина и Врангеля рассыпались не столько от потерь на фронте, сколько от дезертирства.

Вышеочерченные особенности, характеризовавшие гражданскую войну, наложили свой отпечаток на ведение операций. Для сторон открылись большие оперативные возможности. Операции приобрели большой размах. Явилась возможность осуществлять непрерывное наступление месяцами. Отсюда уже в 1919 г. был сделан вывод: прорванный или обойденный противник, откатывающийся назад, должен быть разгромлен до конца энергичным, без пауз, преследованием. Пространство и трудности материального обеспечения операции не должны мешать этому.

Опыт борьбы 1918 и 1919 гг. на Восточном и Южном фронтах давал пищу подобной уверенности. Перенесенная в 1920 г. на Западный фронт, эта уверенность претерпела жестокое испытание. Забегая несколько вперед, мы позволим себе высказать свое мнение, склоняющееся к тому, что возможность ведения «длинных» наступлений в условиях современной войны с целью окончательного сокрушения неприятельского вооруженного фронта не является призраком; они возможны и законны и в условиях предстоящих войн. Но, вместе с тем, мы должны внимательнейшим образом считаться с возможностью стратегического истощения, если не обезопасим себя надлежащим обеспечением размаха операции. К этому вопросу мы вернемся ниже.

III

Нам представляется уместным, вернувшись к вопросу особенностей оперативного базирования в гражданской войне, более подробно остановиться на освещении условий работы тыла и состоянии снабжения. При этом, опираясь на данные крупнейших операций, мы рассмотрим выдвинутый вопрос под углом зрения особенностей и различия, свойственных ведению операций при борьбе на внутреннем фронте гражданской войны (Колчак, Деникин, Врангель) и в борьбе с белой Польшей.

Уже в 1919 г. делались попытки подытожить опыт гражданской войны и на основании сделанных выводов установить метод ведения войны. Выводы эти базировались преимущественно на опыте Восточного и Южного фронтов, так как вплоть до 1920 г. Западный фронт не являлся ареной решительной борьбы с белой Польшей. Средства, силы и внимание были отданы на дело последовательной ликвидации Колчака, Юденича и Деникина. Естественно, что оживленная оперативная деятельность против фронтов внутренней контрреволюции и питала военно-общественную мысль в ее аналитической и синтетической работе.

Наиболее выпукло эти выводы отразились в известном труде т. Тухачевского «Война классов». В статье «Стратегия национальная и классовая»[1] оттеняются следующие моменты (интересные с точки зрения темы данной статьи):

1. Гражданская война выявила формы, являющиеся логическим следствием борьбы класса с классом, а не государства с государством.

2. Небольшими армиями возможно завоевать большие пространства, имея всегда тыл, обеспеченный путем установления пролетарской диктатуры.

3. Приобретает исключительное значение захват территории как базы комплектования классовых армий.

---

[1] Лекция в Академии красного генерального штаба, прочитанная в декабре 1919 г.

4. Темп развития операций имеет стремительный характер. Это обусловливается возможностью очень легко[1] организовать тыл и в частности снабжение (продовольствие и фураж войска находят на месте).

5. Наступающий непрерывно усиливается (мобилизация в занятых областях родственных классов), отступающий ослабляется (дезертирство).

6. Несоответствие пространства численности войск обеспечивает широкий фронт маршей-маневров, что облегчает достижение непрерывности и скорости продвижения. Вполне возможная норма: 200 *км* в неделю при сохранении войсками полной боеспособности.

7. Разреженность фронта и походных порядков позволяет базироваться на местные средства. Бои не носят напряженного характера и влекут малый расход огнеприпасов. Отсюда—армии подвозить надо лишь определенные грузы, для чего на дивизию достаточно в сутки 50 подвод. Потребность в войсковом транспорте успешно покрывается обывательским транспортом; этот последний не ограничен по длине, а потому дивизия не зависит от железных дорог[1].

8. Стратегические резервы, в виду стремительности операций, не нужны и даже вредны (самоослабление).

Вышесказанное характеризует основную мысль, основной вывод: цели операций—полное сокрушение живых сил противника; метод—непрерывное наступление и—как средство—длительное стратегическое преследование, боящееся пауз и остановок; тыл не сорвет преследования (помогут местные средства), подвоз обеспечен обывательским транспортом; базы впереди.

Этот основной вывод явился предпосылкой к созданию уже в более поздний период, после поверки его опытом борьбы в 1920 г. с Польшей, теории ряда последовательных операций, имеющих своей конечной целью разгром вооруженных сил противника и являющихся каждая звеном, промежуточным этапом на пути к конечной цели, достигаемой в решительной операции. Теория стратегического истощения и нарастания стоит в определенной связи с теорией последовательных операций. В нее, однако, ныне внесена крупная поправка, которая гласит, что страховка от стратегического истощения, опасность коего является неизменным спутником длительного и непрерывного наступления и преследования, достигается не расчетами на «базы впереди», а правильным материальным и политическим обеспечением операции, основанным на четкой работе тыла (дальнего и ближнего) и политорганов.

---

[1] Курсив наш. *Н. В.*

Выводы, к которым в свое время пришел автор «Войны классов», отражали опыт Восточного фронта. Война с белополяками в 1920 г. внесла значительные коррективы в эти выводы. Вопросы стратегического истощения и нарастания в свете условий Восточного и Западного фронтов получили различную установку. Это объясняется разницей в условиях борьбы: восточная Польша и Белоруссия оказались не одним и тем же, что Сибирь, Украина и Донбасс, в отношении материального и политического обеспечения операций. К характеристике этого различия мы и перейдем, остановившись на вопросах тыла (укомплектование, снабжение и подвоз) и политического обеспечения.

Обращаясь к рассмотрению борьбы на Восточном и Южном фронтах с армиями внутренней контр-революции, мы остановимся на основных моментах таких наиболее характерных с точки зрения стратегического истощения и нарастания операций, как ликвидации Колчака, Деникина и Врангеля.

А) Ликвидация Колчака. Весной 1919 г. армия Колчака насчитывала в своих рядах 112.000 штыков и сабель при 246 оруд. Боровшиеся с ней красные армии Восточного фронта имели 88.000 шт. и сабель и 252 орудия. Таким образом, при равенстве в артиллерии, красные сильно уступали в численности живой силы. В дальнейшем, однако, мы видим, что это соотношение изменяется в пользу красных. Перед Уфимской операцией, действовавшая на этом направлении западная армия противника (ген. Ханжина) имела 46.000 штыков и сабель и 119 орудий. После этой операции, потрепанная ударами 5-й красной армии, западная армия противника, отошедшая за р. Уфу, насчитывала только 18.000 бойцов, уменьшившись, таким образом, больше чем вдвое. Помимо этих незавидных для противника результатов минувшей операции, потеря уфимского района была чувствительна для противника и в экономическом отношении, повлекши за собой потерю уральских заводов с размещенными на них заказами и собранными здесь обширными продовольственными запасами. В дальнейшем, мы продолжаем наблюдать таянье рядов неприятельских армий, которое быстро начинает постигать участь армии ген. Ханжина: уже в июле мес. 1919 г. северная армия противника имела только 6.000 штыков и сабель, в то время как еще в июне она требовала довольствия на 350.000 едоков. Другие армии Колчака не превышали северной армии в своей численности. Развал армий шел полным ходом. В конце июля Колчак был вынужден переформировать свои силы, сведя их в три армии. Вслед за этим была предпринята попытка к переходу в контр-наступление с первоначальной целью овладения челябинским узлом. Она окончилась неудачей. В силу продолжающегося общего процесса разложения армии начался быстрый откат за р. Тобол.

Ко времени отхода за эту преграду колчаковские армии имели всего 50.000 бойцов при 300.000 едоков, т.-е. на одного бойца приходилось 5 жующих ртов. Предпринятые для усиления численности армии местные мобилизации не имели никакого успеха, население решительно уклонялось от них, а поставленное в ряды—разбегалось; были нередкими случаи перехода на сторону красных целыми частями. Призыв к добровольчеству завершился жалким результатом: этих «добровольцев» набралось всего лишь несколько сот человек. Уже агонирующая колчаковщина сделала последнее отчаянное усилие исправить положение контр-наступлением на р. Тобол. Последовавшая неудача явилась началом конца.

Таким образом, мы видим непрерывное таянье колчаковских армий, в своем наступательном порыве дошедших до Волги, а затем начавших отходить (а потом и откатываться) под ударами наших войск. При наступлении этих последних мы не видим признаков стратегического истощения. Коротко, это подтверждается на примере одной из активнейших армий Восточного фронта—5-й, которая на р. Тобол в начале августа имела 24.000 бойцов против 29.000 бойцов противника, а уже к октябрю, благодаря успешным мобилизациям местного населения, силы ее, за покрытием потерь, возросли до 37.000, в свою очередь превышая численность противника (имевшего 31.000 бойцов). Это нарастание в силах, характерное для всех армий Восточного фронта, сопровождало весь период наступления и преследования. Объяснение надо искать не столько в присылаемых пополнениях или в подброске резервов главнокомандования, сколько, в гораздо большей степени, в пополнениях, вливавшихся в ряды армии в результате успешных местных мобилизаций.

Таким образом, борьба с Колчаком доказывает факт стратегического нарастания, сопутствующего операциям Красной армии, и стратегического истощения, развалившего белый фронт.

Поддержание боеспособности наших войск, длительно наступавших и непрерывно преследовавших, шло не только за счет успешного комплектования, но и в силу отсутствия таких перебоев в снабжении, которые могли бы сорвать успех операций. Общие условия снабжения были тяжелы. Как раз к началу 1919 г. особенно остро стал вопрос со снабжением Красной армии, в виду израсходования запасов мировой войны. Кризис вызвал к жизни Чусоснабарм, развивший кипучую деятельность. За год своего существования Чусоснабарм дал армии относительно очень много, если учесть, что ему пришлось работать в условиях разрухи промышленности. Однако, несмотря на энергичную работу Чусоснабарма, все же, в силу чисто объективных условий, он не в состоянии был полностью удовлетворить потребности фронта. Заявки

мест удовлетворялись далеко не всегда и несвоевременно. Полное отсутствие регулярности снабжения сверху в результате толкнули места на изыскание своих способов снабжения. Начинает развиваться в широких размерах самоснабжение. Источником самоснабжения, в первую очередь, являлось широкое использование местных средств, о чем уже говорилось выше. Далее, войска пополняли свои запасы за счет захваченных трофеев, которые в условиях крайне подвижной и маневренной гражданской войны, зачастую спешно бросаемые противником, достигали значительных размеров. Чусоснабарм попытался урегулировать вопрос планомерного использования и распределения трофейного имущества, потребовав передачи захваченных трофеев в свое исключительное ведение, но встретился с непреодолимой тенденцией сокрытия войсками трофеев и самовольного обращения их в свою пользу по праву первого. Наконец, в поисках удовлетворения своих потребностей, войска, преследуя свои местные интересы, зачастую самовольно захватывали имущество, следовавшее по железной дороге в адрес других частей или находившееся на складах на учете центра [1]. Таким образом, приходится констатировать, что невозможность для центра (по объективным условиям) в достаточной мере удовлетворить потребность мест породила на местах своеобразную инициативу, нередко проявлявшуюся в весьма уродливых формах.

Обращаясь к условиям Восточного фронта (а забегая вперед, и Южного), следует отметить, что богатая Сибирь и Украина в связи с малой плотностью фронта смогли снабдить войска продовольствием за счет местных средств. Только этим можно объяснить отсутствие пауз в трехмесячном преследовании 5-й красной армией разбитых полчищ Колчака от р. Тобола до Иркутска на протяжении 2.000 *км*, несмотря на то, что тыловые учреждения не только армии, но даже и дивизий и бригад, отстали от войск на целую тысячу килом. Запасы продовольствия войска находили на месте, а подвоз осуществлялся транспортом, на формирование коего шли десятки тысяч обывательских подвод (эти последние одновременно использовались в некоторых случаях и для перевозок преследующих войск).

Не следует, однако, забывать, что столь благоприятная, с точки зрения борьбы со стратегическим истощением, обстановка явилась следствием: 1) несоответствия численности войск занимаемому пространству, в силу чего каждая часть имела большой район для эксплоатации местных продовольственных и транспортных средств, 2) малого напряжения боев и в частности небольшого расхода

---

[1] Мы не касаемся других видов снабжения, широко практиковавшихся в войсках, как-то: закупки, принудительное обложение, конфискации, контрибуции и пр.

огнеприпасов, отчего войска могли возить с собою огнеприпасы на несколько месяцев, и 3) благоприятной политической обстановки (сочувствие местного населения).

Ниже мы увидим, что в 1920 г. на Западном фронте в борьбе с Польшей красные армии уже не были в условиях, благоприятствующих самоснабжению; здесь потребовалась иная работа тыла, центр тяжести снабжения пал не на местное население, а на подвоз с тыла. Здесь уже не был возможен (без отрицательного влияния) отрыв дивизий на 200 *км* от головных станций железных дорог, что было нередким явлением на Востфронте.

Б) Ликвидация Деникина. По существу, здесь повторилась картина, аналогичная ликвидации Колчака. Главная причина, обусловившая собою стратегическое истощение Деникина, крылась в отчуждении и прямой враждебности широких слоев рабочих и крестьян юга и юго-востока России. Добровольческая армия, сильная вначале своими кадрами, но малая числом, очень скоро потонула в беспредельном просторе театра военных действий. Пространство вынудило ее отказаться от добровольчества и стать на путь всеобщей воинской повинности. Начались мобилизации, а с ними наступил и конец армии. Первая мобилизация явилась первым шагом к развалу, вопрос заключался лишь во времени. Разбухшая количественно, Добрармия потеряла в качестве. Но если первые мобилизации давали все же количественное приращение сил, то последующие не давали и этого: началось массовое дезертирство, уклонение от призыва. Тыл и фронт развивались в обратной прогрессии: первый разбухал, второй таял. Рейд Мамонтова, основной целью которого было поднятие широкого восстания в тылу красных, этой-то цели и не достиг; это явилось красноречивым доказательством тщетности надежд на возможность для белых опереться на «жизненные» для них центры. Широко задуманная и начавшаяся удачно для нашего противника, доставившая нам немало трудных минут, растрепавшая 13-ю и отчасти 8-ю красные армии, Орловская операция белых пришла к своему естественному концу: она выдохлась.

Благодаря усиленным мобилизациям и постановке в строй пленных красноармейцев, общая численность белых армий перед решительными событиями на Южном фронте осенью 1919 г. была доведена до 110.000 штыков и сабель при 391 орудии [1]. Против этих сил красные армии имели на фронте 95.000 бойцов и 572 орудия [1], уступая, таким образом, противнику в живой силе и превосходя его в артиллерии. Это невыгодное для красных соотношение сил изменялось к еще большей невыгоде на главном—Орловском направлении, где противнику удалось в районе Обояни на фронте в 12 *км*

---

[1] Триандафиллов—«Размах операции современных армий».

достигнуть огромной в условиях гражданской войны тактической плотности (800 шт. на 1 *км*). Наступление Деникина в первый период развивалось благополучно для белых. Удар по 13-й красной армии уже через неделю превратился в успешное наступление против трех красных армий (14-й, 13-й и 8-й), начавших отход. Клин, вбитый противником, все более и более им расширялся. Потесненная Донской армией противника, начала отход и левофланговая 9-я красная армия. Противник, оставаясь пассивным на фронте правофланговой 12-й красной армии и обороняясь против 14-й армии, стремился развивать дальнейший успех на фронтах 13-й и 8-й армий, овладел Орлом, продвинулся на линию Новосиль—Елец и угрожал ст. Грязи. Но успехи Деникина подходили к концу, начинало чувствоваться отсутствие свободных сил, резервы истощались, а иных источников пополнения не было. В то же время мы, подтянув резервы, предприняли контр-наступление. Первоначально успех этого наступления не дал решительных результатов, борьба несколько затянулась, противник смог овладеть еще г. Ельцом. Но эти успехи противника были куплены им ценой крайнего напряжения и расхода всех своих сил. Надвигались признаки истощения[1]. Еще успешно продвигавшийся вперед, временно опять занявший Кромы и Севск и ст. Донскую и уже распространявшийся в направлении на Липецк и Лебедянь, противник получил удар в промежутки между Добровольческой и донской армиями (конница Буденного), что, по существу, совместно с ударом 14-й армии на Севском направлении, решило участь всей кампании. С этого момента, истощенный, не располагающий резервами и сочувствием в массах местного населения, неприятель безнадежно утратил инициативу и. покатился назад. Орловская операция затянулась почти на два месяца. Кризис назревал медленно, т.-е. сравнительно медленно шло заранее объективно предопределенное стратегическое истощение белых. Причина медленной развязки заключалась в пространстве, ослаблявшем влияние неудач на различных участках большого фронта, значительно удаленных один от другого. Противник располагал возможностью пережидать на

---

[1] Южные контр-революционные армии занимали в этот период обширный фронт от средней Волги до Днепра; численность этих армий совершенно не соответствовала протяжению занимаемого фронта. Переход к обороне, по существу, уже являлся невозможным, так как это привело бы лишь к слабому кордону. Тыл армий был необеспечен, в тылу шли восстания, успешно действовали партизанские отряды. Стремление повысить численность вынудило прибегнуть к мобилизации несочувственно относившегося местного населения и поставить в ряды даже пленных красноармейцев. Это обстоятельство не замедлило отразиться на резком снижении боеспособности Добровольческой армии. Наконец, одним из важнейших признаков наступающего истощения являлось почти полное израсходование резервов, питать успех было нечем, как нечем было и парировать наше контр-наступление.

пассивных участках, пользуясь медленностью развития действий. Не следует забывать, что продвижение красных войск в первый месяц операции (10/X—17/XI) было не более 4—4½ *км* в сутки (увеличившись в последующие месяцы до 9—10 *км* в сутки). Не имея источников комплектования в среде местного населения, действуя во враждебной среде, противник истощался и в силу необходимости отвлекать силы на подавление восстаний в тылу, борьбу с партизанами, с «зелеными»; тыл продолжал разлагаться быстрым темпом, поглощая припасы на довольствие прожорливых тыловых «ртов».

Удар Буденного и 14-й армии, последовавший на переломе стратегического напряжения армий «вооруженных сил юга России», явился усилием, без особого труда опрокинувшим призрачную стратегическую мощь белых. Время и пространство работало не в пользу белых. Дерево, лишенное почвы, держалось корнями в воздухе.

Развал белых совершался быстрым темпом.

Кампания, начатая осенью 1919 г. наступлением Деникина, окончилась в начале 1920 г. полным уничтожением сил южной контрреволюции. Жалкие остатки были взяты в плен в Новороссийске при попытке сесть на суда.

Кампания 1919—1920 гг. на Южном фронте свидетельствует о факте стратегического истощения, выявившегося в операциях белых. Что касается красных армий, то здесь приходится констатировать обратное явление. Начав кампанию с численностью около 100.000 человек, армии Южного фронта окончили ее с той же численностью. Потери армий (боевые и от болезней) успешно пополнялись местными мобилизациями и за счет партизан, действовавших в тылу противника и влившихся в ряды красных армий. Армии преследующей стороны не растаяли, сохранив численность и подъем, победители овладели богатым районом и вступили во владение запасами, брошенными разбитым противником. Итак, и ликвидация Деникина свидетельствует об истощении белых и нарастании сил красных.

В) Л и к в и д а ц и я В р а н г е л я. Не вдаваясь в излишние подробности, мы приведем несколько цифр, характеризующих состояние сторон: к моменту решительного сражения в Сев. Таврии армия Врангеля равнялась 37.000 бойцов [1], красные имели 133.000. После этой операции Врангель имел лишь 19½, красные же сохранили прежнюю численность. Свои потери Врангель не смог покрыть.

Г) Теперь обратимся к рассмотрению условий борьбы на З а п а д н о м ф р о н т е против б е л о п о л я к о в летом и осенью 1920 г.

---

[1] Н. К а к у р и н—«Стратегический очерк гражданской войны», стр. 156.

Уже очень скоро после начала наступления с линии р. Березины мы вынуждены были убедиться в существенной разнице условий борьбы на Западном фронте от борьбы на фронтах Восточном и Южном. История боевых действий за период нашего наступления и отхода настолько всем известна, что мы не будем на ней останавливаться. С точки зрения интересующей нас темы истощения и нарастания мы остановимся на условиях, в которых протекала работа по материальному и политическому обеспечению операций. Эта работа еще мало вскрыта исследователями и ждет своего историка. Однако она имеет настолько характерные черты, что является возможность, пользуясь имеющимися, хотя и отрывочными данными, притти к известным выводам.

Если мы, как видели выше, в периоды наших в высшей степени маневренных действий на Восточном и Южном фронтах могли учитывать лишь относительное, в общем слабое, оперативное влияние тыла, то в советско-польской борьбе тыл (в широком смысле этого слова) сыграл печальную роль тормоза наших успехов. Продолжая драться в условиях далеко не восстановленной промышленности и истощенного транспорта, мы вынуждены были—вольно или невольно—перенести наши чаяния по страховке себя от стратегического истощения на использование местных средств. Но, вместе с тем, в работу по строительству тыла мы частично внесли методы Восточного и Южного фронтов, не отвечавшие условиям сложившейся обстановки, а частично пошли по новому пути, также явившемуся ошибочным в новых для нас условиях.

Мы не сумели справиться ни с устройством, ни с советизацией тыла, и тыл нам отомстил.

С вступлением Красной армии на территорию, до сего занимавшуюся противником, политорганами была развернута широкая работа по советизации занятых областей. Основная цель состояла в привлечении симпатий трудящихся на сторону советской власти. С самого начала пришлось натолкнуться в некоторых случаях на отсутствие революционной инициативы со стороны широких масс местного населения, в других случаях—на их пассивность или даже враждебность.

Настроение местного населения в занятых областях было не одинаковым: в то время как в районе Белоруссии настроение белорусского и части литовского крестьянства было явно сочувственным по отношению к Красной армии, польское крестьянство относилось в лучшем случае пассивно, а зачастую активно враждебно, что особенно резко выявилось при нашем отходе. В Белоруссии мы получили большое количество добровольцев, были случаи прямого влития в ряды армии партизанских отрядов. Это, естественно, облегчило задачу пополнения наступающих армий, дав

возможность приступить к формированиям в тылу. Но в польских областях мы добровольцев не имели. Мы вообще не могли здесь использовать местное население для укомплектования редевших советских армий, непрерывно наступавших от Березины до Вислы. В этом заключалось существенное отличие от условий нашей борьбы в Сибири и Украине.

Систематическая работа среди военнопленных началась уже под конец кампании. Среди них требовалась большая политическая работа, что объясняется отсутствием общего, массового революционного подъема в Польше. Лишь прошедшие через эту обработку и влитые в крепкие сколоченные национальные части, пропитанные духом борьбы со своей буржуазией, военнопленные поляки могли бы послужить источником прироста сил. Создание же польской Красной гвардии не удалось за неимением нужного срока, не удались также и национальные формирования.

Опыт советизации тыла в советско-польской кампании свидетельствует скорее о том, что мы оттолкнули, а не привлекли к себе симпатии местного польского населения. Комполитсостав, не подготовленный к задачам войны, не знакомый с местными экономическими, социальными и бытовыми особенностями, допустил ряд ошибок (в области языка, религии, использования местных средств и т. д.) в своих взаимоотношениях с местным населением. Повинна в этом была также и часть мобилизованных политработников.

Перебои в регулярном подвозе с тыла в связи с быстрым продвижением красных войск вызвали естественный переход на местные средства. Использование их не носило организованного характера, низовые ревкомы были слишком слабы, чтобы взять эту работу в свои руки; поэтому сплошь и рядом войска до последнего обирали все им необходимое в узком районе, непосредственно прилегавшем к путям их движения, оставляя нетронутыми более глубокие районы.

В снабжении войск трофеи всегда играли известную роль. Учрежденные трофейные комиссии слишком широко поняли свои функции и склонны были считать трофеями предметы, ничего общего со снабжением армии не имеющие. Это влекло за собой целый ряд трений и недоразумений.

Расплата за взятые у населения предметы снабжения производилась чаще квитанциями, чем наличными деньгами. На этой почве при отсутствии должного контроля были злоупотребления, отнюдь не способствовавшие установлению хороших взаимоотношений населения с армией. В области аграрной политики малоземельное крестьянство не было удовлетворено решением земельного вопроса. В силу этого создалось настроение, далеко не служившее пробуждению революционной энергии широких крестьянских масс.

Этим фактом, в свою очередь, была связана энергия батрацкого элемента, явно, однако, сочувствовавшего советской власти.

Трудности, связанные с разрешением земельного вопроса, не преминули, естественно, отразиться и на деле снабжения армии.

Вышесказанное характеризует условия, в которых нам пришлось бороться со стратегическим истощением. Вряд ли обстановка, сложившаяся при нашей борьбе с белой Польшей, способствовала оптимистическому представлению о возможности стратегического нарастания. Для этого нам нехватало двух условий: 1) надлежащих предпосылок социально-революционного характера, которые смогли бы создать активно-сочувственное отношение широких слоев местного населения, и 2) правильной организации и работы нашего тыла в области материального обеспечения операций, вылившихся в форму $1^1/_2$-месячного наступления и преследования на протяжении около 600 *км*.

Первое из этих условий мы кратко очертили выше. Обратимся теперь ко второму.

Месяц, отделявший первое от второго наступления Западного фронта, был целиком отдан подготовке намеченной операции. В общих чертах в масштабе фронта подготовка эта заключалась как в наращении сил (переброска с других фронтов и из центра новых частей и усиление численности войск), так и в организации тыла. В результате мобилизации прызывных годов Западный фронт из среды местного населения призвал 100.000 чел.; однако элементы этого призыва не являлись достаточно благонадежными, так как большинство призванных до сего являлись уклоняющимися от воинской повинности.

В области тыла было обращено внимание на подготовку жел.-дор. транспорта. Был закончен временный жел.-дор. мост у Полоцка и заготовлены составные части моста для устройства его у Борисова. Была проведена мобилизация подвод у местного населения (в общем, до 30.000 подвод).

Через неделю после начала операции командование фронтом было обеспокоено медленным восстановлением жел. дорог. В силу этого было намечено восстановление к 18-му июля участков от Полоцка до Вилейки и от Борисова на Минск и Молодечно и к 22-му июля—участков Вилейка—Молодечно, Молодечно—Вильна, Молодечно—Лида, Минск—Барановичи. Вместе с тем, на армии фронта вновь возлагаются задачи собрать подводы, в общей сложности до 18.000.

В продолжение всей операции мы будем сталкиваться с постоянным беспокойством командования о состоянии жел.-дор. транспорта. Восстановление основательно разрушенных противником жел. дорог шло медленно, восстановительных средств нехватало. Еще более

обостряло положение отсутствие нужного количества паровозов. В силу общей истощенности жел.-дор. транспорта даже такая скромная заявка фронта, как 67 паровозов, нужных для доведения воинского движения до 10 пар в сутки на участках Орша—Барановичи и Полоцк—Лида, не могла быть удовлетворена центром [1].

В результате такого положения с жел.-дор. транспортом уже при подходе к рубежу Зап. Буга тыл пришел в замешательство. Запасы и пополнения не могли быть поданы в войска и застряли в тылу. Тылы страшно растянулись и были забиты. Это в особенности выявилось при нашем подходе к р. Висле. Подвоз и эвакуация, по существу, замерли. Крупные жел.-дор. узлы были забиты (23-го июля в барановичском узле находилось 3.728 вагонов). Все нужные войскам запасы находились на колесах или в складах, но попасть в войска не могли.

Редевшие ряды войск требовали пополнений. Этими последними фронт располагал в нужном количестве в своих запасных частях, но выбросить к войскам их также не удалось. Десятки тысяч пополнений просидели «на колесах», не приняв участия в критические минуты сражения на Висле (после форсирования рр. Зап. Буга и Нарева армии фронта фактически, а не на бумаге, никаких людских пополнений не получили). Лишь в сентябре, когда мы заканчивали наш отход, запасные полки армий смогли выбросить к войскам маршевые батальоны. А между тем решительное сражение на Висле Красная армия провела с численностью, уменьшенной на 40% своего первоначального состава [2]. Эти потери явились в результате $1^1/_2$-мес. похода и в момент кризиса операции пополнены не были в силу вышеуказанных причин. В результате дивизии, вышедшие в поход в количестве 6—8 тыс. штыков, дрались на Висле, имея в своих рядах (типично) не более $2^1/_2$—3 тыс.

Снабжение армии в условиях крайне нерегулярного подвоза было в очень тяжелых условиях. Отсутствие подвоза восполнялось использованием местных средств, далеко, однако, не таких богатых, как в Сибири и Украине. В 16-й армии в первый период операции, вследствие стремительного продвижения войск, так и не были использованы запасы полевых складов продовольствия; дивизионные магазины едва успевали следовать за войсками, своевременная подача продовольствия сразу затруднилась, и войска перешли на местные средства. Артснабжение не было исключением в лучшую сторону. Уже скоро с началом наступления подвоз огнеприпасов также разладился. Артсклады дивизий оказались из-за слабости жел.-дор. транспорта затертыми в тылах. Запасы складов зачастую

---

[1] Какурин и Меликов—«Война с белополяками».

[2] Триандафиллов—«Размах операций современных армий».

возились за войсками на подводах, обременяя этим тыл и требуя огромного количества обывательских подвод.

Относительно размера требований, которые в процессе подготовки и выполнения операции были предъявлены к обывательскому транспорту, можно судить уже по одному тому, что в подготовительный и начальный период операции было мобилизовано, как указывалось выше, до 50.000 подвод, т.-е. (при численности армии в 90.000 бойцов) одна подвода приходилась на двух бойцов. Это явление объясняется крайне низким обеспечением обозом армий фронта. Так, 16-я армия по состоянию на 1-е мая 1920 г. имела всего лишь 46% штатного войскового обоза (парные повозки). Армейских транспортов было ничтожное количество (16-я армия имела их всего 12); недостаток восполнялся вольнонаемными транспортами из обывательских подвод. Каждая часть, в свою очередь, пополняла нехватку своих обозов теми же обывательскими подводами. В итоге в тылу войск скопилась масса обывательского транспорта, что, кстати, явилось одной из причин углубления паники и беспорядка при отходе.

IV

Таковы, в самых общих чертах, условия, в среде которых началось и протекало наше наступление от Березины к Висле, наступление, преследовавшее целью в кратчайший срок полное уничтожение польской армии. Действительность показала, что цель не соответствовала средствам. Стратегическое истощение начало сказываться уже вскоре после начала нашего наступления. Если вначале оно еще относительно успешно парализовалось энергией мер общего порядка и инициативой мест [1], то уже с выходом наших войск на рубеж Нарева и Зап. Буга оно определилось с очевидностью, создавшей предпосылки к сомнению в возможности непрерывного наступления далее на Вислу, с одной стороны, и успешности контр-маневра, с другой стороны.

Перебои в работе тыла и в частности отсутствие пополнений и угрожающий недостаток огнеприпасов [2], в связи с крайним

[1] «Становилось ясным, что обслуживание нужд войск подвозом из тыла вряд ли осуществимо. Тогда при полевом штабе дивизии было организовано отделение отдела снабжения дивизии, возглавленное помощником начальника снабжения, на которого и были возложены заботы по изысканию, планомерной заготовке и распределению продовольственных и фуражных средств в районах расположения дивизии» (Путна—«К Висле и обратно»).

[2] «Еще хуже обстояло дело с огнеприпасами... Я вынужден был обратить внимание командного состава дивизии на необходимость расчетливого и экономного расхода снарядов и патронов» (Путна—«К Висле и обратно»). Это пишет командир дивизии, которая, в отличие от всех дивизий Западного фронта, обладала богатыми дивизионными транспортными средствами, в том числе и автогрузовыми.

утомлением войск, не способствовали оптимизму в успехе сражения на Висле. Необходимость базирования на местные средства тяжело отражалась на населении и не способствовала укреплению его симпатий к нам. Создалось положение, когда на местах начала складываться уверенность в необходимости приостановки на рубеже Зап. Буга (комдив 27-й доносил командарму 16-й о необходимости приостановки здесь на две недели, мотивируя это тем, что при сложившемся положении армии, численности войск и состоянии тыла задача форсирования Вислы и овладения Варшавой временно является не по плечу). Местные средства, к использованию которых пришлось обратиться, были небогаты. Крестьянство Польши само в большинстве нуждалось в хлебе. Скота было мало, к тому же он угонялся бежавшими помещиками и отступавшей польской армией.

Численность армии быстро падала. Пополнения застряли в тылу, а использование местного населения для укомплектования армии не давало ощутительных результатов. Методы восстановления численности живой силы армии, широко и успешно практиковавшиеся во внутренней гражданской войне, здесь приложимы быть не могли. В этом отношении ставка на местное население была бита.

Уже в цитированном выше труде «К Висле и обратно» автор его, один из участников похода, приходит к следующему выводу: «Мы пытались методы и шаблоны внутренней гражданской войны механически применять и в войне, хотя и классовой, революционной, но все же, по существу, внешней и притом — в условиях недостаточного классового расслоения во вражеской стране»[1].

Этот вывод во многом объясняет причины нашего стратегического истощения, вызвавшего неудачный исход сражения на Висле. Наше истощение явилось следствием не самого факта «длинного» наступления, а недоучета особенностей борьбы в условиях новой для нас обстановки. Мы пошли вперед в чаянии пополнить свою энергию и влить в себя новые силы все из тех же «баз впереди». Этих баз не оказалось, а базы сзади построить, как следует, мы не сумели. Не отсутствием запасов, нужных видов снабжения на складах и в магазинах и пополнений, подготовленных для поредевших войск, а неуменьем организовать работу тыла вообще и по отдельным «службам», неспособностью добиться нужного взаимодействия между составными элементами — вот чем мы страдали. Идя к Висле, мы не имели единства взглядов на сложную работу по материальному обеспечению операции, ту работу, которая и в условиях борьбы 1920 г. с Польшей и в предстоящих

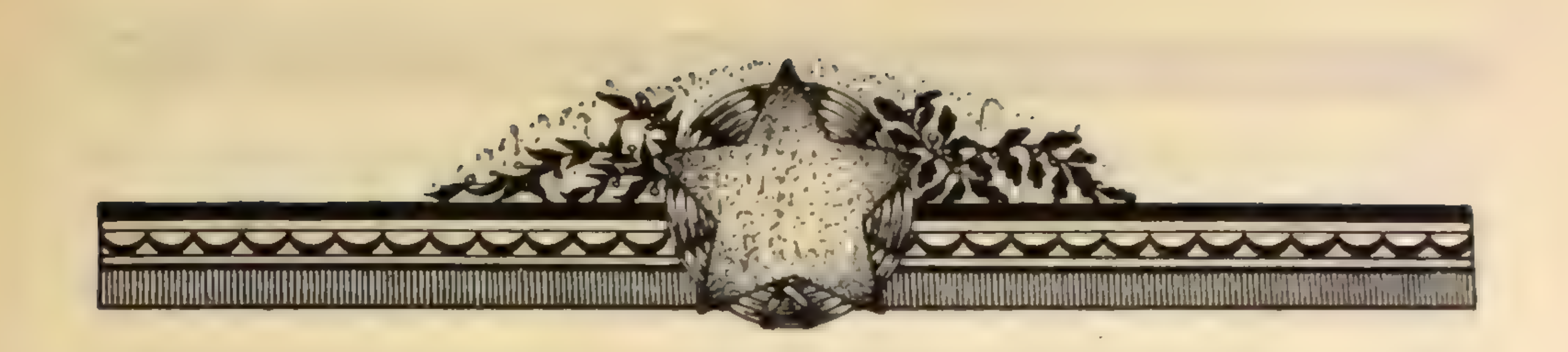
---

[1] Курсив наш. *Н. В.*

в будущем войнах была и будет известной страховкой против стратегического истощения. Каждая «служба» работала кустарно, по вдохновению. Были существенные пробелы также и в оперативном руководстве тылом со стороны командования и штабов.

Наш противник не был свободен от многих ошибок. В частности его тыл был едва ли в лучшем состоянии. Но, отходя под нашими ударами, он отступал на подготовленные тылы, он сокращал свои коммуникации, он реализовал результаты подъема национального шовинизма, добиться которого удалось польской буржуазии. Он воспользовался также и прямой поддержкой других капиталистических государств. В результате, если противник добился возможности реализовать достигнутое стратегическое нарастание, то мы должны были столкнуться с последствиями горького факта нашего стратегического истощения. Опыт борьбы на Западном фронте с белополяками в 1920 г. для нас тем более актуально важен, что эта борьба явилась по существу первой пробой в войне, требующей точного учета собственных возможностей, не рассчитывая на «базы впереди».

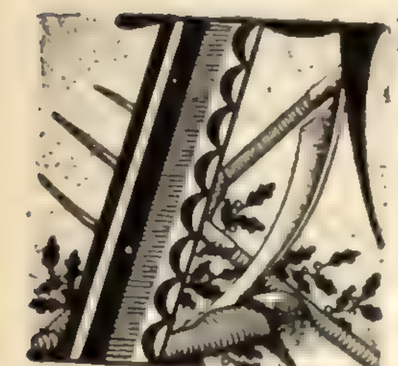

Н. КОТОВ

ТАКТИКА КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСТВА В КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

ГРАЖДАНСКАЯ война 1918—1921 гг., естественно, протекала при широчайшем участии и вовлечении в борьбу крестьянства. Основным началом, предпосылкой к борьбе являлись веками складывавшиеся противоречия между экономическими интересами помещиков и основной массы малоземельного и безземельного крестьянства.

Если мы обратимся к истории крестьянской революционной борьбы на территории бывшего государства Российского, хотя бы за последние три столетия, то увидим, что активные выступления крестьянства имеют место только в тех районах, где гнет помещика и эксплоатация достигали совершенно исключительных размеров. Так, в XVII веке мы видим волну крестьянских восстаний на Волыни, Подолии и Киевщины, т.-е. в тех районах, где польский шляхтич превратил крестьянина в бесправное «быдло»—рабочий скот. В XVIII в. крестьянство выступает особенно активно в районе Поволжья, т.-е. в том, где наиболее процветает произвол помещиков; откуда, благодаря наличию водных путей, наиболее выгодно вывозить хлеб, в силу чего заинтересованный помещик особенно жестоко эксплоатирует крестьянина. В этот же период на Украине, вследствие начавшегося развала Польского государства, наблюдается некоторое успокоение. В XIX в. отдельные крестьянские восстания, угрожающие принять массовый характер, имели место в том же Поволжьи, затем в Центральной России и Прибалтике, т.-е. опять-таки в тех районах, где удобства вывоза хлеба обусловливают усиленную эксплоатацию крестьянства; к концу того же XIX века украинский крестьянин снова начинает браться за топоры, вилы и пускание «красного петуха», так как проведенные железные

дороги и наладившийся водный транспорт по Черному и Азовскому морям дает возможность помещику дешево вывозить хлеб и из этого плодородного края.

Революция 1905 года в части крестьянских восстаний,—носивших, правда, неорганизованный характер,—особенно широко охватила крестьянство Украины и Прибалтики, как районов с наиболее эксплоатируемым крестьянством. Война же 1914—1917 гг. ударила по всему крестьянству России в целом—объединила и спаяла крестьянство всего государства в ненависти к царскому правительству и поддерживавшим его помещикам. Февраль 1917 года принес крестьянству падение царского аппарата насилия. Реально ощутимый развал власти, естественно, стал для крестьянства сигналом к осуществлению давно лелеянной мечты—расправы с помещиком и вообще всеми эксплоатировавшими его государственными учреждениями и органами.

Крестьянин, одетый в солдатскую шинель, оказав помощь рабочему сбросить царское правительство, пожелал сначала «синицу в руки», а затем уже «журавля в небе». «Синицей» была земля, и мы видим, как уже в марте и апреле 1917 г. повсеместно начался, в противовес указаниям временного правительства, пытавшегося придушить размах революции, захват и разгром помещичьих имений, дележ помещичьей и кулацкой земли. Октябрь 1917 г. разрубил гордиев узел сложной системы взаимоотношений, зависимости и противоречий капиталистического хозяйства.

Период с октября 1917 года по 1920 и даже 1921 год в области крестьянского движения, это—период ожесточеннейшей борьбы крестьянства за завоевания Октября и частичной расплаты за свою индивидуалистически-собственническую психологию. На характере вооруженной борьбы крестьянства широко сказалась экономическая, а в силу этого—и политическая разношерстность его. Если в 1905 г. мы видели разрозненные вооруженные выступления беднейшей части крестьянства с целью уничтожения помещиков в отдельных районах, то уже в 1917 году на эту борьбу против помещиков не могли не подняться, и поднялись в действительности, все крестьяне. Эта борьба объединила беднейшее трудовое крестьянство, которое не живет эксплоатацией чужого труда. Эта борьба объединила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда (Ленин—собр. соч., т. XV, стр. 590).

Период революционной борьбы конца 1917 и первой половины 1918 года прошел под знаменем единого фронта пролетариата со всем крестьянством в целом. Крестьянство инициативно боролось против помещика и крупного капиталиста вообще, создавая вооруженные отряды, расправлявшиеся в своем районе с ненавистными

эксплоататорами с их попытками организовать противодействие торжеству лозунгов Октябрьского восстания. Пролетариат, взяв власть в свои руки, естественно, должен был пойти и пошел по пути строительства социализма. «Этот шаг (начало строительства социализма) представлял из себя самую большую трудность. Относительно этого шага все те, кто сомневался в социалистическом характере нашей революции, пророчили нам неизбежный неуспех... И вот к этому, гораздо более важному и более трудному делу стали переходить с лета и осени текущего (1918) года нашей революции... Деревня перестала быть единой. В той деревне, которая, как один человек, боролась против помещиков, возникли два лагеря — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочим твердо продолжало итти к осуществлению социализма и переходило от борьбы против помещиков к борьбе против капитала, против власти денег, против кулацкого использования великого земельного преобразования, и лагерь более зажиточных крестьян» (Ленин—собр. соч., т. XV, стр. 590—591).

Процесс революционной борьбы еще более осложнялся тем политическим шатанием основной, середняцкой массы крестьянства, которое мы наблюдаем в период 1918—1920 гг. На протяжении этих лет мы видели, что крестьянство восставало всюду,—как в тылу у нас, так и в тылу у белых. При этом мы зачастую наблюдали случаи, как крестьянство, спровоцированное сегодня кулаками на борьбу против нас, через самый короткий промежуток времени, ощутив на себе прелести режима белогвардейщины и тех же самых кулаков, еще с большей энергией и ожесточением восставало против белых и своих же прежних вожаков-кулаков. Крестьянство Украины (в основной массе) весной 1918 года почти с злорадством провожало уходящие, под натиском германо-австрийских и петлюровско-добровольческих полчищ, части Красной армии, а осенью того же года уже почти поголовно восставало и беспощадно расправлялось не только с пришельцами, но и с теми, кого считало виновниками их прихода (кулаки, попы, помещики, немцы-колонисты и т. д.). Крестьянство и казачество Терской и Кубанской областей, боровшееся в 1918 году против только начинавшей свое существование Красной армии, в конце 1919 и в начале 1920 года с оружием в руках вело ожесточеннейшую борьбу против деникинщины. Сибирское крестьянство сыграло, примерно, такую же роль в деле нарождения, а затем и уничтожения колчаковщины.

Период революционной борьбы еще не закончен. Нашему Советскому Союзу в будущем предстоит еще много столкновений с капиталистическими государствами,—в этой-то борьбе и должен быть широко использован тот опыт, который мы приобрели в вопросе правильного использования и руководства участием крестьянства

в революционной борьбе,—крестьянства не только нашего Союза, но и тех государств, которые пытаются посягнуть на наш Союз. Развитие классовых противоречий капиталистических государств в мирное время, с большим трудом удерживаемое мерами политического, экономического и полицейского зажима в рамках относительного благополучия,—во время войны, т.-е. в момент колоссальнейшего напряжения всех сил и средств, естественно, должно пойти гораздо более быстрым темпом. Правильное использование этих противоречий в будущей решительной схватке пролетариата с капиталистическим миром должно быть реально учтено.

Размеры нашего очерка не дают нам возможности детально и последовательно проследить все процессы организации и проведения крестьянством революционной борьбы на протяжении 1917—1920 гг., как она складывалась, во что выливалась. Мы здесь на основе изученного архивного и мемуарного материалов, а также по опыту личного участия в организации и проведении крестьянских восстаний на Украине, ограничимся только приведением нашей индивидуальной точки зрения по различным вопросам, касающимся тактики крестьянских восстаний (вопросам организации и метода проведения таковых) в тылу у контр-революционных армий. Вся проблема в целом требует дальнейшего и более углубленного изучения.

ВЫБОР РАЙОНА

Опыт показал, что не всегда можно подчинить организацию восстания крестьян по месту и времени нашему желанию. Сначала недовольство, затем вражда и, наконец, жажда борьбы назревают не в силу чьей бы то ни было злой воли или упущений, а в силу тех объективных экономических и политических предпосылок, которые слагаются в том или ином районе в мирное время медленно и вяло, в военное же время во много раз скорее и более бурно. Процесс перехода простого недовольства в жажду борьбы, а затем и в выступления в условиях военного времени (классовая война) протекает тогда крайне быстро, а выступления (восстания) зачастую возникают стихийно.

Заблаговременно определить с исчерпывающей точностью какой-либо один определенный район, откуда будет начато и где будет проведено восстание, не только трудное, но зачастую даже и невозможное дело. Необходимо уметь не только организовать, но и использовать и направить в надлежащее русло каждое, даже стихийно начавшееся, революционное восстание крестьянства, с тем чтобы отдельные очаги этого восстания слить в единое массовое революционное выступление.

В силу вышеизложенного необходимо постоянное тщательное и по возможности исчерпывающее изучение и безусловное понимание

той политической обстановки (в частности—настроения крестьянства), которая имеет место во всех районах, находящихся как в ближайшем, так и в глубоком тылу противника. Помимо учета политической обстановки, должны быть тщательно изучены и учтены вопросы социально-бытового характера крестьянства—уклад жизни, религиозные и национальные особенности и т. д.

В итоге проведенного и непрерывно проводимого изучения, должны быть ориентировочно намечены несколько узловых районов, в которых будет начата работа по планомерной подготовке и организации восстания. В соответствии с экономическими и политическими запросами крестьянства должны быть намечены и выдвинуты политические лозунги борьбы—лозунги простые и общепонятные, концентрирующие в себе, как в фокусе, все политические настроения и запросы крестьянства, осуществимые для ближайшего этапа борьбы.

Какова бы ни была общая политическая конъюнктура, наличие недовольных элементов среди крестьянства всегда будет иметь место. Но не факт наличия недовольных должен определить место намеченного узлового района, а лишь достаточно точный учет возможности последующего охвата недовольством и жаждой борьбы большей части (значительный процент всей массы) крестьянства какого-либо района. Строить расчет на успех в условиях, когда недовольные существующей властью не составляют большей половины крестьянства данного района,—предприятие, заранее обреченное на неуспех.

Установив ряд узловых районов, с которых будет начата работа по организации восстания, необходимо будет далее продумать и те направления, по которым, как по радиусам, должна будет развиваться работа по подготовке восстания и самое восстание.

ПОДБОР ОРГАНИЗАТОРОВ

Особо серьезное внимание должно быть уделено подбору руководителей и организаторов, направляемых в тот или иной район с целью организовать восстание и проводить его в жизнь. На основании личного опыта мы полагаем, что организаторам должны быть предъявлены следующие требования:

1. Безусловная твердость политических убеждений.

2. Наличие достаточно твердой воли и решительности.

3. Наличие безусловной храбрости и умения пожертвовать собою (вплоть до истязаний и пыток).

4. Знание и понимание сущности крестьянской психики, умение подойти и правильно использовать соответствующие настроения.

5. Знание (приобретенное хотя бы путем заблаговременного изучения) местного языка и бытовых особенностей крестьянства данного района.

6. Национальное соответствие.

7. Наличие специфических военных знаний в части понимания основ и сущности партизанско-повстанческой борьбы и наличие достаточно широкого тактического размаха мысли, т.-е. умения на основе местных условий быстро создавать новые приемы, формы и методы борьбы.

8. Большая физическая выносливость и приспосабливаемость ко всевозможным условиям жизни (пища, одежда, погода и т. д.).

На основании опыта проведенных нами восстаний, мы осмеливаемся утверждать, что отсутствие у организаторов вышеперечисленных качеств всегда влекло и в последующем неизбежно повлечет за собой либо—в худшем случае—провал работы, либо—в лучшем случае—крайне вялый и медленный темп ее. Отсутствие же у организатора устойчивых политических убеждений и достаточно твердой воли может привести к тому, что организатор в вопросах политической борьбы будет скорее плестись в хвосте у крестьянства, а не вести его за собой, что мы неоднократно и наблюдали.

При подборе организаторов не всегда можно рекомендовать использование для этой цели выходцев (ранее живших) из этого района, в котором предположено провести восстание, так как не всегда тот или иной товарищ может пользоваться достаточным авторитетом среди тех, кто знает его семью, родственников, а иногда и самого организатора с детства. Посылка организаторов из числа местных жителей может иметь место только в том случае, когда заранее (и с большой очевидностью) будет установлено, что этот товарищ пользуется и сможет пользоваться достаточным авторитетом среди своих земляков,—когда предыдущей своей работой в этом районе он доказал крестьянству свою готовность бороться вместе с ним, стоять на страже его интересов. Нам приходилось наблюдать, как извне, в качестве организатора, был прислан отличный, и по всем своим индивидуальным качествам отвечающий требованиям организатора, товарищ, но... он ранее был в этом же районе продовольственным комиссаром и очень добросовестно собирал продразверстку. В результате сначала нужно было вмешательство очень авторитетных товарищей, чтобы не допустить сведения с ним личных счетов со стороны местных жителей, а затем переотправить его для работы в другой район.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ

Вопрос о заблаговременном накоплении в предназначенном для проведения восстания районе необходимых для

ведения вооруженной борьбы средств (оружие различных видов и огнеприпасы) имеет существенное, хотя и не всегда решающее значение.

Более важную роль играет скрытность их заготовки и хранения, так как малейший провал в этом отношении может открыть властям как районы подготавливаемого восстания, так и план его организации. Поэтому все предварительные операции по закупке, доставке, переотправке и хранению предметов вооружения должны быть проведены с соблюдением максимальной осмотрительности и скрытности. Так, например: для закупки оружия целесообразнее использовать, если позволят обстоятельства, районы по возможности более удаленные от пункта будущего восстания; заготовляемое вооружение надлежит хранить небольшими партиями в возможно большем количестве мест (лучше десятка два малых складов, чем один большой); *хранения оружия в городе или селе, где помещается организация, ведущая предварительную подпольную работу, как правило, надо избегать.*

Лица, ведущие заблаговременную заготовку оружия, никакой другой работы не ведут, поддерживая связь с остальной организацией только периодически, да и то «по цепочке». При условии большой трудности заблаговременной заготовки оружия можно ограничиться количеством, достаточным лишь для вооружения в последующем той группы, на которую возложена будет задача по внезапному захвату какого-либо пункта (места) сосредоточения оружия правительственных войск или полиции.

При всяких условиях, всегда должна быть заблаговременно и тщательно налажена разведка мест и способов охраны правительственных складов с огнеприпасами и оружием.

При подготовке восстания в широком масштабе, помимо оружия, целесообразно также заблаговременно заготовить средства связи. Опыт заблаговременного приобретения телефонного кабеля и телефонных аппаратов (в особенности последних) во время подготовки восстания на Екатеринославщине в 1918 году и в Харьковской губ. (Чугуевский район). в 1919 году дал блестящие резулетаты; он позволил связать в первый же день восстания начавшие борьбу села, несмотря на то, что правительственная связь была частично разрушена и частично еще не захвачена. В современных условиях будет целесообразно обзаведение легкопереносными радио-телефонными станциями, но при условии тщательного изучения обычной длины волн, на которых работают правительственные станции, и применения условного кода.

Наряду с оружием идет накопление денежных средств.

Особо важное значение имеет заблаговременное накопление в достаточном количестве денежных знаков в валюте, имеющей самое

распространенное хождение в этом районе. Обычно, крупное революционное движение вызывает дезорганизацию денежного рынка. В условиях интервенции на рынке появляется иностранная валюта. Пользование устойчивой валютой иностранных государств (доллар, фунт) рекомендовать нельзя, так как размен ее на ходовые деньги влек за собой провал организации и отдельных лиц в подпольный период работы.

НАЧАЛО РАБОТЫ ПО ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ

Учитывая, что восстание обычно будет организовываться в том районе, где налицо благоприятные политические предпосылки, началом работы по подготовке восстания будет установление связи с группами недовольных существующей властью крестьян. Связь устанавливается сначала с одним или несколькими отдельными селами. Здесь проводится небольшая организационная работа по выявлению кадра, могущего в последующем выполнить функции организующего ядра.

При подборе организующего кадра необходимо проявление сугубой осторожности; требования, предъявляемые к отдельным крестьянам, на которых нужно базироваться, должны быть, примерно, те же, что и для организаторов восстания; необходимо, однако, помнить, что не всегда удается выявить чистоту политических убеждений. Можно нередко обнаружить лиц, хотя и горящих ненавистью к правительству или представителям его в этом районе, но без определенных политических убеждений, окончательно оформившихся и осознанных. Эти лица смогут быть и будут отличным боевым материалом, информировать же их о задачах и составе организации не только не полезно, но иногда бывает даже и вредно, так как своей иногда излишней экспансивностью они зачастую провалят работу, преждевременно проявив излишнюю боевую активность. Всегда необходимо, хотя бы на первый период, останавливать свой выбор на типе спокойного крестьянина, по своему жизненному опыту и взаимоотношениям с существующей властью в прошлом (по рассказам земляков его) доказавшего наличие последовательности в политической ненависти—вражде. Установив и определив такую группу крестьян, выделив из нее наиболее надежных в качестве головки, необходимо тут же резко и бесповоротно поставить вопрос о том, что начинающаяся отныне работа по организации борьбы есть не что иное, как подготовка всеобщего восстания, что никакие анархистские выпады и самочинные начинания не должны иметь место и что сущность работы этой группы должна заключаться пока только в следующем:

а) в агитации в пользу восстания;

б) в расширении организации в своем селе;

в) в подборе людей для будущей боевой работы;

г) в поддержании связи с организатором точно по тем методам какие он укажет, информируя его обо всех происходящих в селе событиях;

д) в безусловном соблюдении правил конспирации (сообщаемых, в основном, организатором).

С этой группой целесообразно провести целый ряд политических собеседований, во время которых исподволь, но твердо и прямо подвести к осознанию тех лозунгов, под которыми должна вестись борьба. Объектом обсуждения не должны быть в первую очередь вопросы, касающиеся малопонятных крестьянству отвлеченных представлений о сущности социалистической системы хозяйства и отличий ее от капиталистической, а лучше провести разъяснение сущности классовой борьбы и непримиримости интересов крестьянина-середняка и бедняка с интересами помещика и капиталиста, при чем основной упор не на идеальность социалистической системы, а на те материальные преимущества, которые повлечет за собой разгром помещика и его власти для данного крестьянина данного села, а затем уже и для всего крестьянства в целом. Мы наблюдали сугубо ошибочные стремления у некоторых организаторов сразу же всех недовольных заставить вступить в партию, выявляя при этом сущность нашей суровой партийной дисциплины и необходимость материального самопожертвования,—это приводило к отпугиванию. Работа по разъяснению сущности партийной программы, а затем—и вовлечению в партию должна проводиться в первую очередь лишь с головкой группы постепенно, твердо и повседневно, а затем уже через эту последнюю—и со всеми остальными. Агитировать за вступление в партию тому или иному из навербованных местных организаторов можно разрешить только в том случае, когда есть уверенность, что он достаточно твердо сам усвоил основы партийной программы и тактики, иначе это может привести к тем результатам, которые мы видели на Украине и в Сибири, когда «большевики-крестьяне» противопоставляли себя «коммунистам» и, называя себя «большевиками», вели против нас вооруженную борьбу. Общеизвестен исторический факт, что в штабе Махно «большевики» (Чубенко и пр.) понимали и разъясняли национальную политику партии, как политику еврейских погромов, а аграрную—как дележ поровну земли между крестьянами, без уплаты каких бы то ни было налогов и разверсток и выполнения каких бы то ни было государственных повинностей, при чем всегда при этом партийный билет фигурировал, как вещественное доказательство справедливости их слов.

Особенно твердо и беспощадно должна вестись разоблачительная политика против всяких оппортунистических (соглашательских)

политических группировок, обычно пытающихся, в свою очередь, использовать революционное настроение крестьянства и тем затемняющих сущность борьбы.

Необходимо ясно и твердо ставить вопрос о том, что никакими мирными путями разрешить противоречия не удается, что единственный выход—вооруженная борьба.

Проведя, примерно, таким образом начальную организационную и политическую работу в одном или нескольких селах какого-либо района, через образовавшиеся там ячейки устанавливается связь с другими селами, а затем и в этих последних организуются ячейки—кадры будущих повстанческих организаций. После того как в каком-либо районе установлена связь и организованы ячейки в нескольких селах, приступают к организации волостного или районного повстанческого комитета.

Организация волостного повстанческого комитета проводится следующим образом:

1) В районе какого-нибудь села, занимающего центральное положение по отношению к остальным селам, в укромном месте, и в большинстве случаев—ночью, устраивается организационное собрание кадров (сельских руководителей) повстанцев.

2) На собрании устанавливается состав волостного повстанческого комитета, при чем в число членов комитета нужно стремиться провести, по возможности, наиболее надежных и толковых крестьян *из различных сел* и кого-либо из числа основного руководства (товарищей, ведущих работу по подготовке и проведению восстания). Ввод представителя подпольной организации партии в волостной повстанком не только желателен, но даже необходим, ибо затем на этого товарища лягут обязанности: а) постоянного пребывания в этой волости и руководства всей дальнейшей работой, б) поддержания связи с уездным или областным повстанческим комитетом, в) организации боевых групп—партизанских отрядов из числа всесторонне изученных и проверенных крестьян, примкнувших к революционному движению.

3) Намечается место постоянного пребывания волостного повстанкома. Волостной повстанком обычно должен находиться не в волостном административном центре, где группируются кадры существующей власти (правительственная администрация и в том числе—полиция), а где-либо в укромном, находящемся вне больших и удобных проездных дорог населенном пункте, имеющем вблизи себя места, удобные для сбора повстанцев (лес, река, сильно поросшая камышом, и т. п.).

4) Объявляется, обсуждается, а затем и утверждается план последующей работы волостного повстанческого комитета и сельских кадров.

5) Объявляются к неуклонному руководству правила конспирации и порядок поддержания связи с волостным повстанческим комитетом.

На первом организационном собрании крайне необходимо широкое присутствие (представительство) уездной или областной подпольной организации, руководящей восстанием, а при наличии возможности, и представителей других волостей и даже уездов. Нужно учитывать, что это первое собрание должно: 1) окончательно укрепить в участниках уверенность в той большой работе, которая начинает проводиться; 2) сломить чувство взаимного недоверия и непонимания общности интересов, с которым обычно прибывают на собрание крестьяне различных сел; 3) на основе взаимной информации, проделанной работы и методов проведения ее вызвать соревнование между отдельными селами—их кадрами; 4) дать возможность организаторам выявить те дефекты в работе, которые были допущены ранее, с целью не допускать их в дальнейшем, а если нужно, то и исправить; 5) установить единство политических взглядов на текущие события и наметить более соответствующие данной обстановке методы проведения политической работы.

Учитывая вышеизложенное, крайне важно, чтобы перед проведением этого собрания была проделана большая предварительная работа как по заблаговременной подготовке к этому собранию приглашаемых из сел делегатов, так и, главным образом, по полнейшему согласованию и объединению предложений и выступлений организующих и проводящих это собрание товарищей.

Количество членов повстанкома зависит от числа сел, представленных на собрании. Персональный состав представителей от каждого села в повстанческом комитете проводится на этом же собрании, после детальной характеристики каждого выдвигаемого и оценки его качеств. Организатор восстания, работающий по данной волости, должен заблаговременно наметить кандидатов в будущий повстанком, учтя наличие у этих кандидатов авторитета среди своих односельчан и таких моральных и политических качеств, которые не помешали бы в последующей работе. Заставлять односельчан тут же на общем собрании обсуждать кандидатуру своего представителя не всегда бывает целесообразно, так как это может подчас привести к совершенно нежелательным результатам (склока, антагонизм, зависть и т. д.). Нужно помнить и понимать, что чувства честолюбия, самолюбия (а иногда и самомнения) и злопамятства всегда могут иметь место среди крестьянских «вождей», в силу чего надо заблаговременно и исподволь подготовить односельчан к усвоению мысли, что тот или иной из их среды будет их представителем в повстанкоме, а стало быть—и возглавлять в последующем свою сельскую организацию.

Обсуждение каждого кандидата на общем собрании с приведением характеристики и оценки его работы в прошлом не только желательно, но и необходимо, так как это влечет за собой, с одной стороны, знание всеми всех тех, кто будет руководить общим делом, с другой же—будет стимулом к дальнейшему соревнованию в своей личной работе каждого члена повстанкома [1]. Из числа членов повстанкома намечается заблаговременно президиум, в составе 3—5 крестьян (в том числе и волостной организатор). Президиум повстанкома в дальнейшем и будет являться фактической головкой восстания, руководящей всей как политической, так и боевой работой в своей волости.

В начальный период работы по организации восстания можно ограничиться созданием волостных повстанкомов только из местных кадров, руководство же всей работой в масштабе уезда (округа) проводится исключительно силами и средствами подпольной организующей группы. В последующем же (с развитием организации) придется таким же образом организовать уездные (окружные) повстанкомы, помня, однако, что уже в уездном повстанкоме место только действительно авторитетным, надежным политически и безусловно дисциплинированным местным крестьянам. Это не так легко сделать, так как мы имеем дело с крестьянством. Выдвижение в уездный повстанком местных крестьян, недисциплинированных и не проверенных политически, не должно иметь место, так как это зачастую может повлечь за собой выдвижение таких личностей, какими в свое время были Махно, Григорьевы, Сахаровы, Зеленые, Струки, Сорокины, и т. д. и т. п., выдвинутые сначала (в 1918 г.) нами самими, а в дальнейшем боровшиеся против нас. На организованный волостной повстанком ляжет ответственная задача по проведению большой политической и военной работы, которая вкратце будет заключаться в следующем:

1. Проведение агитации и организация кадров повстанческих ячеек в селах, еще не вовлеченных в борьбу.

2. Расширение организации в селах, уже имеющих кадры.

3. Наблюдение за политической работой сельских ячеек и соблюдение ими правил конспирации.

4. Поддержание связи и своевременное информирование сельских ячеек (политическое и боевое).

5. Налаживание непрерывной информации уездного подпольного комитета партии о ходе работы.

6. Проведение контр-террора и борьба с провокацией.

7. Организация боевых отрядов.

---

[1] Мы сознательно особенно остановились на этих моментах, так как опыт прошлой работы указал многочисленные ошибки тактического характера, допущенные в этом весьма немаловажном вопросе.

8. Разведка противника (правительственных войск).

9. Проведение боевых налетов.

10. В последующий период—мобилизационная подготовка района в отношении живой силы, средств передвижения и снабжения (боевого, вещевого и продовольственно-фуражного).

Учитывая вышеперечисленное, примерная разбивка по обязанностям членов повстанкома должна быть следующая. Вопросы, изложенные в пунктах 1, 2, 3 и 5, всегда целиком и полностью должны быть возложены на волостного организатора (представителя организации, подготавливающей восстание), изложенные в пункте 4—на другого члена президиума повстанкома и, наконец, в пп. 6, 7, 8 и 9—на третьего (который в большинстве случаев должен быть грамотным военно). Остальные члены президиума разбиваются в помощь 1-му и 3-му. Размеры статьи и характер настоящего сборника не дают нам возможности осветить особенности работы по пунктам, от 1-го до 6-го включительно [1], в силу чего в последующем коснемся, и то вкратце, только той боевой работы, которая проводится (и должна проводиться) в начальный период организации восстания.

БОЕВАЯ РАБОТА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОРГАНИЗАЦИИ ВОССТАНИЯ

а) Организация боевых отрядов и руководство ими. Еще в период создания сельских ячеек (что мы указали выше) выделенными головками их проводится подбор местных жителей из числа тех, кто в последующем будет привлечен к чисто боевой работе. Обычно, эти крестьяне будут из числа служивших ранее в правительственных войсках и в силу этого достаточно знакомые с умением применять тот или иной вид оружия в бою. Из числа выделенных (преимущественно добровольно изъявивших желание) для боевой работы крестьян один,—наиболее опытный, надежный и авторитетный,—назначается начальником местного небольшого отряда (вначале допускаются иногда даже выборы такового). Сформировавшийся таким образом отряд должен сначала провести одно или несколько пробных учений по внезапному нападению на какой-либо местный предмет и затем он уже будет готов для боевых действий.

Проведение учений крайне необходимо, так как это дает возможность сколотить отряд,—приобрести навыки взаимного понимания начальника отряда и его добровольцев-подчиненных. Учения эти обычно проводятся ночью; основная тема их — скрытое

[1] Это мы сделали в нашем труде «Тактика восстания», который предполагается к выпуску в виде отдельной книги.

(бесшумное и быстрое) подкрадывание к объекту нападения и быстрая (стремительная), дружная атака его.

По мере приобретения оружия отдельные бойцы-партизаны (в этот период работы по подготовке восстания они именуются «партизанами», так как метод боевой работы их чисто партизанский) вооружаются, при чем, как правило, никто не имеет права всегда хранить и иметь оружие при себе в те моменты, когда не производится учение либо боевая работа. Оружие обычно хранится где-либо закопанным или упрятанным в дупле дерева вне двора, в котором обычно живет сам партизан.

То, что у того или иного партизана имеется оружие, не должно быть известно не только соседям, но в большинстве случаев и своей собственной семье, в особенности, если в ней есть старики либо дети в возрасте до 16 лет.

Сформированные и вооруженные сельские отряды целиком и полностью поступают в подчинение сначала волостного организатора,—до сформирования волостного повстанкома,—а затем, после сформирования волостного повстанкома, того из членов президиума его, кто будет выделен для руководства боевой работой. Какие-либо самочинные (по собственной инициативе начальника отряда) боевые выступления отряда не должны иметь место; в случае наличия их виновные караются вплоть до уничтожения [1].

До момента сформирования волостного повстанкома нужно избегать втягивания сельских отрядов в борьбу с правительственными войсками или полицией, допуская использование их только в целях борьбы с провокацией и проведения террора, т.-е. уничтожения тех жителей района, подготовляемого к восстанию, которые либо мешают работе, либо выдали—провалили какую-либо организацию. Использование для боевой работы сельских отрядов партизан в районе своего села, как правило, недопустимо; нужно всегда помнить, что захват какого-либо партизана живым (что никогда не должно иметь место) или опознание его мертвым может повлечь за собою провал всей сельской организации, по понятным всем причинам (пытки и истязания самого партизана либо его семьи и родственника).

После сформирования волостного (районного) повстанкома мелкие сельские отряды сводятся в более крупные организационные соединения. Из числа наиболее опытных и политически годных выбирается начальник сводного отряда. Количество сводных

---

[1] Очень важно самочинные выступления пресекать в начале организации отрядов, ибо если это будет сделано несвоевременно, то впоследствии очень трудно будет дисциплинировать начальников этих отрядов, не говоря уже о том, что анархистские выпады могут провалить всю организацию в целом.

отрядов, формируемых в волости, зависит от размаха организации и в большинстве случаев от наличия оружия. Величина каждого сводного отряда может колебаться от 100 до 150 человек, но не более, так как при числе, большем чем 150 человек, управление отрядом для одного командира без соответствующих органов управления будет невозможно или, по крайней мере, затруднительно. Организационно отряд должен быть разбит не более как на три взвода, при чем каждый взвод должен состоять из 2—4 отделений, по 10—12 человек каждое. Уравнивание взводов по численности внутри одного отряда не должно иметь место и может производиться только в том случае, если это будет сделано без ущерба для укомплектования взводов односельчанами. Нумерации взводов не устанавливается, а каждый из них именуется названием того села, из жителей которого сформировался взвод.

Каждый такой отряд собирается волостным повстанкомом ночью в укрытом месте (в достаточном удалении от населенного пункта и большой проезжей дороги); здесь проводится беседа, выборы (хотя бы, по крайней мере, утверждение голосованием) начальника отряда, а затем небольшое тактическое учение. По окончании учения отряд распускается по своим селам с таким расчетом, чтобы все могли прибыть домой еще до наступления рассвета. Очень важно наладить одиночное обучение для тех партизан, которые не имели военной подготовки в прошлом.

Между начальником сводного отряда и его подразделениями налаживается каким-либо из возможных способов связь. С момента сведения отряда в одно целое все подразделения его выполняют задание только своего начальника (командира); сельские ячейки уже больше не вмешиваются в работу боевых отрядов односельчан, а только оказывают им содействие необходимыми средствами и пополнением.

Ведение политической работы среди местного населения, а также вербовку новых партизан начальниками сельских отрядов и ранее завербованными в отряды партизанами следует допускать лишь в разумных пределах. Вообще нужно стремиться к тому, чтобы бойцы-партизаны были возможно лучше законспирированы. Самое лучшее положение будет такое, когда каждый партизан в своем селе будет «тише воды, ниже травы», т.-е. человеком, не внушающим каких-либо подозрений всегда имеющимся налицо в селе сторонникам существующей власти. Добиться этого очень трудно, но необходимо. Умелое руководство всегда найдет верную линию между естественным стремлением партизана вести революционную пропаганду и необходимостью строгой конспирации.

Если в волости (районе) организуется несколько сводных отрядов, то общее командование ими возлагается на члена президиума

повстанкома; если же в волости только один отряд, то этот же член президиума и является начальником его.

Характер и размах боевой деятельности, проводимой отрядами партизан, определяется только указаниями руководящего подготовкой к восстанию уездного (окружного) или областного подпольного комитета. За боевую деятельность в рамках указаний, преподанных свыше, ответственен волостной комитет, который либо сам ставит боевые задачи, либо выполняет задания, поставленные свыше. Учитывая необходимость еще в этот период борьбы приучить крестьянство (партизан) к борьбе не только в своем районе, но и вне его за общие интересы, вполне целесообразно волостные отряды,—не все (если их несколько), а по очереди,—выбрасывать в другие волости и даже уезды на некоторые промежутки времени для проведения боевой работы.

Волостной отряд, переброшенный распоряжением уездного или областного центра (комитета) в новый район, как правило, выходит из подчинения своему волостному повстанкому и выполняет указания только той инстанции, приказанием которой он переброшен.

Подчинение волостного отряда одной волости повстанкому другой, обычно, не должно иметь место: это может вызвать разложение, недоверие к уездному и областному центру и,—что особенно опасно,—породить антагонизм не только между отдельными отрядами, но и между волостными организациями. Если отряд высылается в какую-либо другую волость (район), то либо он выполняет самостоятельную задачу, при чем волостной повстанком заранее информируется об этом и соответствующим образом инструктируется, либо (если предстоит совместная работа двух или нескольких отрядов этой волости и пришедших извне) руководство и командование отрядом возлагается на кого-либо из числа товарищей, работающих в уездном или областном центре, при чем фамилия его и кто он такой вообще (характеристика) должны быть сообщены начальникам отрядов заблаговременно (крайне желательно, чтобы начальники отрядов лично знали этого товарища).

б) Разведка противника и связь. Одновременно с началом организации сельских ячеек и волостных повстанкомов должна налаживаться и вестись разведка сил и намерений правительственных войск, полиции и тех общественных организаций, кои, вооружившись, могут вести борьбу против восстающих. Вся разведка ведется исключительно агентурным путем и возлагается на особо выделенных для этой цели лиц. По мере роста организации разведка, естественно, должна охватывать все бо́льшие и бо́льшие районы и, примерно, к началу организации сводных волостных отрядов должна уже быть выброшенной далеко за пределы района

(уезда, округа), подготовляемого к восстанию. Особо своевременно должны добываться и сообщаться в волостной повстанком и в уездный (если этот последний территориально ближе) сведения о передвижениях правительственных войск и полиции. Методы проведения разведки, вербовки и агентуры, наблюдения за агентурой и соблюдения конспирации разнообразны.

Отряды партизан своей войсковой разведки противника не ведут, а пользуются сетью имеющихся осведомителей. В отрядах партизан, направляющихся для проведения нападения, всегда должна иметь место только своя охранительная разведка в виде дозоров, двигающихся в непосредственной близости от своего отряда. Связь между начальниками повстанческих отрядов и их подразделениями поддерживается при посредстве конных посыльных, при чем эти последние обычно избегают двигаться по проезжим дорогам, а кратчайшими путями (через поля и леса) быстро проскакивают от одного села к другому.

ПРОВЕДЕНИЕ НАЛЕТА

Для проведения нападения обычно указывается время и место сборного пункта для отряда. Место сборного пункта находится всегда в непосредственной близости от объекта нападения. Каждый сельский отряд (взвод, отделение) на место сборного пункта движется вполне самостоятельно. Продвижение совершается обычно ночью и без дорог, по знакомым местным жителям тропинкам, перелескам и оврагам. Каждый налет должен отличаться внезапностью и производиться либо с наступлением темноты, либо перед рассветом. Налет начинается с демонстрации против более неуязвимого места противника и продолжается затем одновременным нападением извне и изнутри. Стремительность натиска должна быть такова, чтобы бой сразу же стал носить характер рукопашной схватки. Если объектом нападения является какая-либо группа противника (правительственные войска, полиция и т. п.), то последняя безусловно должна быть уничтожена поголовно. Все оружие, огнеприпасы, которые могут быть взяты с собой, забираются,—остальное уничтожается. Если берутся лошади, то они безусловно перекрашиваются и,—что безусловно необходимо,—перегоняются возможно дальше от того района, в котором произведено нападение. Если налет производится для расправы с кем-либо, предавшим работу по подготовке восстания или мешающим работе, то безусловно сжигается все его имущество и скот. По окончании налета отряд рассыпается на его основные подразделения, которые быстро, «заметая за собой следы», расходятся по своим селам, прячут оружие и снова либо продолжают скрываться, либо занимаются мирным трудом, ожидая новых приказаний своего начальника отряда.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ

Мобилизационная подготовка восстания заключается в том, что все способное носить оружие население каждого села заблаговременно разбивается на три группы—роты (если село большое) или взводы (если село небольшое). Роты эти (взводы) носят названия рот 1-й, 2-й и 3-й очереди. Роты первой очереди обычно обязаны с началом восстания явиться в пункт по указанию волостного повстанкома и поступить в распоряжение отдела формирований окружного (уездного или областного) повстанческого комитета. Из них формируются уже регулярные части. Роты второй очереди, это—местные гарнизоны («буферные роты»), могущие быть использованными для прикрытия (заслона) границ восставшего района. Роты третьей очереди, это—резерв—пополнение для первых двух. Окружной повстанческий комитет заблаговременно: 1) намечает окончательно тот район, который должен быть охвачен восстанием; 2) производит подсчет и учет своих сил и сил противника; 3) разрабатывает план захвата регулярных мест сосредоточения правительственных войск и полиции; 4) собирает исчерпывающие сведения о составе и силах правительственных войск в соседних с намеченным к восстанию районах; 5) ставит в известность все волостные, а через них и сельские повстанкомы, о степени их участия и об их роли с началом восстания; 6) указывает, когда и куда должны быть выброшены роты первой очереди; 7) определяет, в каких волостях роты второй очереди должны быть сведены в более крупные подразделения, какие направления они должны будут прикрывать, взорвав железнодорожные сооружения и разрушив телеграфные и телефонные линии; 8) намечает, в каком количестве, когда и в какие села должны будут присылать продовольствие (фураж и лошадей для общеповстанческих войск); 9) наконец, точно устанавливает день, когда должен быть захвачен какой-либо административный центр.

День захвата административного центра (уездного или окружного) и является днем начала восстания—выхода из состояния подпольной организации и превращения борьбы в открытое выступление против правительства.

НАЧАЛО РАЗВИТИЯ ВОССТАНИЯ

К моменту захвата уездного города к последнему скрытно стягиваются из всего подготовленного района отряды повстанцев, распределяются функции,—каждому дается задание, назначается час общей атаки-нападения, указывается условный сигнал; в город заблаговременно вводятся, под видом приехавших на рынок крестьян, для нападения изнутри группы отличных партизан со

спрятанным на себе и в повозках оружием. В условленный час и по условленному сигналу начинается налет, каковой производится внезапно на рассвете, в тот момент, когда никто этого не ожидал, когда все спят мирным сном. К моменту начала операции по захвату административного центра таковой изолируется от всего окружающего мира. Телефонные и телеграфные провода обрезываются, железнодорожные пути на границах района разрушаются, и против тех пунктов, откуда может прийти помощь атакованному и осажденному городу, выдвигаются заслоны из рот 2-й очереди. Поскольку все обдумано, предусмотрено, учтены все возможности, постольку успех операции заранее обеспечен. Несколько выстрелов внутри города по нападению на штабы, несколько бóльшая перестрелка на окраинах и в районе расположения правительственных войск,—и город занят.

Как только занят административный центр, об этом сейчас же ставятся всеми имеющимися под рукой средствами в известность волостные повстанкомы всего района. Согласно прежних указаний, из сел в захваченный город направляются роты первой очереди и в указанные пункты—роты 2-й очереди, из которых немедленно создается кордон на границах всего восставшего района. С момента захвата административного центра прежний районный повстанком начинает выполнять функции штаба, выделив из своего состава уездный революционный комитет, для участия в работе которого должны быть широко привлечены представители от волостей и местного пролетариата.

Во всех волостях и селах из бывших повстанкомов создаются ревкомы, в обязанность которым вменяется широко пропагандировать идею продолжения непримиримой борьбы, наблюдение за немедленным и неукоснительным проведением в жизнь всех распоряжений нового аппарата уездной власти, организация подвоза фуража и продовольствия для воюющих, наблюдение за быстротой мобилизации и, наконец, изоляция, а частью и уничтожение всего ненужного контр-революционного элемента села. Вновь созданный штаб руководит всей боевой организационной работой и одновременно направляет в правильное русло работу всех революционных комитетов.

Мы стоим на рубеже новых войн. Наша обязанность постараться учесть возможные формы будущих столкновений. При борьбе с нами наших противников эти столкновения неминуемо примут характер революционно-классовых, т.-е. включающих в себя элементы гражданской войны. Мы должны считаться с тем, что против нас могут быть выставлены крепкие, сколоченные фашистские армии. Мы должны считаться также и с тем, что будущие столкновения потребуют большой технической мощи и крепких, хорошо

организованных, четко работающих тылов. Нет никаких оснований сомневаться в широко маневренном характере будущей войны. Однако простора театров военных действий периода минувшей гражданской войны мы уже не встретим. Несомненно, значительно меньшая, чем в мировую войну, оперативная и тактическая плотность фронта в будущей войне будет, однако, выше, чем в гражданскую войну 1918—1921 гг. Не десятки и не сотни штыков на километр фронта, а тысяча; не дробное, а целое число (4—5) орудий на тот же километр. Бои, несомненно, будут более напряженными, расход огнеприпасов будет далеко разниться в бо́льшую сторону от расхода в боях гражданской войны. Участки корпусов и дивизий по современным уставам не имеют ничего общего с обычными для гражданской войны. Машинизация армий осложняет работу тыла по снабжению. Прогресс техники позволяет производить основательные разрушения средств сообщения. Военные сообщения, несомненно, явятся фактором, до известной степени ограничивающим глубину оперативных прыжков.

И все же было бы неправильно сделать тот вывод, что в будущем исключена возможность «длинных» наступлений, сомнительных в своем успехе из-за сопутствующего им стратегического истощения. Сильные и глубокие удары, наносимые в процессе ряда последовательных операций, глубокое проникновение в расположение противника, энергичное преследование, последовательное создание условий, обеспечивающих возможность разгрома основной группировки вооруженных неприятельских сил, и, наконец, этот разгром в решительной операции —таков путь нашего оперативного искусства. Этот путь наиболее нам свойствен, поскольку в будущих столкновениях мы, несомненно, встретимся с элементами гражданской войны, что обусловит возможность углубления классового расслоения, а значит, и революционных потрясений в стране и армии противника.

«Длинные» наступления возможны и законны. Но в каждом данном случае мы должны уметь уяснить себе условия, определяющие шансы успешной борьбы со стратегическим истощением. Наша задача—выработать и закрепить это умение.

С прибытием из сел рот первой очереди отделом формирований штаба формируются по принципу территориальности полки регулярного типа, в которые, в качестве кадра, вливаются работавшие еще в подпольный период партизаны, а из числа наиболее годных и подготовленных назначается командный состав. Отдел агентурной разведки еще шире развивает свою работу, охватывая своей деятельностью все новые и новые районы. Отдел пропаганды ведет лихорадочную работу по установлению связи и налаживанию работы во всех соседних с восставшими организациях, выбрасывая в таковые

большое количество агитаторов и главное внимание обращая на те направления, на которых предположено и возможно дальнейшее расширение восставшего района, создавая в таковых обстановку, благоприятствующую развитию боевых операций.

В первые дни восстание переживает самые тяжелые моменты, так как на район, охваченный им, со всех сторон устремляются правительственные войска. Приходится одновременно с проведением организационной работы вести бой на всех направлениях, напрягать колоссальные усилия для того, чтобы восстание не было загнано снова в подполье, так как это означало бы почти совершенный срыв предыдущей работы, разгром всех повстанческих организаций и вырождение восстания в голую партизанщину, ложащуюся тяжелым бременем на крестьянство и не дающую больших положительных выгод для дела социальной революции. Работа по углублению восстания и расширению восставшего района ведется лихорадочным темпом; новосформированные и наспех сколоченные части выбрасываются на границу восставшего района с целью расширения зоны восстания и для противодействия правительственным войскам.

КАК ПРОВОДЯТСЯ БОИ ПОВСТАНЦАМИ

Почти на всех направлениях и по всей границе идут бои, либо просто мелкие стычки с противником, которые по своей форме, нося в одном месте характер оборонительных, в другом наступательных, а в третьем налетно-партизанских, очень многим отличаются от тех боев, какие ведут регулярные армии, почему и заслуживают того, чтобы остановиться на особенностях тактических приемов, применяемых повстанцами.

Разведка сил и намерений противника производится исключительно агентурным способом, и так как противник, подобно нам, всегда пользуется обывательскими подводами, то удается во всех случаях в число крестьян, перевозящих его, ввести своих агентов и благодаря этому иметь исчерпывающие сведения о цели движения и планах противника. А так как сочувствие населения—местного крестьянства—безусловно на стороне повстанцев, то сведений всегда будет даже больше чем нужно. Боевой разведкой,—войсковой почти не отводится места, так как таковая нарушила бы принцип внезапности удара по противнику,—проводятся в жизнь все боевые операции повстанцев. Так как о противнике имеются исчерпывающие сведения и внезапность появления его невозможна, то сторожевое охранение, при расположении по селам, на отдых, почти совершенно отсутствует и заменяется сельскими ночными сторожами и патрулями у штаба, задачей которых является скорее указывать всем ищущим таковой место его стоянки, чем охранять отдых своих товарищей. По той же причине походное охранение ведет пара-

другая пулеметов на тачанках, идущих в небольшом (3—4 *км*) удалении впереди колонны главных сил, да несколько идущих на расстоянии полуперехода впереди конных, в задачу которых входит быть скорее сборщиками подвод—смены во впередилежащих селах, чем охранение или разведка. Особенностью походного движения является то, что вся пехота едет на подводах; обоз, кроме нескольких повозок с патронами и снарядами, совершенно отсутствует, больших привалов совершенно нет, смена подвод отнимает не более 3—5 минут; пища раздается на руки во время смены, и поэтому средняя скорость марша 9—12 *км* в час. Смена подвод производится следующим образом: несколько конных высылаются в села, лежащие на пути следования отряда, с приказанием ревкому к определенному часу выставить на такой-то дороге у въезда в село необходимое количество подвод и приготовить пищу на указанное количество человек, раздать таковую по всем подводам, для 5—6 человек на каждую; в отряде указывается, какие роты и в каком селе будут сменять подводы и получать пищу; к определенному часу вдоль правой обочины дороги у въезда в село стоит выстроенная в затылок смена; рота (одна или несколько), предназначенная для смены, идет в хвосте колонны; село всей колонной проходится шагом, и лишь по вытягивании хвоста колонны переходят на рысь; повстанцы, сменившие подводы, на новых подводах находят пищу, которую и съедают во время движения. Длина дневного марша при такой организации его может доходить в случае необходимости до 120 и даже более километров в сутки, без большого утомления для повстанцев и без большой потери боеспособности.

Порядок движения частей следующий: впереди, на удалении 3—4 *км*, несколько пулеметов на тачанках, идущих каждая на дистанции в 100—200 шагов от передней и представляющих из себя авангард, задача которого при встрече с противником—быстро развернуться, обстрелять его и, маневрируя, стараться выскочить на фланг, при чем первая тачанка останавливается на дороге, остальные размыкаются вправо и влево; в голове колонны—снова несколько пулеметов на тачанках, обязанность которых выездом на рысях и карьере поддержать авангард; далее следует штаб и за ним: 1) одна треть пехоты, 2) артиллерия, 3) вся остальная пехота и, наконец, в хвосте колонны снова пулеметы, а за ними кавалерия, которая,—это необходимо отметить,—при больших переходах часто отстает, так как лошадей меняют только в исключительных случаях, а при очень больших переходах тоже едет на подводах, ведя лошадей в поводу. Следование кавалерии в хвосте колонны вызывается тем, что, при нанесении удара по противнику, ее задачей является всегда наскок с фланга и тыла и окончательное

уничтожение противника уже после того, как она ввязалась в бой со всей колонной.

По одной дороге ни в коем случае не движется более 2—3 батальонов, т.-е. одного полка, при общей численности 1.500—2.000 повстанцев. В приказе, по причине опять-таки исчерпывающих агентурных сведений, указывается только: 1) цель движения, 2) дороги, 3) час и место сборного пункта—исходного положения для боя, 4) задача каждой части, 5) час или время начала боя и, наконец, 6) сборный пункт на случай неудачи.

Скорость марша и исчерпывающие сведения о противнике дают возможность широко применять принцип внезапности при ударе как по наступающему, так и по обороняющемуся и отходящему противнику. Столкновение с противником всегда начинается демонстрацией, в которой принимает участие небольшая, но отличная по своему качеству часть отряда и которая проводится с целью заманивания противника на линию засады, и оканчивается нападением частей, входящих в состав засады, по флангу зарвавшегося противника и ударом кавалерии по обозам и тылу. Когда удар-бой закончился не полным уничтожением противника, а отходом уцелевшей части его, то ведется параллельное преследование, при чем конные части все время отрезывают противнику пути отхода, заставляя затравленный отряд кружиться по всему району до полного его уничтожения. В случае же неуспеха операции, части, каждая самостоятельно, по условленному сигналу или знаку, разными путями отходят к указанному заранее на этот случай пункту, каковой всегда находится в направлении, противоположном тому месту, откуда прибыл для нападения отряд партизан, т.-е. центру восставшего района. Такой маневр, как общее правило, не дает противнику возможности: 1) развить интенсивное преследование, так как он, естественно, вынужден будет повернуться тылом к жизненным центрам восставшего района и этим самым облегчить высланным повстанкомом поддержкам нанесение удара по самому уязвимому месту; 2) на плечах отходящих и расстроенных частей ворваться в повстанческий административный центр, и 3) быстро двинуться для занятия такового, так как на тылах у него начинает висеть,—правда, потерпевший неудачу, но не уничтоженный совершенно,—отряд повстанцев.

Бой всегда носит скоротечный характер, сближение с противником характерно стремительностью и непрерывностью движения, с полным отсутствием перебежек и самоокапывания; движение обеспечивается огнем быстро маневрирующих на тачанках пулеметов и выезжающей на открытые позиции артиллерии; начавшись всегда неожиданно для противника нападением со всех сторон и вызвав у него этим отсутствие возможности принять соответствующий

боевой порядок и полное замешательство, оно быстро переходит в стадию рукопашной схватки и оканчивается либо поголовным уничтожением объекта нападения, либо, в лучшем для противника случае, сдачей в плен—на волю победителя. Общий резерв у частей, ведущих бой, всегда отсутствует, и части—все до последнего человека—принимают участие в ударе; общим же резервом для всех частей, ведущих бой на разных направлениях, всегда является все население восставшего края.

Особенно тяжело складывается обстановка для проведения боя повстанцами в тех случаях, когда противник продвигается не одной колонной, а либо двумя, рядом идущими, на удалении не более 4—5 *км*, либо эшелонами. В первом случае всегда применялся (и не безрезультатно) следующий тактический прием: одна из колонн,—обычно более сильная,—сковывалась внезапным нападением небольших групп повстанцев по тылам этой колонны. Повстанцы,—преимущественно конные,—неотвязно наседали и тревожили колонну, стремясь всемерно, в худшем случае, замедлить темп ее движения, а в лучшем—заставить ее свернуть в сторону. В то же приблизительно время подвергалась нападению основной массы повстанцев другая колонна, при чем нападение проводилось, примерно, на тех же основаниях, как указано было выше. При наступлении противника двумя колоннами, идущими непосредственно одна за другой, необходимо было также решить, какая из этих колонн должна быть уничтожена в первую очередь. В зависимости от этого одна из колонн сковывалась при посредстве демонстрации нападения специально выделенной для этого группы (отряда) повстанцев, другая же в это время уничтожалась.

К обороне повстанцы могут прибегать только в исключительных случаях: когда эта оборона представляет собою не что иное, как демонстрацию с целью не дать противнику возможности преждевременно проскочить какое-либо дефиле и выскочить из-под удара, наносимого с тыла и флангов, или... когда, как говорится, «деваться некуда». В последнем случае оборона носит крайне упорный и ожесточенный характер, так как обычно повстанцы «не любят», да и не могут, сдаваться. Последнего характера оборона всегда сопровождается обязательными попытками прорваться в самом неожиданном для противника направлении и зачастую в то время, когда наступавший противник начинает «делить шкуру еще не убитого медведя», т.-е. когда у него уже крепнет уверенность, что повстанцы либо перебиты, либо сдаются.

Бой против перешедшего к обороне и укрепившегося в каком-нибудь пункте противника никогда не производится в лоб, а всегда начинается медленным наступлением небольшой группы повстанцев на наиболее укрепленное место противника и сопровождается

внезапным и стремительным нападением с диаметрально противоположной стороны. Различные приемы военной и специфически партизанской хитрости в этом случае имеют широкое применение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем очерке мы по возможности кратко разобрали вопрос о тактических приемах крестьянских восстаний по опыту Украины. Мы думаем, что даже сказанного здесь достаточно для того, чтобы можно было, хотя бы в общих чертах, понять ту сложность и специфичность работы и величину ответственности, которая встает во всю свою ширину перед тем, кто в результате безусловной преданности и веры в мировую революцию захочет или должен будет взяться за дело борьбы против капитализма, участвуя на любой роли в организации и проведении крестьянских восстаний. В будущих схватках с мировым капиталом крестьянство должно сыграть и несомненно сыграет огромную роль. Но эта роль будет тем более положительна и выполнена тем более успешно, чем больше и лучше мы уясним себе сущность крестьянско-повстанческой борьбы, чем лучше и своевременнее сможем организовать и использовать последнюю. А для этого нужно время (в смысле заблаговременной подготовки), понимание и знание опыта нашей гражданской войны. Крестьянство само по себе не может победить своих классовых врагов. Оно нуждается в твердом руководстве пролетариата, который является основной организующей силой мировой революции. Для того, чтобы лучше руководить крестьянством, надо знать обстановку крестьянских восстаний и те тактические приемы, которые наилучшим образом приводят к успеху.

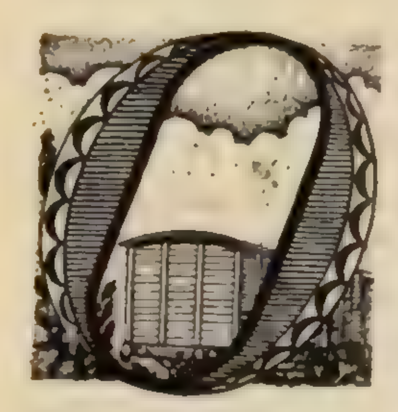

КАК ПИТАЛИСЬ И СНАБЖАЛИСЬ КРАСНАЯ АРМИЯ И ФЛОТ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ [1])

«Вытерпим полуголодное и хуже, чем полуголодное, существование, но отстоим во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть».

Н. Ленин.

РГАНИЗАЦИЯ военно-продовольственного дела в эпоху гражданской войны не могла стать продолжением осуществления прежних практических мероприятий интендантства. Революция, ее политическая, экономическая и стратегическая ситуация требовала применения новых форм снабжения, изыскания неизведанных ранее путей. Необходимо было снабжать армию, оборонявшуюся на нескольких фронтах в условиях полного экономического разорения страны, вызванного империалистической войной и политикой царизма.

Самый характер продовольственной ситуации первого периода революции, полное отсутствие продовольственных ресурсов сразу поставили вопрос о новых формах военно-продовольственного дела. Положение в деле снабжения армии было катастрофическим, казалось совершенно безнадежным.

При полной дезорганизации в деле снабжения армии, оторванности и большой отдаленности некоторых фронтов от руководящего центра, военным продорганам необходимо было по своему усмотрению, за свой риск и страх, не только теоретически разрабатывать планы снабжения, но тут же претворять их в жизнь. Фронт нуждался в экстренном снабжении. Армия ждать не могла, ее надо было довольствовать во что бы то ни стало. Фронты не могли быть и снабжены всеми видами довольствия за счет тыла.

---

[1]) Статья написана коллективом сотрудников б. Наркомпрода под ред. т. Брюханова.

Порядок заготовки и методы снабжения необходимо было сочетать с общей линией жесткой продовольственной политики и продовольственной диктатуры, единственно смогшей разрешить задачу обороны Республики, довольствия армии и трудящихся масс страны.

Ходом вещей военные продорганы впитали в себя и производственную и организационную работу, принимая самое деятельное участие в экономическом возрождении страны. Они являлись не только распределительным аппаратом, но и поставщиками хлеба и фуража, сами перерабатывали зерно для нужд армии, восстанавливали мельницы, крупорушки, изготовляли колесную мазь, мыло, спички, свечи, суррогаты чая, кофе, консервированные овощи и т. д.

Военные продорганы сыграли видную организационную и политическую роль в проведении единой продовольственной политики, особенно в тех районах, где приходилось считаться с сильным сопротивлением зажиточных и кулацких слоев деревни, как на Украине. По местным особенностям политического настроения крестьян, гражданские продорганы долгое время не пользовались ни авторитетом, ни доверием. Крестьяне не хотели давать хлеба «городу», они не считались с нуждами голодающих трудовых масс. Военные же продорганы, как представители Красной армии, освободившей крестьянство от помещичьей кабалы, от бесчинств и насилий, грабежей, самосудов, творимых белыми армиями, махновскими бандами, пользовались среди крестьян авторитетом.

Опыт и практика военного дела установили определенную систему и технику снабжения армии.

Главным и основным является исключительно привилегированное положение армии. При боевой обстановке в особенности, армия не только должна быть обеспечена довольствием, но должна всегда находиться в условиях, гарантирующих первоочередность и бесперебойность снабжения. Военному командованию важно, чтобы планы снабжающих органов координировались с оперативными планами. Во время гражданской войны при постоянно передвигающихся фронтах эти требования повышаются в еще более значительной степени. Средства и меры продовольственной диктатуры облегчали положение тех организаций, которые несли исключительную ответственность за военно-продовольственное дело.

Военно-продовольственное дело дореволюционного периода основывалось в заготовительной части на частных подрядах и поставках. Распределенческая работа находилась в руках государства (интендантский аппарат). В области распределения интендантство заботилось об учете, регламентации. Вся система снабжения отличалась простотой, стабильностью как норм, так и техники снабжения.

Интендантство представляло собой правильно действующий механизм в условиях мирной обстановки, но оно было закостеневшим,

малоподвижным аппаратом. Уже в самом начале войны 1914—1918 гг. недостатки интендантского аппарата обнаружились весьма серьезно.

Параллельно с этим стали вырисовываться контуры затруднительного положения в продовольственном снабжении. Царское правительство, силой обстоятельств, было вынуждено вступить на путь регулирующего вмешательства как в общем продовольственном деле, так и в частности в деле снабжения армии.

Постановлением совета министров от 1-го августа 1914 г. предложено было Главному управлению землеустройства и земледелия приступить к покупке хлеба для армии. В это время и родилась Хлебармия и Заготосель. Первая заготовляла хлеб, а вторая остальные продукты сельского хозяйства (мясо, рыба, овощи, сено).

Правительственная агентура скупала определенное количество продуктов на вольном рынке по вольным ценам. Надеялись на то, что хлеб начнет поступать в распоряжение государства (в виду прекращения экспорта, внутри страны первое время было наличие хлебных запасов). Надежды не оправдались. На ссыпные пункты хлеб поступал в скудном количестве. Игра на повышение цен шла во-всю. Держатели сельскохозяйственных продуктов и помещики не очень торопились помочь государству. Военным округам предоставлено было запрещать вывоз продуктов из производящих районов. Были установлены предельные и обязательные рыночные цены. Административным инстанциям было предоставлено, в случае надобности, право реквизиции хлеба. Надлежащего эффекта перечисленные мероприятия все же не давали. 19-го мая 1915 г. в Петрограде был учрежден Главный продовольственный комитет при Министерстве торговли и промышленности, а 17-го августа 1915 г. при Министерстве земледелия было учреждено Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. В круг обязанностей Главного продовольственного комитета и заменившего его Особого совещания входило: учет запасов, заготовка продовольствия для населения, установление норм снабжения, разработка плана перевозок, установление предельных цен, надзор за торговыми предприятиями.

Снабженческое дело регулированию не поддавалось. Деятельность Главного продовольственного комитета и Особого совещания практически ни к чему почти не привела. Свободная торговля диктовала свои условия, экономика капиталистического строя порождала свои законы. Неумолимость законов капитала была сильнее правительственных распоряжений.

У государства не было продовольственных запасов, в которых нуждались армия и население. Продовольственный кризис обострялся с каждым днем. В конце 1916 г. он стал принимать форму голода. Хлебопродуктов не хватало ни для армии, ни для крупных центров

и городов. 29-го ноября 1916 г., в целях удовлетворения продовольствием армии, Министерство земледелия прибегает к чрезвычайной мере. Постановлением управляющего Министерством земледелия Риттиха вводится разверстка зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороною.

Вскоре началась Февральская революция. Временное правительство силой обстоятельств было вынуждено пойти дальше по пути углубления новых форм продовольственного снабжения.

25-го марта 1917 г. была введена хлебная монополия. Не так просто и легко было осуществить эту коренную реформу на деле. Проводить в жизнь хлебную монополию должны были продовольственные комитеты, составленные из представителей бывшего земства, торгово-промышленных организаций и богатых слоев деревни. Рабочих в комитетах почти не было. Продовольственные комитеты, сконструированные из лиц «заинтересованных», не очень спешили с проведением хлебной монополии в жизнь. Приступить к решительным и активным шагам в деле продовольственного снабжения армии и населения Временное правительство не решалось и не могло. Недоедала армия, голодали промышленные центры и города.

Октябрьская революция разрубила этот гордиев узел, она покончила с половинчатыми решениями. Продовольственное дело приняло характер строго очерченной продовольственной системы и политики, поставившей себе целью не на словах, а на деле бороться с голодом трудовых масс.

СНАБЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Когда для обороны страны пришлось создавать Красную армию, явилась необходимость заново образовать военно-снабженческий аппарат.

Красная армия зародилась в начальный и самый тяжелый момент развития продовольственной политики советской власти. Продовольственных ресурсов не было. Интендантский аппарат, развалившийся еще до революции, безынициативный, был абсолютно непригоден к работе в условиях революционного времени. В соответствии с революционизированием армии и ее боевой части, должны были революционизироваться все аппараты, ее обслуживающие, в том числе и военно-снабженческий.

Установившегося, правильно функционирующего снабженческого аппарата еще не было, оставался один только исход—самоснабжение. Другого выхода пока не было. Благодаря революционной сознательности Красной армии, снабжение не принимало форм голого насилия. С бесформенным снабжением, явившимся благодаря отсутствию правильной системы, надо было кончить как можно скорее. Надлежало изжить беспорядочные, безучетные и демо-

рализующие формы снабжения и довольствия Красной армии, которые могли губительно отозваться и на армии и на революции. Местное самоснабжение армии, находящейся в хлебном районе, обеспечивало ее самое, но не могло обеспечить армии, оперировавшие в потребляющем районе. Необходимо было создать единую систему военно-продовольственного снабжения в общегосударственном масштабе. Основные требования военно-продовольственного дела надо было сочетать с общей продовольственной ситуацией и политикой.

Перед заново образуемым военно-снабженческим аппаратом встали задачи более широкие, чем прежде. Помимо распределения, в круг его непосредственной работы должны были войти и заготовки разных видов довольствия и переработка. На первых порах они не могли рассчитывать на помощь гражданских органов, только что нарождающихся.

Во второй половине 1918 г. возник вопрос о создании органа, ведающего делом снабжения армии и связывающего военное ведомство и Комиссариат Продовольствия. Постановлением Совнаркома от 14-го сентября 1918 г. была образована Центральная Комиссия по упорядочению дела продовольственного снабжения армии (Цекомпродарм). В основу этого органа был положен принцип междуведомственности: представительством Наркомпрода и Наркомвоена имелось в виду достигнуть равновесия между потребностью армии и политикой продовольственной диктатуры.

Функции Цекомпродарма сводились к упорядочению дела снабжения, имели характер контролирующий и содействующий.

Постановлением СТО от 29-го декабря 1918 г. было утверждено положение о местных органах Цекомпродарма, устанавливающее взаимоотношения с гражданскими продорганами и определяющее права и обязанности в деле заготовок и распределения продовольствия для армии. Пока в центре строились планы и схемы, на фронтах под флагом Цекомпродарма постепенно организовывались фронтовые, армейские продовольственные комиссии (опродкомы). Они были теми вехами, по которым пошло военно-продовольственное дело.

Хаотично, с точки зрения организационной, сформировывались опродкомы один за другим, но они немедленно развертывали активные действия в обстановке фронтовой работы.

От грубых форм войскового самоснабжения армия перешла к довольствованию через органы, приближающиеся к компродовским. Методы и темп гражданской продработы не совпадали с требованиями армии. Приходилось создавать нечто среднее. В первое время в структуре, методах работы опродкомов, взаимоотношениях с другими учреждениями было много пестроты, неразберихи, неразмежеванности.

Таким путем организовывалась та база снабжения, которая могла обеспечить довольствование Красной армии, что имело существенное значение при формировании военно-революционных кадров.

Ставя во главу угла первоочередность снабжения Красной армии продовольствием преимущественно перед всеми другими категориями потребителей, продовольственная политика при крайней ограниченности ресурсов настоятельно требовала организации планомерного снабжения Красной армии на твердом учете едоков.

Основной задачей являлось добывание продовольственных ресурсов для армии в таких размерах, чтобы покончить с самоснабжением войсковых единиц, при чем добывание ресурсов должно было строго сочетаться как с общим продовольственным положением, так и с продовольственной политикой революции. При крайней ограниченности продовольствия надо было зорко следить за тем, чтобы при снабжении Красной армии не распылялись продовольственные средства, благодаря отсутствию твердого учета едоков.

В первый период гражданской войны точного учета едоков в Красной армии не было, и правильный учет был осуществлен не скоро.

Основная идея построения новых форм продснабжения была следующая: заготовкой ведают гражданские продорганы, распределяют военные отделы снабжения. Последние, будучи аппаратом военного типа из кадров бывшего интендантства, были лишены активной роли. В круг их обязанностей входила лишь техническая роль—хранение заготовленного продовольствия и распределение его между воинскими частями. В целях контакта между этими двумя инстанциями (потребитель и заготовитель) становились междуведомственные органы—опродкомы, имевшие непосредственной задачей: учет едоков, координирование всей системы военно-продовольственного снабжения.

Хотя формально роль Цекомпродарма и его местных органов—опродкомов—должна была сводиться к функциям конфликтной комиссии, но на деле революционные шаги опродкомов пошли дальше.

Слабые отделы снабжения постепенно теряли всякую самостоятельность и переходили в состояние подчинения опродкомам, которые входили в контакт с командованием и координировали с ним свои мероприятия. Такая роль опродкомов предоставляла им независимость и свободу действий в смысле контроля над расходованием армией продовольствия. В этой независимости опродкомов была основа их междуведомственной, общегосударственной позиции.

По отношению к гражданским продорганам, ведавшим заготовкой, опродкомы на первых порах являлись как бы придатком. Учитывая слабость гражданских продорганов, невозможность для них спра-

виться с задачами снабжения армии, опродкомы постепенно стали корректировать их заготовительную работу для нужд армии.

Условия военно-революционной и местной обстановки меняют ранее начертанные и ограниченные планы работы опродкомов. Молодым, неокрепшим еще гражданским продорганам было трудно справиться со всеми задачами, которые ставила военная обстановка.

Заготовительный темп гражданских продорганов отставал от общего военного темпа и тем самым создавал опасность в деле обеспечения Красной армии твердой базой, гарантирующей своевременность и бесперебойность снабжения. Ведомственная борьба: с одной стороны, военведа за полную самостоятельность в деле военного продснабжения и борьба Наркомпрода—с другой, за введение военно-продовольственного дела в единую государственную систему,—стала сказываться на Цекомпродарме. Зимой 1918—1919 гг. выявилось отклонение Цекомпродарма от своей основной позиции, выразившейся в стремлении не только оторваться от Наркомпрода, но даже в намерении подчинить себе в известной степени гражданские продорганы.

10-го августа 1919 г. Цекомпродарм был расформирован и заменен Главснабпродармом. Сущность этой замены заключалась в объединении всего военно-продовольственного дела в руках наркома по продовольствию, что имело особенное значение в связи с правами продовольственной диктатуры, предоставленными наркому декретом от 13-го мая 1918 г.

Цекомпродарм—бывший междуведомственной комиссией—превратился в «Главное управление»,—особый главк при Наркомпроде. Непосредственное подчинение наркому продовольствия гарантировало от каких-либо отклонений политики военно-продовольственного дела от единой государственно-продовольственной политики.

Первый период Главснабпродарма прошел в организационной работе. Связь с местами была слаба в силу транспортных и военных условий. Изучалась работа опродкомов, систематизировался проверенный опыт мест. Политика Главснабпродарма преследовала задачи объединения всего военпродснабжения в одних руках.

Как один из организационных шагов, клонившихся к укреплению позиции Главснабпродарма и его связи с командованием, надлежит отметить введение предопродкомов в реввоенсоветы.

На местах в деятельности опродкомов намечались уже отклонения от первоначальной линии работы, заключавшейся в наблюдении, содействии, контроле, учете едоков и координировании системы военно-продовольственного снабжения. Опродкомы пошли дальше, они не ограничились рамками предоставленных им прав. Они стали осуществлять функции заготовительно-снабженческого характера. Заранее очерченные права и обязанности опродкомов оказались

узкими рамками для их деятельности в условиях боевой обстановки.

В передовых частях сохранилось еще самоснабжение, которое иногда принимало формы крайне нежелательные с точки зрения общей продовольственной политики.

Гражданские продорганы, обязанные заготовлять продовольствие и снабжать армию, были слабы. В некоторых местах они не успели еще сорганизоваться, благодаря военной обстановке. Плановые наряды гражданских продорганов не всегда могли быть осуществлены, в силу менявшейся военной ситуации. Таким образом, на опродкомы выпала задача продовольственного снабжения Красной армии, они принимали на себя всю полноту инициативы, руководствуясь революционной целесообразностью, а не только писанным законом.

Опродкомы постепенно растут, и усиливается их тесный контакт с общим военным аппаратом. Они не только содействуют гражданским продорганам в деле заготовок, но начинают сами заготовлять, не ограничиваясь теми районами, которые были предоставлены им гражданскими продорганами для заготовки.

Когда центр регламентировал пятидесятиверстную прифронтовую полосу в качестве района, отмежеванного для самостоятельных заготовок опродкомов, то фактически указанная пятидесятиверстная полоса расширялась.

Задания опродкомов, как заготовителей, с каждым днем увеличивались. Заготовка стала центральным узлом работы; одновременно выполнялись и первоначальные функции деятельности— контроль и учет едоков. Но и этого было недостаточно. В работе военных отделов снабжения были дефекты. Неразрывная связь заготовок и распределения, как звеньев общей цепи по снабжению, особенно в виду ограниченности продовольственных ресурсов, диктовала необходимость объединения всех продовольственных функций в руках опродкомов. Но этот вопрос разрешился не скоро.

ОПРОДКОМЫ—ОРГАНИЗАТОРЫ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Выполняя свое основное задание—заготовку для нужд Красной армии, опродкомы играли стимулирующую и организующую роль в жизни гражданских продорганов. В местностях, только что освобожденных от неприятеля, опродкомы являлись первыми организованными продорганами. Тем самым они оказывались активными проводниками единой государственной продовольственной политики на новых местах. Они принимали самое близкое участие в организации гражданских продорганов—для первоначальной постановки

дела туда откомандировывались опытные военные продработники. Вхождением этих работников в состав коллегий гражданских продорганов дело не ограничивалось, весь технический аппарат опродкома являлся одновременно заготовительным аппаратом гражданского продоргана.

Аналогичная картина наблюдалась и по отношению к совнархозам в области пище-вкусовой промышленности. Если в только что освободившихся от белых армий местах трудно было наладить продовольственное дело, тем сложнее было формирование технического аппарата советов народного хозяйства.

В разрешении этой сложной задачи опродкомы принимали непосредственное участие. Имея в своем составе налаженные производственные отделы, опродкомы принимали в свое ведение целый ряд предприятий, главным образом из отрасли пище-техники. Благодаря подвижной работе опродкомов восстанавливались стоявшие предприятия, изыскивалось сырье.

Мельницы, крупорушки, салотопенные, консервные и колбасные заводы, мыловаренные, маслобойные предприятия обязаны своим возрождением опродкомам.

Весьма важным заданием, выходящим за пределы основных функций, являлись возложенные на опродкомы хлебных районов наряды на отправку другим армиям и в центр излишков заготовленного продовольствия. При неорганизованности гражданских продорганов опродкомы вначале производили эти операции самостоятельно и от своего имени, впоследствии отправка излишков шла через местные гражданские продорганы. Помощь опродкомов в этом отношении была значительная. Востфронтом осенью 1919 г. было отправлено в центр в адрес 7-й армии около 2.400.000 пудов продовольствия. Двигаясь вместе с армией, опродкомы учитывали трофеи. Реализация трофеев происходила на ходу в условиях непрерывного движения. Надо было хоть грубо, но учесть, сконцентрировать, переработать и дать им дальнейшее направление.

В центрах, освобожденных от неприятеля, где сосредоточивались войска и пленные, первыми оказывались опродкомы. Они открывали базы, продмаги и организовывали распределение между частями войск. Таким образом, подсобно-организаторская роль работы опродкомов сказывалась в разных направлениях.

Гибкость, приспособляемость опродкомов, своевременное перестраивание в зависимости от наступления новых условий—были теми достоинствами и положительными чертами, которые помогли опродкомам справиться с их работой на военном и экономическом фронтах.

Красная армия была снабжена продовольствием на фронте и в тылу в максимально возможных размерах.

На ряду с выполнением основной задачи—продснабжения Красной армии—опродкомы принимали самое деятельное участие в пополнении общегосударственного фонда. Занимаясь изысканием разных видов сырья, находившихся в зоне военных действий и прифронтовой полосе, опродкомам приходилось учитывать, можно ли перебросить в тыл заготовляемое сырье, целесообразность переброски, возможность переработки его на месте во избежание лишних услуг надорванного транспорта. Эти задачи, разрешаемые военными продорганами, были временными, впредь до восстановления нормальной деятельности хозяйственных органов.

Опродкомы, расположенные в производящих районах, занялись переработкой зерна не только в пределах армейской потребности, но перемолом всей массы хлеба, направляемого в центр. Этой работой была оказана большая помощь центру, где, в виду топливного кризиса, работа мельниц нормально протекать не могла.

В условиях приостановившегося и разрушенного хозяйства опродкомы, благодаря своей личной инициативе, являлись пионерами—организаторами советского хозяйства.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАГОТОВОК И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРОФЕЕВ

Фронтовые органы опродкомов, действовавшие в условиях почти постоянных передвижений, непосредственно строили заготовительную работу следующим образом: при полках имелись уполномоченные, роль которых заключалась в недопущении самоснабжения и ведении заготовительной работы в пределах текущей потребности полка. При ограниченном масштабе работы уполномоченные закладывали первые камни нормальной продработы, подготовляя почву для будущей разверстки. Следующей ступенью были бригадные аппараты с небольшой агентурой. Их задания сводились к поддержанию семидневного запаса в пределах потребности бригады. Опродкомдивы были крупными аппаратами, и на них возлагались (в зависимости от условий места и времени) задания, выходящие за пределы удовлетворения дивизионной потребности. В районах, отведенных опродкомам, действовала самостоятельно сеть заготовительных пунктов, подчиненных непосредственно Опродкомарму. Эта система и методы работы, например, целиком почти были выдержаны на Востфронте.

На фронтах, расположенных в потребляющих районах, методы были несколько иные: так, например, на Западном фронте, где продовольственный вопрос был острее, благодаря германской оккупации, выкачавшей имевшиеся запасы в городах и деревнях, методы были разнообразные. Хотя заготовки велись еще в первой половине 1919 г., но не имели планомерного характера. Тут имела место закупка продовольствия за деньги, посылка экспедиций

в производящие районы. Широко применялся метод агитации. Снабжение фронта преимущественно основывалось на системе нарядов, даваемых на производящие губернии и реализуемых специальной агентурой Опродкомзапа. В районах, примыкающих к прифронтовой полосе, для военпродорганов выделялись отдельные волости для проведения разверстки. Последняя, впрочем, протекала слабо.

Наоборот, на Южном и Юго-Западном фронтах заготовки играли самую значительную роль. Опродкомполки, при отсутствии нормальных гражданских продорганов, являлись организаторами—проводниками разверстки.

Украинская военно-заготовительная работа должна быть отмечена наиболее высокой автономностью по сравнению с другими фронтами. В первой половине 1920 г. все гражданские продорганы на территории Украины были подчинены Опродкомюгозапу.

Военные продорганы, в противоположность гражданским, были связаны не с территорией, как районом производства продуктов, а с определенным составом едоков, которых они должны были снабжать. Фронтовой продорган был связан с местностью, в которой он работает, постольку, поскольку она могла быть использована для удовлетворения потребности обслуживаемой войсковой единицы, лишь на то время, на которое он в этой местности располагается. Его теоретическая задача сводилась к тому, чтобы заложить в данном районе основы советской продовольственной политики, а практическая—на основе ее взять продукты, потребные для определенной части. Лишь там, где фронт являлся более или менее стационарным, заготовительная работа развертывалась в общем объеме.

Незакрепленность, отсутствие постоянной органической связи с районом—существенный момент, отражение которого мы находим на всем строе заготовительной работы опродкомов.

При осуществлении оперативно-заготовительной работы опродкомы должны были проявлять особую инициативность и быстроту ориентировки. Военный темп необходимо было сочетать с планомерностью и организованностью, применявшимися при проведении продовольственной разверстки. Без долгих предварительных подготовок опродкомы принимали район и уплотняли свою заготовительную работу до пределов возможного.

В тылу заготовительная работа была основана на принципе объединения сил и средств опродкома с гражданским продорганом, при чем результаты должны были пойти в общий котел, откуда по нарядам в порядке первоочередности снабжалась Красная армия.

Армейским опродкомом, который являлся тыловым аппаратом, сохранявшим на известный промежуток времени стационарное состояние, выделялись уполномоченные для работы в гражданских продорганах.

Применялись обычные методы разверстки. Заготовительные аппараты опирались в своей разверсточной деятельности на волостные ревкомы.

По всем фронтам заготовлено самостоятельно военпродорганами следующее количество продуктов:

Наименование продуктов	За 1919-20 операционный год	За 1920-21 операционный год
Хлеб, зерно, фураж	31.515.146 пуд.	9.408.569 пуд.
Объемистый фураж	19.094.459 пуд.	5.992.740 пуд.
Жиры, мясо, рыба	6.017.779 пуд.	1.892.392 пуд.
Овощи	3.611.735 пуд.	1.034.515 пуд.

Роль самостоятельных заготовок в первый период была весьма значительной, а в производящих районах огромной в смысле места, занимаемого заготовками в общем количестве ресурсов, имевшихся для удовлетворения потребности армии.

Наглядным примером служит таблица удовлетворения армии на Кавказском фронте за счет нарядов центра и путем самозаготовок за 6 месяцев — с октября 1919 г. по март 1920 г.

Наименование предметов	Общее количество удовлетворения потребности армии	Из этого количества получено по нарядам центра	Было заготовлено собственными средствами	%%-е отношение загот. собств. средствами к общему количеству удовл. потребн.
Муки ржаной	3.442.855	631.863	2.810.992	81,6
Муки подболточной	95.634	14.323	81.311	84
Крупы	573.809	167.267	406.542	70,8
Мяса и рыбы	1.147.618	98.391	1.049.227	91,4
Овощей свежих	1.434.523	46.913	1.387.610	96,7
Зернофуража	5.997.969	895.185	5.102.784	85
Объемистого фуража	5.997.968	269.687	5.728.281	95,5

Самозаготовки Кавфронта за вышеуказанный период составляют от 70,8% до 96,7% общего количества отпущенного продовольствия.

В боевом периоде жизни Красной армии большую роль играли трофеи. Особенно богатые продовольственные трофеи выпали на долю Кавказского и Восточного фронтов.

С 1-го января 1919 г. по 31-е декабря 1920 г., в качестве трофеев, было получено продуктов на всех фронтах:

Хлеба, зерна, фуража—6.181.295 пудов, объемистого фуража—430.511 пуд., жиров, мяса, рыбы—615.734 пуд., овощей—71.652 пуд., прочих—255.110 пудов.

На деле цифры трофеев были выше, так как в условиях боевой обстановки добиться точного учета было трудно, несмотря на существование специальных трофейно-учетных комиссий. На многих фронтах значительные количества продуктов, использованных армией, переданные Губпродкомом и высланные в центр, остались незафиксированными.

Создались крупные базы, в большом масштабе производилась переработка, велась чисто транспортная работа по разгрузке и перетранспортированию огромных количеств трофеев. В использовании трофеев опродкомам приходилось выявлять много энергии и организационной работы.

ОПРОДКОМЫ И ПРОИЗВОДСТВО

Выше уже было отмечено, что при отсутствии совнархозов в местностях, только что освобожденных от неприятеля, при острой нужде армии в переработанных продуктах, опродкомы принялись за производственную работу. Подобно тому, как вся оперативная работа опродкомов зарождалась в соподчинении с насущными требованиями Красной армии и общим заданием Республики, так и производственная деятельность вылилась из самой жизни.

Опродкомы, будучи заготовителями сырьевых продуктов, должны были выступать и в роли организаторов переработки сырья.

Удовлетворение потребности фронта результатами производственной переработки предметов сырья могло иметь место путем организации такого процесса в самой прифронтовой полосе.

Возможно полное использование сырья в районе его добычи было руководящим указанием.

Укрепляясь сильнее, открывая новые источники сырья, вступая в распоряжение новыми предприятиями, опродкомы использовали эти обстоятельства в деле максимального удовлетворения потребности фронта и важнейших рабочих кадров гражданского населения продуктами производства.

Переход производственной работы за пределы узкоармейской потребности совершался в отдельных случаях и при разных условиях обстановки различно.

Центральное место в этой работе занимает переработка зерна.

Опродкомарм 10 к началу 1920 г. имел до 26 мельниц и столько же крупорушек. В этом же опродкоме были колбасные и макаронные фабрики, маслобойные и мыловаренные заводы, производство суррогатного чая и арбузного меда. Опродкомарм 2 имел сеть мельниц и крупорушек по линии железной дороги Козлов—Ростов и организовал галетное производство. На Украине опродкомы пустили в ход сахарные заводы, бездеятельность и коих создавала крайние пределы сахарного голода, ощущаемого всей Республикой.

Усиленное внимание посвящается консервному вопросу, одному из самых важных в практике военного довольствия. Весьма показательна и характерна производственная работа опродкомов Востфронта.

Являясь крупным заготовителем хлеба для нужд не только своей армии, но и центра, опродкомарм 5, учитывая топливный кризис в глубоком тылу и застой мельничного производства, поставил себе задание восстановление мукомольного дела в занятых армией районах и максимальное использование имеющихся предприятий. Так как мельницы находились большей частью в почти исправном состоянии, организационные трудности были сравнительно невелики.

В области пищетехники была проделана серьезная работа по производству и обработке суррогатного кофе. Стоявшие пивоваренные заводы использовываются для пережигания кофе, сушки овощей и засолки капусты. Заново организуется галетное производство, дававшее до 1.000 пудов в день. Крупнейшая, работавшая на всю Сибирь, спичечная фабрика «Факел» в Томске до прихода Красной армии стояла. Опродкомарм принял ее в свое распоряжение. Были заготовлены древесина и фосфор, и через два месяца фабрика стала работать почти полным темпом.

К началу 1920 г. в ведении опродкома состояло: мельниц—46, крупорушек—16, галетных заводов—6, вермишельных фабрик—4, боен—2, колбасных предприятий—2, консервных заводов—8, электрических засолочных пунктов—1, салотопок—2, дубильных—2, холодильных—2, овощесушилок—3, производств кофейных и чайных суррогатов—7, маслобойных заводов—3, свечных—1, мыловаренных—12, табачных—4, спичечных—3, колесной мази—1, сухой перегонки дерева—1, ремонтных мастерских—2, организаций по ремонту барж—1, итого—129 предприятий.

По фронтам указанное число предприятий располагалось по опродкомам так: Северного—3, Восточного—39, Туркестанского—17, флота—4, запаса—3, Кавказского—51, Западного—12, итого—129.

Если тыл работал на военные нужды в области заготовок снаряжения и обмундирования, то фронт помогал изнемогающей от разрухи стране напряжением средств в целом ряде производств.

РАБОТА ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ

Сосредоточение в руках военного ведомства распределенческих функций, в то время когда опродкомы ведали всей заготовкой, создавало, с одной стороны, двойственность продснабжения, а с другой—не давало возможности осуществить правильный контроль над потреблением.

Необходимость объединения всех продовольственных функций в руках военпродорганов диктовалась: а) неразрывностью связи

заготовок и распределения, как моментов одной и той же работы по продснабжению, б) необходимостью величайшей экономии, строгого учета и контроля потребления, в виду ограниченности продовольственных ресурсов, в) очевидными дефектами постановки продовольственного распределения в военно-снабженческом аппарате.

Яркую характеристику несоответствия военно-продснабженческого аппарата условиям гражданской войны встречаем в приказе начальника снабжения одного из фронтов Республики: «Фактически в громадном большинстве начснабы и их отделы никакого участия в распределении довольствия не принимают, и таковое производится органами опродкомов непосредственно на местах заготовки. Опродкомы не только не встречают помощи начснабов, начхозов и комиссаров, но как раз наоборот—указанными лицами предъявлялись заведомо преувеличенные требования, показывалось в наличии преувеличенное число едоков и скрывались наличные запасы».

Если проведение объединения распределительных функций в центральном аппарате Главснабпродарма не являлось сложным, то передача распределительных функций отделов снабжения опродкомам оказалась нелегкой. Главснабпродарм муссировал это дело на местах, всячески возбуждая и поддерживая инициативу мест в проведении его путем отдельных соглашений с реввоенсоветами фронтов и армий.

Необходимость крайней осторожности в осуществлении этой задачи в условиях военного времени подсказала центру правильную тактику—постепенное самостоятельное проведение объединения местами. Последние стали его проводить там, где для этого имелась налицо подходящая обстановка.

13-го ноября 1920 г. приказом РВСР и Наркомпрода был санкционирован и окончательно легализирован совершившийся уже факт перехода распределения от органов снабжения к Главснабпродарму и его местным органам (опродкомам). За органами Главхозупра осталось обозно-вещевое довольствие, а все дело продовольственного снабжения перешло к органам Главснабпродарма. Связь с командованием была сохранена путем двойственного подчинения начпродснабов (начальников отделов распределения) командованию и начупроду.

Момент распада отделов военного продснабжения совпал с моментом созревания опродкомов, имевших возможность взяться за трудное дело распределения, соединяя в своей работе принципы гражданской продовольственной политики с техникой военно-распределенческого дела. Этот период был кульминационным пунктом развития военпродорганов. Имея в своих руках все дело распределения, опродкомы принялись самым энергичным образом за учет едоков, контроль, плановое снабжение и нормировку потребления.

Необходимость диктовала жесткую экономию сил и средств, которая могла быть достигнута лишь при органическом слиянии двух аппаратов—опродкомовского и военно-снабженческого.

В распределенческой работе опродкомов мы встречаем самую тесную и неразрывную связь с последовательными этапами общей продовольственной политики.

Распределение жизненных припасов и предметов потребления в армии во все времена имело характер строгой обязательности и точной нормализации. В новых условиях гражданской войны распределение было всегда связано с судьбой заготовительной работы.

Разруха, голод и блокада заставили государство стать монополистом в области не только заготовок, но и распределения. На ряду с военными фронтами приходилось развертывать и углублять фронт не менее тяжкий—продовольственный.

Дело распределения было одним из главнейших объектов этого фронта. Общереспубликанские ресурсы, состояние фронтовой промышленности, положение деревни, вопросы внешней и внутренней обороны—вот факторы, влиявшие на развитие как общего распределения, так и специально военного. Военное распределение необходимо было ввести в общее русло продовольственной политики. В области распределения инициатива была в руках центрального аппарата. В центре творилась единая продовольственная, а следовательно, и распределительная, политика. Только в центре видны были ресурсы страны, и могла быть обозреваема вся продовольственная арена в общереспубликанском масштабе. Продовольственный фонд иногда являлся неизвестной величиной. Военно-продовольственный аппарат взял курс общегосударственного значения, начав борьбу за планомерное использование армией продресурсов.

В первом периоде деятельности (до объединения снабженческих аппаратов) опродкомы имели слабое влияние на область распределения продресурсов. Они регулировали потребление армии на основе установленных центром норм, ограничиваясь распределением в крупном масштабе (через отделы снабжения).

Военное ведомство в лице органов Главхозупра сохраняло почти полную свободу в распределении получаемого из рук опродкомов продовольствия между воинскими частями и учреждениями. Начснабы представляли свои заявки, по которым производился отпуск продовольствия. Заявки составлялись на основании данных об учете едоков в частях и управлениях армии, и эти данные страдали отсутствием учетной правильности.

Технически распределительный аппарат (базы, продмаги, продсклады) был в руках военного ведомства. Заданием опродкомов являлся контроль над распределением в смысле учета едоков, проверки заявок и наблюдения над фактическим использованием продресурсов.

Второй период (конец 1920 г. и 1921 г.) был отмечен усилением активности опродкомов в области распределения. Изъятие всего дела распределения из рук начснабов, введение военного распределения в сферу общей распределенческой работы, целевой принцип, бронировка, государственный план, активный контроль, первенствующая роль в работе по нормировке потребления и его регламентация—существенные признаки второго периода.

Неудовлетворительная постановка распределения в первом периоде, определяемая тремя главными моментами: 1) несоответствием пайка требованиям питания при пестрых условиях жизни Красной армии, 2) нецелесообразностью и неэкономностью использования скудного продовольственного фонда страны, 3) недостаточной согласованностью с общей продполитикой, была изжита во втором периоде.

Была налажена работа продмагов и продбаз. Организация и разветвление технически распределительного аппарата дошли до низов. Был проведен жесткий план в пределах фонда, отпускаемого армией по единому государственному плану.

В голодном 1921 году жесткий план был руководящим лозунгом для распределения в особенности. И в первом, и во втором периодах, при каких бы то ни было обстоятельствах, Красная армия занимала наилучшее продовольственное положение, будучи снабжаема всегда наивысшим пайком.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Осенью 1919 г. были сделаны шаги по использованию красноармейца-крестьянина на сельскохозяйственной работе при организации военных огородов и для технической помощи губпродкомам при реализации последними урожаев.

Скромные военно-огородные хозяйства, созданные домашним способом при воинских частях и ими самостоятельно эксплоатируемые, начали постепенно расширяться и превращаться в организованные сельскохозяйственные единицы. В январе 1920 г. дело огородных хозяйств было объединено вокруг Главснабпродарма.

Организацией сельскохозяйственной работы для снабжения самой Красной армии (объемистый фураж и овощи) достигалось сразу несколько целей: 1) увеличение овощных и фуражных продресурсов, 2) использование огромной дисциплинированной рабочей силы Красной армии на производительной работе, родственной рабоче-крестьянским кадрам, 3) эксплоатация брошенных участков.

Из предположенных к засеву в 1920 г. 33.492 десятин оказалось засеянными (по неполным сведениям) 22.585 десятин.

Сбор урожая 1920 г. в военных хозяйствах Республики выразился в следующих цифрах: 3.224.623 пуда овощей, 92.239 пудов хлебозерно-фуража и 320.004 пуда прочих культур (сена, вики, яблок,

табаку). Урожай овощей 1920 г. покрыл полугодовую потребность армии. В 1920 г. было отведено сенокоса воинским частям 146.306 десятин. Обрано сенокоса воинскими частями 130.145 десятин, собрано сена 6.499.655 пудов, около половины этого количества собрано в заволжском и приволжском округах.

В 1921 г. в эксплоатации находилось 372 совхоза с площадью в 136.039 десятин. Из этого количества было предположено к обработке 83.200 десятин и фактически обработано 49.922 десятины. Кроме того, эксплоатировалось в 1921 г.—36.507 десятин огородной площади, 1.280 десятин садовой и 450 десятин луговой площади.

Как общее правило, совхозы и другие сельскохозяйственные единицы эксплоатировались опродкомами. Некоторые хозяйства передавались непосредственно воинским частям, которые обрабатывали их под руководством опродкома в порядке определенного общего плана.

Приказом РВСР, Наркомзема и Наркомпрода от 17-го декабря 1920 г. за № 2133, сельскохозяйственное дело изъято из ведения военного ведомства и было передано опродкомам, которые вели работу по соглашению с местными земотделами.

К весне 1922 г. организуется при Главснабпродарме особый хозяйственный орган Цувоенпродхоз, построенный на принципе хозрасчета. Цувоенпродхоз пошел по пути нормализации постановки дела. Количество совхозов уменьшилось до 169. Часть хозяйств была передана НКЗему и военведу.

Общий размер площади совхозов в 1922 г. (с садами, лугами и огородами) составлял 167.439 десятин. Из предположенных к обработке 49.566 десятин пашни фактически было обработано 36.537 десятин (73,6% всего плана).

Сбор 1922 г. с хозяйств Цувоенпродхоза дал в пудах: ржи—306.268 пудов, пшеницы—399.037 пудов, овса—341.068 пудов и картофеля—873.000 пудов.

В момент расформирования Главснабпродарма военная сельскохозяйственная организация перешла в Наркомпрод. За военным ведомством осталось известное число хозяйств мелкого потребляющего типа.

ВОЕННО-МОРСКАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ РАБОТА

Снабжение продовольствием морского и речного флота, рассеянного по всей территории Республики (балтийский флот, черноморско-каспийский флот, волжская, северо-двинская, онежская, западно-двинская, днепровская, припятская флотилии), и необходимость тесной увязки снабженческой работы с оперативными задачами морского командования требовали создания Особой продовольственной комиссии Красного флота Республики (Опродкомфлот), подчиненной Главснабпродарму и частично автономной в своей оперативной работе.

Положение об Опродкомфлоте было утверждено 18-го сентября 1919 г. (приказ № 45 народного комиссара продовольствия по Главснабпродарму). Опродкомфлоту было предоставлено право заготовок нормированных и ненормированных продуктов в прифронтовых губерниях и районах, отводимых для указанной цели Наркомпродом, и создания своих баз в районах расположения отдельных флотилий. Распределение продуктов, административное и хозяйственное заведывание всеми складочными помещениями было в руках морского командования (отделы снабжения). Опродкомфлот лишь контролировал учет едоков флота и отдельных флотилий и проверял предъявляемую морским командованием потребность.

Самостоятельная заготовительная деятельность Опродкомфлота интенсивно протекала с ноября 1919 г. по март 1920 г. в районах Самарской, Оренбургской и Уральской губерний. Неуклонно проводя директивы общей продовольственной политики, действуя в контакте с гражданскими продорганами, Опродкомфлот достиг в заготовках значительных результатов, обеспечивая основными видами довольствия (хлеб, мясо, жиры, овощи) морской и речной флот и добавочные категории едоков, которые числились на снабжении Опродкомфлота (рабочие, занятые восстановлением и ремонтом караблей, и трудовое население Кронштадта).

В конце марта 1920 г., в связи с укреплением гражданских продорганов, заготовительная деятельность Опродкомфлота в Самарской, Оренбургской и Уральской губерниях была ликвидирована. Ударная работа закончилась. Опродкомфлот был переведен из Самары в Москву и подвергся реорганизации (Упродфлот). Существо работы Упродфлота из области заготовительной перешло в область распределения. Постепенно инициатива распределенческой работы отпала от отделов снабжения Моркома и перешла к Опродкомфлоту, сосредоточившему свое внимание на уточнении, планомерности распределенческих функций. Упродфлот вливается в Главснабпродарм и существует в качестве самостоятельного отдела.

ВНЕПЛАНОВОЕ СНАБЖЕНИЕ

Плановое продснабжение было ограничено насущными продуктами питания: хлебом, мясом, приварком, чаем, сахаром и табаком. Необходимые в житейском обиходе предметы—иголки, нитки, пуговицы, гребенки, зеркальца, зубной порошок, писчая бумага, конверты, карандаши—добывались красноармейцами с большими трудностями. Кустарная и мелкая фабричная промышленность, занятая изготовлением вышеуказанных предметов в мирное время, в эпоху гражданской войны почти замерла. Нехватало сырья. Иссякшие, имевшиеся в ограниченном количестве ресурсы сырья должны были быть использованы с максимальной и большей целесообразностью,

чем обслуживание нужд галантерейных предметов. Все внимание было сосредоточено на снабжении всеми видами сырья промышленности, работающей на оборону. Сырье было на учете и распределялось по планам и нарядам Комиссии использования.

Для устранения ненормальности в этой области снабжения и возможно более полного удовлетворения нужд красноармейцев и краснофлотцев был организован отдел внепланового снабжения при Главснабпродарме. Он использовывал ресурсы центрального управления красноармейских лавок и приступил к самостоятельным заготовкам мелочей житейского обихода.

Получая в Комиссии использования необходимое сырье, сообразно сжатым и доведенным до минимума потребностям армии, отдел внепланового снабжения вошел в соглашение с Главкустпромом и отдельными кустарными артелями, передав им переработку сырья и изготовление предметов житейского обихода.

Опродкомы на местах, в зависимости от наличия имевшегося в районе их деятельности сырья, развивали параллельно с отделом внепланового снабжения Главснабпродарма свою работу в этой области. Их заготовки координировались с общим планом снабжения Красной армии. По удовлетворении нужд обслуживаемых опродкомами войсковых единиц, излишки пересылались ими для снабжения Красной арими по планам и нарядам Главснабпродарма.

Наблюдение эволюции роста военных продорганов и их взаимоотношений с гражданскими продорганами и совнархозами показывает, что опродкомам была чужда узкая ведомственная точка зрения на их исключительную роль в заготовительной работе.

По мере укрепления гражданских нормальных органов, ведавших заготовкой, опродкомы сознательно шли на постепенное сокращение самостоятельной заготовительной работы. 1920 г. прошел под знаком резкого падения заготовительной работы. Гражданские продорганы по мере сокращения зоны военных действий крепли с каждым днем, и заготовки стали объединяться в руках губпродкома.

Циркуляр замнаркомпрода тов. Брюханова от 23-го ноября 1920 г., обращенный одновременно к опродкомам и губпродкомам, проводит твердо и определенно грань работы: «Самостоятельная заготовительная деятельность Главснабпродарма, вызывавшаяся в жизни условиями фронтовой боевой обстановки и постоянными продвижениями армий, должна быть ликвидирована, и его заготовительная агентура должна перейти в распоряжение гражданских продорганов Наркомпрода, проводящих в жизнь единый план заготовительной работы».

Пред опродкомами к тому времени встали новые задачи. Развернулась тыловая работа. Энергия была устремлена к восприятию важнейшей очередной задачи—распределенческим функциям. На-

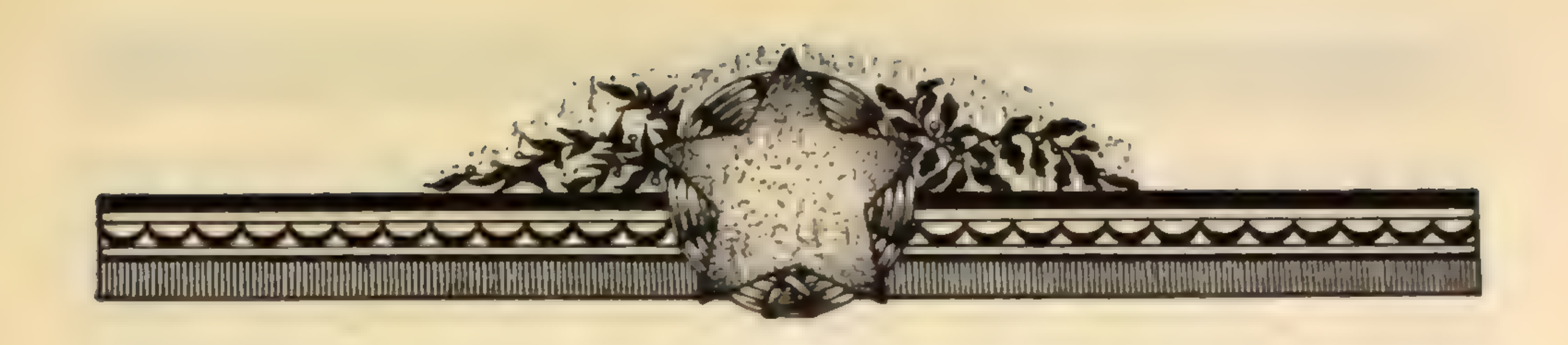
чался переход на плановую систему нарядов. Наряды даются на губпродкомы, при чем последние, по соглашению с продкомами, могут перекладывать на них выполнение известной части наряда. На свое имя непосредственно опродкомы могут получать наряды только в случае полного отсутствия на данной территории нормальных продорганов.

Таким образом, утверждаются первые основы плановой системы снабжения армии. Роль опродкомов стала ограничиваться внутренними распределенческими функциями.

С окончанием гражданской войны перед военными продорганами встала задача перестройки на мирное положение. Была раскинута сеть тыловых органов (окружных, губернских и уездных).

Главснабпродарм, призванный с целью ввести дело военно-продовольственного снабжения в систему государственной продполитики, взявший дело снабжения армии в свои руки до конца, в связи с окончанием гражданской войны и новой экономической политикой, стал терять свое первостепенное значение. Целый ряд предметов довольствия стал отпадать от плановой системы. Красная армия превратилась в единое по технической организованности целое. Переродился и перестроился весь обслуживающий армию аппарат, в том числе и снабжающие органы. Постановлением ВЦИК от 10-го августа 1922 г. функции планового снабжения Красной армии и флота отошли к Наркомпроду, а распределения—к Главхозупру. Ударный период кончился, все входило в русло нормальной работы. Эра развития военно-продовольственных органов чрезвычайного типа закончилась.

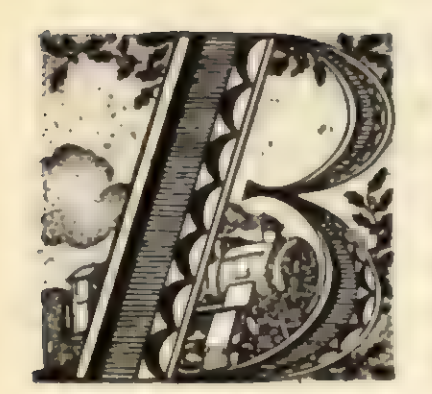

БАРСКИЙ, НИКУЛИН, ЗЕЛЕНЦОВ

РОЛЬ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1918—1921 ГГ.

«Железные дороги являются одним из главнейших элементов стратегии и, как боевое средство, равновелики самостоятельному роду оружия».

Бернгарди.

СОВРЕМЕННЫХ войнах конечный исход отдельных боевых операций и целых кампаний определяется всей совокупностью взаимодействующих факторов и многообразных условий военной, экономической и политической обстановки. «Современную войну ведет не одна только армия, а все государство, вся страна в целом, включая сюда и вооруженную силу». В соответствии с этим основным положением, ныне и самое понятие о стратегии значительно расширилось, по сравнению с прежним понятием о ней, как «тактике театра военных действий». Среди боевых факторов стратегии огромную роль всегда играли пути сообщения, а среди них, начиная со второй половины XIX столетия, доминирующее значение принадлежало, а в современной войне принадлежит, в особенности, железным дорогам. «Железная дорога нормальной колеи,— говорит современный французский военный писатель Кюльман в своей «Стратегии», — является основным средством всякой значительной операции. Все остальные средства транспорта, не будучи ни такими мощными, ни такими экономичными, могут лишь претендовать на оказание поддержки железной дороге или на продолжение ее работы в тех районах, в которых она не может действовать, вследствие своей уязвимости» [1]. Насколько высоко ставит стратегическое значение железных дорог германская военная мысль,

[1] Кюльман—«Стратегия», гл. III, стр. 29 (ГВИЗ, 1926 г.).

можно судить по поставленному в эпиграфе данной статьи тезису одного из выдающихся немецких военных писателей—Бернгарди.

Наполеон I с присущей ему определенностью отметил, что «тайна войны—в тайне военных сообщений». Конечно, война, представляя собой весьма сложный комплекс самых разнообразных материальных и психических явлений, имеет еще не мало и других «тайн», тем не менее тезис, высказанный Наполеоном I более ста лет тому назад, не только не утратил своего места и значения и для нашего времени, но для современных «массовых» армий и «вооруженных народов» он еще более углубил и усугубил свой смысл, как об этом свидетельствуют и современные военные писатели. Если современная военная мысль в такой степени оценивает значение железных дорог для мировой войны, то необходимо подчеркнуть их еще большее значение в войну гражданскую. Когда мы подводим итоги нашего 10-летнего существования, мы не можем обойти молчанием ту роль, которую сыграли железные дороги в героической борьбе в нашей стране за власть Советов.

Данная статья и имеет целью обрисовать, хотя бы в общих чертах, ту роль, какую сыграли наши железные дороги, как орудие стратегии, в столь исключительной по напряжению и своеобразию обстановке вооруженной борьбы Красной армии с ее многочисленными и ожесточенными врагами. Размер статьи и отсутствие в настоящее время полного систематизированного материала не дают возможности осветить во всех деталях эту гигантскую работу,—поэтому мы берем на себя скромную задачу—представить здесь ее общий обзор, который дал бы возможность судить о размерах проделанной железными дорогами работы.

I

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ РАБОТЫ ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Гражданская война 1918—1921 гг. отличалась целым рядом весьма резких особенностей, из которых некоторые непосредственно и особенно тяжело отражались на работе железных дорог Советской Республики во весь ее более чем трехлетний период. Первое, что должно быть в этом отношении отмечено, это—«стратегическое окружение» Советской Республики ее противниками: Колчак, англичане на Северном и Закаспийском фронтах, Деникин, Врангель, Финляндия, Эстония, Латвия и Польша, за их спиной Англия и Франция, а в 1918—1919 гг. и Германия—вот те наиболее крупные звенья того стратегического кольца, в котором оказалась наша Республика в период гражданской войны. Боевые операции периодически возникали на разных фронтах, Красная армия вынуждена была вести борьбу на востоке и западе, на юге и севере,

направляя свои удары по так называемым «внутренним операционным линиям». Такая стратегическая обстановка требовала со стороны главного военного командования особого «глазомера, быстроты и натиска», а со стороны железных дорог—особого напряжения при выполнении срочных оперативных заданий командования по переброске войсковых частей с одного фронта на другой, с целью сосредоточения «ударного кулака» против наиболее опасного и активного противника. Указанное положение осложнялось еще и разновременно возникавшими в разных частях Советской Республики «внутренними фронтами», контр-революционные эпизоды на коих также вызывали срочные перевозки войск по железным дорогам и тем еще больше осложняли их работу.

Далее, в период гражданской войны новая Советская Россия вынуждена была вести вооруженную борьбу, в стратегическом смысле, на весьма расстроенной, почти «разрушенной базе». Последнее обстоятельство явилось естественным наследием в результате истощения всех ресурсов страны от мировой войны, стихийной демобилизации старой армии и, наконец, почти повсеместного неудержимого взрыва революционных сил народа и самого факта гражданской войны. Железные дороги, как один из самых существенных элементов этой государственной «базы», раньше других отраслей хозяйства пришли к указанному расстройству еще в период мировой войны, начиная с лета 1915 г. При всем том, как будет видно из последующего изложения, работа железных дорог во время гражданской войны отличалась двумя существенными особенностями: непрерывностью в стратегических перевозках и постепенным повышением интенсивности этой работы, в полном соответствии с ростом напряженности борьбы Красной армии.

II

ТЕХНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

В обстановке гражданской войны работа железных дорог в военном отношении, как на фронтах, так и внутри страны, в особо сильной степени зависела от их общего состояния в целом. Вот почему, для более правильного уяснения роли железно-дорожного транспорта и его работы, как орудия стратегии, в гражданскую войну, представляется необходимым предварительно, хотя бы вкратце, уяснить себе: что же представляло собой это важнейшее орудие современной стратегии по своим техническим качествам в указанный период времени, когда решались судьбы новой, революционной России? Каким аппаратом, в виде железных дорог, располагала зародившаяся в бурю и грозу молодая Советская Республика, вынужденная всеми средствами и способами отстаивать

с оружием в руках завоевания Октября? Ответом на эти вопросы будут нижеприводимые данные, характеризующие общее техническое состояние нашего железно-дорожного транспорта в период гражданской войны,—без чего и сама роль железных дорог в процессе вооруженной борьбы молодой Красной армии будет представляться и недостаточно правильно, и недостаточно выпукло.

А. Эксплоатационная длина железно-дорожной сети изменялась во все годы империалистической и гражданской войн, в зависимости от боевых результатов на фронтах. Изменение это видно из таблицы I, в которой для сравнения показаны цифры и за годы мировой войны.

Таблица 1[1]

Средняя эксплоатационная длина железно-дорожной сети за 1914—1920 гг.

Наименование данных	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	Примечание
	Империалистическая война				Гражданская война			
Графа 1	2	3	4	5	6	7	8	9
Средняя эксплоатац. длина на жел.-дор. сети в месяц (в верстах) . .	около 64.000	около 65.000	около 65.000	58.903	31.193	28.750	53.261	За 1920 г. цифра взята из таблицы 3, вып. 1-й—«Материалы по статистике путей сообщения», изд. НКПС—1921 г.

Из сравнения граф 5 и 6 этой таблицы видно резкое сокращение эксплоатационной длины железно-дорожной сети, оставшейся в распоряжении советской власти в 1918 г. Из помесячных статистических данных за 1917 и 1918 гг. усматривается, что к моменту Октябрьской революции эксплоатационная длина железно-дорожной сети страны равнялась 52.579 верстам. Затем эта длина, благодаря наступлению немцев на Украину, начинает постепенно сокращаться и в сентябре 1918 г. достигает своего минимума—20.950 верст. Последняя цифра соответствует моменту развития боевых операций на Восточном фронте, когда, благодаря чехословацкому восстанию, были отрезаны от Советской России Урал и Сибирь. В дальнейшем, под влиянием постепенных успехов Красной армии, железно-дорожная сеть все более переходит в руки советской власти, и в 1920 г. средняя ее эксплоатационная длина определяется уже в 53.261 версту (графа 8). Разница по сравнению с 1917 г. в 5.642 версты должна быть отнесена главным, образом, за счет наших потерь и уступок в пользу Польши и лимитрофных государств.

[1] И. А. Никулин — «Военные сообщения Красной армии в советско-польскую кампанию 1920 г.» (рукопись); средние данные за каждый год выведены по месячным данным журн. «Сибирский путь»—1920 г. (юбил. №, стр. 18).

Б. Подвижной состав. В таблице 2 приведены наиболее существенные данные, касающиеся паровозного и вагонного парков. Рост процента больных паровозов и вагонов очень резко начинает увеличиваться с 1918 г. достигая, в 1920 г. в отношении паровозов 57,7%₀ и в отношении вагонов—22,3%₀. Соответственно этому уменьшался и рабочий парк—%₀ здоровых паровозов и вагонов. Коэффициент плотности здоровых паровозов (число их на 1 версту эксплоатационной длины, графа 1, пункт *г* таблицы).

Таблица 2[1]

Наличие и состояние подвижного состава железно-дорожной сети за 1914—1920 гг.

Наименование данных	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Графа 1	2	3	4	5	6	7	8
I. Паровозы:							
а) Общее наличие паровозов в среднем в сутки. .	20.057	19.781	19.964	20.702	11.553	9.169	13.171
Из них:							
б) %₀ здоровых паровозов	84,8	83,4	83,1	76,8	62,5	48,6	42.3
в) %₀ больных паровозов	15,2	16,6	16,9	23,2	37,5	51,4	57,7
г) Число здоровых паровозов на 100 верст эксплоатац. длины	около 28	28—27	26—8	27,4	22,5	16	13
II. Вагоны:							
а) Общее наличие вагонов в среднем (пассаж. и товарных)	450.000	460.000	507.402	500.487	302.896	около 250.000	310.830
Из них:							
б) %₀ здоровых вагонов .	95,1	96	95,6	92,6	88,7	81,6	77,7
в) %₀ больных вагонов .	4,9	4	4,4	7,4	11,3	18,4	22,3
г) Число здоровых вагонов на 100 верст эксплоат. длины	668	679	746	787	861	711	446
д) Число здоровых вагонов на 1 здоровый паровоз	25	27	30	30	38	45	43

[1] И. А. Никулин—источник тот же, стр. 18—23.

с 1918 по 1920 г. включительно уменьшился почти вдвое. То же самое и в отношении здоровых вагонов. Самое тяжелое положение с паровозным парком относится к началу 1920 г.: с января по май этого года число паровозов, приходившихся на 100 верст эксплоатациионной длины, колебалось в пределах от 7,4 (февраль) до 9,6 (май); затем в июне и июле это число начинает постепенно увеличиваться (10,3 и 10,5), достигая в среднем за год 13. (Коэффициент плотности—0,13. «Материалы по статистике путей сообщения» за 1917—1920 гг., вып. 2, стр. 5). Ближайшими причинами столь угрожающего ухудшения паровозного депо являлись: старость паровозов и недостаточность снабжения мастерских материалами, запасными частями, а рабочих—продовольствием[1]. Из общего количества паровозов в 1914 г. можно было, по существу, считать рабочим парком всего только 75% (вместо приведенных в таблице 2 84,8% здоровых паровозов), ибо по возрасту паровозов в этом парке числилось: паровозов менее 10 лет—35,4%, от 10 до 20 лет—39,6%, от 20 до 30—6,2%, от 30 до 40—10,4%, от 40 до 50—7,7% и свыше 50 лет—0,7%[2]. Такое почти катастрофическое положение с паровозным парком крайне тягостно отражалось на боевой работе Красной армии. В особенности это сказалось при наступлении Западного фронта на Варшаву в июле—августе 1920 г. Недостаток паровозов на этом фронте давал себя чувствовать в весьма сильной степени. Под влиянием столь тягостных обстоятельств НКПС разработал план ремонта паровозов, который выразился в известном приказе от 22-го мая 1920 г. № 1042 и который впервые за время гражданской войны положил начало плановому восстановлению паровозного парка. Приказ предусматривал общий срок планового ремонта паровозов продолжительностью по 1-е января 1925 г. По объективным условиям действие этого приказа не было доведено до конца (постановлением СТО 22-го апреля 1921 г. был установлен, в связи с ограниченными материальными ресурсами, новый принцип ремонтной программы), тем не менее результаты действия приказа № 1042 в первое время были весьма благоприятны.

Выпуск паровозов из ремонта по этому приказу в первые месяцы его действия выразился в следующих цифрах (единицах среднего ремонта):

В июле	1920 г. задано по плану 810; выпущено из ремонта	1.042
В августе	1920 г. задано по плану 593; выпущено из ремонта	745
В сентябре	1920 г. задано по плану 557; выпущено из ремонта	695

[1] «Обзор состояния и работы транспорта в 1921 г.» (Материалы к докладу IX съезду Советов), изд. НКПС, Москва, 1921 г., стр. 79.

[2] Журнал «Сибирский путь», Омск, 1920 г. (юбилейный №).

Таким образом, превышение выпуска из ремонта над заданием выразилось в июле +39,9%, в августе +27,8% и в сентябре + +24,8%[1]. Такой результат не только приостановил дальнейший рост больных паровозов в 1920 г., но даже имел последствием, хотя и слабым, увеличение рабочего паровозного парка: число больных паровозов за этот период пало с 60,5% в мае до 57,1% в сентябре.

В отношении вагонного парка из табл. 2 усматривается (п. II, графы 1): число больных вагонов сильно увеличивается с 1917 г., делая резкий скачок в 1918 г. (11,3% против 7,4%—1917 г.). Ухудшение это продолжается и в 1919 г. (18,4%), достигая в 1920 г. цифры—22,3%, что дает ухудшение в четыре раза больше по сравнению с 1914 г. и в два раза — по сравнению с 1918 г. Количество здоровых вагонов, приходящихся на 100 верст эксплоатационной длины железно-дорожной сети, в 1920 г. достигает также минимальных размеров: коэффициент плотности в это время уменьшается в полтора раза по сравнению с 1914 г. и в два раза—по сравнению с 1918 г. При условии ничтожного пополнения вагонного парка дорог новыми вагонами, выход из создавшегося положения был один: интенсификация ремонта и упорядочение эксплоатационной части дорог. Первая задача разрешалась также установлением планового порядка ремонта вагонного парка по приказу № 1157. Результаты этого приказа были аналогичны с результатами приказа о ремонте паровозов № 1042: выпуск из ремонта вагонов за первые три месяца давал превышение над заданиями по плану приказа № 1157.

В. Ремонт и мастерские. В период 1918—1920 гг. железно-дорожные мастерские находились в фазисе крайнего расстройства всех своих функций. Условия работы этих мастерских с каждым днем принимали все более и более угрожающий характер. Главными причинами для этого были: недостаток материалов и запасных частей; значительное понижение уровня квалификации рабочей силы, связанное с откомандированием железно-дорожных служащих на фронты; недостаток продовольствия и происходившие отсюда частые прогулы и болезни работников железно-дорожного транспорта; топливный кризис, изношенность станков и устаревшее оборудование; наконец, недостаточность числа самих мастерских по отношению к количеству подвижного состава,—все это вместе взятое, в связи с общей разрухой экономики страны, находившейся в блокаде, еще более усугубляло это крайне тяжелое положение.

При такой обстановке НКПС вынужден был к созданию особых подвижных ремонтных мастерских (подремы) и летучих

[1] Н. Гребенев — «Транспорт за три года советской власти», стр. 22 (журн. «Сибирский путь», юбилейный номер).

ремонтных бригад, которые производили на линиях железных дорог, главным образом, «текущий ремонт». Помощь подремов с особой пользой сказалась в прифронтовой полосе, где железно-дорожные мастерские подвергались нередко эвакуации, и где ремонтные средства были ничтожны. Число таких подремов к 1-му ноября 1920 г. достигало цифры 33.

Относительно снабжения железных дорог материалами и изделиями приходится отметить: кризис в этой области стал обнаруживаться в 1919 г.; в 1920 г. он уже был весьма чувствительным, а в 1921 г. он достиг того, что снабжение железно-дорожного транспорта плановом порядке фактически не превышало 10—15%[1].

Г. Т о п л и в о. В 1918 г. топливное хозяйство железных дорог находилось в положении, близком к нормальному. Наличие топлива в этом году на каждое 1-е число месяца превышало расход его за истекший месяц, даже в зимнее время, в 2—2,5 раза. Но уже в конце 1919 г. появились зловещие симптомы: в декабре этого года расход топлива превзошел наличие, а в 1920 г. начался с подобным же превышением расхода над наличием. Весной, летом и осенью этого года положение с топливом на железных дорогах становится более или менее удовлетворительным. Однако 1920 г. все-таки заканчивается дефицитом, который затем в первые три месяца 1921 г. превращается в резкий топливный кризис (см. таблицу 3).

Такое положение вещей практически означало, что в указанное время железные дороги работали «за счет текущего—в течение месяца—поступления топлива, при крайне ограниченных запасах, при вынужденной невозможности качественной и технически правильной приемки топлива и планомерной выдачи его для расхода». При таких условиях, само собой разумеется, в качестве топлива при приемках не приходилось строго разбираться,—принимали то, что было под рукой: д р о в а свежей рубки, нераспиленные, с средней влажностью свыше 35%, а в отдельных случаях и с влажностью до 50% (значительная часть дров была сплавной); у г о л ь, без всякой сортировки, часто мелкий, с зольностью до 40%, что делало его совершенно непригодным для отопления паровозов; на железных дорогах туркестанских фронтов паровозы одно время отапливались саксаулом, хлопковым маслом и даже сушеной рыбой (лещом). Топливо принималось без обмера и взвешивания; в расход оно выдавалось без надлежащего учета, требующего времени; дрова из вагонов сваливались прямо в груды и спешно отпускались на ожидавшие очереди паровозы; иногда эта операция производилась прямо с подвод. Уголь грузился в тендера паровозов прямо из вагонов и угольных куч и т. д.

---

[1] Тот же «Обзор транспорта», стр. 39.

Крайне неустойчивое и тяжелое положение с топливом зависело прежде всего от того, что рассматриваемый период прошел в условиях разъединения нашей железно-дорожной и водной сети от главных районов, добывающих твердое и жидкое минеральное топливо. Только в первой трети 1920 г. эти районы прочно перешли в обладание Советской Республики.

На Туркестанском фронте, благодаря успешным действиям 1-й красной армии вдоль железной дороги Асхабад—Красноводск, этот последний пункт 6-го февраля был окончательно закреплен за Советской Республикой. Овладение Красноводском имело огромное значение для железных дорог и боевых операций в пределах этого фронта, так как с указанного момента явилась возможность снабжать железные дороги этого края, вместо сушеной рыбы, нефтью из источников острова Челекена.

На Кавказском фронте 24-го марта Красная армия овладевает Грозным с его нефтяными источниками, а в ночь с 27-го на 28-е апреля наши бронепоезда вошли в Баку, и только с этого времени ные богатства этого района оказались также прочно приобщенными к владениям Советской Республики.

На Южном фронте к началу 1920 г. такой же результат получается и в отношении Донецкого каменноугольного бассейна.

На Восточном фронте 7-го марта 1920 г. наши красные части вошли в Иркутск, оттеснив жалкие остатки колчаковской армии в Забайкалье—и Читу— и далее в Китай и тем также прочно закрепив за Советской Республикой уральские и сибирские каменноугольные копи.

В виду такого положения на фронтах, естественно было, что все топливоснабжение в 1919 г. и отчасти в 1920 г. покрывалось, главным образом, древесным топливом.

Перелом определился только в конце 1920 г. и в 1921 г., хотя для угля кризис значительно затянулся, благодаря кризису добычи его в Донбассе.

Из таблицы 3 можно усмотреть общую картину топливного снабжения на железных дорогах Советской Республики за время гражданской войны.

Для суждения о снабжении железных дорог топливом, в частности, могут послужить сведения за 1920 г., приводимые в таблице 4. Из нее видно, что недогрузу угля в названном году колебался в пределах от 24,5% в июне до 74,7% в октябре,—в среднем за десять месяцев 1920 года недогруз угля составлял около 50%, т.-е. фактическое выполнение погрузки угля было почти вдвое менее задания по плановой норме. Последнее явление, естественно, объясняется дезорганизацией и кризисом Донбасса, зависевшими от общей обстановки и условий гражданской

Таблица 3[1]

Наличие и расход всех видов топлива за 1918—1921 гг. (в дровяном эквиваленте и в куб. саж.)

Месяцы	1918 г.		1919 г.		1920 г.		1921 г.	
	Наличие	Расход	Наличие	Расход	Наличие	Расход	Наличие	Расход
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Январь	688.236	366.532	410.957	297.284	299.775	331.403	288.497	541.945
Февраль	646.523	177.104	410.057	286.233	310.827	338.365	262.271	507.529
Март	633.988	313.912	399.506	301.881	404.814	363.687	349.374	536.390
Апрель	747.355	277.833	572.311	260.921	568.284	297.200	465 200	113.711
Май	891.503	229.401	679.464	278.538	653.722	278.758	510.438	336.405
Июнь	908.290	220.878	596.849	282.155	605.832	285.120	455.459	317.760
Июль	912.226	214.486	466.593	209.142	595.132	324.036	467.345	304.101
Август	881.192	217.369	454.810	185.788	611.557	332.055	400.903	269.606
Сентябрь	808.745	198.521	381.773	183.230	547.024	361.694	383.314	288.788
Октябрь	719.258	229.095	274.325	192.222	526.410	437.679	265.222	229.217
Ноябрь	630.560	239.776	260.782	210.107	414.779	505.176	322.338	—
Декабрь	458.629	271.878	171.395	240.312	317.430	529.626	302.835	—

Примечания: 1. Подчеркнутые цифры в дефицитных месяцах.

2. При переводе в дровяной эквивалент дрова взяты без перевода их в сухие дрова-смесь. Введение поправки на влажность уменьшает показанные данные: так, для расхода за 1920 г. эта разница выразится в 13% или 566 тыс. куб. саж., исходя из предположения, что дрова в среднем поступали с влажностью свыше 35%.

3. Дровяной эквивалент: 1 куб. саж. дров = 136 пуд. угля = 70 пуд. нефти.

войны. В отношении дров % недогруза колебался в пределах от 12,7% в марте до 38,9% в июле,—в среднем за год **недогруз дров выражался свыше 25%**.

Очерченное состояние топливного дела на железных дорогах имело огромные практические последствия в отрицательном смысле, резко отразившиеся на работе жел. дорог и **в военном отношении**. К этим последствиям должны быть отнесены: 1) необеспеченность железных дорог запасами топлива влекла за собой расстройство движения и порчу подвижного состава; 2) плохое качество топлива текущего поступления вызывало непрерывное

[1] «Обзор транспорта», приложение № 8.

Таблица 4[1]

Погрузка топлива на железных дорогах в 1920 г. (в количестве вагонов)

Месяцы / Погрузка	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
I. Уголь												
а) Плановая норма	—	—	19.256	21.100	25.724	27.840	34.470	41.880	43 8[illegible]0	40.470	10.800	31.400
б) Фактическая погрузка	—	—	11.761	10.027	19.231	21.037	21.661	19.289	13 361	10.270	15.152	21.272
в) % выполнения нормы	—	—	61,1	47,5	75	75,5	62,9	46	30,5	25,3	37,1	58,9
г) % недогруза	—	—	38,9	52,5	25	24,5	37,1	54	69,5	74,7	62 9	41,1
II. Дрова												
а) Плановая норма	125.676	116.232	122.698	97.380	102.326	10.220	114.049	114.049	120 240	137.113	132.900	14.198
б) Фактическая погрузка	98.002	96.907	107.117	82.637	79 594	94.751	69.728	81.228	90.267	86.560	105.511	136.678
в) % выполнения нормы	78,9	82,5	87,3	84.8	77,7	84,5	61,1	72	76	62,1	79,4	96,3
г) % недогруза	21,1	17,5	12,7	15,2	22,3	15,5	38,9	28	24	37,9	20,6	3,7

[1] Таблица 4 составлена по данным «приложений» №№ 13 и 14 «Обзора состояния и работы транспорта в 1921 г.».

увеличение расхода его на измеритель—100 паровозо-верст: в 1913 г. этот измеритель равнялся 1,38 куб. саж., в 1917 г.—1,56 куб. саж.; за время же гражданской войны он беспрерывно возрастает, достигая в 1918 г.—2,08 куб. саж. и в 1919 г.—2,54 куб. саж.[1], т.-е. почти вдвое по сравнению с довоенным временем. Это обстоятельство влечет за собой резкий рост пережега топлива на жел. дорогах в указанный период; 3) непланомерность в снабжении топливом и значительный его недогруз вызывали повторные переделки паровозных топок: то на дровяное, то на нефтяное, то на угольное, то опять на нефтяное отопление; 4) значительное число здоровых паровозов отставлялось от работы и содержалось в холодном состоянии за недостатком топлива: в 1920 г. число таких паровозов доходило до 300—500, а в 1921 г. оно дошло до 2.000 (30% от общего числа здоровых паровозов); 5) провозная способность железных дорог значительно сокращалась, а в связи с этим сокращалось пассажирское движение, а также и «перевозочные нормы» по железным дорогам, предоставляемые для нужд военведа (см. ниже, гл. III); 6) для облегчения топливного кризиса пришлось по всей сети закрыть для движения свыше 4.000 верст путей, а также производить переброску топлива на большие расстояния.

Д. Состояние пути и сооружений. Почти 2/3 шпал, выслуживших свои сроки, в 1920 г. оставались на путях без смены, оказывая самое пагубное влияние на успешность эксплоатации наших железных дорог. В том же году потребность для смены рельс выражалась цифрой в 2.900 верст, а между тем наличие имевшихся в распоряжении НКПС ресурсов было не более 290 верст, т.-е. не более 10% от общей потребности. Не лучше обстояло дело и со скреплениями и с пролетным строением мостов. Но самое главное, что еще более ухудшало техническое состояние пути,—это разрушение их в течение долгого периода империалистической и гражданской войн. Зона, в которой производились эти разрушения, включала в себе около 30.000 верст железных путей. Центральная зона, в которой не было разрушений в гражданскую войну, обнимала собой около 25.006 верст железных дорог. Территориально наиболее сильные разрушения были произведены: на Западном фронте—в районе Полоцк—Минск—Лунинец—Жлобин—Гомель; на Юго-Западном—в районе Сарны—Коростень—Киев—Харьков—Донбасс—Перекоп—Слободка и отчасти в районе Казатина; на Юго-Восточном—в районе Орел—Козлов—Камышин—Царицын—ст. Торговая—Зверево—Курск; на Восточном—в районе

[1] Журнал «Сибирский путь» 1920 года (юбилейный номер), стр. 27, последняя графа таблицы.

Казань—Пермь—Гороблагодатская—Чишма—Коротовка—Погрузная, а также в районах Уральска (на линии ст. Покровская—Уральск) и Оренбурга (на Оренбург-Ташкентской ж. д.).

По подсчетам НКПС,[1] к началу 1921 г. общее количество разрушений по всей сети железных дорог Советской Республики выразилось в следующем итоге: мостов—свыше 3.597; железно-дорожных путей—свыше 1.700 вер.; стрелочных переводов—свыше 2.900 шт.; зданий депо—381 стойло; мастерских—площадью 4.000 кв. саж.; гидравлических колонн—264; водоемных и водоподъемных зданий—466; телеграфных проводов (одиночного провода)—86.500 верст; телеграфных аппаратов—4.331 шт.; телефонных—10.896 шт. и гражданских построек—около 5000,—площадью свыше 117.000 кв. саж. Общий характер железно-дорожных разрушений за время гражданской войны отличался более сильной степенью, чем это наблюдалось на русском театре в период империалистической войны. При этом тяжесть разрушений усугублялась еще тем обстоятельством, что многие участки железных дорог переходили из рук в руки противников по нескольку раз. В среднем разрушались преимущественно крупные мосты, отверстием до 15 и более саж., что до крайности осложняло и замедляло восстановительные работы. Последнее обстоятельство, конечно, не могло не отражаться самым отрицательным образом и на оперативной деятельности Красной армии.

Е. Рабочая сила. Говоря о технических элементах железнодорожного транспорта, нельзя обойти вниманием такой существенный элемент, которым является его живая сила. При анализе этого последнего фактора сразу обнаруживаются два наиболее характерных явления: с одной стороны—в наличии рабочей силы бросается в глаза избыток общего количества всей рабочей силы, с другой—значительный недостаток квалифицированных работников. Если сравнить измерители плотности рабочей силы—число служащих и рабочих на 1 версту—за 1913 и 1920 гг., то увидим, что в довоенное время измеритель этот выражался цифрой в 12,8 чел., а в конце гражданской войны—в 20,7 чел., т.-е. общее число служащих и рабочих увеличилось в 1920 г. почти в полтора раза по сравнению с 1913 г. Надлежит при этом иметь в виду, что подобное увеличение произошло при одновременном уменьшении железно-дорожных перевозок почти в три раза («Обзор транспорта», стр. 17). Что касается качества рабочей силы, то в этом отношении железные дороги переживали также весьма крупные затруднения. Недостаток квалифицированных рабочих в первой половине 1920 г. выражался, например: по службе тяги в 40.000 чел. (главным образом, металлистов), а по службе пути (вместе с ремонтными рабочими) в 150.000 чел.

[1] «Обзор транспорта», стр. 72.

Столь бедственное положение на железных дорогах Советской Республики с рабочей силой было значительно смягчено путем произведенной мобилизации квалифицированных работников, работавших ранее по железно-дорожному (и водному) транспорту, с извлечением их как из Красной армии, так и из гражданских ведомств и учреждений. Мобилизация дала в распоряжение НКП 66.500 чел. таких работников (там же, стр. 17).

Кроме того, пополнение квалифицированной рабочей силы производилось также выпусками из специально для того образованных курсов и школ. В дополнение к этим мероприятиям был издан в 1920 г. приказ председателя РВСР и врид. наркомпути (№ 204) о содействии военных учреждений железно-дорожному транспорту.

Содействие это выразилось в значительной доле участия Красной армии по восстановлению железных дорог как со стороны специальных железно-дорожных войск, так и особо сформировавшихся для этой цели военных организаций (трудовые армии на Юго-Восточных дорогах, железно-дорожная армия и т. п.).

В заключение по этому вопросу приходится указать еще на одно существенное обстоятельство: эвакуацию и реэвакуацию линейных служащих и рабочих железно-дорожного транспорта, в связи с изменениями боевой обстановки на фронтах и вытекавшими из сего переменами в размерах железно-дорожной сети. Использование такой категории личного состава на других, незнакомых для него железных дорогах, в новых бытовых и служебных условиях, несомненно, также весьма плохо отражалось на качестве работы железно-дорожного транспорта вообще и в военном отношении в частности.

Ж. Работа железных дорог. Из всех элементов работы жел. дорог отметим здесь только два, касающихся движения и имеющих наибольшее значение для военного командования во все периоды вооруженной борьбы. Эти два элемента—провозная способность железных дорог и коммерческая скорость движения (она же и воинская).

1. Провозная способность. Под этим понятием разумеется число пар поездов, которое данная жел. дорога может фактически пропускать в сутки, в зависимости от своей пропускной (технической) способности, наличия и грузоподъемности рабочего парка, подвижного состава, топлива и технического персонала, которыми она обладает в данный период.

В 1914 г. провозная способность на русских жел. дорогах была доведена до их пропускной способности. С объявлением войны дороги работали по максимальному графику (на некоторых магистралях до 40 и более пар поездов в сутки).

Возраставшее расстройство железно-дорожного транспорта в течение и мпериалистической и гражданской войн весьма сильно понизило

провозоспособность железных дорог; в результате НКПС вынужден был ввести на железно-дорожной сети для каждой дороги в отдельности особые нормы железно-дорожного движения в определенном числе пар поездов в сутки, из числа которых такие же нормы выделялись и для воинского движения. Этим самым размах оперативных замыслов военного командования, в смысле железно-дорожного стратегического маневра, был весьма жестко поставлен в очень узкие определенные рамки.

Об этих нормах, примерно, можно судить по данным таблицы 5.

Таблица 5

Провозная способность общей сети железных дорог за первое полугодие 1920 г.

Месяцы	I	II	III	IV	V	VI
Наименование средних данных	Среднее число пар поездов в сутки					
1	2	3	4	5	6	7
а) Средняя из заданных норм провозоспособности по каждому участку сети	4	4	3,5	3	4	4
б) Среднее фактическое заполнение провозной способности сети	3	$2^1/_2$	3	3	4	4,5
в) Среднее число пар поездов на 1000 верст железных дорог	8,35	6,55	9,2	11,9	17,1	17,6
г) Среднее число пар поездов, приходившихся по всем участкам железно-дорожной сети в 1 сутки	233	222	313	405	583	685

2. Коммерческая (воинская) скорость. Эта скорость установлена для товарных и воинских поездов. Под ней разумеется та скорость, которую поезд делает в среднем в один час, принимая в расчет время, употребляемое им и на остановки. Эта скорость кладется в основание расчетов при составлении планов воинских перевозок. До и во время империалистической войны коммерческая скорость равнялась 15—20 верст в час, что для воинского эшелона давало суточный пробег в 360—480 верст. В период гражданской войны, под влиянием все тех же условий, коммерческая скорость наших железных дорог постепенно в общем все более и более падала: за 1919 г. она определялась в среднем за весь год для всей сети в 11,4 вер.; за первое полугодие 1920 г. она несколько улучшилась, дойдя в среднем до 11,5 верст в час, а к концу года—до 13 верст в час.

Ежемесячные колебания коммерческой скорости за 1919—1920 гг. видны из нижеследующей таблицы 6.

Таблица 6

Коммерческая скорость товарных и воинских поездов в среднем на всей сети железных дорог за 1919 и 1920 гг.

Месяцы года	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Средняя за год
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
Коммерческ. скорость в верстах в 1919 г. .	10,9	9,8	10,4	10,7	11,1	12,4	13,0	12,7	13,2	11,4	11	10,2	11,4
в 1920 г. .	11,8	12,1	10,2	10,8	11,8	12,5	—	—	—	—	—	—	За весь год 13,0

На этом мы и покончим рассмотрение жел. дорог с точки зрения их технического состояния. Дальнейшее изложение будет посвящено рассмотрению работы железных дорог в чисто военном отношении и той роли, какую они сыграли в конечном исходе боевых операций в наиболее критические моменты гражданской войны, несмотря на все свое расстройство и даже самые тяжкие кризисы.

III

ВОИНСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Таковы были технические свойства того орудия стратегии, которым главное военное командование в период гражданской войны располагало в виде наших железных дорог. Пришлось умышленно остановить внимание читателя на этих свойствах и общем характере железно-дорожного аппарата с несколько большей подробностью затем, чтобы, с одной стороны, показать те колоссальные трудности, с которыми нашему командованию приходилось иметь дело в своей оперативной работе, а с другой—выявить роль железных дорог в этой оперативной работе не на почве одних только теоретических и общих рассуждений, а на реальном фундаменте действительного положения вещей. Думается, что при таком подходе роль наших железных дорог выявится еще более ярко и выпукло, а для более правильных суждений об этой роли читатель будет иметь весьма существенную и конкретную предпосылку.

Итак, какую же роль сыграли наши железные дороги в вооруженной борьбе Советской Республики в более чем трехлетний период гражданской войны?

Работа железных дорог в течение этой войны шла беспрерывно в трех главных направлениях: 1) подвоз всего необходимого для Красной армии как на фронты, так и для пополнения разного рода базисных учреждений (складов, магазинов и пр.) внутри страны; 2) вывоз (эвакуация) с территории фронтов всего излишнего для армии: больных, раненых, испорченного оружия и имущества, пленных, беженцев, трофеев и пр., а также и ценного государственного имущества и пр. из угрожаемых противником местностей. Эпизодически, в связи с этими последними перевозками, производились и перевозки по реэвакуации, т.-е. обратной перевозке названного имущества в прежние или другие районы местностей, вновь и окончательно очищенных от противника; 3) наконец, оперативные перевозки—переброски целых войсковых частей с одного фронта на другой или в пределах одного и того же фронта, вызываемые требованиями стратегической необходимости и боевыми задачами текущего момента или планами намеченных будущих военных операций. Сюда относились и переброски на фронты тех резервов изнутри Республики, которыми располагало иногда главное командование. Кроме этих перевозок перманентного характера, железные дороги периодически выполняли еще и воинские перевозки следующих двух категорий: а) мобилизационные—при периодически объявлявшихся призывах в Красную армию и б) перевозки пополнений как отдельных команд, так и целых войсковых частей (из запасной армии). О так называемых «перевозках по сосредоточению» говорить особо не приходится, так как по условиям гражданской войны они не имели особого места: при стратегическом окружении Республики и при необходимости действовать по «внутренним операционным линиям», оперативные перевозки нередко по своему значению являлись вместе с тем и перевозками по сосредоточению войсковых частей на том или другом фронте. Перевозки по демобилизации завершали собой цикл указанных выше категорий воинских перевозок, которые ложились на наши железные дороги.

Общая обстановка, условия и порядок воинских перевозок за время гражданской войны отмечались нижеследующими особенностями.

1918 г. в своей первой половине протекал под знаком демобилизации старой русской армии. Демобилизация эта происходила совершенно стихийно, а потому ни о каких расчетах и планах железнодорожных перевозок не могло быть и речи,—люди рвались с фронта внутрь страны, к своим домашним очагам, неорганизованными потоками; самовольно захватывали подвижной состав и, под угрозой оружием, принуждали железно-дорожных агентов и комендантов станций отправлять поезда вне всякого расписания, а нередко и с полным

нарушением правил технической эксплоатации. В такой же хаотической форме происходила и эвакуация тылов старой армии.

Вторая половина 1918 г. отличалась сравнительно мелкими перевозками для борьбы с контр-революционными выступлениями казачьих атаманов—Дутова, Каледина, Семенова и др. Более крупные железно-дорожные перевозки были выполнены для боевых операций против чехо-словаков и Колчака (на Восточный фронт), а также и для борьбы на «внутреннем фронте» с разного рода местными бандами. Характерной чертой железно-дорожных перевозок за вторую половину 1918 г. являлась их почти полная импровизация и бессистемность, а также в подавляющем числе случаев почти полное нежелание командиров отрядов и войсковых частей считаться с железно-дорожными порядками и представителями службы военных сообщений на линиях железных дорог. Попрежнему во многих случаях фигурировали угрозы оружием, при чем подвижной состав самочинно задерживался войсковыми частями на все время данной операции. Отсюда—невозможность правильной организации железно-дорожных воинских перевозок.

В 1919 г. железно-дорожные воинские перевозки начали постепенно приобретать некоторую планомерность. Однако дефекты со стороны местного командования и войсковых частей все еще оставались в значительной мере неизжитыми: самочинный захват вагонов и паровозов, недогруз эшелонов, длительные простои поданного подвижного состава в ожидании погрузок и посадок, медленность этих последних и в особенности так называвшиеся в то время «частичные погрузки», производившиеся целыми сутками; медленность разгрузки и, наконец, неявка на посадку и погрузку—вот те обычные спутники воинских перевозок того времени, которые крайне отрицательно отражались как на производительности и правильности железно-дорожного транспорта в целом, так и на сроках самых перевозок: общая продолжительность этих последних, от времени отправки первого эшелона до выгрузки последнего эшелона, обычно растягивалась до весьма значительных размеров по сравнению с нормальным ходом перевозочных операций. Целый ряд мероприятий РВСР, направленных в течение 1919 г. к ликвидации всех этих явлений, имел своим практическим результатом достижение указанной выше сравнительной планомерности воинского движения на железных дорогах. На ряду с этим увеличивалась также и интенсивность работы железных дорог в военном отношении, в виду все более и более осложнявшейся стратегической обстановки: наступление на Москву добровольческой армии Деникина и выступление из пределов Эстонии армии Юденича на Петроград были наиболее опасными моментами этой обстановки, при еще незаконченной борьбе с Польшей, Эстонией,

Латвией, Финляндией, а также на Кавказе, в Туркестане, Сибири и на Северном фронте—в Архангельском районе.

1920 год, в общем, характеризуется дальнейшим упорядочением железно-дорожного воинского движения. В этой работе наблюдался дальнейший рост организованности и планомерности. Постепенное укрепление новых основ организации Красной армии и целый ряд новых организационных и других мероприятий центра были в числе главнейших причин, которые обусловливали эту планомерность военной работы железно-дорожного транспорта. Интенсивность воинских перевозок за этот год еще более увеличилась в связи с ростом Красной армии и крайне угрожающим положением на фронтах: Врангель на юге и Польша на западе и юго-западе стояли во всеоружии перед Советской Республикой и ее Красной армией и тем требовали с нашей стороны весьма усиленных воинских перевозок в указанных стратегических направлениях. Положительным показателем улучшения дела воинских перевозок, на ряду с планомерностью, служило и увеличение их средних скоростей.

Но на ряду с этими благоприятными данными на железных дорогах Советской Республики и в 1920 г. далеко не все обстояло благополучно: острые признаки топливного кризиса в начале и конце этого года и снежные заносы в зиму 1919—1920 гг. в корне расстраивали регулярную работу железных дорог; попрежнему сильно давал себя чувствовать значительный недохват паровозов и огромное количество подвижного состава, занятого войсками и учреждениями военведа и других ведомств. По тогдашним подсчетам, число таких вагонов доходило до 15.000 единиц, что в переводе на поезда 40-вагонного состава равнялось 375 поездам. Разгрузка воинских эшелонов производилась до крайности медленно, и огромное количество эшелонов продолжало, не выгружаясь, занимать подвижной состав. На одном Южном фронте число таких эшелонов доходило до 300.

Войска вели операции, главным образом, вдоль железных дорог, непосредственно опираясь на них, как на свои коммуникации, и включая их, благодаря наличию бронепоездов, в число боевых средств при столкновениях с противником. Отсюда гражданская война, особенно в своем начале, являлась «войной на колесах», «эшелонной войной».

При выявлении работы железных дорог за 1918 и 1919 гг. особо приходится говорить о работе дорог Туркестана.

Напряжение этих дорог (Ташкентской и Средне-Азиатской) за эти два года было максимальным. «Оренбургская пробка», положившая начало отрыву Туркестана от центра в 1918 г., продолжавшемуся с перерывами на короткое время (измерявшееся днями),

и, наконец, образование Закаспийского фронта с средины 1918 г. отрезали Туркестан почти на $1^1/_2$ года от остального Союза. В этот период дороги Туркестана проделали огромную работу. Условия Туркестана (безводье) повели к тому, что вся война велась на колесах: Оренбургский фронт имел постоянных 150—200 эшелонов, Закаспийский—160—180, Ферганский—100—120. Под всеми эшелонами—горячие паровозы. Ташкентские мастерские, имевшие огромную нагрузку по ремонту паровозов, переделке топок, так как оренбургские и кизил-арватские мастерские были в руках у противника, должны были заниматься еще вытачиванием 3-дюймовых стаканов, иметь снаряжательные мастерские, заниматься отливкой пуль, ремонтом орудий и пулеметов. На ряду с этой работой железных дорог, железнодорожники представляли из себя почти единственный кадр для формирования отрядов на все эти фронты. Актюбинский, Перовский, Туркестанский, Ташкентский, Чарджуйский железно-дорожные отряды вписали не одну славную страницу в историю гражданской борьбы. Обычным было явление, когда эти отряды, вооруженные берданками, имея по 25 патронов на человека, молча сидели под ураганным огнем казаков в ожидании атак противника, чтобы в рукопашном бою померяться силами с противником и перевооружиться за счет разбитого врага на 3-линейную винтовку и иметь запас патронов. Последние дни существования Оренбургского фронта дали в руки этим отрядам до 40.000 пленных казаков при составе самих отрядов в 2—3 тысячи человек. При этом, как указывалось выше, паровозы на этих фронтах отапливались саксаулом, хлопковым маслом и, наконец, рыбой, так как Закаспийский фронт отрезал Туркестан от бакинской нефти. В эту героическую борьбу много туркестанских железнодорожников погибло в боях. Очерченная работа дорог Туркестана ждет еще своего историка и должна послужить предметом особого труда.

Об общем количестве работы железных дорог по всем категориям указанных выше воинских перевозок за время гражданской войны можно судить по данным таблицы 7.

Кроме того, в 1920 г. 200 военно-санитарных поездов сделали 3.663 рейса, перевезя 731.299 чел. и пройдя 1.761.189 верст; с 1-го января по 1-е июня 1921 г. 175 санпоездов сделали 1.000 рейсов, перевезя 218.391 чел. и пройдя 603.069 верст.

Из этой таблицы видно: а) интенсивность воинских перевозок стала резко увеличиваться в 1919 г., достигнув наивысшего предела в 1920 г., когда производились усиленные перевозки войсковых частей и разного рода воинских грузов против Польши на Западный и Юго-Западный фронты и против Врангеля на Южный фронт (см. рост количества эшелонов); б) с расширением территории Советской Республики и ростом эксплоатационной длины ее

Таблица 7[1]

Воинские перевозки по железно-дорожной сети за 1918—1921 гг.

Года / Наименование данных	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	Примечание
1	2	3	4	5	6
а) Количество эшелонов людских и конских	5.787	10.299	17.582	6.917	Принимая в среднем погрузку людей в 50%, лошадей в 20% и тяжестью в 30% можно считать по пункту «а» перевезенными: В 1918 г.: Людей —3.402.200 ч., лошадей 370.368. В 1919 г.: Людей—6.179.405 ч., лошадей— 659.136. В 1920 г.: Людей 10.545.275 ч., лошад.—1.126.148. В 1921 г.: Людей—4.115.615 ч., лошадей— 412.688.
б) Количество грузовых эшелонов	1.150	2.106	3.123	2.676	
Всего эшелонов . .	6.937	12.405	21.005	9.593	
Всего за 4 года	49.940 эшелонов				
в) Среднее время нахождения эшелона в движении	3 суток	5 суток	6 суток	4 суток	
г) Средняя суточная скорость эшелона . .	250 верст	250 верст	250 верст	250 верст	
д) Средний пробег эшелона	750 верст	1.250 верст	1.500 верст	1.000 верст	
е) Общее количество израсходованных эшелоно-верст	10.405.500	18.607.500	31.507.500	14.389.500	
Всего за 4 года	74.910.000 эшелоно-верст				

[1] Составлена по материалам III Управления Штаба РККА (Упвосо РККА).

железно-дорожной сети (таблица 1) увеличивается и средний пробег воинских эшелонов. Уменьшение этого пробега в 1921 г. обусловливалось, главным образом, прекращением военных действий с Польшей и ликвидацией Врангеля, а затем и наступившей демобилизацией Красной армии; в) в непосредственной связи с увеличением среднего пробега эшелонов стоит и увеличение среднего времени нахождения эшелонов в пути. Что же касается общего срока переброски войсковых частей по железным дорогам, то, как это указано было выше, этот последний нередко значительно превышал первый: причины тому лежали вне железных дорог; г) о приблизительном количестве перевезенных людей и лошадей можно судить по цифрам в графе 6 таблицы 7.

Общая картина железно-дорожных перебросок, связанных с перегруппировкой вооруженных сил фронтов, показывает, что из общего количества всех сил Красной армии свыше 70% были перебрасываемы с одного фронта на другой от одного и до пяти раз. В процентном отношении число дивизий Красной армии, воевавших на разных фронтах, определялось так[1]:

На 1-м фронте — около	30%
На 2-х фронтах — около	52%
На 3-х фронтах — около	14,3%
На 4-х фронтах — около	2,6%
На 5-ти фронтах — около	2,6%

Число воинских эшелонов чисто оперативного значения, переброшенных по железным дорогам на разные фронты, видно из таблицы 8.

Таблицы 7 и 8 достойны особого изучения. Если проанализировать эту работу в сопоставлении с состоянием дорог и с тем упорным саботажем, который проводился, особенно в 1918 г., частью верхушечного кадра инженеров на транспорте, то мы увидим, что эта работа гораздо выше, чем работа русских дорог в мировую войну, и по своему напряжению не ниже, чем работа французских и немецких железных дорог.

Из этой таблицы усматривается, что наибольшее количество оперативных эшелонов было перевезено в указанный период на фронты—Западный, Юго-Западный и Южный. Эпизодическое выступление Юденича против Петрограда в октябре 1919 г. потребовало экстренной перéброски туда из центра и с Западного фронта 107 эшелонов.

Общее количество оперативных эшелонов, переброшенных по жел. дорогам за 16 месяцев указанного периода, равно 2.781,

[1] С. Варин — «Уроки гражданской войны» (журн. «Военная наука и революция», кн. II, 1921 г., стр. 10).

Таблица 8[1]

Число оперативных эшелонов, перевезенных по железным дорогам в период с августа 1919 г. по декабрь 1920 г.

Год	Месяцы	Фронты: Кавказ	Юго-Зап	Запад.	Петрогр.	Северн. 6 арм.	Южный	Всего перевезено эшелонов на все фронты
1	2	2	3	4	5	6	7	9
1919	Август	39 эшел.	—	—	—	—	—	
	Сентябрь	62 эшле.	64 эшел.	—	—	—	—	
	Октябрь	—	55 эшел.	85 эшел.	54 эшел	—	—	
	Ноябрь	124 эшел.	113 эшел.	—	53 эшел.	—	—	
	Декабрь	44 эшел.	—	14 эшел.	—	—	—	
	Итого	269 эшел.	232 эшел.	99 эшел.	107 эшел.	—		За 1919 г. 707 эшел.
1920	Январь	61 эшел.	108 эшел.	56 эшел.	—	—	—	
	Февраль	40 эшел.	—	—	—	17 эшел.		
	Март	—	49 эшел.	83 эшел.	—	—	—	
	Апрель	—	32 эшел.	203 эшел.	—	—	—	
	Май	—	95 эшел.	282 эшел.	—	—	—	
	Июнь	—	—	190 эшел.	—	—	—	
	Июль	32 эшел.	—	—	—	—	244 эшел.	
	Август	—	—	30 эшел.	—	—	35 эшел.	
	Сентябрь	24 эшел.	—	59 эшел.	—	—	262 эшел.	
	Октябрь	—	62 эшел.	—	—	—	45 эшел.	
	Ноябрь	—	65 эшел.	—	—	—	—	
	Декабрь	—	—	—	—	—	—	
	Итого	157 эшел.	411 эшел.	903 эшел.	—	17 эшел.	586 эшел	За 1920 г.—2.074 эшел.
	Всего за весь период (16 мес.)	426 эшел.	643 эшел	1.002 эшел.	107 эшел.	17 эшел	586 эшел.	2 781 эшел.

[1] Таблица 8 составлена по данным предшествующего источника, стр. 10.

что в среднем дает за 1 месяц 173,8 эшел., или за каждые сутки—5,8 эшел. Если принять во внимание указанное в предыдущем изложении техническое состояние железно-дорожного транспорта и то, что железные дороги должны были обслуживать и другие неотложные нужды Красной армии и всей страны в целом, то напряжение железных дорог при выполнении оперативных заданий главного военного командования станет, несомненно, огромным и весьма значительным по своей ценности в общей оперативной работе.

Кроме оперативных перебросок с одного фронта на другой, железные дороги выполняли периодически такую же работу и в пределах каждого фронта, по заданиям местного фронтового командования, и одновременно производилась текущая ежедневная работа по подвозу к армиям всего им необходимого и эвакуация. В числе нужд армии особое место занимала необходимость пополнения некомплекта войсковых частей и потребность в новых формированиях. Последнее обстоятельство вызывалось все более и более возраставшим общим напряжением вооруженной борьбы, увеличением численности Красной армии и расширением фронтов, на коих производились боевые операции. Перевозка этих укомплектований и новых формирований подавляющей своей частью ложилась опять-таки преимущественно на железные дороги. Задача по организации новых укомплектований, в виде отдельных войсковых единиц (баталионов, полков, бригад, дивизий и т. п.), была возложена на запасные армии, из коих центральная—запасная армия в Казанском районе—в этом вопросе сыграла наиболее мощную роль: на наиболее боевые фронты она дала до 40%, а в общем для всех фронтов—34% пополнений. О количестве войсковых единиц, сформированных этой запасной армией и отправленных ею на фронты, главным образом, по железным дорогам, можно судить по следующим цифровым данным[1]: а) пехоты: стрелк. дивизий—1, стрелк. бригад—26, стрелк. полков—3, баталионов—203, команд—2 и пулеметных команд—12; б) кавалерии: дивизий—2, бригад—4, полков—12, эскадронов—53; в) артиллерии: артиллер. дивизионов—20, артиллер. батарей—15; г) инженерных войск: саперных рот—1 и понтонных баталион.—1; всего 353 строевых единицы различных наименований и 2 команды.

Наибольшее количество этих войсковых единиц в период с июля 1919 г. по декабрь 1920 г. было отправлено на Западный и Юго-Западный фронты, затем на Южный и Кавказский (Юго-Восточный).

Роль железных дорог в деле ведения войны наиболее ярко и выпукло выявляется в ее критические моменты. Экстренная переброска французских корпусов (18-го и 9-го) с правого фланга

---

[1] С. Варин—«Уроки гражданской войны».

на левый в августе и «бег к морю» частей французской армии, с целью удлинить свой левый фланг,—эти моменты были «критическими» для французов в первый период мировой войны,—но в эти критические моменты французские железные дороги спасли французскую армию если не от полной катастрофы, то во всяком случае от весьма тяжкого стратегического поражения. Из мировой войны подобных примеров можно было бы привести немало, но наша задача—не выходить из рамок гражданской войны.

Рассматривая наиболее критические моменты борьбы Красной армии с окружавшими ее со всех сторон врагами, нельзя не заметить, что и здесь роль железных дорог в наиболее напряженные моменты этой борьбы сказывалась весьма ощутительно в том или другом, положительном или отрицательном смысле. Остановимся вкратце на некоторых из этих исторических моментов.

1. Перевозки против армии Юденича на Петроград (октябрь 1919 г.). Армия Юденича была организована и развернута в пределах Эстонии. Во второй половине сентября 1919 г. стали обнаруживаться признаки начала мирных переговоров между Эстонией и Советской Республикой. С конца сентября по 10-е октября в Сев.-Западном районе Западного фронта боевые действия почти совершенно замирают. Здесь устанавливается обманчивое затишье. Юденич пользуется этим затишьем, и в результате в 7 ч. утра 11-го октября в районе Ямбурга его артиллерия открывает ураганный огонь по участку 2-го батальона 46-го стрелкового полка. Это было началом внезапного и весьма энергичного наступления Юденича на Петроград против нашей действовавшей здесь 7-й армии. Наступление это производилось силами частей русских белогвардейцев при участии эстонских полков. Силы сторон были не равны; численный перевес при начале операции был на стороне Юденича. Наша 7-я армия численно была гораздо слабее не только всей армии противника, но даже слабее и его 1-го корпуса, действовавшего на операционном направлении Нарва—Ямбург—Петроград. Всего на фронте от Копорского залива до района гор. Острова (южнее Пскова) Юденич располагал 28.000 штыков и 2.000 сабель, сведенными в 2 корпуса: 1-й корпус (левофланговый) базировался на Нарву и имел в своем составе 15.000 штыков и 500 сабель; 2-й корпус (правофланговый) базировался на Гдов и насчитывал к 1-му октября 10.000 штыков и 1.500 сабель. Наша 7-я армия, на которой лежала оборона подступов к Петрограду, перед началом операции состояла из 4-х стрелковых дивизий (6-й, 2-й, 19-й и 10-й). По общей своей численности эта армия не превышала сил 1-го корпуса Юденича [1].

---

[1] «Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 г.», гл. I, стр. 5, Гиз, 1921 г.

П л а н Юденича сводился к следующему: сосредоточив две ударных группы –одну на Ямбургском направлении, а другую на Лужском, прорвать в двух пунктах фронт 7-й армии и быстрым движением на восток п е р е р е з а т ь в с е ж е л е з н ы е д о р о г и, с о е д и н я ю щ и е П е т р о г р а д с о в с е м и г о р о д а м и С о в е т с к о й Р е с п у б л и к и, и т а к и м м а н е в р о м п р и н у д и т ь б ы в ш у ю с т о л и ц у Р о с с и и в м е с т е с е е з а щ и т н и к а м и и з а п а с а м и капитулировать перед добровольческой северо-западной армией.

План требовал в н е з а п н о с т и и б ы с т р о т ы исполнения. То и другое было выполнено, и части 7-й армии в результате ряда беспорядочных боев к 18-му октября отошли на пулковские позиции... Наступил критический момент операции: дальше отступать уже было нельзя... 21-го октября Юденич намеревался овладеть Пулковскими высотами—тактическим ключом петроградской оборонительной позиции, отсюда открыть артиллерийский огонь по южной окраине города, Путиловскому и Обуховскому заводам, а затем со стороны Московской заставы вступить в Красную столицу... Но этому не суждено было осуществиться: наши ж е л е з н ы е д о р о г и заняли весьма почетное место среди тех причин стратегического и политического порядка, которые так неожиданно для Ю д е н и ч а повернули колесо операции в катастрофическую для него сторону. У д а р н а я г р у п п а, организованная в районах К о л п и н о и Т о с н о, сыграла немаловажную роль в переломе операции, а эта ударная группа была образована из свежих войсковых частей п у т е м п е р е б р о с к и т а к о в ы х и з м о с к о в с к о г о в о е н н о г о о к р у г а и с З а п а д н о г о ф р о н т а п о ж е л е з н ы м д о р о г а м. В состав этой группы первоначально вошли переброшенные по железным дорогам — 3-я бригада 21-й стрелковой дивизии из Тулы и бригады курсантов из Москвы. Затем сюда же перебрасывались: кавалерийский полк 21-й стрелковой дивизии из Т у л ы, 2 баталиона железно-дорожной охраны и одна батарея Чрезвычайной Комиссии из М о с к в ы, 2 баталиона той же Комиссии из Н о в г о р о д а и Т в е р и, Башкирский полк из Н о в г о р о д а - С е в е р с к а. В с е г о перечисленные части составляли 7.000 ш т ы к о в, 470 с а б е л ь и 12 о р у д и й[1]. Кроме того, приказом г л а в к о м а в состав ударной группы были включены еще и следующие части: 2-я бригада 2-й стрелковой дивизии, 5-й Латышский стрелковый полк, отряд внутренней обороны и бронепоезда. На у д а р н у ю г р у п п у возлагалась задача— ударом во фланг и охватом правого фланга 1-го корпуса Ю д е н и ч а, зарвавшегося в своем успехе далеко к востоку, решить сражение под Петроградом в пользу красных его защитников. Эта задача,

---

[1] «Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 г»., стр. 25

как известно, совместными усилиями 7-й и 15-й армий, при мощном участии в боях частей ударной группы, в последующем ходе событий была выполнена самым блестящим образом: Юденич был разбит, и вся его армия была окончательно ликвидирована.

Оценивая Петроградскую операцию, автор книги «Доблестная защита Петрограда» говорит так об одном весьма крупном просчете Юденича: «Юденич не ожидал, что, несмотря на разруху транспорта, полевой штаб РВСР сумеет к нужному моменту перебросить к Петрограду такое количество свежих войск, что численный перевес окажется на стороне Красной армии. Перевозка частей из Тулы, Смоленска, Новгорода-Северска, Москвы, Твери и Новгорода была произведена с исключительной быстротой (курсив *И. Н.*), и к 20-му октября, т.-е. на 9-й день операции, в районах Колпино и Тосно была сконцентрирована довольно сильная ударная группа из прибывших частей. Между тем Бермондт не мог послать Юденичу ни одного солдата, Финляндия воздержалась от войны, и перевес стал на стороне Красной армии, несмотря на те потери, которые она несла в боях под Пулковом, у Детского Села, Павловска, Красного Села и в районе Гатчины» (стр. 89).

Судить об «исключительной быстроте» указанных здесь железно-дорожных перебросок, при очерченной выше разрухе нашего транспорта, можно по следующим примерам: а) перевозки из Москвы курсантов и коммунистических отрядов производились по быв. Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги со средней суточной скоростью 500 верст; б) переброска с Западного фронта 45-й стрелковой дивизии была произведена 34 эшелонами со средней суточной скоростью для отдельных эшелонов до 500 верст, а для всей дивизии в среднем—до 400 верст. В обоих случаях средняя коммерческая (воинская) скорость доходила до 20 с лишком верст (в 1 час), что является пределом этой скорости даже при нормальном состоянии железных дорог (1914 г.).

2. Перевозки против Деникина (осень 1919 г.). Наступление Деникина в 1919 г. на Москву, овладение им всем югом Советской Республики и выход частей его добровольческой армии и донских казаков на линию Орел—Елец—Тамбов создали весьма грозное положение для нашей Красной армии и самого существования нового государственного строя России: во весь рост стал вопрос: «быть или не быть» завоеваниям Октября?.. Положение усугублялось еще тем, что в это время Советская Республика находилась в полном «стратегическом окружении». Москва готовилась к последнему решительному бою: критический момент стал обнаруживаться во всем своем роковом значении. Но на выручку пришли железные дороги, и положение было спасено. В самом

экстренном порядке по железным дорогам из пределов Петроградского района под Брянск были переброшены: Латышская дивизия (около 90 эшелонов), Эстонская бригада, 1-й полк коммунаров и 45-я стрелковая дивизия. Перевозки производились при заданной суточной скорости в 600 верст (25 верст в 1 час) и при максимальном использовании провозной способности железных дорог. Потоки перевозимых войск стремительно текли по маршрутам: 45-й стрелк. дивизии—Петроград—Москва—Брянск и для прочих частей—по железным дорогам Западного фронта в двух направлениях через Витебск: а) Витебск—Смоленск—Брянск, б) Витебск—Орша—Жлобин—Гомель—Брянск. В районе Брянска сосредоточилась свежая и мощная ударная группа; она энергично перешла в решительное контр-наступление, и грозные волны добровольческой армии беспорядочно покатились от Орла и других пунктов вспять к берегам Черного моря... Так разрешился столь критический момент в широко задуманной Деникиным операции, и в этом кризисе решительную роль сыграли железные дороги.

3. В 1920 г. на советско-польский театр было переброшено по железным дорогам: на Западный фронт—903 и на Юго-Западный—411 оперативных эшелонов; из них на Западный фронт—к началу его июльского наступления—было перевезено 814 эшелонов (таблица 8). Железные дороги дали возможность красным армиям Западного фронта покрыть пространство от берегов Западной Двины и Березины до Вислы, свыше 600 верст, в течение всего 40 с небольшим дней, и это с боями и победами... С другой стороны, те же железные дороги были в числе многих других причин, заставивших наши красные армии Западного фронта откатиться обратно к востоку: неожиданный натиск ударной группы Пилсудского с юга из-за р. Вепрж на левый фланг нашего стратегического фронта (против Мозырской группы и 16-й армии) и удар его по нашим железнодорожным сообщениям решили не в нашу пользу конечную участь столь также широко задуманной операции. «Кампания 1920 г. вновь показала всю эфемерность успехов армии, не опирающейся на надежные железнодорожные сообщения с тылом» [1].

4. Ликвидация Врангеля (1920 г.). Нанесение решительного удара самому непримиримому врагу советской власти потребовало в конечном счете значительного сосредоточения против Врангеля вооруженных сил. Накапливание этих сил было возможно только при помощи железных дорог: оно производилось, главным образом, все тем же путем перебросок по железным дорогам

[1] А. Свечин — «Стратегия», стр. 228, Гвиз, 1926.

войсковых частей с других фронтов и из Запасной армии (Казань). С июля по октябрь включительно 1920 г. на Южный фронт по железным дорогам было переброшено 586 одних только оперативных эшелонов (таблица 8). После заключения прелиминарного договора с Польшей о перемирии—1-го октября 1920 г., против Врангеля были срочно направлены по железным дорогам значительные части пехоты и конницы с Западного и Юго-Западного фронтов. В конечном счете на Крымском направлении было сосредоточено 5 армий (6-я, 4-я и 13-я, 1-я и 2-я конные) силой до 14 пехотных и 12 кавалерийских дивизий[1]. Получился, таким образом, кулак, который в октябре—ноябре 1920 г., несмотря на яростное сопротивление армии Врангеля, окончательно отбросил его с территории Советской Республики... В достижении этого боевого результата весьма почетное место должно быть отведено и нашим железным дорогам.

Если ко всему этому добавить, что борьба Красной армии в Сибири, Туркестане и на Кавказском фронте велась при мощном использовании ею железных дорог, как своих питательных артерий и как боевого средства (бронепоезда), то станет очевидной огромная стратегическая роль наших железных дорог.

IV

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫМИ ДОРОГАМИ В ВОЕННОМ ОТНОШЕНИИ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ ВОЕННЫХ СООБЩЕНИЙ и НКПС

ОПЫТ 1920 г. В ВОЙНУ С ПОЛЬШЕЙ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Говоря о роли и работе железных дорог периода гражданской войны, нельзя не остановиться еще и на некоторых других моментах, весьма существенных не только по своему прошлому, но и по своему будущему значению. Сюда в первую очередь должны быть отнесены вопросы организационного порядка. Система управления железными дорогами в военном отношении и ее увязка с работой НКПС среди этих организационных вопросов занимает первенствующее место. Вместе с тем существенно важную роль в период гражданской войны играли такие факторы, как увязка железнодорожного подвоза с подвозом по грунтовым путям и отношения к железнодорожному транспорту войскового командования и войск. Наконец, необходимо также отметить в интересах будущего и те уроки-выводы, которые оставил нам исторический опыт за время гражданской войны в деле использования железных дорог со стратегическими и оперативными целями.

---

[1] «Отчет об операциях Красной армии за период с 1/XII 1919 г. по 25 XI 1920 г.», стр. 47.

Система управления железными дорогами и прочими путями сообщения в военном отношении после октября 1917 г. складывалась постепенно через коренную перестройку старой схемы этой отрасли службы военведа, в полном соответствии с новым государственным строем и новой организацией вооруженных сил. После целого ряда радикальных изменений, дополнений и периодических реконструкций, эта система в 1920 г. приняла, наконец, достаточно определенную организационную структуру.

С учреждением 2-го сентября 1918 г. Революционного Военного Совета Республики (РВСР), были объединены административные и оперативные функции по управлению всеми вооруженными силами нашей страны и созданы высшие оперативные органы: главно-командующий всеми вооруженными силами Республики (главком) и Полевой штаб РВСР. Вместе с тем тогда же были учреждены рев. воен. советы фронтов с соответствующими при них полевыми управлениями. Полевой штаб РВСР являлся исполнительным органом главкома по всем вопросам, касающимся руководства военными операциями, и в частности по руководству деятельностью органов военных сообщений РККА через состоявшее при нем Центральное Управление Военных Сообщений (Цупвосо). В состав Полевого штаба входили разных специальных служб инспектора, служившие связью между ним и фронтами. В отношении путей сообщения такие инспекторские функции были законом предоставлены начальнику Цупвосо, с званием главного инспектора путей сообщения Республики.

С нарастанием напряженности гражданской войны и непрерывно увеличивающимися при этом все новыми и новыми усилиями страны, стала во весь рост необходимость создания особого высшего руководящего государственного органа, который бы объединял и регулировал работу разнообразных ведомств как на боевом, так и на трудовом фронте. В результате — в схеме высшего центрального управления Совета Республики был учрежден Совет труда и обороны (СТО) (декрет ВЦИК'а 30-го ноября 1918 г.), под председательством председателя Совнаркома. В состав СТО в качестве членов входили и председатель РВСР и Наркомпути. СТО являлся органом, объединявшим деятельность всех ведомств, работавших на оборону страны в продовольственном, транспортном и военно-промышленном деле.

В частности, для той же цели объединения деятельности и регулировки собственно транспортных средств страны при Совнаркоме был учрежден Высший совет по железнодорожным перевозкам (ВСП). Постановления этого Совета, в отношении железнодорожного и прочего транспорта, утверждались СТО.

Цупвосо, являясь высшим органом военведа в деле организации, руководства и контроля воинских перевозок по всей дорожной сети страны, в исполнении всех требований военного командования на разного рода воинские перевозки, работало в центре совместно с НКПС, а на местах — через свои местные и линейные органы, которые в свою очередь проводили в жизнь задания военведа через соответствующие местные и линейные органы железных дорог и водных путей сообщения.

Во главе Цупвосо стояли главный начальник военных сообщений Республики (ЗР) и военный комиссар; последний в своей деятельности руководствовался «Положением» о военных комиссарах. Все распоряжения ЗР по службе военных сообщений исходили за двойной подписью названных лиц. Этот порядок был общим и для всех подведомственных Цупвосо органов. При ЗР состояли: 1) Инспекция путей сообщения, 2) Техническое совещание, 3) Юрисконсультская часть и 4) персонал для поручений. При Цупвосо функционировало и Главное эвакуационное бюро по вопросам эвакуации с фронтов больных и раненых при помощи санитарных поездов. В соответствии с возлагавшимися на Цупвосо специальными задачами, оно состояло из 6 отделов: 1) общего, 2) по устройству и службе тыла, 3) военно-эксплоатационного, 4) мобилизационно-технического, 5) железно-дорожных войск и 6) контроля воинских перевозок. Военно-эксплоатационный отдел Цупвосо являлся главным техническим организатором, регулятором и контролером всякого рода воинских перевозок на всей сети железных дорог и водных путях Республики. Начальник этого отдела (ЗРЭ) собирал и учитывал все данные о пропускной и провозной способности железных дорог и водных линий, технически обрабатывал задания и заявки на воинские перевозки, составлял на них планы, согласовывал их с НКПС и после того давал за подписью ЗР и ЗРЭ местным и линейным органам ВОСО соответствующие наряды. Военно-эксплоатационный отдел вел также особый учет воинским перевозкам, имевшим оперативное значение: в нем ежедневно, на основании получаемых по прямым проводам сведений, составлялся особый так наз. диспетчерский доклад (со схемой), из которого можно было видеть как положение каждого воинского эшелона на железнодорожной сети по состоянию на 18 час. отчетных суток, так и причины задержек эшелонов в пути.

Местными исполнительными органами Цупвосо в деле воинских перевозок являлись: 1) на внутренней территории Республики — Начвосо Московского военного округа (ЗГМ — ЗОМ), 2) на фронтах — Начвосо фронтов и армий (ЗФ и ЗА), 3) на линиях железных дорог — линейные органы: а) заведывающие передвижением войск (в 1918 г. — военные представители на

железных дорогах, переименованные в 1920 г. в военных помощников начальников железных дорог (З—ЗНП) и б) подчиненные им коменданты железнодорожных участков (ЗКУ) и коменданты станций (ЗК), подчиненные ЗКУ. К линейным органам Восо на железных дорогах относились и заведывающие военно-железнодорожными продовольственными пунктами (ЗХ), в задачи коих входило довольствие горячей пищей или снабжение сухим пайком и фуражом передвигавшихся по железным дорогам воинских нештатных команд одиночно следующих, а иногда и эшелонов штатных частей.

Организационная структура Упвосо фронта в общем была соответственна структуре Цупвосо, а Начвосо фронта (ЗФ) являлся ответственным лицом за все дело воинских перевозок по железным дорогам в пределах своего фронта. ЗФ в оперативном отношении и в общем порядке службы непосредственно подчинялся начальнику штаба фронта, оставаясь в то же время по специальной службе ВОСО в непосредственном подчинении ЗР. Должности Начвосо армий (ЗА) впервые были учреждены в 1919 г. и окончательное свое оформление получили в 1920 г. Общий характер гражданской войны, по преимуществу «войны на колесах», потребовал учреждения при армиях особых органов Восо, как специальных посредников между войсками и железными дорогами. Этого же требовала и назревшая необходимость правильной организации в армиях этапно-транспортной службы. Подобно ЗФ, ЗА состоял в двойственном подчинении: по специальной службе — непосредственно ЗФ, а в оперативном отношении и общем порядке службе — начальнику штаба армии, — при этом под «оперативным» подчинением ЗФ и ЗА разумелась обязанность их выполнять оперативные задания полевого командования на разного рода воинские перевозки и по организации тыла в части службы военных сообщений (этапно-транспортная служба).

Порядок воинских перевозок и взаимоотношения органов Восо с НКПС и его местными и линейными органами в период гражданской войны базировались на принципе согласования работы военного и путейского ведомств: ЗР получал задания на воинские перевозки от Полевого штаба; военно-эксплоатационный отдел Цупвосо технически их обрабатывал и согласовывал с НКПС, в составе коего имелся особый эксплоатационный орган по воинским перевозкам (цэв) являвшийся „частью эксплоатац. отдела Центрального Управления железнодорожного транспорта (Цужел). Цэв в своей деятельности руководствовался постановлениями состоявшего при НКПС Центрального Комитета по перевозкам (цкп). К предметам ведения этого последнего относились: планомерное использование провозоспособности железных дорог и прочих путей сообщения, согласование и утверждение планов

перевозок, наблюдение за их исполнением и, наконец, руководство местными регулирующими перевозки органами НКПС. В ЦКП входили представители разных ведомств, в том числе и Цупвосо. В свою очередь ЦКП в своей деятельности руководствовался теми регулировочными нормами по перевозкам, которые устанавливались ВСП и окончательно утверждались СТО. Перевозочные нормы устанавливались для каждой железнодорожной линии в суточном числе пар поездов на каждый предстоящий месяц. Такая нормировка движения объявлялась к исполнению особым циркулярным распоряжениям центра. По причинам топливного кризиса и всеобщего расстройства железнодорожного транспорта, нормы эти в общем имели тенденцию не к повышению, а к снижению. Предоставленные военведу нормы движения распределялись Цупвосо между местными и линейными его органами. Каждый из этих последних в пределах подведомственных ему железно-дорожных линий и предоставленных норм в дальнейшем имел право собственным распоряжением выполнять предъявляемые ему на местах воинские перевозки.

На согласованные таким путем воинские перевозки Цупвосо давало затем, для их выполнения, наряды местным и линейным органам восо и НКПС: 1) или за обоюдными подписями соответствующих ответственных лиц обоих ведомств, 2) или же наряды эти передавались особо, каждым ведомством по своей специальной линии. В нарядах указывались все необходимые данные для исполнения перевозки, как со стороны железных дорог, так и войск.

Помимо нарядов, из Цупвосо исходили также и задания на воинские перевозки, адресуемые подлежащим Начвосо фронтов (отдельных армий), ЗОМ и ЗНП. Одновременно с разработкой и выполнением заданий Полевого штаба, органам Восо вменялось в обязанность осуществлять на местах перевозки также и по заявкам (требованиям) войсковых частей и учреждений военведа. По подтверждении необходимости подобных перевозок со стороны оперативного отдела штаба фронта или армии, они выполнялись по нарядам, даваемым соответствующими органами Восо в пределах предоставленных им перевозочных норм. Если же размер перевозки не укладывался в эти последние, то она производилась по нарядам последующих высших органов Восо до Цупвосо включительно.

При организации воинских перевозок на местах происходил совершенно аналогичный процесс предварительного согласования их между органами Восо и НКПС: во внутреннем—Московском — военном округе ЗОМ согласовывал воинские перевозки по поступившим к нему заданиям и требованиям с Московским окружным комитетом по перевозкам (ОКП), на фронтах — соответствующий ЗФ согласовывал их с состоявшим при

Упвосо фронта отделом путей сообщения (ОПС) — местным органом НКПС. Начальник ОПС'а (НОТ) подписывал вместе с ЗФ и соответствующими комиссарами согласованные между ними наряды, после чего они передавались на линии железных дорог к исполнению.

В отношении железнодорожных перевозок Начвосо армии (ЗА) являлся по преимуществу только лишь техническим посредником между штабом армии и Начвосо фронта. ЗА технически обрабатывал задания штаба армии и обычно представлял их с соответствующими данными Начвосо фронта для составления плана перевозки и дачи им соответствующего наряда. При ЗА никаких органов НКПС не состояло, и потому согласование на перевозки как в пределах района армии, так и вне его производилось в Упвосо фронта и состоявшем при нем ОПС'е. На некоторых фронтах, однако, Начвосо армии предоставлялась определенная норма перевозок (напр., до 1 эшелона в сутки на Западном фронте), в пределах которой он в районе своей армии мог давать наряды на перевозки собственным распоряжением. В соответствии с таким положением, Начвосо армии в отношении местных железнодорожных комендантов и заведывающих железнодорожными продпунктами пользовался только лишь правом контроля, но никаких распорядительных прав в отношении их ему не было предоставлено.

Кстати, несколько слов о тех особенностях, которые в период гражданской войны были присущи перевозкам разного рода воинских грузов. Беспорядочное движение этих грузов, наблюдавшееся в течение 1918 г., стало постепенно приобретать организованные формы с выходом приказов РВСР 1920 г.: 4-го января № 23 — о транспортных начальниках и конвоирах и 15-го февраля № 333 — основной приказ о порядке исполнения грузовых воинских перевозок. В результате требований последнего приказа, довольствующие управления были обязаны представлять в Цупвосо заблаговременно планы снабжения, в виде месячной потребности грузовых перевозок с указанием пунктов погрузок и направления движения грузов. Составленные ведомствами планы ежемесячно рассматривались в ЦКП при НКПС, с участием представителя от Цупвосо. ЦКП распределял перевозочные нормы по ведомствам и железным дорогам, — при чем требования военведа удовлетворялись в первую очередь и по возможности полностью. Дальнейшими шагами в деле упорядочения грузового движения по железным дорогам были различные мероприятия по борьбе с «экстренными» и «встречными» перевозками однородных грузов, а также и введение, в целях бесперебойного подвоза к армиям снабжения, особых маршрутных поездов.

Эти последние двигались со скоростью до 300 верст в сутки, т.-е. со средней коммерческой скоростью до 12.5 вер. в час. «Экстренные», т.-е. внеплановые, перевозки составляли весьма большое зло, так как, благодаря им, перегруз по нормам военведа был общим явлением до конца гражданской войны. Перегруз этот обычно компенсировался за счет недогруза по плановой норме других ведомств.

В деле грузовых перевозок во время гражданской войны наблюдалось и еще одно явление, которое вносило в него тоже не малую путаницу. В напряженной атмосфере нового строительства органы снабжения пришли к мысли о необходимости создания своих особых ведомственных транспортных органов. В результате этой мысли возникли особые транспортные отделы при довольствующих управлениях и при самом Центральном Управлении Снабжений (ЦУС). Транспортный отдел ЦУС'а (ТОЦУС), постепенно расширяясь, в 1920 г. превратился в конце концов в целое Управление военно-грузового транспорта (УВГТ) с весьма солидным штатом. Функции этого Управления и его местных органов во многом совпадали с функциями Цупвосо и Упвосо фронтов (округов) и армий. Отсюда неизбежно получался крайне вредный параллелизм в работе Восо и службы снабжения.

Далее, в организационной системе, касавшейся железных дорог периода гражданской войны, надлежит остановиться еще и на порядке эвакуации, которая первоначально носила крайне беспорядочный и стихийный характер. Первым шагом придать операциям этого рода организационные формы послужило утверждение в первой половине 1919 г. списка районов, подлежавших эвакуации или требовавших подготовки к ней. В июне того же года СТО утвердил таблицу срочности эвакуации военных, продовольственных и промышленных грузов. Эти два документа легли в основу всей последующей деятельности по эвакуации учреждений и разного рода грузов общегосударственного значения. В общем и целом эвакуацией последнего ведал транспортно-материальный отдел (Трамот) ВСНХ. Однако на фронтах органам Восо в этом деле приходилось принимать самое деятельное и непосредственное участие, имея, в качестве членов, своих ответственных представителей в контрольно-разгрузочных комиссиях — местных органах Трамота.

В тесной связи с эвакуацией разного рода грузов шла чрезвычайно интенсивная работа органов Восо и по разгрузке железнодорожных узлов от простаивавшего в них подвижного состава с воинским грузом. Для объединения и руководства деятельностью различных служб военведа по разгрузке названных узлов и эвакуации собственно воинских грузов, в 1919 г. были учреждены

особые ответственные органы Восо — заведывающие разгрузкой узлов (Зур'ы), находившиеся в ведении Начвосо фронта и армий.

В сфере санитарной эвакуации работа железных дорог принимала организационные формы тоже постепенно. 1920 г. являлся весьма значительным этапом на пути улучшения этой существенной отрасли военного дела. Приказом РВСР от 10-го марта этого года № 377 была учреждена при Главсанупре особая комиссия, с участием представителя от Цупвосо, для пересмотра всех изданных за 2 года существования Красной армии инструкций и распоряжений, касавшихся правил и порядка эвакуации больных и раненых. В результате работ этой комиссии по службе Восо были выработаны новые инструкции: 1) Начвосо фронтов (округов, отдельных армий), 2) ЗНП и 3) комендантам железнодорожных станций. Объявленные при приказе РВСР от 5-го мая 1920 г. № 735, названные инструкции вполне определенно устанавливали общий порядок заведывания движением санпоездов по жел.-дор. сети Республики и тем вносили огромную долю улучшения в общую работу нашего железнодорожного транспорта. По смыслу названных инструкций, все вопросы, касавшиеся формирования, учета, движения, ремонта и расформирования санпоездов, сосредоточивались в Цупвосо, которое и разрешало их по согласовании с НКПС. При Цупвосо состоял и центральный военно-эвакуационный орган — Главэвакбюро, где периодически происходили междуведомственные совещания по вопросам эвакуации. В соответствии с требованиями фронтов и постановлениями Главэвакбюро, Цупвосо переодически распределяло санпоезда по фронтам, выделяя при этом необходимое число их для района «внутренней эвакуации». Начвосо фронта являлся «главным руководителем всего санитарно-поездного дела во вверенном ему районе в отношении общего распоряжения железнодорожного движения и наблюдения за техническим выполнением заданий и маршрутов движения на фронтах санпоездов». Учет, распределение по железным дорогам, стоянки и движение санпоездов определялись Начвосо фронта, по согласовании в соответствующих случаях с Санупром фронта и Опс'ом. Все распоряжения по перевозке раненых, больных и санитарных грузов поступали к Начвосо от Начальника санитарной части фронта через эвакбюро, состоявшие при Упвосо фронта. Фронтовые санпоезда назначались для перевозки больных и раненых в пределах фронта до распределителей-заградителей, а дальнейшее рассеивание их производилось санпоездами, приписанными к району «внутренней эвакуации». О работе санпоездов можно примерно судить по отчетным данным Цупвосо за 1920 г.: всего за этот

год 200 санпоездов совершили 3.663 рейса, коими было перевезено по железнодорожной сети Республики 731.229 больных и раненых.

В кратких словах упомянем еще об одном организационном вопросе. В условиях гражданской войны работа железных дорог настойчиво требовала обеспечения их безопасности: отсюда возникла у нас особая категория войск о х р а н ы и о б о р о н ы железных дорог. Сведенные в особые полки и бригады, они несли свою службу по «линейному» принципу, т.-е. каждый полк обслуживал одну определенную железнодорожную линию или ее участок. В своей деятельности эти войска руководствовались особо изданной для сего в 1919 г. «Инструкцией по обороне и охране железных дорог». В отношении органов Восо войска эти находились только в «оперативном» подчинении. На фронтах Начальник обороны железных дорог (Начобдор) подчинялся Начвосо фронта. Вообще же в системе управления этими войсками наблюдались большая неопределенность, колебания и отсутствие твердых организационных начал. Достаточно указать, например, на то обстоятельство, что в 1920 г. в самый разгар летних операций Западного фронта Начобдор этого фронта переходил в подчинение то Наштазапу,то Начвосозапу, то Центру.

В заключение остановимся на некоторых явлениях, касающихся роли и работы железных дорог в наиболее показательный в этом отношении исторический период гражданской войны, а именно в летнюю кампанию Западного фронта против Польши в 1920 г. Опыт этой кампании оставил нам в различных вопросах не мало весьма поучительных уроков, как в положительном, так и отрицательном смысле. В отношении железных дорог мы вкратце отметим здесь эти наиболее существенные уроки:

1) В работе г о л о в н ы х у ч а с т к о в железных дорог Западного фронта не было должной у в я з к и с работой гужевого транспорта по грунтовым дорогам. Этот последний работал вне какого-либо плана и учета подвоза всякого рода снабжения по железным дорогам. Военные, а также и обывательские транспорты, широко применявшиеся на Западном фронте, как и вообще на всех остальных фронтах в гражданскую войну, были в весьма значительном некомплекте и недостаточно работоспособны; организация обывательских транспортов к тому же носила в себе не малое количество весьма существенных дефектов. Вследствие этого операции по разгрузке железнодорожных станций г о л о в н ы х участков происходили крайне нерегулярно и с большими задержками. С другой стороны — органы снабжения фронта отправляли грузы вслед за быстро наступавшими к Висле армиями не целыми маршрутными поездами, а отдельными вагонами, которые застревали в узловых и промежуточных станциях, в ожидании возможности дальнейшего продвижения

по восстанавливаемым нами участкам разрушаемых поляками при их отходе железных дорог. Количество таких отправок было весьма значительно. Последнее обстоятельство вело к простою на головных участках железных дорог вагонов с продгрузами и там в свою очередь сильно содействовало забивке железнодорожных узлов и промежуточных станций, срывая вместе с тем правильное движение оперативных эшелонов на железнодорожной сети фронта в целом. Это болезненное явление вызывало целый ряд мероприятий со стороны Упвосо Западн. фронта, из коих наиболее существенными были: требование отправлять продгрузы в определенный адрес маршрутными или сборными поездами, а при невозможности этого — учреждение в узлах потоков продгрузов особых административных аппаратов, учетно-контрольных пунктов снабжения, с возложением на них учета и регулировки движения по железным дорогам продгрузов (телеграмма ЗФЗап 1920 г.: 1) 10/VIII — № 5743/оп. и 2) 13/VIII — № 5785/оп.). При таких условиях, естественно, получался разрыв между подвозом по железным дорогам и подвозом к войскам по грунтовым путям. Разрыв этот рос по мере наступления наших армий к Висле (к тому же весьма быстрого) и на линии Белосток — Брест он достиг своего крайнего предела.

Таким образом, на этой почве возникла проблема, весьма существенная для будущего: необходимость объединения работы головных участков железных дорог и грунтовых путей сообщения. На этой же почве, несомненно, зародилась впоследствии и самая идея — конкретизировать это объединение в особой организационной форме в виде Начальника военной дороги (Начвоендор), включив в его ведение и работу головного участка железной дороги, и работу армейских транспортов на грунтовых путях.

2) На работу железных дорог Западного фронта огромное влияние оказывало также совершенное ненормальное отношение к железнодорожному транспорту полевого командования и прибывавших сюда с востока и юга войск. Со стороны первого наблюдались постоянные требования на «экстренные» перевозки, которые выполнялись все же в счет перевозочных норм, и отсутствие какого-либо плана предстоящих перевозок; со стороны вторых — захват эшелонами на головных участках горячих паровозов, значительные задержки в выгрузке и даже совершенное неосвобождение подвижного состава, — и все это нередко с вооруженной угрозой по адресу железнодорожных агентов. Кругооборот порожняка при таких условиях носил совершенно случайный характер. Вообще многие войсковые начальники смотрели на железную дорогу, как на извозчика, обязанного вести во чтобы то ни стало, а не как на орудие стратегии и... тактики.

3) Забивка железнодорожных узлов была в гражданскую войну вообще повсеместным явлением. На Западном фронте причинами этой забивки, помимо большого числа больных вагонов, служили: а) широко применявшийся способ адресования снабженческих грузов в адрес войсковых частей, находившихся в боевой обстановке, а не в адрес головных продмагов; б) грузовые эшелоны, прибывавшие на фронт с дорог глубокого тыла, не всегда были с полной нагрузкой вагонов, — это обстоятельство часто вызывало перегрузку их на узловых станциях и их излишний простой на них; в) вся работа по разгрузке вагонов с воинскими грузами производилась исключительно 18 рабочими ротами, сведенными в 3 рабочих баталиона, находившихся в распоряжение Упвосо Зап'а — сил этих было совершенно недостаточно. Отсюда — необходимость учесть этот факт для будущего; г) наконец, огромное количество различных подвижных учреждений на колесах, располагавшихся на стоянку в узлах, как-то: бронепоезда, желдивы, бронебазы, авиамастерские и т. п. Все это крайне затрудняло маневровую работу узловых станций и чрезвычайно осложняло и без того расстроенное железнодорожное движение. Повторение подобного рода явлений в будущем чревато катастрофическими последствиями, в виду возможных активных действий неприятельского воздушного флота, для которого железнодорожные узлы, несомненно, станут объектами в первую очередь...

4) Связь Упвосо Зап'а с Начвосо армий и головными участками железных дорог, вследствие недостатка технических средств, оставляла желать много лучшего. Связь с Начвосо армий, в виду их постоянного передвижения, иногда прекращалась совершенно. Между тем регулировать железнодорожные перевозки, при отсутствии графиков движения и наличии перевозочных норм, приходилось по железнодорожным узлам путем дачи каждому из них к определенному сроку определенного задания. Ясно, что болезнь связи вызывала не мало болезненных явлений и в оперативной работе войск.

5) Острый кризис с паровозами на дорогах Западного фронта резко давал себя чувствовать во все периоды летней кампании этого фронта. Например, в период наступления на участке б. Александровской (ныне Московско-Белорусской) железной дороги Орша — Минск — Барановичи обстановка и полевое командование фронта требовали 7 – 8 воинских поездов в сутки. Между тем наличие здоровых паровозов фактически допускало движение по этому участку всего только 4 – 5 воинских поездов в сутки. Из числа назначенных Центром к командированию на Западный фронт 296 паровозов (из них 25 маневровых) прибыло по назначению до 16-го августа всего только 84 паровоза, из них 19 маневровых (телеграмма ЗФЗап 1920 года: 1) 16/VIII—№ 303 оп. и 2) 18/VIII—№ 315 оп.). Такое положение

с паровозным рабочим парком вынуждало полевое командование фронта не выходить из пределов указанной выше фактической провозной способности железной дороги, что до крайних пределов стесняло свободу оперативного маневрирования, — так, например, в силу этого обстоятельства пришлось в необходимую минуту совершенно отказаться от перевозки по железной дороге 143-й стрелковой бригады из Вильно в Брест. Столь значительная недостача паровозов все время чувствовалась весьма резко: в период наступления,—благодаря неотложной необходимости в них на вновь занимавшихся нами головных участках железных дорог, а в период отхода,—благодаря острой нужде в эвакуации и очистке железнодорожных узлов.

6) Нельзя обойти молчанием и еще одну причину, которая особенно резко сказалась на работе железных дорог Западного фронта в период отхода наших армий от Вислы (с 18-го августа по 18-е сентября 1920 г.). Цупвосо постоянно требовало движения эшелонов со скоростью 600 верст в сутки, невзирая на получаемую от ЗФЗап'а информацию о критическом положении железных дорог фронта. Вместе с тем на Западный фронт Центром все время направлялось огромное количество разного рода воинских эшелонов, которых фронт, по состоянию своих узлов, головных участков и недостаточности паровозного парка, не мог должным образом принять и переработать. В период отхода наших армий с запада на восток срочно направлялся обратный поток воинских эшелонов, а с востока на запад из центра страны текли не меньшие потоки эшелонов, направляемых на Западный фронт; таким образом, фронт оказался как бы сжатым в тисках. Отсутствие должной регулировки со стороны Центра вынудило полевое командование Западного фронта прибегнуть в данном случае к чрезвычайной мере: прекратить движение воинских эшелонов с востока на фронт путем конвенционного запрещения (тел. ЗФЗап 1920 г. 18/VIII—№ 315 оп.).

7) Наконец, общую картину положения железнодорожного транспорта Западного фронта в летнюю кампанию 1920 г. ярко характеризует и еще одно обстоятельство: в то время, когда части Красной армии форсировали р. Западный Буг, тыловые учреждения некоторых дивизий подтягивались лишь к Минску. В результате подобного отрыва дивизионных и бригадных тыловых учреждений от своих частей, последовал приказ армиям Западного фронта (Минск 12/VIII — 1920 г. № 1767), в котором, между прочим, указывалось: «или эти учреждения совершенно не нужны, или же самые учреждения настолько недееспособны, что являются лишь балластом, загромождающим тыл». В виду таких соображений, командзап приказывал: «Все подобные тыловые учреждения дивизий и бригад, которые окажутся на 12-е августа в эшелонах

неразгруженными на линии Вильно — Молодечно — Минск и восточнее, немедленно расформировать...» «Подобную меру распространить также и на те дивизионные, бригадные склады, магазины и парки, которые на 19-е августа окажутся неразгруженными в эшелонах на линии Лида — Барановичи и восточнее». В обоих случаях приказывалось: все имущество указанных учреждений передать в фронтовые склады, а личный их состав вместе с обозами и лошадьми передать в распоряжение командвойск Запфронта для новых формирований.

На этом мы и закончим наше краткое извлечение из многочисленного перечня уроков летней кампании армий Западного фронта 1920 г., касающихся железнодорожного транспорта. Здесь были и другие весьма поучительные моменты, как, например, разрушение и восстановление железных дорог. Восстановительные работы, производимые нашими железнодорожными войсками и головными ремонтными поездами НКПС, в общем производились весьма успешно, в особенности при тогдашнем техническом состоянии наших железных дорог. Однако размер статьи не позволяет уделить этому вопросу здесь должного внимания.

★

Подводя итог, позволительно спросить, какие же основные выводы, имеющие наиболее жизненное значение и для будущего, можно сделать на основе изучения роли и оперативной работы железных дорог в нашу гражданскую войну?

Эти выводы могут быть сведены к следующему:

1) Система управления железными дорогами в военном отношении в гражданскую войну у нас отличалась большой сложностью: а) многочисленность специальных органов, весьма громоздкие их штаты, параллелизм и переплет в их работе — вот наиболее характерные черты этой системы. Вся работа органов Восо и НКПС зиждилась на принципе согласования их между собой. При наличии сильных «ведомственных» тенденций, унаследованных от старого режима, согласование это было сопряжено с не малым количеством трений и потерей времени, особо ценного при военной обстановке. Забота о ведомственных интересах доходила даже до учреждения при управленческих аппаратах службы снабжения своих особых транспортных органов, а в НКПС были свои специальные военные органы (ЦЭВ). Над всей этой громоздкой постройкой висели разного рода «совещания», комитеты по перевозкам, бюро и пр., которые до крайности усложняли процесс управления железнодорожным транспортом, как орудием войны, а процесс этот по опыту войн требует простоты, четкой определенности, быстроты, гибкости и точности

часового механизма. В мировую войну Германия и Франция дали в этом отношении немало весьма поучительного. Царская Россия в ту же войну страдала в этой области затяжной и неизлечимой болезнью. Отсюда — проблема указанного управления приобретает для нас особо важное значение. Проблема эта требует всесторонней и глубокой проработки, полного изжития узко ведомственных тенденций и решения ее на основе дружественного сотрудничества и взаимодействия военного и путейского ведомств. По данному вопросу у нас и до сих пор существуют довольно разноречивые мнения, но одно, как будто, не должно подлежать сомнению: если интересы железных дорог ближайшим образом призван охранять НКПС, то интересы войны и ее конечного исхода призвано блюсти непосредственно военное ведомство, в глазах коего железные дороги ныне имеют значение одного из главных средств стратегии и оперативного искусства. Это соображение, казалось бы, должно лечь в основу нашей системы управления железными дорогами в военном отношении для будущего.

2) В работе железных дорог периода гражданской войны ярко бросается в глаза их чрезмерная перегруженность. В мировую войну в Германии и Франции, с целью разгрузки работы железных дорог, в больших размерах и с большим успехом к воинским перевозкам привлекался водный и автомобильный транспорт. Для наших железных дорог такая разгрузка в будущем, несомненно, дала бы огромные преимущества, значительно увеличив их маневренную гибкость и свободу в оперативном отношении. Таким образом, с военной точки зрения ныне во весь рост встает и еще одна неотложная проблема: надежная подготовка наших водных путей в военном отношении и всемерное развитие автотранспорта.

Кроме того, та же оперативная гибкость железных дорог требует всемерного увеличения еще и следующих факторов: пропускной и провозной способности железнодорожной сети и рокадных (поперечных) линий. Количество подвижного состава при этом должно быть доведено до того, чтобы на фронтах всегда имелись соответствующие его резервы, которыми полевое командование для оперативных перегруппировок могло бы пользоваться без всяких задержек. Франция и Германия в мировую войну в этом отношении дали достаточно поучительные примеры. Развитие железнодорожных узлов и головных участков, равно отчетливая организация службы этих последних ныне должны стать в порядок дня.

Точно так же необходимо проработать и проблему восстановления и разрушения железных дорог и придать ей отчетливые организационные формы. Импровизация и стихийность в этой области должны быть изжиты на все 100%. Особо поучительные

образцы в этом отношении в ту же мировую войну оставила истории Германия.

3) Увязка работы железных дорог с работой гужевого и автотранспорта на обыкновенных путях в гражданскую войну была совершенно не налажена. Следствием этого нередко получается между ними совершенный разрыв, крайне вредно отражавшийся на боевой деятельности войск. Отсюда — полное устранение указанной невязки является тоже одной из актуальных задач в интересах будущего.

4) Такой же задачей представляется и установление самой тесной органической связи между службами Восо и снабжения: разнобою здесь не должно быть места.

5) Охрана и оборона железных дорог, особенно в связи с развитием воздушного флота и химии, ныне приобрели превалирующее значение. Вся старая система обеспечения безопасности железных дорог должна быть в корне пересмотрена и построена заново на почве учета этих новых средств вооруженной борьбы, — иначе самые лучшие графики перевозок военного времени, столь тщательно составленные в мирное время, с началом войны окажутся напрасной работой.

6) Наконец, отношение войск к железнодорожному транспорту, по сравнению с прошлым, должно быть в корне изменено. Необходимо еще в мирное время по отношению к этому транспорту привить войскам должные знания и навыки, а главное— вкоренить в сознание командного состава и толщу войсковых масс, что железная дорога есть не только удобное перевозочное средство, но это есть их собственное оружие в борьбе с противником,—мощное оружие современной стратегии и тактики, требующее к себе самого внимательного и бережливого с их стороны отношения.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ВЫПИСКА ТОВ. ЛЕНИНА,

сделанная им в 1915 г. из книги Клаузевица „Vom Kriege", zweiter Teil, Berlin, bei Ferdinand Dummler, 1833, стр. 135.

NB, верно!

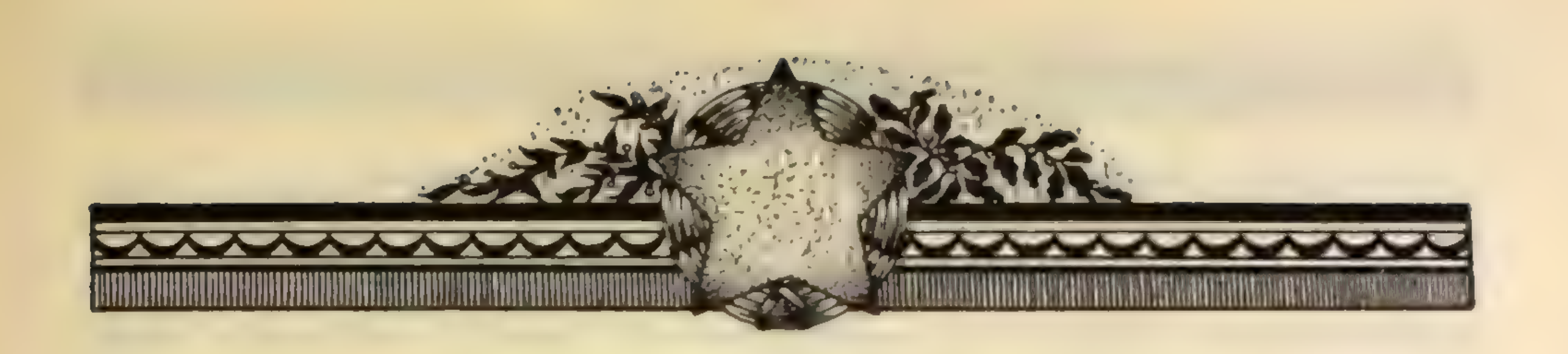
„Von den neuern Erscheinungen im Gebiet der Kriegskunst ist das Allerwenigste neuen Erfindungen oder neuen Ideenrichtungen zuzuschreiben, u. das Meiste den neuen gesellschaftlichen Zuständen u. Verhältnissen." (448)

NB верно[1]). ...Из новых явлений в области военного искусства следует только самую незначительную часть приписывать новым изобретениям или идеям; большинство же — новым общественным положениям и условиям (*448*)[2]).

---

[1]) Написано тов. Лениным по-русски.

[2]) Стр. 448.

А. ВОЛЬПЕ

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИЗУЧАЯ вопросы, связанные с экономическим планом обороны страны, внимание широких военно-научных кругов приковано, главным образом, к опыту мировой войны 1914—1918 гг., откуда черпаются величайшие «откровения» для всякой войны будущего. Опыт гражданской войны в этом отношении почему-то отвергается и не изучается. Между тем, изучение экономической проблемы в гражданской войне представляет огромный, животрепещущий интерес, ибо дает в этой области не отвлеченные выводы, а конкретные, вытекающие из условий СССР. Настоящий очерк не имеет целью исследовать экономику гражданской войны в целом. Он касается, главным образом, военной промышленности и лишь попутно затрагивает вопросы снабжения Красной армии в целом и гражданской промышленности, мобилизованной для нужд обороны. Основной целью исследования является—установить выводы гражданской войны в отношении подготовки обороны страны в мирное время и войны будущего.

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ К КОНЦУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сейчас уже всем известно, что царская Россия вступила в мировую войну неподготовленной в экономическом отношении. Только в ходе войны она сумела с огромным трудом мобилизовать и военную и гражданскую промышленность и кое-как наладить снабжение действующей армии. Но промышленность, не подготовленная к величайшему напряжению, которое от нее потребовалось, неизбежно должна была дать трещину. Быстрое развертывание производства

в военной промышленности, путем введения беспрерывной трехсменной работы, до такой степени усилило изнашивание и без того технически отсталого оборудования, что уже в середине 1917 г. производство стало падать, невзирая на лозунги Керенского «победа до конца». Если взять продукцию крупной промышленности 1913 г. за 100%, то получим в 1916 г.—118%, в 1917 г.—только 77%.

В военной промышленности этот подъем и падение могут быть иллюстрированы нижеследующими таблицами:

Таблица производительности военных заводов в годы подъема

Наименование предметов	1914 г. средн. в 1-ю половину года	1915 г. январь	1916 г. январь	1917 г. январь
Винтовки	5.000	34.760	88.414	128.823
Пулеметы	76	216	506	1.200
Патроны	46.192.000	49.880.000	114.586.000	143.306.000
Порох	—	18.487	50.418	76.494
3-дюйм. пушки	—	35	328	577

Подъем огромный. Тем катастрофичнее начинается падение в последующие месяцы 1917 г.

Таблица производительности военных заводов в конце 1917 года и начале 1918 года

Наименование предметов	1917 г. декабрь	1918 г. февраль
Винтовки	44.671	15.640
Пулеметы	440	200
Патроны	49.721.000	11.618.000
Порох	4.965	1.835
3-дюйм. пушки	49	—

Советская власть, в итоге Октябрьской революции, получила военную промышленность, в достаточной мере разрушенную.

МИРНЫЙ ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Падение военных производств в 1918 г. имело еще и свои дополнительные причины. Не следует забывать, что Октябрьская революция была в общем бескровной. Стремление покончить с войной и вернуться к мирному творческому труду было столь сильным, что вместе с демобилизацией царской армии началась и стихийная демобилизация работавшей для нужд войны промышленности, в том числе и военных заводов. Организации, созданные царским прави-

тельством в целях мобилизации промышленности (военно-промышленные комитеты, организация Ванкова и др.), а также трестированные организации, созданные промышленностью с целью извлечения военных сверхприбылей (Продамета, Продуголь), распались. Организовать же новое руководство промышленностью на основах национализации советское правительство еще не успело.

Даже кадровые военные заводы, оставшиеся без руководства и без работы, стали устанавливать разнообразные мирные производства, разрушая во многих случаях для этой цели специальное военное оборудование и используя для своих нужд военные заводские запасы сырья. Отсюда и падение производительности, которая к лету 1918 г. достигла минимума.

Среди отдельных причин развала промышленности нельзя не отметить исключительного саботажа технических и коммерческих руководителей промышленностью. Инженеры и директора в массе своей Октября не восприняли и, где могли, в мере своих сил и разумения, портили и мешали делу налаживания производства. Понадобилось суровое вмешательство органов ВЧК.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА КРАСНОЙ АРМИИ

Между тем события, развернувшиеся в 1918 г. (немецкая оккупация и контр-революционный переворот на Украине, восстание Краснова и корниловщина на Дону и Кубани, восстание чехо-словаков на Волге), привели к созданию ряда фронтов гражданской войны. Мирный период революции окончился. Советская страна вынуждена была перейти к защите своих революционных завоеваний с оружием в руках. Началось строительство Красной армии с лозунгом Ленина о создании трехмиллионной армии. К середине 1918 года Красная армия насчитывала уже около 400.000 чел. и, естественно, требовала снабжения ее и продовольствием и боевыми припасами. Между тем, как мы видели выше, военная промышленность и мобилизованная во время мировой войны гражданская промышленность почти полностью прекратили военное производство. Поэтому первый период гражданской войны Красная армия почти полностью и во всех отношениях базировалась на оставшихся запасах старой царской армии. Этих запасов в целом было несметное количество. В отношении многих предметов этих запасов хватило не только на всю гражданскую войну, но они остались еще и по сию пору. Но эти запасы были распылены по всей стране, а «демобилизационное» настроение местных органов привело к тому, что огромное количество запасов было быстро обращено для снабжения мирного населения. Многое, особенно обмундирование и обувь, беспощадно расхищалось. Снабженческий аппарат Красной

армии, состоявший из старых, не тронутых революцией, довольствующих управлений, был достаточно слаб и не мог в новых революционных условиях ни справиться с учетом этого имущества, ни организовать правильного его распределения. Снабжение Красной армии носило кустарный и хищнический характер.

Кроме всего обстановка сложилась так, что Красная армия и не могла воспользоваться многими запасами. Большинство фронтовых складов в западной полосе попало в руки немцев. В дальнейшем огромные склады, сосредоточенные в портах, были отрезаны контрреволюцией (на севере—Мурманск, Архангельск, Сибирь с Владивостоком и т. д.). В распоряжении советского правительства осталось лишь имущество, сосредоточенное в центральных районах, и его стало не хватать. В отношении некоторых предметов боевого снабжения (ручное оружие, патроны) и обмундирования Красная армия стала ощущать острую нужду. Внимание руководящих органов, естественно, обратилось на восстановление производства на заводах военной и гражданской промышленности. Отсюда начался период ремобилизации, т.-е. новой мобилизации промышленности. Основная трудность в этом деле заключалась в том, что промышленность как-то стихийно стремилась к мирному труду и с большой неохотой вновь переходила к военному производству. Это противоречие между мирными творческими устремлениями Октябрьской революции и требованиями гражданской войны весьма тонко отмечено тов. Крицманом, который писал: «Свойственное пролетариату стремление к производительному труду проявлялось в стремительном, не раз слишком забегавшем вперед, переходе на мирные рельсы, который Советское государство порывалось произвести при малейшей надежде на окончание военных действий: непосредственно после Октябрьского переворота, после разгрома Колчака, после разгрома Деникина, наконец, после войны с Польшей и разгрома Врангеля. Народному хозяйству Советской России пришлось поэтому несколько раз пережить попытки перехода от военного хозяйства к мирному и от мирного снова к военному, от демобилизации к ремобилизации, к новой демобилизации и новой ремобилизации»[1].

ОРГАНИЗАЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО СНАБЖЕНИЮ КРАСНОЙ АРМИИ И ДРУГИХ ОРГАНОВ

10-го ноября 1918 г., в целях улучшения дела снабжения Красной армии и мобилизации сил страны, постановлением Совета Народных Комиссаров была создана Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной армии (Чрезкомснаб). Председателем Комиссии был назначен

[1] Л. Крицман — «Героический период великой русской революции». ГИЗ. 1925 г. Москва. Стр. 169.

тов. Красин и в состав ее введены представители ВЦИК, ВСНХ, ВЦСПС, НКВМ. На Комиссию было возложено:

а) контроль над управлением артиллерийскими, военно-инженерными и морскими заводами и выполнением таковыми заказов, а равно и оказание в этом последнем им содействия;

б) мобилизация заводов невоенной промышленности, в случае невозможности выполнить заказы на снаряжение, нужное для Красной армии, на военных заводах;

в) регулировка и контроль заграничных заказов на предметы военного снаряжения.

Для облегчения работ Чрезвычайной комиссии, ей было предоставлено право координирования дела сбора, учета, хранения и расходования военного имущества всех ведомств и органов, не влитых в аппарат снабжения НКВМ.

Таким образом, хотя учрежденная Комиссия была названа «Чрезвычайной», она по сути дела никаких действительно чрезвычайных полномочий не имела. Ее функции сводились лишь к «координированию, контролю и регулированию» деятельности других органов, ей не подчиненных. В ту пору осуществить управление таким важным и большим делом, как мобилизация промышленности, таким кустарным путем было, конечно, чрезвычайно трудно.

Однако, невзирая на все эти обстоятельства, деятельность Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии в первые месяцы своего существования дала определенный эффект. Количество вырабатываемых предметов боевого снабжения стало быстро расти. Но распыленное состояние кадровой военной промышленности и вновь мобилизованных заводов по отдельным главкам ВСНХ давало себя остро чувствовать. Производственные трения, в связи со все возрастающей хозяйственной разрухой внутри страны, часто оказывались Чрезкомснаба непреодолимыми. Изношенное оборудование, недостаток технического надзора и рабочих рук, недостаток сырья и топлива быстро привели к тому, что достигнутый «ударным» путем подъем производительности военных заводов весной 1919 г. стал падать.

1919 год	Наименование предметов снабжения				
Месяцы	Винтовки	Пулеметы	Шашки	Патроны	Снаряды
Январь	39.213	480	1.000	19.720 000	27.476
Февраль	50.183	500	1.380	24.358.000	36.783
Март	43.677	420	3.480	22.478.000	5.222
Апрель	16.010	325	1.200	16.610.000	6.286

Приведенная таблица выпуска некоторых предметов боевого снабжения в первые месяцы 1919 г. доказывает вышеизложенное с неоспоримой ясностью.

На ряду с созданием Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, которая (как мы видели) имела главнейшей задачей мобилизацию промышленности для производства предметов боевого снабжения, 23-го ноября 1918 г. постановлением ВСНХ был создан специальный Отдел военных заготовок (в центре—Центровоензаг, на местах—воензаги), с целью снабжения Красной армии предметами обмундирования, войсковым обозом общего назначения и инженерным имуществом.

Отдел был обязан сосредоточивать у себя заказы военного ведомства на вышеуказанные предметы и распределять эти заказы между другими производственными отделами ВСНХ, а также устанавливать и контролировать сроки исполнения заказов и кондиции изготовленных предметов. Для облегчения исполнения своей задачи, Центровоензагу было предоставлено право создавать отделы военных заготовок при местных советах народного хозяйства, а также производить учет и распределение всего сырья и полуфабрикатов, находящихся на складах военного ведомства, на фабриках и заводах.

Таким образом, и Центровоензаг был организацией не производственной, а лишь контролирующей, с которой местные органы промышленности весьма мало считались.

Нужно иметь еще в виду, что к 1919 г. Советская Россия не только утеряла все коммерческие связи с заграницей, но и оказалась в кольце беспощадной экономической блокады. Снабжение Красной армии необходимо было обеспечить внутренними средствами. На заграницу стали базироваться лишь контр-революционные организации, которые в отношении снабжения оказались в несравненно лучшем положении. чем Красная армия. В странах Антанты после мировой войны остались огромные военные запасы, и белые армии, владея почти всеми портами, бесперебойно снабжались из этого неисчерпаемого источника.

К середине 1919 г. снабжение Красной армии стало принимать чрезвычайно тревожный характер. Потребность в предметах боевого снабжения, вместе с ростом численности Красной армии, которая к этому времени перевалила за 1.500.000 чел., значительно возросла. Производительность же военной промышленности не только не удовлетворяла эти возрастающие потребности, но сама переходила от одного кризиса к другому. Необъединенная до сих пор военная промышленность, частью разбросанная по различным производственным органам ВСНХ, частью оставшаяся в ведении главных довольствующих управлений (ГАУ, ГВТУ), стала испытывать все большие затруднения в связи с недостатком сырья, топлива и рабочей силы. Внутри Красной армии снабженческий аппарат все еще не мог выйти из своего младенческого периода. Все эти обстоятельства привели к тому, что в руководящих кругах правительства и партии стали

сознавать необходимость объединения руководства мобилизованной промышленности и снабжения Красной армии в одних руках. Нужно было создать такой аппарат с чрезвычайными полномочиями, который, будучи независим от ведомственных интересов ВСНХ и НКВМ, мог бы наладить и упорядочить дело заготовок в промышленности и распределения в аппарате снабжения Красной армии.

УЧРЕЖДЕНИЕ ЧУСОСНАБАРМА. ОБЩАЯ СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ СНАБЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

8-го июля 1919 г. декретом ВЦИК был назначен чрезвычайный уполномоченный Совета обороны по снабжению Красной армии (Чусоснабарм).

Названным декретом Чусоснабарму были подчинены все органы снабжения НКВМ, как центральные, так и местные, как в тылу, так и на фронте, а также Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной армии, которая через некоторое время была расформирована. Ему же был подчинен Центральный отдел военных заготовок со всеми его местными органами. Чусоснабарм был введен в РВСР в качестве его члена, а в отношении расходования снабженческих кредитов ему были присвоены права председателя РВСР.

Чусоснабарму были предоставлены неограниченные права реорганизации всех органов, назначения, смещения, ареста и предания суду всех подчиненных ему лиц, ведающих снабжением Красной армии.

На этот исключительно ответственный пост был назначен т. А. И. Рыков (ныне предсовнаркома), который, являясь одновременно и председателем ВСНХ, мог с наибольшей полнотой выполнить возложенные на него задачи. Ему не было лишь подчинено снабжение продовольствием, которым ведал также облеченный чрезвычайными полномочиями Главснабпродарм (Главное управление по снабжению Красной армии продовольствием).

Спустя некоторое время после начала своей деятельности Чусоснабарму стало необходимым распространить свое непосредственное влияние и на все фронты. На фронтах были назначены чрезвычайные заместители Чусоснабарма (чусофронтов), которые, по аналогии с центром, входили в реввоенсовет соответствующего фронта. Начальники снабжения фронтов были подчинены чусоснабарму фронта. Командующие фронтами были лишены права вмешиваться в производственные стороны деятельности чусоснабармов, они могли лишь предъявлять чусоснабармам требования отпуска снабжения в пределах существующих норм и табелей и своих оперативных замыслов и распоряжаться только тем имуществом, которое чусоснабармы им отпускали. Все захватываемое трофейное имущество также должно было поступать в распоряжение чусоснабармов и распределяться

лишь последними. Впрочем, последнее требование весьма мало выполнялось фронтом, который постоянно чувствовал острый недостаток снабжения и имел тенденцию скрыть от чусоснабармов захваченные трофеи, обращая их в свое пользование. Чусо вели с этим длительную, но часто безуспешную борьбу, ибо даже командование фронтов не всегда было достаточным образом информировано о количестве трофеев, которое оставалось в полках и дивизиях.

Такие случайности войны, как «трофеи», являлись как бы неплановым снабжением для тех «счастливых» войсковых соединений, которые захватывали и укрывали трофеи, особенно, оружие и огнеприпасы.

Помимо этого, фронты часто самовольно захватывали имущество, следовавшее по железным дорогам и находившееся на складах на учете центра, накопляли у себя ненужные запасы, самовольно распоряжались местной промышленностью, ставя превыше всего интересы своего фронта и этим нарушая необходимый плановый подход к вопросам снабжения. С другой стороны, и местные органы промышленности с величайшей неохотой подчинялись фронтовым чусо. Губсовнархозы часто энергично сопротивлялись тенденциям чусо использовать местную промышленность для нужд снабжения действующей армии.

В отчете чусо Западного фронта указывается:

«Между Сциллой неутомимых аппетитов командования, ни с чем не считавшегося и ничего не признававшего в своем естественном стремлении утолить голод армии в предметах вещевого довольствия, и претензий его на доминирующую роль и решающий голос в вопросах снабжения и в особенности распределения, с одной стороны, и Харибдой громких воплей и стенаний производственных и заготовительных органов каждый раз, когда дело шло об использовании местных ресурсов для нужд снабжения фронта, с другой стороны,—таков основной фон того положения, в котором приходилось работать Чусоснабарму...» [1]

Все это требовало от чусоснабармов фронтов чрезвычайной твердости в деле осуществления своих задач и полномочий. Они добились раньше всего того, что промышленность была изъята из ведения органов командования и перешла в непосредственное ведение органов чусо. Благодаря этому, производительность заводов стала быстро повышаться, и начснабы могли быть освобождены от «посторонних» обязанностей и уделить все свое внимание делу распределения имущества. Однако положение начснабов было далеко не завидным. Они фактически по горизонтали и вертикали были

[1] Отчет о деятельности чусо Западного фронта. Изд. Ликвид. ком. М. 1922 (Предисловие).

подчинены пяти инстаницям: чусоснабарму фронта, реввоенсовету фронта, опродкому фронта, Главначснабу и Главначснабпродарму. При таком положении они часто вынуждены были разрываться на части, не зная в конечном итоге своего единого начальника, приказы которого они обязаны выполнять. Реввоенсоветы фронтов, руководящие операциями, естественно, не могли отказаться от того, чтобы не удержать в своих руках дела снабжения армии.

Найти выход из создавшегося положения было чрезвычайно трудно. В нормальных условиях, когда материальные потребности армии могут более или менее удовлетворяться, нельзя считать допустимым такое многовластие на фронте, и командование фронтом должно иметь право не только распоряжаться жизнями порученных ему армий, но также распоряжаться и всеми предоставленными ему материальными ресурсами. Но в ту пору диктатура Чусо была неизбежна.

Чусоснабармы, исходившие в своей деятельности из общих государственных интересов, не могли потакать узковедомственным устремлениям реввоенсоветов фронтов и местных органов ВСНХ. Они должны были часто отказывать в удовлетворении даже законных требований командования, перебрасывая имущество по нарядам центра на другие, более важные фронты. К сожалению, следует признать, однако, что очень часто чусоснабармы фронтов не умели проявлять должную гибкость. Усилия Чусоснабарма центра навести здесь порядок не приводили к должным результатам, и двоевластие на фронтах оставалось до конца гражданской войны. Однако сейчас, когда все это уже в прошлом, следует признать, что лишь благодаря твердой политике и крепости аппаратов Чусоснабарма на местах удалось повысить производительность промышленности и тем обеспечить для Красной армии максимум возможностей и навести хоть некоторый порядок в органах армейского снабжения. Чусоснабармы фронтов, имея своих уполномоченных в армиях, получали заявки от начснабов, изучали их и суммировали, определяли ту часть заявок, которую они могли удовлетворить на месте путем использования местной промышленности, а другую часть отсылали в центр. Снабжение армии, преодолевая огромное количество трудностей, стало принимать все более плановый и упорядоченный характер, всецело оправдывая существование и деятельность чусоснабармов.

Свое влияние на промышленность чусо осуществляли через своих губуполномоченных; кроме того, им были подчинены воензаги. Но чтобы заставить местную промышленность работать для нужд армии с должной энергией, чусо часто приходилось прибегать к суровым мерам административного воздействия.

Двойственное подчинение Главначснаба чусоснабарму и Реввоенсовету в центре отражалось на деле менее отрицательно. Чусоснабарм, являясь членом Реввоенсовета Республики, председателем ВСНХ и членом Совета обороны, мог с исчерпывающей полнотой осветить перед соответствующими органами производственные ресурсы страны и твердо провести план снабжения действующей армии. Здесь не следует забывать, что роль Чусоснабарма заключалась не только в снабжении действующей армии,—он должен был также учитывать интересы других ведомств и гражданского населения. Являясь нейтральным лицом, независимым от командования, он мог с наибольшей объективностью подходить к вопросам удовлетворения насущных требований армии и в то же время не забывать интересов государства в целом.

В то же время Главначснаб РККА, подчиненный Чусоснабарму, мог обеспечить должный контроль над выполнением военных заказов, тем более, что в области обеспечения тесной связи военного ведомства с промышленностью Чусоснабарм широко шел ему навстречу путем непрерывного ряда совещаний, вылившихся в привлечении ряда работников ЦУС'а и главных довольствующих управлений для работы в органах промышленности по совместительству. Целый ряд ответственных работников снабжения был введен в органы Промвоенсовета, Центровоензага, Автосекции, Главтекстиля, Главкожи, Главлескома и других главков. Однако и в центре были затруднения, вытекавшие из того, что Главначснаб не объединял всех органов снабжения. ГАУ, ГВИУ и другие главные довольствующие управления фактически Главначснабу не подчинялись и входили к Чусоснабарму непосредственно. Главначснаб, по сути говоря, был лишь надстройкой над Главным интендантским управлением и притом надстройкой почти ненужной. Такое положение на деле вызывало ряд трений, которые в течение гражданской войны разрешены все же не были.

ПРОМВОЕНСОВЕТ

Кипучая деятельность, развернутая Чусоснабармом, в первую очередь коснулась кадровой военной промышленности, которая превратностями 1918–1919 гг. оказалась совершенно дезорганизованной. Громаднейшие патронные заводы—в роде Луганского, снарядные—в роде Таганрогского, оружейные—в роде Ижевского, оказались в тылу белых; производительность оставшихся заводов была совершенно недостаточной. Неизбежно встал вопрос об объединении военной промышленности, разбросанной по различным производственным органам, не имевшим никаких производственных программ и работавшим без плана и руководства в условиях беспрерывных междуведомственных трений. Отдельные случаи сурового

вмешательства главного командования Красной армии, в роде нажима на работу «Тульской красной кузницы» в 1919 г., давало лишь местный и временный эффект. Чусоснабарм решил объединить всю военную промышленность (бывшие заводы ГАУ, военнообозные, авиационные и др. заводы), создав для этого специальный орган в лице Совета военной промышленности (Промвоенсовета).

Приказом Чусоснабарма № 75 от 12.IX—1919 г. задачи Промвоенсовета сводятся к организации производственных центров оборонной промышленности, к распределению заводов и предприятий между этими центрами, к организации новых и приспособлению существующих заводов, к рассмотрению производственных программ как по существу, так и с точки зрения производственных возможностей, к распределению военных заказов и организации контроля над выполнением их, к оборудованию и снабжению оборонных заводов сырьем, материалами, топливом и рабочей силой и, наконец, к финансированию заводов денежными средствами.

Для контакта с ВСНХ и Красной армией приказом Чусоснабарма председатель Промвоенсовета введен в президиум ВСНХ, а начальник ЦУС'а—в Промвоенсовет, при этом последнему предоставлено право пользоваться при выполнении своих заданий организационными аппаратами и ВСНХ и ЦУС'а. В итоге своей деятельности Промвоенсовет объединил в порядке подчинения себе всю военную промышленность, бывшую до сего разбросанной по отдельным главкам и ведомствам. 59 крупнейших оборонных заводов (из коих 21 ударных) были охвачены единым руководящим центром и распределились между следующими главками:

1. Цепаз—Центральное правление артиллерийских заводов.
2. Главкоавио—Главный комитет авиационных заводов.
3. Цупвоз—Центральное правление военнообозных заводов.
4. Цепморз—Центральное правление морских орудийных заводов.

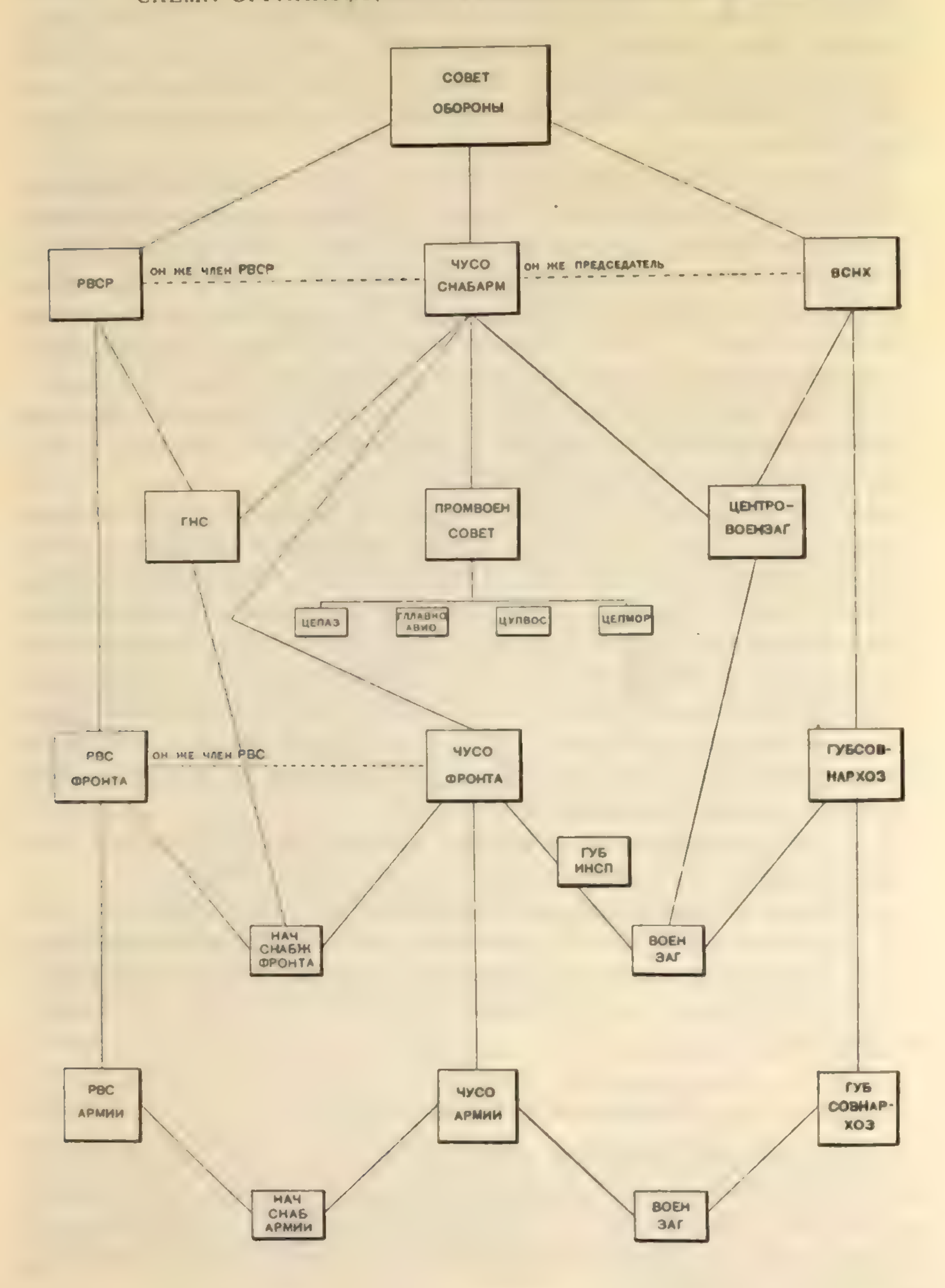
Вся система организации снабжения Красной армии как в отношении заготовок, так и распределения приняла вид, указанный на стр. 382.

ПРОБЛЕМА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Стихийная демобилизация промышленности после Октябрьского переворота, естественно, сопровождалась колоссальным понижением количества рабочей силы. В Ленинграде, где была сосредоточена основная база военной и мобилизованной частной промышленности, насчитывалось рабочих:

на 1-е января 1917 г.	403.000
на 1-е декабря 1918 г.	124.000,

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ СНАБЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

т.-е. количество рабочих опустилось ниже цифры 1913 г., когда было 194.000 чел.

Основную причину такого резкого распыления рабочей силы следует искать не только в сокращении производства, но, главным образом, в условиях развития вооруженной борьбы в гражданской войне. Первые удары контр-революционных сил должны были принять на себя добровольческие отряды рабочей гвардии. Крестьянство в период демобилизации царской армии спешило только домой. Первые формирования Красной армии были также чисто рабочими формированиями.

Только впоследствии, когда развернувшаяся контр-революция стала отбирать у крестьян землю, сопровождая это неслыханным террором и издевательством над крестьянством, последнее всколыхнулось и активно поддержало единый рабоче-крестьянский революционный фронт.

Однако боеспособность Красной армии во многом зависела от ее чисто рабочего и партийного кадра.

Поэтому военная повинность рабочих в относительных цифрах была несравненно больше военной повинности крестьян. По данным переписи 1920 г., которая охватила далеко не всю Красную армию, в ней состояло рабочих 15%. При этом нужно иметь в виду, что в Красную армию уходила наиболее сознательная и самоотверженная часть рабочих. Почти 1/4 рабочего состава Красной армии составляли металлисты.

ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ЗАВОДАХ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Движение рабочей силы в кадровой военной промышленности представляется в следующем виде:

1914 г.	1917 г. на 1-е января	1918 г. на 1-е января	1919 г. на 1-е января
55.118	184.800	152.005	47.674

т.-е. число рабочих в начале разгара гражданской войны стало минимальным.

Совершенно очевидно, что, когда встал вопрос о новом развертывании производства на военных заводах, раньше всего нужно было принять меры к возвращению на заводы квалифицированных рабочих.

Было создано специальное Бюро по вербовке рабочей силы, которое с большой энергией с своей задачей справилось. Движенис

рабочей силы на заводы СВП (Совета военной промышленности) после демобилизации дает нижеследующие цифры:

Октябрь 1919 г.	Май 1920 г.	Декабрь 1920 г.
122.627	130.680	175.112

т.-е. к концу гражданской войны количество рабочих на заводах военной промышленности близко подошло к цифре наибольшего подъема в январе 1917 г.

Однако эти абсолютные цифры не дают действительной картины состояния рабочей силы в военной промышленности. Рост количества рабочих сопровождался огромной текучестью, которая сильно влияла на производительность труда. Недостаток высококвалифицированных рабочих привел к необходимости практиковать переброску рабочих с одних заводов на другие. Эта переброска носила характер ударного военно-промышленного маневрирования. Недостаток технического персонала давал себя остро чувствовать все время гражданской войны.

С целью несколько ослабить кризис в высококвалифицированной рабочей и технической силе, были приняты специальные меры по возвращению ее из рядов Красной армии, с одной стороны, и возвращению на службу демобилизованных инженеров и техников—с другой. Всего за время гражданской войны было возвращено из рядов Красной армии по именным спискам свыше 10.000 чел.

ОТСРОЧКИ ПО ПРИЗЫВУ

Развертывание работы заводов военной промышленности, естественно, поставило вопрос об освобождении от призыва известных категорий квалифицированных рабочих, технического персонала и служащих. Еще декретом от 29-го июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров установил для некоторых учреждений право возбуждать ходатайства об освобождении из рядов Красной армии незаменимых специалистов. В дальнейшем, одновременно с возвращением из рядов РККА ранее призванных, при повторных мобилизациях стали широко проводиться отсрочки по призывам.

В конце 1918 г. Совнарком возложил на Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной армии задачу определения,—в каких именно предприятиях рабочие и служащие подлежат освобождению от явки по призыву полностью или частично. В результате работ Чрезвычайной комиссии было зафиксировано полное освобождение от призыва 49 заводов военной промышленности.

Однако в работе Чрезвычайной комиссии, в части предоставления отсрочек, выяснился ряд дефектов, как, например, случайность

предоставления отсрочек, отсутствие учета, массовые злоупотребления на местах, лишенных должного руководства и контроля, параллелизм с другими органами, также дававшими отсрочки. Все это привело к необходимости создать при РВСР особую Центральную комиссию по отсрочкам, учрежденную постановлением СТО от 2-го июля 1919 г., на которую и было возложено все дело по предоставлению отсрочек. Созданием этой комиссии в этот вопрос был внесен некоторый порядок.

К 1-му марта 1921 г. состояло на специальном учете Мобилизационного отдела ВГШ (без железнодорожников) 922.328 чел., на железной дороге отсрочки получили 565.202 чел. и всего, стало-быть,— 1.487.530 чел., или 25% всех призванных в ряды РККА за все время гражданской войны.

БРОНИРОВАНИЕ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ

Помимо персональных отсрочек применялась еще система бронирования и милитаризация предприятий, которые производились постановлением СТО.

Сущность бронирования заключалась в том, что данным предприятиям бронировалось определенное количество мест, независимо от того, были ли они заняты соответствующим количеством рабочих или нет. Милитаризация ставила рабочих данного предприятия в особое военное положение. Рабочие и служащие милитаризованных предприятий считались состоящими на действительной военной службе со всеми последствиями, отсюда вытекающими.

Всего за время гражданской войны было забронировано 975 предприятий и милитаризировано 2.329. Общее количество рабочих призывного возраста на этих предприятиях достигало 400.867 чел. [1].

Все эти цифры не являются абсолютно точными. В них есть, повидимому, и ошибки двойного учета и неснятие с учета тех, кто уже в промышленности не работал. Но они дают общую картину состояния вопроса с освобождением рабочей силы от призыва в ряды Красной армии и числа мобилизованных предприятий гражданской промышленности. Само собой понятно, что на заводах кадровой военной промышленности почти полностью применялась система бронировки и милитаризация. Промвоенсовет с его учреждениями и заводами был милитаризован постановлением СТО 4.VIII 1920 г.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС

В состоянии рабочей силы в военной промышленности огромную роль играл продовольственный вопрос.

---

[1] Все цифры по отсрочкам во время гражданской войны взяты из статьи Переса «Мобилизационный опыт гражданской войны, в связи с интересами народного хозяйства». Журнал «Военная мысль и революция». М. Изд. ГИЗ. 1924 г., №№ 7 и 8.

Гражданская война сопровождалась величайшим продовольственным кризисом. РСФСР голодала в самом подлинном смысле этого слова. Правительство вынуждено было перейти к строжайшему нормированию и экономии расходования продуктов питания. Хлебный паек гражданского населения часто опускался до $^1/_{16}$ фунта в день. В Красной армии фронтовой паек составлял $1^1/_2$ фунта хлеба в сутки, а тыловой — $^3/_4$ —1 фунт. Паек рабочих в гражданской промышленности местами снизился до $^1/_2$ фунта. Продовольственный кризис отразился самым тяжелым образом на военной промышленности, и правительству пришлось принять ряд чрезвычайных мер по улучшению продовольственного положения рабочих военных заводов. Деятельность СВП в большей своей части состояла в том, чтобы изыскивать для рабочих продовольствие.

17-го марта 1919 г. Совет обороны установил для рабочих военной промышленности усиленное питание в размере 1 фунта хлеба и 48 золотников овощей в день. В мае эта норма была увеличена до $1^1/_2$ фунта хлеба в день. Конечно, и этот «усиленный» паек лишь с трудом поддерживал энергию рабочих.

Результатом продовольственной необеспеченности была огромная тяга рабочих в деревню и колоссальный рост прогулов. Неявка на работу местами достигала 60%. Движение в деревню «за хлебом» породило колоссальную текучесть. В 1919 г. с заводов военной промышленности убыло 64.702 чел. и прибыло 85.151. При этом нужно иметь в виду, что убывала квалифицированная часть рабочей силы.

Только в 1920 г., благодаря твердому продовольственному снабжению для рабочих военной промышленности, проведению трудовых мобилизаций и милитаризации заводов, возвращению из Красной армии квалифицированных рабочих, использованию трудовых воинских частей, удалось создать некоторую устойчивость рабочего состава.

Бронирование пайков на заводах военной промышленности достигло в декабре 1919 г. 185.859, а в декабре 1920 г. —268.076. Помимо мероприятий по снабжению рабочих продовольствием, был принят целый ряд других мер для увеличения производительности труда. По тарифному вопросу на всех заводах СВП была введена премиальная оплата труда, достигавшая на некоторых заводах 300% на тариф. На некоторых заводах применялось натуральное премирование, которое даже имело большее значение, чем премирование денежное. Большое внимание было уделено также снабжению рабочих проз- и спецодеждой. Было уделено большое внимание подбору и оздоровлению личного руководящего состава на заводах. Старый состав заводоуправлений почти всюду был заменен более соответствующими лицами. Наиболее талантливые организаторы последовательно перебрасывались на те заводы, где производство падало.

ПРОБЛЕМА СЫРЬЯ

В условиях быстро растущей народно-хозяйственной разрухи в целом, развертывание производства в военной промышленности встретилось с колоссальными трудностями. В первую очередь здесь стояли трудности снабжения сырьем и материалами. Сырьевой кризис в стране в 1920 г. достиг неслыханных размеров. Добыча крупной промышленности по некоторым предметам упала до нуля. Так, например, по сравнению с 1913 г. в 1920 г. было произведено:

Хлопчатобумажной ткани	5,1%
Азотной кислоты	4,4%
Выплавка чугуна	2,4%
Выплавка меди	0

По разным источникам эти цифры колеблются, но близко подходят одна к другой.

Наличные запасы в военной промышленности истощились еще в 1919 г. Нужно было принять какие-то героические меры.

Нужно иметь в виду, что в отношении многих материалов русская промышленность базировалась на заграничном сырье. Приток импортной электрической меди, свинца, олова, алюминия, стали-серебрянки, оптического стекла и др. прекратился. Выход из положения был найден путем точного учета и бронировки всех запасов внутри страны. В течение 1915—1917 гг. было ввезено из-за границы 56.583 тонны важнейших цветных металлов, часть которых не была еще израсходована. Расход этих запасов производился с величайшей экономией по жестким, голодным нормам. Излишнее расходование дорогих материалов каралось, как величайшее преступление. Для контроля над расходованием сырья СВП установил «ведение сведений о состоянии и распределении по всем отраслям промышленности всех материалов, имеющих какое-либо отношение к военному делу».

Снабжение оборонных заводов металлами производилось в счет определенных норм СВП, установленных Советом обороны. Вследствие этого СВП получил привилегию снабжать свои заводы непосредственно из центральных базисных складов Продрасмета, а не через губсовнархозы. Помимо удовлетворения из центра, СВП приняты были меры к получению материалов с Урала и Украины. Помимо этого под контроль СВП были отданы крупнейшие промышленные объединения, как ГОМЗА, Главцветмет и др. В виду недостатка цветных металлов на базисных складах Продрасмета и в Главцветмете, были обследованы склады ГАУ, где было обнаружено большое количество цветных металлов, необходимых для производства патронной латуни и пульного мельхиора.

Одно время недостаток свинца грозил полной остановкой патронных заводов. Только благодаря забронированию всех запасов страны,

в количестве 140.000 пудов, удалось избежать острейшего кризиса. Для усиления производства латуни и мельхиора было организовано производство на Кольчугинском и Тульском заводах.

В отношении многих предметов пришлось наладить суррогатирование. Так, за неимением мыла для промывки гильз, по инициативе СВП, были приняты меры к выработке специального мыла без содержания селиката и гарпиуса. Недостаток касторового масла привел к выработке касторовых суррогатов. Для обеспечения авиопромышленности древесиной была налажена разработка бука, клена и ясеня, а также и производство фанеры. Производство томпаковых пуль тоже явилось не чем иным, как суррогатом.

В отношении качества изделий пришлось пересмотреть всю установочную систему допусков. Количество поневоле шло за счет качества.

С исключительной остротой ощущалось повсеместное отсутствие инструмента. На многих заводах измерительным инструментом (лекалами и пр.) рабочие работали по очереди. На Тульском заводе для производства инструмента, за неимением другой, стали применять сталь с большим содержанием углерода. Расход такого инструмента был пятерной, по сравнению с нормальным.

Огромное влияние на производительность оказало также и хозяйничание белых в занятых ими областях. Большое количество военных заводов во время гражданской войны переходило из рук в руки; при этом белые, при уходе с занимаемых районов, расправлялись с заводами самым зверским образом. Так, например, Ижевский оружейный завод, имевший в 1916 г. максимальную производительность в 53.200 винтовок, в июне и июле 1919 г. по освобождении его от белых мог произвести лишь 2.000 винтовок. Белые при своем уходе разрушили все турбины, эвакуировали почти полностью рабочий состав и материалы.

Луганский патронный завод трижды переходил из рук в руки и до 1920 г. наладить производства не мог.

В Самарском трубочном заводе чехо-словаки в 1918 г. увезли все чертежи, измерительные инструменты и приборы и эвакуировали весь технический персонал и т. д.

Стесненное состояние промышленности не позволяло создать новые заводы; однако для наиболее важных предметов военного снаряжения, как, например, винтовочные патроны и капсюли, эта мера была принята. Для организации нового патронного завода на Урале был выполнен ряд подготовительных работ; в Троицком снаряжательном заводе оборудовали совершенно самостоятельный отдел для изготовления винтовочных капсюлей; оборудован Подольский патронный завод; принят был ряд мер к скорейшему восстановлению Царицынского орудийного завода; установлено было производство гильз на Пиратском заводе и т. д.

Весь период деятельности Промвоенсовета прошел в сплошной борьбе с различными трениями, которые создавались благодаря быстрому изнашиванию оборудования и преодолении ряда затруднений, следовавших одно за другим.

ПРОБЛЕМА ТОПЛИВА

Не лучше обстояло дело и с топливом. Крупнейшие каменноугольные бассейны Республики (Донбасс, Урал, Кузбасс) в течение долгого времени были отрезаны от РСФСР контр-революционными силами или переходили много раз из рук в руки (Донбасс), шахты затоплялись и разрушались, а наличные запасы угля быстро иссякли. С 1918 г. были отрезаны также Бакинский и Грозненский нефтяные районы. Заводы и фабрики стали испытывать величайшую нужду в топливе. Развертывание добычи угля в Подмосковном районе дела не могло улучшить, ибо низкосортный подмосковный уголь не мог удовлетворить военной промышленности. В одинаковой мере не могла помочь положению и добыча торфа. Военной промышленности почти полностью пришлось перейти на дровяное отопление и в срочном порядке перестроить свои топки.

Но переход на дрова также был не легок, ибо дрова нужно было заготовить и перевезти; и то и другое требовало огромной энергии. С переходом на дровяное отопление заводы стали испытывать в свою очередь дровяные кризисы. Главтоп не мог полностью удовлетворять им заводы, а гублескомы работали не всегда хорошо, поэтому заводы в первый период организовывали самозаготовки в отведенных лесосеках.

Количество лесосек у отдельных заводов, ведущих самостоятельную заготовку, доходило до 22 с общей площадью до 900 десятин (Тульский оружейный завод). Вполне понятно, что самозаготовка означала снятие рабочих с производства, а следовательно, и уменьшение производительности заводов. Очень часто вопрос с топливом принимал весьма серьезный оборот и ставил под угрозу работу целого ряда заводов; из-за недостатка топлива долго не работали горячие цеха Обуховского завода, а рабочие Нижегородского завода, вместо работы по снаряжению, были обращены на заготовку дров и т. д. Некоторые заводы работали с большими перебоями. Так, в декабре 1919 г. вновь остановился Московский дроболитейный и патронный завод, так как обещанные заводу дрова во-время не прибыли, а «предоставленный местным совдепом деревянный дом был уже сожжен». Недостаток топлива сказывался на производительности заводов и дополнял картину переживаемого нами хозяйственного обнищания. Общий расход топлива в процентном соотношении отдельных видов его за 1920 и 1921 гг. выразился в следующем.

Годы	Уголь	Нефтетопливо	Дрова	Всего
1920 г.	13,7	7,3	79	100
1921 г.	10,8	17,7	71,5	100

В 1920 г. снабжение топливом все же в общем наладилось. Оно происходило в следующем порядке: СВП собирал от заводов, главков и центров, связанных с работой на оборону Республики, сведения на потребное топливо всех видов, проверял их, согласно производственным заданиям, и в согласованном виде передавал в Главтоп. Наблюдение за регулярным снабжением оборонных заводов топливом велось путем точного учета топлива на всех заводах. Бесперебойность снабжения топливом была достигнута, кроме всего, особыми постановлениями Совета обороны.

Вышеизложенное в общих чертах те трудности, которые пришлось преодолеть военной промышленности на пути налаживания своих военных производств.

Обратимся же теперь к цифровым итогам.

КОЛИЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Нижеследующая таблица иллюстрирует средний ежемесячный выпуск продукции в 1919 г. и первую половину 1920 г., а для сравнения взят и 1916 г.

Наименование предмета	За 1916 г.	За 1919 г.	За 1-ю половину 1920 г.
Винтовки	109.000	39.179	25.830
Пулеметы	915	504	313
Патроны (винтовочные)	123.700.000	29.771.000	27.500.000
Порох	22.600	5.314	4.100[1]
3-дюйм. пушки	1.000	305	—

За вторую половину 1920 г. производительность заводов военной промышленности значительно возросла. В 1921 г., в связи с окончанием гражданской войны, производительность, наоборот, сильно понизилась. Динамику производительности можно установить из нижеследующей таблицы итоговых данных выпуска продукции в 1919, 1920 и 1921 гг.

[1] Все цифры по выпуску продукции взяты из отчета СВП за 1919 г. и 1920 г., отчета ЦЕПАЗ за 1920 г. и отчета Чусоснабарма, изд. ГВИУ, 1920 г.

Наименование предметов	Всего выпущено		
	в 1919 г.	в 1920 г.	в 1921 г.
Винтовок	470.155	425.994	245.315
Пулеметов	6.056	4.459	2.900
Патронов (винт.)	357.260.000	411.365.000	292.972.000
Пороха	63.767 п.	—	76.876 п.
Самолетов	258	199	147

По отчету Чусоснабарма за 1919 г. и 1-ю половину 1920 г., на заводах военной промышленности было произведено:

Винтовок	625.210	Биноклей	937
Пулеметов	7.930	Б. стереотруб	362
Станковых пулеметов	9.855	Снаряжения капсюльных втулок	310.150
Револьверов	96.752	Пушек	573
Шашек	48.651	Снарядов	193.559
Патронов в тысячах	517.010	Выпуск самолетов	339
Капсюлей в тысячах	650.282	Ремонт самолетов	57
Панорам	959	Обоз технич. (всего единиц)	3.714

Здесь обращает на себя внимание малое количество выпуска снарядов. Это объясняется тем, что гражданская война, в отличие от мировой, не была «артиллерийской» войной. Гражданская война была войной «ружейно-пулеметной». Ее тактика в основном определялась этим моментом. Производство винтовок и ружейных патронов было «шверпунктом» военной промышленности. Расход снарядов в гражданской войне был сравнительно не велик. Если можно так выразиться, в этом было «счастье» гражданской войны. Кто знает, какие испытания пришлось бы выдержать нашей промышленности, если бы потребность снарядов была такой же, как во время мировой войны. Малый выпуск снарядов объясняется еще и тем, что именно этого предмета боевого снабжения остались огромные запасы от мировой войны. С конца 1916 г. и почти весь 1917 г. боеспособность старой армии хотели поддержать лозунгом «снарядов не жалеть». Промышленность тогда развернула огромную гонку в производстве снарядов. Расстрелять их не успели, и Красная армия питалась из этого источника.

Точных цифр действительного расхода снарядов во время гражданской войны нет. Нижеследующие данные являются ориентировочными, и к ним надлежит отнестись с большой осторожностью. По данным ГАУ, на 1-е октября 1927 г. на складах военведа было сосредоточено:

Готовых артиллерийских выстрелов	22.600.000
Выстрелов в полных комплектах элементов	14.200.000
Итого	36.800.000

Во время гражданской войны было израсходовано свыше 25.000.000 снарядов. Эти снаряды были расстреляны не только Красной армией, но и белыми, ибо запасы снарядов были рассредоточены по всей стране.

Кроме выпуска новых предметов боевого снабжения, широко применялась система ремонта. По данным отчета ЦЕПАЗ на 1-е января 1920 г., было отремонтировано: 972 артилл. системы, 1.560 зарядных ящиков, 1.740 единиц различного обоза и т. д.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕНЗАГА

Помимо снабжения армии предметами боевого снабжения, Чусоснабарм, как мы видели выше, должен был также обеспечивать и интендантское снабжение. К сожалению, у нас нет под рукой полных данных о результатах деятельности Чусоснабарма в этой области, но для иллюстрации можно указать на нижеследующую таблицу:

Ведомость главнейших предметов интендантского имущества, выданного Красной армии за год существования Чусоснабарма (в круглых цифрах)

Наименование предмета	Выдано по нарядам центра	Изготовлено и выдано фронтовым чусо	Всего
Шинели	1.850.000	1.250.000	3.100.000
Полушубки	380.000	120.000	500.000
Телогрейки	410.000	1.030.000	1.100.000
Ватные шаровары	990.000	50.000	1.040.000
Кожаная обувь	2.200.000	1.850.000	4.050.000
Валенки	805.000	150.000	955.000
Суконные рубахи	1.510.000	800.000	2.310.000
Суконные шаровары	1.460.000	650.000	2.110.000
Летние рубахи	210.000	500.000	2.600.000
Летние шаровары	1.700.000	450.000	2.150.000
Нательные рубахи	4.350.000	2.000.000	6.450.000
Кальсоны	4.700.000	2.300.000	7.000.000
Фуфайки	2.350.000	—	2.350.000
Нательные кальсоны	2.150.000	—	2.150.000

Примечание. Имущество, выданное за год существования Чусо, изготовлено все в течение этого периода. Органами снабжения армии за два года существования армии до Чусоснабарма было выдано некоторых предметов больше, чем за год при Чусоснабарме, но эти предметы брались из старых запасов, которые к весне 1919 г. совершенно иссякли.

Эти цифры также говорят об огромном напряжении мобилизованной гражданской промышленности, которая почти полностью прекратила производство гражданской обуви и одежды, ибо вся ткань и кожа расходовались для Красной армии. Воензаги, на которых, главным образом, падало производство обмундирования, с момента подчинения их Чусо стали работать с большой энергией. К производству обмундирования были привлечены не только промышленность, но и общественные организации и артели кустарей.

КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В 1921 г., вместе с ликвидацией последних фронтов гражданской войны и повстанческого движения, началась плановая демобилизация промышленности.

Героический период «военного коммунизма» окончился, и вместе с нэпом началась новая эпоха мировой борьбы за социалистическое строительство. Декретом от 16-го августа 1921 г. ВЦИК постановил приступить к ликвидации органов Чусоснабарма и передаче промышленности органам ВСНХ. В этом декрете ВЦИК, между прочим, отмечает: «За время двухлетней напряженной работы Чрезвычайный уполномоченный Совета труда и обороны по снабжению Красной армии и флота и его органы в полной мере выполняли возложенные на них задания по обороне Республики, использовав все имеющиеся возможности, наладив при невероятно тяжелых условиях дело снабжения армии и флота, подняв производительность заводов, работающих на оборону, и содействуя быстрому и правильному распределению предметов снабжения. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет с благодарностью отмечает заслуги перед революцией работников Чрезвычайного уполномоченного Совета труда и обороны по снабжению Красной армии и флота, в особенности работавших непосредственно на фронтах.

Промвоенсовет (СВП) приказом Чусоснабарма от 18-го апреля 1921 г. был передан в состав ВСНХ, при этом отдельные главки (Цепаз, Цупвоз и т. д.) были упразднены, а заводы подчинены непосредственно Промвоенсовету. Этой реорганизацией Промвоенсовет из органа, объединяющего и регулирующего деятельность главков, превратился в орган, управляющий непосредственно предприятиями. СВП превратился в некий мощный трест с большим количеством заводов (больше 60), с очень сложным и разнообразным производством.

Такое положение, естественно, отразилось на организации и деятельности СВП (переименованного в ГУВП) самым отрицательным образом, и в 1926 г. военная промышленность была вновь «растрестирована» по отдельным военно-производственным трестам.

Задача же объединения этих трестов возложена на Военно-промышленное управление ВСНХ (ВПУ).

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОПЫТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВОЙНА БУДУЩЕГО

В кратком очерке бегло и лишь в самых общих чертах изложена героическая история привлечения военной промышленности СССР к выполнению задач по обороне в гражданской войне. Но даже из этого короткого очерка вытекает ряд конкретных выводов, касающихся задач, путей и методов мобилизации промышленности в войне будущего. Эти выводы представляются в нижеследующих тезисах:

1. Гражданская война 1918—1921 гг., точно так же как и война мировая, твердо устанавливает, что снабженческие потребности современной действующей армии ни в коей мере не могут быть удовлетворены ни боевыми и интендантскими запасами, заготовленными в мирное время, ни даже интенсивнейшей работой во время войны одной лишь кадровой военной промышленности. Проблема снабжения в современной войне может быть решена лишь привлечением всей промышленности страны к выполнению военных заказов.

В 1920 г. численность Красной армии достигла 5.000.000 человек. Эта цифра говорит об огромном размахе гражданской войны. Чтобы эту многомиллионную армию накормить, одеть, обуть и снабдить всеми необходимыми боевыми припасами и снаряжением, пришлось пойти на величайшие усилия и испытания в деле мобилизации всех средств страны для нужд войны. Эпоха «военного коммунизма» явилась неизбежным следствием народно-хозяйственных потрясений, вызванных мировой и гражданской войной.

Вооруженное нападение на СССР, усиленно подготавливаемое капиталистическими странами, может привести в ближайшее время к такому столкновению, размах которого превзойдет размах гражданской войны. Оборона СССР может быть обеспечена только массовой, многомиллионной армией, прекрасно обученной и вооруженной всей современной техникой. По сравнению с гражданской, будущая война рисуется более ожесточенной и кровопролитной, в ней техника будет играть гораздо большую роль. Роль снабжения этих масс возрастет до больших пределов. В силу этих обстоятельств, на проблеме организации и подготовки к войне тыла страны должно быть заострено внимание партии, правительства и всех общественных сил страны.

2. В гражданской войне, точно так же как и во время мировой войны, пришлось мобилизовать промышленность, во-первых, в ходе самой войны и, во-вторых, в условиях все возрастающей народно-хозяйственной разрухи. Поэтому мобилизация промышленности

протекала с огромными трудностями, где плановость в силу непреодолимых условий была заменена «ударностью» и кустарничеством. Разруха в промышленности, которая все время переходила от одного кризиса к другому, быстро росла, а мобилизация ее проходила с огромными трениями и не давала нужного эффекта. Чтобы в войне будущего не повторилась такая же «история», необходимо мобилизационный план промышленности разработать в мирное время, и не только промышленности, но мобилизационный план и всего народного хозяйства. Промышленность СССР перешагнула довоенный уровень и продолжает быстро расти на новой технической базе. Она организационно окрепла и имеет все данные для того, чтобы свой мобплан разработать с достаточной полнотой и тщательностью.

Имея в виду, что осуществление мобилизации промышленности требует больших сроков, исчисляемых месяцами, необходимо заготовить и сосредоточить на складах достаточные готовые запасы боеприпасов, снаряжения и обмундирования, которые обеспечат снабжение действующей армии в первый период войны. В промышленности СССР заложены потенциальные возможности для обеспечения многомиллионной армии. Эти возможности, в связи с индустриализацией страны и реконструкцией промышленности, растут из года в год, усиливая обороноспособность страны до больших пределов.

Мобилизационный план промышленности позволит выявить все военно-потенциальные возможности еще в мирное время и создаст условия для их быстрого использования в случае нужды.

3. Действительный мобилизационный план промышленности требует не только разработки бумажных, плановых расчетов, но и принятия целого ряда мер, без которых невозможно обеспечить бесперебойный переход промышленности с мирного на военное положение. Выше мы видели, в каком огромном и непрерывном напряжении находилась военная промышленность в гражданской войне из-за хронического недостатка сырья и полуфабрикатов, особенно в отношении импортных материалов. IV съезд Советов, в своем постановлении по докладу «Об обороне страны», поручил ЦИК'у принять меры, «чтобы оборона Советского Союза была материально обеспечена необходимым количеством мобилизационных запасов по всем отраслям и видам снабжения». Необходимо, чтобы это постановление было проведено в жизнь в наикратчайший срок. Если в стране не будет свинца, олова, дубильного экстракта, сурьмы, производства связанного азота и проч., то даже самый гениальный мобилизационный план делу не поможет. Не следует забывать, что экономическая блокада СССР во время войны почти неизбежна.

В стремлении к экономической независимости и в строительстве под лозунгами индустриализации ни в коем случае не следует забывать или отводить на второй план задач по обороне страны. Эти задачи должны быть обеспечены в первую очередь, ибо военная опасность растет изо дня в день. При новом строительстве надлежит серьезно учитывать территориально-стратегические условия, отнеся постройку новых заводов, по возможности, вглубь страны. Нет оснований считать, что белогвардейские армии в занятых областях при уходе производили разрушения более свирепо, чем то будут делать белые армии капиталистических стран.

Гражданская война, которая велась, главным образом, на внутренних фронтах, с особой остротой выявила вопросы дислокации и связанных с ней эвакуации и реэвакуации военной промышленности. Напряжение военной промышленности во многом вытекало из факта неустойчивости фронтов, а отсюда необходимости эвакуации или оставления крупных заводов в руках противника.

Для примера можно указать значение Ленинграда, как военно-промышленного центра. Во время мировой войны там было сосредоточено производство: 100%—6-дюйм. орудий и выше, 48‴ гаубиц, горных и зенитных орудий и 60%—3″ пушек; до 60% дистанционных трубок и взрывателей и т. д. Между тем, нахождение Ленинграда в фронтовой полосе все время ставило его под угрозу захвата противником, который мог бы, и в кратчайший срок, нанести промышленности непоправимый ущерб. Когда в марте 1918 г. над Ленинградом нависла непосредственная угроза немецкого нашествия, был поставлен вопрос о его эвакуации. Многие ценные установки были увезены внутрь страны, но развернуть их работу в новых местах в большей части не удалось до конца гражданской войны.

В одинаковой мере в мобилизационном плане промышленности надлежит предусмотреть рабочий вопрос, порядок привлечения научно-технических сил страны, вопросы топлива, транспорта и проч.

4. В форме аппарата Чусоснабарма гражданская война дала организационное решение проблемы управления мобилизованной промышленностью в военное время. Хотя формы и условия будущей войны, по сравнению с гражданской, наверно, будут отличаться коренным образом, тем не менее мы считаем, что без Чусоснабарма не обойдется. Война потребует от промышленности страны такого напряжения, которое сможет быть проявлено лишь путем принятия особых, чрезвычайных мер. По опыту гражданской войны мыслится, что аппарат Чусоснабарма явится чрезвычайным правительственным заготовительным органом военного снабжения. От непосредственных распределительных функций аппарат Чусо следовало бы освободить и возложить их на органы снабжения Красной армии.

Двойственное и даже тройственное подчинение довольствующих органов Красной армии во время гражданской войны создавало часто большие трения. Учитывая совершенно иные условия будущей борьбы—окрепший аппарат снабжения Красной армии и восстановленное народное хозяйство страны,—нет нужды создавать в действующей армии многовластие.

Некоторые военные работники отрицательно оценивают опыт Чусо и ничего не предлагают положительного вместо него. В этом отношении интересна точка зрения РВС Западного фронта (в частности т. Тухачевского), который в первый период гражданской войны в общем относился отрицательно к самой идее Чусо, но который все же сумел наладить правильные взаимоотношения с чусозапом в период русско-польской войны. И когда в 1921 г. был поставлен вопрос о расформировании аппарата Чусозапа, РВС Западного фронта специальными докладами требовал его сохранения. Мне кажется, что не против идеи Чусо нужно возражать, а нужно, изучив опыт гражданской войны, разработать положение о Чусо в Полевом управлении войск так, чтобы между командованием и Чусо было на местах возможно меньше трений.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ВЫПИСКА ТОВ. ЛЕНИНА,

сделанная им в 1915 г. из книги Клаузевица „Vom Kliege". zweiter Teil, Berlin, bei Ferdinand Dummler, 1833, стр. 135.

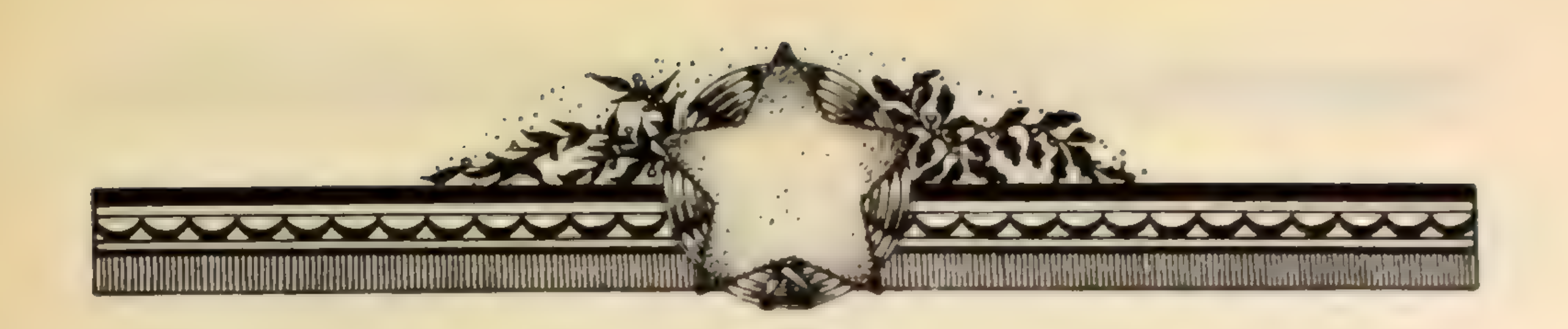
«х(а)р(ак)т(е)р полит(ической) цели» им(еет) решающее влияние на вед(ение) в(ой)ны.[1])

... «Мы уже указали, что характер политической цели, величина наших или неприятельских требований и все наши политические условия фактически имеют самое решительное влияние на ведение войны» [2]).

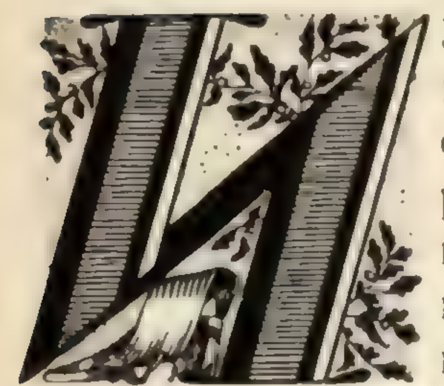
[1]) Написано тов. Лениным по-русски.

[2]) Стр. 135.

С. М. БЕЛИЦКИЙ

К ИЗУЧЕНИЮ ОПЫТА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918—1921 ГГ.

ЗУЧЕНИЕ опыта гражданской войны во все времена являлось делом нелегким. Положение облегчалось, однако, тем, что гражданский историк обычно успевал до приступа к работе военного историка нарисовать общую картину изучаемого периода. Исследователь опыта гражданской войны 1917—1921 гг. находится в этом отношении в очень тяжелом положении, так как у нас до сих пор нет еще полной истории Советской России, хотя бы за первое пятилетие. Исследователю приходится поэтому иметь дело с многочисленными, но достаточно сырыми материалами; часть источников наполнена чисто политическим материалом, часть источников—военно-научного характера—построена по шаблону описаний военных операций,—по тому самому шаблону, который сейчас даже военными специалистами признается совершенно неудачным и методически неверным. Современное научное изучение опыта войн мыслится лишь, как результат взаимодействия гражданских и военных историков и исследователей. К сожалению, этого взаимодействия к сегодняшнему дню еще нет, и гражданский историк еще как бы отсутствует. Военному исследователю приходится волей-неволей вторгнуться в изучение чисто политических факторов, ему приходится для этой цели отлично себя подготовить; зато в результате такой осложненной работы мы можем получить более цельный труд, более глубокую проработку затронутых проблем.

В последующих главах мы попытаемся в краткой форме остановиться на тех основных вопросах гражданской войны, с которыми придется столкнуться, в первую очередь, исследователю опыта этой войны. Исследование этого опыта должно быть максимально

всесторонним и вместе с тем иметь некоторую основную установку. Эту установку мы легко найдем, если изучение опыта гражданской войны 1918—1921 гг. мы поведем, исходя из желания использовать этот опыт в неизбежно грядущей новой войне СССР с контр-революционными силами.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Что представляет собой по существу гражданская война 1918—1921 гг.?—Это—вооруженная борьба внутри развалившейся царской феодальной России за утверждение господства нового класса, и в этой борьбе, в конечном счете, должен был стать победителем пролетариат, как сильнейший из боровшихся классов. Эта борьба должна была стать напряженной,—она не могла не быть наполненной кровавыми столкновениями, ибо слишком тяжелое наследство в политическом и экономическом отношении оставил после себя царизм; в течение 300 лет на огромной русской территории накапливался небывалый в мировой истории клубок классовых, национальных, религиозных и прочих противоречий. Февральская, а затем и Октябрьская революции развязали дремавшие до тех пор мощные потенциальные силы. Гражданская война 1918—1921 гг. не является случайным историческим эпизодом,—не является результатом «азиатского большевизма», как это любят утверждать наши политические противники; она является как бы естественным продолжением крестьянских волнений всех без исключения окраин за период последних двух столетий, революционных событий 1905 и 1912 гг., поражений мировой войны и прямым продолжением кровавых дней Февральского переворота, ярких дней июля 1917 года, корниловской авантюры, «отложения Кронштадта», «самовольного» раздела помещичьих земель в середине 1917 года, стихийного отделения окраин и, наконец, дней героических боев Октябрьского переворота. Марксистское мышление никаких исторических провалов и разрывов тут не найдет.

Историк гражданской войны, подходя к изучению любого события, должен, прежде всего, изучить те внутренние классовые взаимоотношения, которые складывались на данной территории еще во времена старого режима. Вооруженная борьба на Дону в 1917—1918 гг., по существу говоря, лишь в наиболее резкой форме выявила те противоречия, которые складывались десятками лет между местным кулацким казачеством и пришлым малоземельным крестьянством, так называемыми «иногородними». События на Украине в 1917—1919 гг. в значительной степени являлись вооруженной реакцией на многолетнюю политику удушения царским правительством всяких национальных устремлений населения Украины. Отделение наших бывших западных окраин — ныне пограничных с нами мелких

Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным

Товарищи! Четыре месяца тому назад, в конце августа 1919 года, я имел случай обратиться с письмом к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком.

Теперь я перепечатываю это письмо целиком для рабочих и крестьян Украины по поводу побед над Деникиным.

Красные войска взяли Киев, Полтаву, Харьков и победоносно [illegible] [illegible] … разбить до конца войска, [illegible]

[illegible]

[illegible]

республик—есть также в известной степени результат неправильной царской национальной политики, использованной уже затем местной буржуазией в своих классовых интересах. Национальные и религиозные предрассудки на Украине, в Польше или в Средней Азии,—разве они точно так же не служили наиболее побудительным толчком к развертыванию и углублению гражданской войны?

Слишком велики и противоречивы были интересы отдельных общественных группировок. Гражданская война 1918—1921 гг. является неизбежным логическим производным фактором всей истории царизма. Злейшей демагогией или политической безграмотностью звучат слова наших врагов (и в первую очередь—социал-предателей), будто в наших определенных исторических условиях можно было избегнуть гражданской войны. Внутренняя война уже до Октября шла на всех парах, и задача пролетариата состояла лишь в том, чтобы эти неизбежные исторические события направлять и использовать таким образом, чтобы в конце-концов обеспечить свою диктатуру в союзе с остальными трудящимися массами.

Как эти общественные взаимоотношения складывались до гражданской войны, как они влияли на ход изучаемых событий гражданской войны, как эти взаимоотношения сложились после гражданской войны,—все это должно быть всесторонне и самым тщательным образом изучено. Это даст много ценных выводов для войны будущего, в которой эти же факторы могут сыграть весьма серьезную роль.

ОЧАГИ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ВТЯГИВАНИЕ МАСС В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Противоречия среди 170-миллионного населения царской России распределялись по огромной территории неравномерно; мы найдем определенные очаги этих противоречий, которые затем в значительной степени и совпали с очагами гражданской войны. Чем дольше накапливались в каком-либо пункте эти противоречия, чем глубже они были,—с тем бо́льшими в смысле стойкости очагами гражданской войны мы там будем иметь затем дело. Если нанести эти очаги на карту, то мы получим интереснейшие материалы и указания для тех стран, которые сейчас находятся накануне революционных событий. При правильном научном подходе можно там еще до наступления гражданской войны кое-что предвидеть, если опыт нашей гражданской войны будет подвергнут специальному для этой цели исследованию.

Но на ряду с районами, насыщенными противоречиями, мы имеем такие куски территории, на которых классовые, религиозные или национальные противоречия выявлялись в слабой степени. Однако и там гражданская война, как социальный фактор, сама по себе

стала мощной движущей силой для развития и углубления классовых противоречий. Она усиливала распад премежуточных слоев и, концентрируя борющиеся силы на двух полюсах,—красном и белом,—тем самым неизбежно должна была захватить и слабые районы противоречий. Очаги сливались между собою, как бы протягивая друг другу щупальцы; они неизбежно втягивали в свою орбиту те силы и средства, которые, быть-может, в других исторических условиях оставались бы нейтральными. Это обстоятельство необходимо учесть при историческом анализе очагов гражданской войны.

Гражданская война характерна движением масс. Эти массы, вступая в вооруженное столкновение, накладывали резкие и своеобразные отпечатки на организацию вооруженных сил, на тактические и оперативные формы. То, что с первого взгляда историку покажется непонятным, легко может быть объяснено, если учесть это властное вмешательство в гражданскую войну неорганизованных широких масс. В этом отношении роль гражданского населения в гражданской войне была более значительной, чем в войне мировой.

Одновременно гражданская война перевоспитывала эти широкие массы; через ее действительный огонь прошла почти вся территория старой России. Под грохот артиллерийского огня и треск пулеметов массы населения продумывали и затем выявляли свое отношение к развертывавшимся событиям. Они в результате этого втягивания прошли такую боевую закалку, которая еще долго не сгладится и которая, несомненно, скажется в грядущей войне. Обычно ссылаются на то, что и в мировой войне, помимо действующих армий, приняли участие многомиллионные массы гражданского населения. Но это участие, в известной степени относительное, скорее относится к области экономики и моральной стойкости. В нашей же гражданской войне гражданское население в буквальном смысле этого слова прошло через огонь вооруженных схваток.

Втягиваясь в вооруженные схватки, эти гражданские массы приносили с собою на поля сражений навыки и традиции своего исторического прошлого и настоящего. Они всегда и раньше всего заставляли всех приспособиться к себе; тот, кто не понимал характерных свойств гражданских масс, тот не мог справиться с их организацией в своих интересах. Самое трудное было—сломать их косность, повернуть их стихийные порывы в определенное русло, а затем они уже сами ходом событий поддавались соответствующей обработке. Мимо этой особенности историк гражданской войны пройти никак не может. Он должен постоянно иметь в виду, что он имеет дело не с армиями, в старом военном понимании этого слова, а с массами, которые в процессе борьбы приспосабливались к конкретной боевой обстановке и которые, в силу этой боевой

обстановки, неизбежно должны были притти на основании горького опыта к определенным организационным и тактическим выводам. В частности творчество тактических форм в гражданской войне было творчеством масс в наиболее прямом и резком виде. Проследить процесс постепенно возрастающей военной квалификации борющихся масс—одна из труднейших задач, стоящих на пути историка гражданской войны; в этой области особенно важно проследить работу пролетариата, как организующего начала.

О ЕДИНОМ ОПЫТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

На вопрос о единстве опыта гражданской войны обязательно натолкнется каждый историк. Следует ли ко всем событиям гражданской войны подходить с одинаковой меркой и с одинаковыми методами исследования?

Начертание фронта гражданской войны достигло 8.000 *км.* Война протекала в разных условиях времени и пространства. Сами по себе очаги гражданской войны складывались своеобразно в течение десятков, а иногда и сотен лет. К этому примешивается ряд экономических и географических особенностей. Отдельные районы гражданской войны в международном отношении (территориальная близость и политические интересы разных иностранных государств вдоль наших границ) испытывали различное влияние; это влияние усиливало своеобразие данного участка или сектора гражданской войны. Боевые события гражданской войны на любом из этих секторов развертывались разнообразными методами и формами. Это положение может быть подтверждено десятками и сотнями примеров того, как слепое перенесение методов борьбы с одного театра гражданской войны на другой давало неожиданные результаты. То, что было хорошо на Восточном фронте, никуда не годилось на Южном и т. д. и т. п. Слава победоносных знамен украинских частей меркнет на полях Польши и Волыни. Сибирские части, разгромившие Колчака, становятся втупик перед степями Украины. Мы знаем десятки дивизий, которые были вынуждены, после переброски с одного фронта на другой, переучиваться заново.

Каждый сектор (или фронт) гражданской войны, в силу своего исторического прошлого, географических особенностей, своеобразия развертывания классовой борьбы, имел свои стратегические и тактические особенности; поэтому сплошь и рядом будет целесообразнее изучать опыт гражданской войны не в календарном разрезе, а в территориальном. Этот сложный методологический спор следует разрешить в плоскости разграничения сфер деятельности между военной историей и историей военного искусства. Военная история описывает события и в календарном и в территориальном разрезах. Теория военного искусства будет выявлять

сущность военных и политических приемов борьбы на данном театре, отметет в сторону случайное и привходящее и даст соответствующую оценку тем факторам, которые смогут играть роль и в войне будущего. Разве можно вынести что-нибудь поучительное для будущего, если мы возьмемся за изучение опыта событий всего 1918 года на всех фронтах одновременно? Театр военных действий следует изучить отдельно со дня его возникновения и до дня полной его ликвидации; такое изучение сразу даст ряд практических выводов для войны будущего, если эта война захватит данный сектор территории. Постепенное нарастание сил на этом театре, эволюция тактических и оперативных форм, влияние социальных факторов данной территории, влияние определенных конкретных географических факторов, все это даст бóльшие практические результаты, чем попытка исследователя, бросаясь с одного театра на другой, объединить в календарные периоды то, что объединению не подлежит, и найти общие формулы и общие факторы там, где их вовсе не было. Но, вместе с тем, нельзя также отрицать того, что события на одном фронте в календарном порядке влияли на развитие событий на другом фронте; здесь немалую роль играла как общая международная, так и внутренняя обстановка. Нельзя, далее, отрицать и того, что в известном отношении опыт борьбы на одном фронте учитывался на другом фронте. Все это надо внимательно учитывать, но все это суть факторы второстепенного порядка по сравнению с своеобразием каждого театра военных действий гражданской войны.

Некоторые отдельные проблемы могут стать предметом специального исследования, как охватывающие действие всех фронтов; в первую очередь следует приняться за изучение соответствующей части работы Центрального комитета нашей партии и всей деятельности Революционного военного совета. Изучение этих данных в настоящее время еще не вполне доступно архивному исследователю; предмет, в целом, скорее относится к области высшей стратегии и высшей политики, чем к изучению опыта гражданской войны в области оперативного и тактического искусства. Здесь перед нами последовательно вырастал бы ряд проблем исключительного содержания и размаха. Чисто военная сторона этих вопросов иногда займет весьма скромное место.

МИРОВАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Историк гражданской войны не пройдет мимо того, что война эта началась тогда, когда мировая война еще не кончилась. В этом обстоятельстве она родственна гражданской войне во Франции в 1871 г., которая также испытала властное вмешательство еще не окончившейся франко-прусской войны. В одной только России

15.000.000 людей стояло под ружьем. В стране образовался огромный запас обученных бойцов и комсостава; раненые и демобилизованные также пополняли ряды обученного элемента; распад царской армии дал сотни тысяч дезертиров под всякими предлогами. С империалистического фронта эти массы уходили с оружием в руках, и это оружие осело на всей территории страны и долго питало гражданскую войну.

На ряду с этим неорганизованным, но обученным, элементом внутри страны находились также запасные части и имелись склады снаряжения, вооружения и продовольствия для многомиллионной армии. В общем, в результате трех лет мировой войны произошла своеобразная милитаризация населения. Все это представляло благоприятный материал для формирования новой вооруженной силы на смену развалившейся царской армии.

Грядущая гражданская война чувствовалась с первых дней керенщины, как весьма осязательный факт. Внутри армии, на ряду с распадом, формировались новые движущие силы. Формирование офицерских союзов, ударных частей и т. д. и зарождение красногвардейских отрядов уже отчетливо намечало организационные формы будущих вооруженных сил белой и красной стороны. Эти организационные ядра раньше всего стремились захватить в свои руки базы вооружения и огнеприпасов старой армии. Красногвардейский период гражданской войны характерен борьбой за железнодорожные узлы, которые вместе с тем часто являлись и центрами снабжения старой армии. Содержание этих баз влияло на характер организации вооруженных сил их владельцев.

То, что центр, где господствовал восставший пролетариат, обладал бо́льшим количеством баз материальной части старой армии, предопределило в известной степени конечный результат гражданской войны. Это же обстоятельство сразу заставило белые армии искать внешних путей снабжения и отдало их целиком и полностью в руки иностранной буржуазии.

Мировая война оказала влияние на гражданскую войну не только в материальном отношении, но и в идеологическом. Здесь мы имели два подхода. С одной стороны, белые, стремясь к реставрации старого строя, многократно пытались воскресить у себя старые формы организации вооруженных сил. Революционные массы, с другой стороны, свергнув царский режим с ненавистной им войной, решительно порвали со всеми без исключения формами организации старой армии и ударились в сплошное импровизирование. Однако жизнь скоро заставила обе стороны исправить свои ошибки.

Но, помимо этого, мы имеем целый ряд фактов, которые непосредственно связывают мировую войну с гражданской в цельный процесс превращения империалистической войны в войну классовую.

Взять хотя бы, к примеру, процесс оккупирования немцами Украины в 1918 году или хотя бы тот факт, что в белых армиях работали в качестве консультантов те же военные миссии Антанты, что и в царской ставке, и т. д. и т. п.

Влияние мировой войны мы постоянно ощущали в 1917—1919 гг.; лишь в 1920 г., в операциях против Польши, это влияние как-будто бы внешне уменьшается, но, по существу, и здесь мы имеем такие факты, как, например, снабжение Антантой польской армии из запасов мировой войны, участие в войне легионеров, вышедших из недр австро-венгерской армии, и т. д. и т. п. Мы лишь во второй половине 1919 года перешли на частичное снабжение военной продукцией собственного советского изготовления, а до этого времени мы питались наследством старой армии.

Все это необходимо тщательно проанализировать и верно оценить, так как влияние мировой войны было одним из важнейших и своеобразнейших факторов в гражданской войне. Этот фактор вряд ли будет иметь место во всякой гражданской войне, что, однако, не лишает его существенного значения. Все величие наших побед заключается в том, что мы победили своих врагов в условиях окружения вооруженного до зубов империализма. В этих условиях мы не только последовательно отразили нападение германского и антантовского империализма, не только уничтожили внутреннюю контр-революцию, но и сумели заложить правильные основания той вооруженной силы, которая примет участие и в войне будущего.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И МИРОВАЯ БУРЖУАЗИЯ

Своеобразие гражданской войны усиливается той сложной международной обстановкой, в которой война эта протекала. В прошлых гражданских войнах этот фактор был также налицо, но в значительно меньших размерах. Так, в гражданской войне между северными и южными штатами Америки он почти отсутствовал, а в гражданской войне 1870—1871 гг. во Франции он имел, по сравнению с другими, второстепенное значение.

Вот почему историк гражданской войны совершит большую ошибку, если он замкнется только в события самой гражданской войны и увлечется изучением боевых действий одних лишь фактически боровшихся сторон. Гражданская война 1918—1921 гг. никогда не являлась внутренним делом народов и классов старой России. Последняя всегда была многочисленными экономическими и политическими узами связана с остальным мировым капиталистическим хозяйством. Значительное участие царской России в разных империалистических группировках, географическое положение России, роль иностранного капитала в экономике России, — все это, взятое само по себе, не могло пройти бесследно для гражданской

войны. Ко всему этому прибавился такой мощный факт, как выход России из мировой войны в результате революции. Обе борющиеся империалистические коалиционные группировки никак не могли и не хотели так легко сбросить Россию со своих счетов. Германский империализм воспользовался этим обстоятельством, чтобы отнять у нас все фронтовые запасы, затем создал между собой и нами целую серию буферных государств, чтобы путем политического отделения Украины и Кавказа овладеть экономическими путями на Восток, и т. д. Почти точно так же складывалось отношение к нам Антанты. Здесь мы имели два периода: первый период, это беспочвенная попытка возродить развалившуюся царскую армию, и второй—попытка расчленить Советскую Россию на отдельные куски, после того как победа Антанты на Западе стала совершившимся фактом. Ничего в этом неожиданного не было. Антанта всегда смотрела на армию России, как на пушечное мясо, решавшее дополнительные задачи. Вместе с тем, Россия в результате концессионной и банковской политики еще при царизме была уже давно поделена на сферы влияния между крупными капиталистическими государствами, и если эти сферы влияния носили более или менее явный или скрытый характер, то это не меняет существа вопроса. Французы экономически сильно влияли на промышленность юга России. Англичане имели существенные экономические интересы на севере России, Кавказе, Урале и в Сибири. Десятилетиями японцы укрепляли свое влияние на Северном Сахалине и в Приморской области. Появление затем в гражданской войне интервентов в этих же соответствующих областях является логическим продолжением экономического завоевания территории старой России иностранным капиталом. На место банкира, заводчика, фабриканта, нефтепромышленника пришел генерал с вооруженными солдатами, с целью вернуть своему господину его экономические выгоды.

События Октябрьского переворота поставили перед всеми этими империалистическими государствами ряд новых, определенных задач. Раздираемые внутренними противоречиями, временами объединенные ненавистью к нам, —все эти государства бросились, кто как умел и смог, в огонь гражданской войны, своим вмешательством еще более разжигая классовые и национальные противоречия. Можно и следует сколь угодно правильно утверждать, что вмешательство иностранных держав в нашу гражданскую войну ее утяжелило и продолжило во времени и в жертвах, но это сожаление будет исторически бесполезным. Вмешательство иностранной буржуазии в ход гражданской войны было таким же неизбежным историческим явлением, как и сама гражданская война. Это вмешательство стремилось к тому, чтобы подорвать внутреннюю мощь Советского государства, к тому, чтобы заставить страну

революции пойти на изменение существа советского строя, к тому, чтобы организовать и сплотить контр-революционные силы, и, наконец, это вмешательство выразилось в прямой присылке своих вооруженных сил.

Мы не станем перечислять здесь примеры,—их имеются десятки и сотни, и о них достаточно исписано строк и страниц. Важно лишь отметить, что внутренняя контр-революция никогда не смогла бы организовать такого сопротивления, если бы не поддержка иностранной буржуазии. Вопя на всех перекрестках о том, что большевики разрушают государственность, белые, выставляя себя хранителями национальной независимости, фактически являлись холопами иностранной буржуазии и помогали ей расчленять территорию России на ряд мелких буржуазных государств. Краснов, Грузия, Деникин, Польша, Архангельск, Юденич, Колчак, басмачи и т. д.,—все это питалось извне. Задача историка—выявить при изучении событий того или иного театра влияние соответствующих иностранных государств.

Особенно важно изучить характерные особенности методов работы того или иного иностранного государства и те приемы, при помощи которых они пытались вмешаться в нашу гражданскую войну. Для войны будущего это может дать ряд чрезвычайно интересных и поучительных выводов, ибо те основные империалистические группировки, которые вмешивались в нашу гражданскую войну, сохранились по сегодняшний день; они и сейчас лелеят мечту о новой интервенции. Англичане опять, вероятно, появятся со стороны Прибалтики и севера, французы придут с юга. Десантные операции на Черноморском и Кавказском побережьях откроют страницы новой войны. Белая контр-революция также подчистит старые лозунги о «великой и неделимой» и также безуспешно будет продавать себя тому, кто в данный момент из числа интервентов будет более богатым.

Но, вместе с тем, тот же историк гражданской войны констатирует крах всех этих весьма плохо проведенных интервенционистских попыток. Он констатирует, что те внутренние противоречия, которые раздирали интервентов между собой, еще существуют и поныне; благодаря этому, война будущего кроет в себе для нас ряд благоприятных предпосылок.

ОРГАНИЗУЮЩИЕ СИЛЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Итак, в своеобразных условиях распада царской армии, ликвидации царского режима и керенщины, в условиях захвата власти пролетариатом, в империалистическом окружении и вмешательстве начала развертываться гражданская война. Количественно и качественно силы борющихся сторон растут: на красной стороне—от

малочисленных красногвардейских дружин до $5^{1}/_{2}$ млн. бойцов; не меньшее количество имели на своей стороне и белые. Перед исследователем сразу станет вопрос: кто организовывал эти силы, какими методами и с каким результатом?

На стороне белых конец 1917 и начало 1918 года характерны тем, что их движение возглавлялось и проводилось внутренними силами. Германский и затем антантовский империализм помогали белым и тогда, но они переоценивали действительную силу белых, полагая, что они сами быстро покончат с советской властью. Вот почему белые обнаруживали тогда известную самостоятельность в своих действиях, и с ними по ту сторону рубежа кое-кто считался. Полнейший разгром калединщины, корниловщины, красновщины, скоропадщины на юге, учредиловцев на востоке, чайковщины на севере заставляет Антанту перейти от содействия к прямому руководству белым движением. Колчак, Деникин, Юденич, Врангель уже являются слепыми исполнителями воли приставленных к ним миссий иностранных армий. Несогласованность в действиях белых надо скорее отнести за счет противоречий, раздиравших самих интервентов между собою, чем за счет несомненного скудоумия белых генералов, которые в достаточной степени были объединены ненавистью к нам, но которые фактически были бессильны в чем-нибудь изменить создавшуюся обстановку.

К этому наглому союзу феодальных и капиталистических кругов с иностранными интервентами постепенно примыкают,—сначала скрытно, а затем и явно,—разные социалистические партии; многие из них фактически подготовили приход к власти самой черной реакции. История предательской работы этих «социалистов» внушает чувство величайшего омерзения, и если их действия заслуживают изучения, то разве только с той целью, чтобы лишний раз дать возможность известной части международного пролетариата извлечь для себя некоторые полезные поучения, той именно части, которая, находясь накануне крупных революционных событий, все еще продолжает верить своим вождям из лагеря социал-предателей, родных братьев наших меньшевиков и эсеров. Ко второй половине 1918 года, или, вернее говоря, к началу 1919 года, красные уже имеют перед собой единый фронт белых, но без единой политической программы и без единого организационного построения.

История борьбы рабочего класса России с попытками реставрировать старый строй характерна обилием всякого рода государственных образований на стороне его противников. В самом деле, с какими только армиями не пришлось иметь дело Красной гвардии, а затем и Красной армии? То они имели перед собой чехословацкий корпус или германские дивизии—остатки старой армии, но сохранившие все ее черты и свойства, то имели перед собой

казачью милицию Краснова, то эсеровскую армию учредиловцев на Волге, то армию Деникина, построенную по образцу старой армии, нисколько на нее не похожую, то наемные войска немецкого генерала Бермонта в Прибалтике, то национальную армию в Польше или бандитские армии и шайки Махно, и т. д. и т. п.

Всюду у белых был разный подход к рядовой массе бойцов, к командному составу, к гражданскому населению, к иностранным армиям и к красным, когда они вступали с ними в борьбу. Наиболее характерное для белых, это—искание вождей, вечная игра в атамановщину, стремление подчинить себе массы путем применения грубой вооруженной силы. Изучать эти особенности как государственного аппарата того или иного белого противника, так и его системы организации вооруженных сил и методов ведения с нами войны, является для историка гражданской войны абсолютно необходимым. Важнейшим выводом будет то, что наша советская система оказалась наиболее жизненной и победоносной в сравнении со всем этим калейдоскопом государственных образований.

Белые сразу столкнулись с необходимостью привлечь на свою сторону крестьянские массы. Они попытались отстранить крестьянские массы в некоторых местах, в частности, на Волге и на Урале, от участия в своей схватке с пролетариатом лозунгом нейтралитета. Из этого ничего не вышло. Затем началось сколачивание кулацких элементов и, как последний этап, это—под прикрытием классовых дружин или иностранных штыков насильственная мобилизация крестьянства. Всякая попытка белых склонить крестьянство на свою сторону идеологическим путем оканчивалась крахом, ибо вслед за белым генералом шел помещик и земский начальник; никакие декларации и обещания не могли разуверить широкие трудящиеся массы крестьянства в том, что белые не собираются восстановить ненавистный крестьянству феодальный режим. Это обстоятельство предопределило постепенный отход крестьянских масс от белых и это же обстоятельство для будущей войны будет иметь немаловажное значение, ибо всякое нападение на советскую власть одновременно означает и нападение на завоевания трудящихся масс крестьянства, а опыт гражданской войны наглядно доказывает, как крестьянство реагирует на такие попытки.

Понятно само собою, что всякие попытки белых привлечь на свою сторону рабочий класс были беспочвенны; будет справедливо отметить, что белые в этом особенно не упорствовали, сразу взяв курс на уничтожение активных сил рабочего класса. Даже мелкобуржуазные слои городского населения, не особенно сочувствовавшие диктатуре пролетариата, и те вскоре отвернулись от белых, видя их полную беспомощность в деле налаживания государственной жизни. Постоянная зависимость от иностранных штыков и денег,

распыленность, а подчас и отсутствие всякой внутренней базы, противоречия внутри, организационный и идейный разброд вообще, полнейшее неумение справиться с труднейшим делом организации масс,—все это, в конечном счете, предопределило крах белых, как организаторов свержения советской власти. Мы в течение последних лет являемся непосредственными свидетелями того, как белая эмиграция пытается разобраться в своих ошибках, как она безрезультатно стремится создать единый идеологический фронт против нас, как с каждым днем тают их ряды и как постепенно отворачиваются от них «могущественные покровители». Взоры последних, как известно, сейчас обращены почти исключительно в сторону тех окраинных буржуазных республик, которым удалось добиться самостоятельного существования вдоль нашей западной границы.

Значит ли эта перемена ориентации, что в войне будущего нам не придется иметь дело с белыми?—Отнюдь нет. Белые обязательно появятся, хотя бы на второстепенных ролях; они будут зачинщиками целого ряда враждебных нам мероприятий, они постараются подвести под будущую с нами войну соответствующую «идеологию», они заполнят ряды контр-разведок и карательных отрядов, они опять будут по найму изображать «правительства» и т. д. Вот почему нам следует тщательно изучить все приемы белых в гражданской войне, хотя в войне будущего руководящая роль будет с первых дней в руках крупных империалистических держав.

Положение красных было также нелегким. Сравнительно малочисленные пролетарские боевые дружины, при поддержке некоторых революционно настроенных полков старой армии, не только успешно совершили Октябрьский переворот, но и смогли задушить в корне первые зародыши внутренней контр-революции. Победы над Корниловым, Калединым, Украинской радой, польскими легионерами, Дутовым и даже над румынами в Бессарабии доказали достаточную для всего этого мощь пролетарской вооруженной силы. Но затем на смену жалкой белогвардейщине выступил германский империализм, а затем и хищная Антанта. Ясно, что в этих условиях Красная гвардия от побед перешла к поражениям.

Тем не менее, несмотря на всю свою краткосрочность, красногвардейский период уже положил прочные основания вооруженным силам красной стороны; он выявил первый боевой опыт и все своеобразие гражданской войны по сравнению с мировой войной. Тут же выковывались первые вожди. Игнорировать влияние красногвардейского периода, несмотря на его скоротечность, никак нельзя.

Пролетариат в первой половине 1918 года начинает терпеть поражения и, понимая необходимость численного увеличения своих сил, обращает свои взоры на крестьянство, которое в борьбе красногвардейского периода почти никакого участия не принимает, так

как оно занимается дележкой помещичьей земли и устройством новой жизни. Постепенно, сначала в прифронтовой полосе, а затем на остальной территории, оно с середины 1918 года начинает втягиваться в гражданскую войну. Лозунг Ленина—«Нам нужна трехмиллионная армия», по существу говоря, определяет политику пролетариата по вовлечению крестьянских масс во вновь организуемую Красную армию. По тогдашнему времени этот лозунг казался неосуществимым, ибо слишком велика была разница между этими желательными тремя миллионами и тем числом красногвардейцев, которое мы фактически имели в первой половине 1918 года. Даже наиболее щедрые историки не могут назвать цифру боеспособных красногвардейцев бо́льшую, чем в 100—150 тысяч. Тут же мы должны отметить, что прогноз Ленина, что крестьянство пойдет в борьбе с белыми за пролетариатом, вполне себя оправдал, ибо к концу гражданской войны мы имели не только 3-миллионную армию: $5^{1}/_{2}$ миллионов бойцов стояло под красными знаменами.

Однако такое вовлечение крестьянских масс досталось пролетариату и его партии не легко. Крестьянство пыталось в борьбе с белыми выступать иногда, как самостоятельный фактор. По существу говоря, борьба красных на Украине и на Северном Кавказе в 1918 г. являлась типичной крестьянской войной; то же можно сказать о действиях сибирских партизан. Но скоро эти самостоятельные попытки крестьянства были ликвидированы, и провал крестьянской милиции в борьбе с белыми заставил их искать более прочного руководства. К середине 1919 года определился окончательный переход бедняцких и середняцких крестьянских масс на сторону красных. Английский генерал Нокс, военный советник адмирала Колчака, пишет в это время своему правительству: «Можно разбить миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то бесцельно помогать белым».

Переход на нашу сторону трудового крестьянства совершался на одних фронтах более быстро, на других медленнее, но результат был один и тот же. Ряды белых уменьшались, а силы красных непрерывно возрастали. Процесс завоевания пролетариатом влияния на крестьянские массы должен служить одним из существенных моментов для историка гражданской войны.

Не всюду и не все крестьянство легко втягивалось в гражданскую войну. Оно часто оказывало то пассивное, то активное сопротивление организующей политике пролетариата. От явного бандитизма до скрытого дезертирства—вот амплитуда колебаний настроений крестьянских групп. Пролетариату приходилось особенно чутко изучать особенности крестьянских настроений отдельных районов, ему пришлось всю свою политическую воспитательную работу внутри армии построить в значительной степени на изживании крестьянских настроений. Для

Было бы ошибочным думать, что в минувшей гражданской войне обе стороны организационно овладели теми массами, которые процессом развертывания гражданской войны были втянуты в борьбу. Изучая историю гражданской войны, мы встречаем десятки и сотни примеров повстанчества на разных фронтах и в разных формах; очень часто действия повстанцев протекали вне организационного влияния главных сил белой или красной стороны. Огромные размеры плацдармов гражданской войны, малочисленность дравшихся организованных войск, быстрый темп операций, сильное влияние местных особенностей социального или национального порядка, на ряду с естественной ненадежностью местного, только-что созданного аппарата,—все это создавало богатые предпосылки для развития повстанчества и партизанской борьбы. Если для повстанчества, благодаря укреплению государственного аппарата, как у нас, так и у наших возможных противников, в войне будущего нет таких блестящих перспектив, как в гражданской войне, то для применения партизанских методов действий остается богатое поле. Классовый характер будущей войны это нам гарантирует. Вот почему исследователь опыта гражданской войны должен внимательно изучить опыт повстанчества и партизанской борьбы, с особой любовью и вниманием останавливаясь, на красном повстанчестве и партизанстве.

КРАСНАЯ АРМИЯ КАК МОЩНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФАКТОР

Эффект побед Красной армии углублялся не только военной стороной этих побед, но и их политическим содержанием. Еще Красная гвардия своим мощным вихревым движением помогла советизировать всю территорию Советской Республики, изгнав жалкие остатки старого режима. Временное господство белых давало наглядные уроки реставрации старого режима, и когда Красная армия освобождала эти области, то ее встречали не только как избавительницу от гнета белых, но и как мощный фактор строительства новой жизни. Во время гражданской войны в Красную армию были брошены лучшие силы партии и профсоюзов. Эти силы не только укрепляли ряды Красной армии, но и помогали строить советскую власть на занимаемых территориях.

Красная армия была лучшей школой воспитания крестьянского молодняка; эти традиции она сохраняет по сие время. В результате жесткой продовольственной политики и наступившей разрухи крестьянин-середняк часто колебался в своем отношении к советской власти, но в вопросах обороны, в своем отношении к Красной армии он неизменно оставался на одной позиции—решительной и безоговорочной поддержки. Такая любовь трудящихся масс к Красной армии сыграла немаловажную роль в наших победах; историк гражданской войны должен внимательно изучить все формы связи,

которые устанавливались во время войны между Красной армией и трудящимися массами, дабы этот опыт мог быть использован нами в войне будущего; методы мирного времени по укреплению связи Красной армии с гражданским населением не могут быть полностью перенесены на военное время.

Красная армия была не только внутренним двигателем революционного строительства нашего Союза, но и мощным фактором международного значения. Своей мощью она заставила иностранную буржуазию отказаться от интервенционистских попыток, своей мощью она привлекала к себе сердца трудящихся всего мира. Это можно усмотреть не только из многочисленных резолюций и статей, помещенных в западно-европейской рабочей печати, но и из целого ряда фактов, как отказ английских рабочих грузить снаряжение для белых армий, как образование комитетов «Руки прочь от Советской России», как отказ германских железнодорожников пропускать эшелоны для белой Польши и т. д. Историк изучит все эти факты и укажет, что в войне будущего надо добиться такого же взаимодействия между боевыми действиями Красной армии и международным революционным движением, как это имело место в гражданской войне.

ЭВОЛЮЦИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ФОРМ

От крайне важного анализа политических факторов историк гражданской войны перейдет к изучению военной стороны гражданской войны. Здесь, прежде всего, его пытливая мысль встретится с блестящими образцами оперативных приемов и форм, столь отличных от тяжелых и медлительных позиционных операций мировой войны.

Изучение эволюции оперативных форм приведет к тому выводу, что эти формы отвечали той общей обстановке, в которой развертывалась та или иная операция или группа операций. Попробуем быстро пробежать по наиболее типичным примерам.

Операции Красной гвардии отражали стремление пролетариата центров утвердить свое господство на окраинах. В своих эшелонах красногвардейские отряды быстрым темпом окружали гнезда контрреволюции, изолировали их и уничтожали. Против Украинской рады с севера наступает Берзин, с востока—Егоров, с запада—гвардейские дивизии старой армии; против контр-революционного Каледина с запада наступает Сиверс, с севера—Саблин и Петров, с востока—царицынские отряды, а с юга -революционные моряки и революционные части развалившегося Кавказского фронта мировой войны. Охватываемые кольцом разнообразных и разнокалиберных красногвардейских отрядов, очаги белой контр-революции быстро гибли.

Наступает следующий период, когда малочисленная Красная гвардия не смогла справиться с перешедшими в наглое наступление германскими дивизиями, а Красная армия еще не сформировалась.

Мы переходим к тактике завес с целью выигрыша времени. Под прикрытием этих завес, в обстановке отдельных местных боев, идет реорганизация красногвардейских отрядов и зарождение красноармейских дивизий. По мере укрепления этих частей мы переходим в наступление против белых армий, сформировавшихся, под прикрытием сначала германских, а затем антантовских штыков. Тактика завес сказывается на первых операциях в середине 1918 г., когда наши части, сохраняя кордонный порядок, стеной наступали против Краснова или Колчака. Понятно, что эта кордонная стратегия не смогла дать больших результатов. Нужно было перейти к маневру.

Первый блестящий пример такого маневра историк найдет в Бугурусланской операции Южной группы Восточного фронта под командованием тов. М. В. Фрунзе. Прямым продолжением этого маневра является не менее блестящая операция по захвату Златоуста, проведенная т. М. Н. Тухачевским. На Южном фронте (командфронт А. И. Егоров) во второй половине 1919 года в Орловской операции мы видим попытку охвата противника с двух сторон, в то время как Бугурусланская и Златоустовская операции ударяли лишь по одному флангу противника. В Орловской операции удар Буденного в направлении на Касторную и латышей и конницы Примакова в направлении на Курск пытаются возродить «Канны». Но полностью этот замысел не удается, хотя операция обозначила начало разгрома Деникина. В операции 1919 года против Юденича мы снова видим возрождение маневра тов. Фрунзе под Бугурусланом, наш ударный кулак отбрасывает одно крыло противника и выходит на его сообщения.

Однако идея охвата с двух сторон все еще стремится возродиться. Операция в 1920 году на полях Таврии мыслится тов. Фрунзе, как уничтожение Врангеля путем охвата его с двух флангов. Этот охват не вполне удается, и здесь наша Красная армия вынуждена решить операцию прорыва Перекопских, а затем и Юшуньских позиций.

Плотность фронта возрастает, усиливается выучка войск; мы к концу гражданской войны технически овладеваем оперативными формами, примерно, в таком же объеме, как старая армия в 1914 и в первой половине 1915 года.

Историк гражданской войны не пройдет мимо поучительных выводов неудачного исхода второй половины войны с белополяками. Он учтет при этом среди других факторов неприспособленность нашего железнодорожного транспорта к оперативным переброскам, он поймет трудность сочетания действий двух фронтов, он убедится, что между политическими задачами и оперативными возможностями тогда образовался огромный прорыв.

Изучая эволюцию оперативных форм, историк гражданской войны сделает ряд поучительных выводов для подготовки нашего Союза к войне будущего. Он настоятельно потребует культа лучших

традиций маневренных операций гражданской войны. Он потребует, чтобы мы овладели техникой оперативных перебросок. Он укажет на то, что борьба по внутренним операционным линиям, столь характерная для гражданской войны, безусловно сможет возродиться и в войне будущего, учитывая капиталистическое окружение нашего Союза. Он справедливо укажет, что по своей красоте оперативная мысль вождей Красной армии нисколько не уступит лучшим образцам стратегии Наполеона и Мольтке. В истории гражданской войны представится возможным найти бесконечное количество примеров для учебы нашего высшего начальствующего состава. Но если исследовательская мысль пожелает от изучения операций подняться к вершинам стратегической мысли, то и здесь история Красной армии даст богатейший материал. Проблема фронта и тыла в гражданской войне, маневрирование живой силой и материальными ресурсами, выбор главного противника ценой жертв на других фронтах, увязка стратегических проблем с оценкой международного движения,—все это может быть изучено на базе ряда конкретных фактов из опыта гражданской войны.

Когда же в других случаях историк встанет перед задачей изучить не комплекс операций, а одну из них, т.-е. углубиться в оперативные детали, то он должен будет; а) ответить на вопрос, какие военные и политические цели преследовали обе стороны в изучаемой операции; б) ответить на вопрос, какова была насыщенность фронта живой силой и техникой, исходя из расчета на один километр; в) определить темп операции для обеих сторон; г) в двух-трех примерах дать своему читателю представление о наиболее характерных оперативных и политических приемах, наблюдаемых в данной операции, и, наконец, д) подвести итоги и определить военное и политическое влияние этой операции на дальнейший ход событий.

Перед всем коллективом историков гражданской войны стоит огромная задача—составить точные хронологические таблицы и карты по каждому дню гражданской войны и, наконец, дать общий очерк работы полевого штаба по взаимодействию фронтов. Не менее важно вскрыть военные архивы белых. Значение и смысл этой работы не нуждается в доказательствах.

ЭВОЛЮЦИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ФОРМ

Здесь перед нами также встанут интересные вопросы. В самом деле, тактические действия в гражданской войне развертывались на разных фронтах в разное время и в разных условиях. Эшелонная война, маневренные действия, быстрый отход, стремительные прыжки вперед, борьба в снежных горах Карелии или жгучих степях Туркестана, форсирование рек Сибири или Крымских перешейков, славные действия конницы, борьба пехоты с танками,—все это

может быть изучено на базе исторических примеров из гражданской войны, и не только изучено, но и воспето, как лучший пример для будущего. Необходимо дать конкретный материал для воспитания лучших традиций в войсках Красной армии. Мы побеждаем в гражданской войне технически более сильного противника, и разве требование победы в таких условиях не будет предъявлено к нам и в войне будущего?

На определенном этапе развития Красной армии, на том или ином участке фронта, на тактических формах боевых действий сказывались следующие факторы: а) количество войск; б) изобретательность, инициатива командного и политического состава в выработке способов борьбы; в) влияние местных условий; г) своеобразное использование отдельных родов оружия (пехота на подводах, импровизированные бронесилы, тачанки); д) постепенный качественный прогресс боеспособности наших сил; е) сочетание политработы с боевыми действиями.

Тут необходимо постоянно проводить параллель с соответствующими тактическими действиями белых, у которых мы не мало коечего заимствовали; крайне интересно проследить идейное влияние тех военных специалистов, которые с середины 1918 года помогли пролетариату построить советскую вооруженную силу. Здесь интересно проследить тактический рост командного состава, вышедшего из рабоче-крестьянской среды.

Если в области оперативного искусства наша гражданская война дала блестящие образцы маневренных операций для войн будущего, то, к сожалению, с изучением тактического опыта гражданской войны у нас до сих пор дело обстоит плохо. Обстановка мирного времени характерна однообразной системой обучения на всей территории Союза. Это обучение ведется, в основном, по тяжеловесным западно-европейским образцам, а, между тем, война будущего мыслится нами, как война маневренная; подготовка к этой войне очень многое должна была бы взять от тактических приемов гражданской войны.

Исследователь должен будет найти в тактике гражданской войны то ценное, что пригодится для войны будущего, и указать то, что было свойственно только данной обстановке и вряд ли пригодится для повторения.

ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Мы должны указать, что без тщательного использования опыта гражданской войны мы будущей войны не выиграем. В этой войне примут участие те же кадры и тот же командный состав, который выковал себя в огне гражданской войны. Мы начнем новую войну в целом ряде вопросов с повторения последних дней гражданской войны.

Основные проблемы движущих сил нашей страны останутся такими же мощными и действенными факторами, как и в гражданской войне. Военный союз рабочего класса с крестьянством будет обязателен и для будущей войны. Руководящая роль пролетариата и формы проведения этого руководства останутся почти теми же, что и в гражданской войне. Мировая буржуазия повторит те же методы сплачивания контр-революционных сил, что и в войне гражданской, но только, может - быть, более опытной рукой. Несомненна наша связь в войне будущего с международным революционным движением. Географические элементы нашей пограничной полосы за последнее десятилетие не изменились. Железнодорожная сеть, качественно улучшившись, количественно вовсе не так возросла.

Конечно, нельзя забывать ни на одну минуту того, что за десять лет существования советской власти мы добились огромных успехов во всех областях, в том числе и в области строительства вооруженных сил. На это придется в наших рассуждениях о характере будущей войны сделать весьма существенные поправки, но мы утверждаем, что война будущего будет иметь очень много черт, сходных с минувшей гражданской войной, ибо она будет такой же войной, классовой по существу и маневренной по характеру ведения операций, как и минувшая гражданская война 1918—1919 гг.

Одно последнее пожелание—это, чтобы к изучению опыта гражданской войны мы подходили с абсолютной объективностью. Нам нужна правда, и только правда. Мы не хотим ложной героики и необоснованных выводов. Мы не боимся правды,—нам не перед кем лгать. То, что мы в конце концов в тягчайших условиях победили, будет лучшим оправданием тех недочетов и ошибок, которые выявлены будут историком гражданской войны.

